ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

Валерий Елманов

Княжьи мушкетеры

Проклятое золото храмовников

МУЖСКОЙ КЛУБ

«КРЫЛОВ»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Двум российским операм, попавшим в XIV век, судьба подкидывает одну загадку за другой. Какова судьба детей города Гамельна и что за странная дудка была в руках крысолова, который увел их за собой? Куда подевалось золото тамплиеров, разыскиваемое по всей Европе святой инквизицией? Как избавить от пыток испанку, объявленную еретичкой и злой ведьмой? И наконец, кто виновен в смерти сестры татарского хана Узбека, внезапно умершей в Твери? И на все это им предстоит найти ответы, причем срочно, а заодно подумать, как спасти от казни тверского князя Михаила Ярославича – единственного, кто достоин вывести Русь на бой с ордынскими полчищами.

- Валерий Елманов
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог. Затишье перед бурей

Валерий Елманов
Проклятое золото храмовников

© Елманов В., 2017
© ИК «Крылов», 2017

* * *

Памяти моего брата Александра Миленина посвящается…

Пролог. Затишье перед бурей

Петр проснулся резко, словно кто-то толкнул его в бок. Торопливо сев на своей постели, он с силой потер виски и застыл в раздумьях, но ненадолго. Спустя минуту он уже одевался, а когда поднялся Улан, обычно просыпавшийся гораздо раньше своего друга, тот уже сидел за столом и что-то сосредоточенно строчил на третьем по счету бумажном листе. Еще два, заполненные мелким убористым почерком, лежали на краю стола.

– Небывалое явление, – прокомментировал Улан. Вся канцелярская работа в их дуэте обычно возлагалась на его плечи. – Мой побратим-одессит Петр Сангре взял в руки перо. Самолично. Без многочасовых коленопреклоненных просьб. Без угроз и суровых санкций. Вот любопытно, ты с цепи сорвался или тебя муха укусила? И кому это ты решил с утра пораньше эпистолу отправить, тратя драгоценные листы?

– Зря что ли я цельную пачку у секретарей Гедимина позаимствовал? Вот и решил попользоваться. А чего это тебя на столь беспощадную самокритику потянуло? – рассеянно откликнулся Петр, продолжая что-то быстро строчить на бумаге, периодически макая перо в здоровенную чернильницу.

– На какую самокритику?

– Ну как же. Вон, про санкции заговорил, то есть решил себя вконец опозорить, на одну доску с Евросоюзом поставив, а у тебя, насколько я знаю, с мозгами все в порядке.

– Ты мне зубы не заговаривай. Лучше сразу колись, кому строчишь?

– Не кому, а что, – очень серьезно, почти торжественно поправил друга Петр. – Записки для потомков.

– И, пыль веков от хартий отряхнув, правдивые сказанья перепишет, – понимающе кивнул Улан.

– Надо ж сообщить, как мы сюда попали, чтобы народ от болотного тумана предостеречь.

– Всенепременно, – преувеличенно серьезно согласился Улан, и посоветовал: – Только побольше страху нагони, чтоб прониклись. Как там… – он ненадолго задумался, припоминая, и завывающим голосом произнес: – Сему провидению препоручаю я вас, дети мои, и заклинаю: остерегайтесь выходить на болото, именуемое Красный мох, особенно когда на него спускается туман и силы зла властвуют безраздельно.

– Это твой баскервильский шутка, да? – мрачно поинтересовался Сангре. Улан кивнул. – Хорошо, я обязательно

сделаю ха-ха в твою сторону, но таки потом, когда допишу. Кстати, имей в виду: строчу я в первый и последний раз. Это твои музыкальные пальцы созданы для сюрикенов и гусиных перьев, а мои совсем для другого: сабля, меч, копье, арбалет, на худой конец нож и в крайнем случае кузнечный молот. Ферштейн?

– Нихт, – не согласился Улан, бегло проглядывая исписанные листы, и пояснил: – Как я вижу, мне добавлять-то уже нечего – ты все успел написать. И про то, как мы сюда попали, угодив в туман на болоте, и про то, как нас по пути медведь чуть не загрыз, и как меня выходила местная деревенская знахарка Заряница, и как я позже по незнанию показал дорогу убегающему от тверичей московскому князю Юрию Даниловичу, и как нас за это чуть не повесил Дмитрий. Кстати, рекомендую указать, что он – сын тверского князя Михаила Ярославича и возглавлял погоню за Юрием, а то читателю будет непонятно. А почему ты не написал, что мы не просто развернулись и поехали на Запад, а вынуждены были это сделать, чтобы нас не прикончили по приказу озлившегося тверского боярина Ивана Акинфича? А озлился он за то, что я выиграл у него «божий суд», а если проще, то победил в рукопашном бою без правил. И про то, как мы его в заложники взяли, промолчал, и про то, как напугали божьей карой, чтобы он нас не преследовал, тоже упустил.

– Критиковать легко, – буркнул Сангре. – Вот взял бы сам и написал.

– Ну почему ж только критиковать, – добродушно возразил Улан. – Дальше у тебя все нормально идет, даже здорово. И как мы на святилище литовское напоролись, рыцарями разоряемое, и как крестоносцев валили, и как по просьбе Кейстута организовали для литвинов взятие тевтонского замка, – он бегло пробежал глазами по остатку текста и похвалил друга. – А про Римгайлу вообще очень деликатно написано. Согласилась не отнимать у нас пленных, потому как добра душой, ибо является жрицей богини любви. И никаких подробностей про твой тяжкий труд, из-за коего она и подобрела.

– Смеешься, – проворчал порозовевший от смущения Сангре.

– Да нет, наоборот, восхищаюсь твоей скромностью. И насчет выкупа за пленных крестоносцев ты тоже всю правду написал, не утаил, что лопухнулись мы и фальшивые гривны у монахов взяли. Кстати, а почему ты не указал, что бывшего тамплиера крестоносца Бонифация инквизиторы выкупали у нас из плена только для того, чтобы подвергнуть парня жестоким пыткам, выведывая у него невесть какие тайны? И про его кузину Изабеллу тоже ни слова. А ведь с нею еще больше загадок связано. Коль она, узнав про то, что Бонифация собрались

выкупать инквизиторы, настоятельно просила нас отказать им, суля заплатить за своего двоюродного братца втрое больше, значит, знала, что с ним сотворят. Откуда? И почему у нее три года назад вдруг возникло желание поменять постоянное место жительства. И ладно бы она переехала из Испании куда-нибудь во Францию или в Англию, а то ж в Галицко-Волынские земли. Вообще-то местечко не из тихих.

– Ты сам и ответил, – пожал плечами Сангре. – Потому и не упоминал, что пока у нас сплошные вопросы, а они потомку-читателю без ответов не нужны. Вот выясним, тогда и… Кстати, напомни-ка, во сколько именно у нас договорено с нею встретиться?

– Завтра в полдень, – быстро ответил Улан и, выглянув в маленькое слюдяное окошко, заметил: – Вообще-то лучше бы нам сегодня туда заранее наведаться, чтобы завтра точно знать, где тот постоялый двор и сколько до него отсюда добираться.

– Да мы и так не заплутаем. Вспомни, что Кейстут сказал. На окраине города, на дороге, ведущей к Владимиру-Волынскому. Ничего, – отмахнулся Петр, – авось Берестье – городок маленький, не думаю, что постоялых дворов там много. Скорее всего, он вообще один-единственный, влет найдем. Так что лучше всего вначале заняться поиском специалиста по фальшаку, а то как бы опять чего не вышло…

– Сами управимся, – досадливо отмахнулся Улан. – Разломаем и увидим.

– Это если она заплатит нам за своего двоюродного братца гривнами, – хмуро возразил Петр. – А если в ее флоринах или дукатах золота меньше чем меди, тогда как? Я, например, в подобного рода сплавах дуб дубом, а наступать второй раз подряд на те же самые грабли желания не испытываю.

– Сам же сказал, что городок маленький, – успокоил Улан, – так что и постоялый двор найдем, и какого-нибудь менялу отыскать успеем. И вообще, ты, по-моему, совсем не о том беспокоишься и ставишь телегу впереди лошади.

– В смысле?

– Ну-у, пока неизвестны ни окончательная сумма выкупа, ни в какой валюте она ее выплатит, не говоря уж о том, когда и где. Вот прояснится ситуация, тогда и станем думать, как проверить ее монеты на подлинность. А сейчас, учитывая ее горячую письменную мольбу не продавать кузена, ясно лишь, что сам выкуп у нас почти в кармане. Но и то *почти* , – повторил Улан, сделав нажим на это слово.

– Перебираешь ты с осторожностью, – возразил Петр. – Не забудь, ее прежнюю обеспокоенность сегодня надо помножить как

минимум на десять. Не зря ж мы продемонстрировали ее гонцу, в каком состоянии нынче ее братишка. Значит, она может привезти выкуп прямо с собой и рассчитаться с нами уже завтра. Кстати, у меня ощущение, что у нее именно такое намерение. Получается, желательно быть готовыми ко всему.

– Твоими бы устами… – задумчиво протянул Улан. – Но мне отчего-то кажется, что не все так легко и просто.

– Мнительный ты стал, Сидор, – посетовал Петр, постаравшись скопировать голос атамана батьки Бурнаша. – Ой, мнительный. Уже и мне не веришь, а зря, ибо коль твой закадычный старинный друг говорит, что ныне у нас казачок точно не засланный, то…

Закончить свою мысль он не успел: дверь скрипнула, открываясь, и в проеме возник хозяин хором и наместник князя Давыда в Берестье воевода Олелько. Большой и грузный, с красноватым от мороза лицом, он, тяжело отдуваясь, произнес:

– Вота стало быть решил самолично зазвать вас на трапезу.

– Это дело, – одобрил Улан, а Сангре, не удержавшись, добавил:

– Как говорили древние греки в Нижнем Тагиле, утреннюю пайку схавай сам, обеденную шамовку подели с корефаном, а ужин засунь в хлебало своего врага – пусть подавится, падла.

Лицо воеводы вытянулось от удивления – вроде бы по-русски сказано, но ничего не понятно, и Сангре, сжалившись, воспроизвел фразу вторично, но изрядно сократив ее за счет специфических терминов. Олелько тут же согласно закивал, расплылся в улыбке и они все вместе подались вниз по неимоверно скрипучей лестнице, где их уже поджидал богато накрытый стол и сидящий за ним любимец кунигаса Гедимина городненский князь Давыд.

– Завтракать стоит хотя бы для того, чтобы не терзаться мыслями о навсегда покинутом нами двадцать первом веке, но с самого утра убедиться в неких ароматных, вкуснющих и экологически чистых преимуществах средневековья, – негромко заметил Сангре, усаживаясь на лавку и хищно оглядывая содержимое здоровенных блюд, выбирая, с чего начать.

И ни он, ни сидящий рядом с ним Улан, даже не подозревали, что отведенная им судьбой передышка от приключений, и без того маленькая, всего в несколько дней, почти на исходе…

Глава 1. Планы меняются

Планы на сегодняшний день у друзей были скромные – можно сказать, крошечные. Всего-то и надо было: посмотреть, где

расположен постоялый двор, определенный для завтрашней встречи, да заглянуть, по настоянию Петра, к местному предку будущих банкиров. Да к тому же его меняльная лавка, как подсказал воевода Олелько, находилась в том самом посаде, что и постоялый двор, получалось. Как выразился Сангре: «Одним маршрутом убьем сразу двух зайцев».

Правда Олелько предостерег, что меняла Монька – тот еще гусь.

– Как я понимаю, Монька – это Мойша, в смысле Моисей? – подвел итог Сангре и, получив подтверждение от Олелько, укоризненно протянул: – Ну и что ж вы так на него наехали? Учитывая, что князь Владимир Мономах вытурил их всех из Руси, этот… гм, гм… представитель избранного богом народа скорее всего один из самых последних, а может, вообще единственный. Так сказать, уникум.

– Ничего он не кум, – проворчал Олелько. – Мономах-то, может, их и выгнал, зато Даниил Романович сызнова на своих землях принял.

– О как! – удивился Петр. – Сам князь Галицкий! А чего это он их так возлюбил-то?

– Да он всех возлюбил: и немцев, и ляхов, и даже фрягов на свои земли зазывал. Деваться-то некуда: половину людишек татаровья побили, – и его недобрый взгляд скользнул по Улану, – а остатнюю половину они же в полон забрали, и как ему быть? Тут и черта возлюбишь, не то что… Само собой и леготы всякие сулил, чтоб соблазн был, а жиды[1], про леготы услыхамши, тоже вслед за прочими подались. Ну а братец князя Даниила, Василько Романович, недолго думая, тако же на Волыни поступил. Вот с тех самых пор они тута и обретаются… Нет, когда Гедимин эти земли под свою длань принял, кой-кто уехал, а вот ныне, убедимшись, что им ничего не грозит, сызнова возвертаются. Хотя с другой стороны взять, господь и жидов манной кормил. Это я к тому, что и от них польза изрядная случается, особливо ежели на торжище к волынянам ехать и надобно деньгу поменять, али вовсе ее нету, а нужна дозарезу. Дерет он, конечно, много, зато завсегда помогает, без отказу. А что реза[2] излиха велика, так тут сам мысли: осилишь ее али нет.

– С жидом дружись, а за топор держись, – вновь встрял князь Давыд и, лукаво улыбнувшись в свои длинные пшеничные усы, подсказал друзьям. – А к Бутрыму вам лучше попозжей заглянуть, когда гусляры с дудошниками играть начинают. И ежели девок сладеньких возжаждется – с оным тоже под вечер. А до того я вас могу округ града провезть, – покажу, сколь велико пожгли тут с прошлого лета, да сколь ныне сызнова возвели. А там как знать –

глядишь и присоветуете нам с воеводой чего-нито.

Кое-как отбоярившись от князя с его назойливыми предложениями составить компанию, друзья отправились на прогулку, как и хотели, то есть инкогнито. Причину этого изложил Сангре. Мол, с Монькой-Мойшей лучше всего договариваться, будучи одетыми во что-нибудь попроще, – меньше сдерет за свои услуги. Да и сопровождающие такие тоже лишь во вред. А вот перед Изабеллой наоборот, в затрапезной одежонке светиться нельзя и потому они сегодня лишь аккуратно разведают, успела она прикатить в Берестье или нет.

– А при чем тут наш вид? – равнодушно пожал плечами Улан, услышав рассуждения друга. – Мы же не свататься приехали, а торговаться с нею.

– Не скажи, – усмехнулся Сангре. – Когда продавец нарядно одет, у покупателя язык не повернется слишком сильно цену на его товар скидывать. Герцогу можно и сто тысяч заплатить, а мужику и десятку отдать жалко. Так что появимся перед нею завтра в нарядных кафтанах из аксамита с позолотой, не зря ж с собой брали, и вообще все такие из себя, фу ты ну ты.

По той же причине – сохранение инкогнито – они не стали брать с собой никого из воинов, ограничившись одним Яцко – толмач всегда может понадобиться. Четвертым был слуга-провожатый от воеводы Олелько.

Как выяснилось спустя всего четверть часа, они бы преспокойно нашли постоялый двор и сами, ибо ошибиться было невозможно. Мало того, что он на дороге во Владимир-Волынский действительно был один, так вдобавок украшен грубо намалеванной вывеской, изображающей мужика с увесистой кружкой в одной руке и здоровенной поросячьей ногой в другой.

С минуту Сангре разглядывал рисунок и, скривившись, презрительно прокомментировал:

– Колорит а ля рюсс! Или правильнее сказать, укроп, а? – оглянулся он на Улана. Тот пожал плечами. – Короче, стремная бодега[3]: сплошное убожество и никакого художества… – подвел он безапелляционный итог и буркнул: – Ладно, поехали, потолкуем с менялой…

– Может, для начала сюда заглянем, – предложил Улан.

Сангре покосился на мрачного черного цвета глухой возок с крохотными слюдяными окошками, стоящий подле забора, и покачал головой:

– Скорее всего, это прикатила Изабелла, а раз карету еще не успели загнать вглубь двора, значит, прикатила совсем недавно и напороться на нее в таком виде… Мы с тобой еще куда ни шло, хотя далеко не комильфо, Яцко худо-бедно сойдет, но слуга у

Олелько – босота босотой. Лучше потом заглянем, когда он нам покажет лавку менялы и можно будет отпустить его обратно к воеводе, а дамочка пока пускай обустраивается, не будем мешать.

– Давай потом, – равнодушно согласился Улан, которому, в общем-то, было все равно.

Договориться с Моше бен Узиэлем Петру удалось довольно-таки быстро, всего за какой-то час. И добрую половину этого времени Улан с трудом удерживался от смеха – уж очень живописным выглядел торг. Стороны то расходились, то сходились снова, хлопали друг друга по рукам, трясли их, дружелюбно улыбаясь друг другу, а спустя минуту готовы были расплеваться и решительно расстаться, причем бесповоротно. Во всяком случае, внешне все выглядело именно так.

Впрочем, что там торг, когда одна сцена появления Сангре стоила весьма дорогого.

– Ба-а, глазам не верю, неужто это сам Моисей в своем знаменитом лапсердаке! – с самого порога заорал Петр. Широко распахнув объятия, он стремительно ринулся обниматься с опешившим от такого напора весьма скромно одетым хозяином, сидевшим за обычным деревянным столом, правда, покрытым суконной скатертью. – Боже, какие у тебя пейсы! Это ж мечта антисемита, – тиская хозяина, не переставал восторгаться он.

Что до результата самих торгов, то тут в очередной раз сказалось мастерство одессита, помноженное на практический опыт прогулок по Привозу. Моше, коего Сангре под конец переговоров называл попросту Моня, а то и вовсе Узилич, уступил три четверти из запрашиваемого поначалу. Взиравший под конец переговоров на Петра с явным уважением, он даже согласился взять с них позже за обычный обмен серебра на золото – буде таковой потребуется – половинный процент вместо обычного.

Довольный итогами Сангре, выйдя на крыльцо дома, блаженно зажмурился от светившего почти в глаза солнца и весело подмигнул Улану, не забыв пожаловаться на Мойшу:

– О, вэйз мир! Хватка такая, что бультерьер отдыхает. Но зато словно в родной Одессе побывал. Жаль, ненадолго. Теперь можно всей святой троицей к Бутрыму.

Троицей, поскольку еще до того, как зайти к меняле, Сангре отпустил слугу Олелько обратно к воеводе, велев передать, чтоб к обеду их не ждал, а появятся они ближе к вечеру, не раньше. Действительно, очередной зимний денек выдался столь погожим и приветливым, что не воспользоваться чудесной погодкой, прогулявшись в объезд всего Берестья, было бы просто грешно.

Дорога от дома Мойши до постоялого двора была короткой –

всего сотня метров. Как успел заметить Сангре, стоявший близ ворот черный возок уже исчез – очевидно, кучер или ямщик успел загнать его вглубь двора.

Спешившись и оставив Яцко привязывать коней, Сангре поморщился от истошного визга свиньи, доносившегося откуда-то из глубины двора – не иначе как резали – и заметил другу:

– Слушай, надо как-нибудь на досуге обучить местных жителей корриде.

– Зачем? – удивился тот.

– А что, прикольно. Прикинь, украинский тореадор с копьем против кабана. Пускай свиньи хоть помрут красиво.

– Так ты имел ввиду не быков?

Петр вздохнул:

– Уланчик, ну сколько можно говорить – одесситы никогда не повторяются… – он подумал и уточнил, – почти никогда, но если и да, то исключительно за необходимость успеха дела. Опять же и свинина куда вкуснее, чем говядина. А если местные идиёты в своих учебниках истории через семьсот лет напишут, что коррида существовала у них со времен динозавров и лишь потом ее у них сперли испанцы, гнусно переделав – таки пусть пишут, бо мне не жалко.

С этими словами он отворил скрипучую дверь и шагнул вовнутрь. Время было неурочное, и посетители отсутствовали, а потому все пять здоровенных столов, рассчитанных каждый на десяток человек, не меньше, пока пустовали. Недолго думая, Сангре, плюхнулся на ближайшую лавку, и, поморщившись, уставился на не сишком чистый стол.

– Вот такие трактиры и являются самыми злостными разносчиками гастритов и… прочих венерических заболеваний, – вполголоса заметил он Улану.

Хозяин по имени Бутрым, плешивый толстяк с оттопыренными ушами, уныло протиравший стойку, наметанным глазом вмиг определил, что путники прибыли издалека, моментально преобразился и захлопотал подле них.

– А что, отец, невесты в этом городе имеются? – небрежно осведомился у него Петр, приглаживая черные густые усы и небольшую бородку. Отращивать их, решительно завязав с бритьем, он начал чуть ли не с самого первого дня пребывания в Липневке.

Бутрым бессмертного творения Ильфа и Петрова не читал, мудрого ответа дворника Федора «Кому и кобыла – невеста» не знал, и всерьез призадумался насчет наличия невест в Берестье, почтительно поинтересовавшись, какие именно требуются. Получив уточнение «чтоб была непременно из благородного

боярского, а лучше княжеского рода, толстая и красивая», он призадумался еще сильнее, но, к превеликому удивлению Сангре, довольно-таки скоро подыскал подходящий вариант.

Мол, остановилась у него одна такая вчера вечером и он, Бутрым, ей две свои самые лучшие комнаты сдал. Насчет толщины, правда, не совсем того, не разглядеть в шубах, а трапезничала она в своей светлице. Но ежели она и не из княжеского роду, то из боярского точно. Чай одних холопей трое – девка и два мужика, а сундуков и вовсе не счесть. Словом, благородная. Но тут же, спохватившись, досадливо хлопнул себя по лбу.

– Да что я толкую – ее уже нет.

– Ну вот, не успело выпасть счастье, как тут же куда-то закатилось, – посетовал Петр. – Ну, ничего, погуляет, променад справит, а к вечеру…

Бутрым развел руками:

– Это навряд ли. И что б тебе было поране сюда заглянуть. Как раз застал бы, – посетовал он. – А теперь она укатила и даже уплоченное за три дня постоя не забрала. Правда, она холопей своих тут пока оставила, но сказывала, что и они к вечеру непременно съедут.

Сангре пропустив мимо ушей упоминание о задержавшихся холопах, недоуменно уставился на хозяина.

– Погоди, погоди. Так она получается совсем укатила? Как?!

– Известно как, – развел тот руками. – В возке. Даже потрапезничать вдругорядь отказалась. Видать торопилась шибко, али успела встретиться с кем надо…

– А с кем надо? – вкрадчиво осведомился Петр.

– С монахами. Те за нею приехали, и она вместях с ними того.

Друзья переглянулись.

– А ты ничего не путаешь? Может, она погулять с ними вышла, на город посмотреть, – предположил Улан.

– Нешто с сундуками гуляют, – насмешливо хмыкнул Бутрым.

– С какими сундуками?

– Обнаковенными, кои она с собой привезла, – пожал плечами корчмарь. – Одёжи-то благородные люди берут с собой в дорогу много, чтоб кажный день в ином щеголять, а куда их складывать в пути? Потому и сундуки. Мои сыны их таскали, да к возку привязывали, а опосля и она сама вышла.

– Кажется, плакали наши денежки, – хмыкнул Улан. Сангре согласно кивнул:

– Причем горючими слезами. Мда-а, спокойной ночи, барыши… Ну и шустры эти брахманы. Никакой солидности. Приехали, уболтали и увезли. Ну да ладно, и на старуху может

упасть пророка. Придется распрощаться со святой идеей полузаконного накопления денежных знаков. Хотя… Что-то не по душе мне ее скоропалительный отъезд. Надо бы потолковать со слугами. Хоть выясним, что за причина у нее образовалась для такой поспешности. А может она письмишко для нас оставила. Давай, веди, Сусанин.

Поднявшись вместе с гостями наверх по скрипучей лестнице, Бутрым постучал в одну из дверей. Никто не ответил. Хозяин постучал сильнее. Вновь тишина.

– Заснули поди, – пробормотал себе под нос Бутрым и послал молодого паренька с такими же ушами-лопухами, за ключами. – А ежели бояре остановиться у меня пожелают, могу заодно ту комнату показать, где госпожа ночевала, – торопливо предложил он, указывая на дверь напротив. – Сейчас, токмо сынок мой с ключами вернется, я вам ее и открою.

– Так она у тебя вроде и не заперта, – хмыкнул наблюдательный Улан.

Он приоткрыл дверь, но, едва заглянув вовнутрь, удивленно присвистнул.

– Мда-а, – согласился следовавший за ним Петр. – Просто неописуемо, как сказала собака, оглядывая баобаб. Сразу видно, и впрямь из благородных. У простых людей на такое буйство фантазии ни за что бы не хватило.

– А я что говорил, – гордо выпалил Бутрым, вслед за ними шагнув в комнату. – Сплошь благовония и…

Продолжить он не смог – осекся, увидев, что творится внутри.

– Как Мамай прошел, – прокомментировал Улан, задумчиво разглядывая густо усеявший пол пух от вспоротых подушек и перин, перевернутую разломанную кровать с выпотрошенным тюфяком, и все остальное, пребывавшее в столь же плачевном состоянии.

– В обнимку с Гитлером и Наполеоном, – добавил Сангре. – Картина Репина: Ирак после пендосной бомбежки. Или Белград. Или…

– Да что же это?! Да как же?! А с виду приличная госпожа! – запричитал Бутрым.

– Госпожа-то приличная, – согласился Петр, – зато монахи… Я так понимаю, они что-то искали у нее, – повернулся он к другу.

– И не нашли, – подхватил тот, – иначе не стали бы искать дальше, а перевернуто абсолютно все, – он неспешно прошелся по небольшой комнате, оценивая погром, добавив: – И сдается, интересовало их явно не золото с серебром.

– Почему? – не выдержал помалкивавший до сих пор Яцко. – Вдруг решили, будто она его в перину сунула и зашила.

– Тогда было бы достаточно ее встряхнуть, – добродушно пояснил Улан. – Значит, искали…

– Документ, – подхватил Сангре. – Притом небольшой по размеру, который можно засунуть куда угодно.

– Ну, они мне за все заплатят! – разъярился Бутрым и, опрометью метнувшись в коридор, принялся ломиться в дверь напротив.

Открывать ему не спешили, но подоспел лопоухий парень и протянул ему связку ключей. Едва хозяин распахнул дверь, как застыл на месте и тоненько, по-заячьи, взвизгнул.

– Во, во, – указал он дрожащим пальцем куда-то вбок.

– Оцым-поцым, двадцать восемь. Это уже не Белград. Это больше смахивает на тяжкий труд пендосов над Хиросимой… – пробормотал Петр, завидя два трупа, и один из них при жизни был слегка знаком друзьям.

Лежащего на полу бывшего гонца Мануэля, судя по тому, что он не успел повернуться лицом к непрошенным гостям, застали врасплох. В спине торчала арбалетная стрела, но умер он не от нее. Раненого успели подвергнуть пытке – обнаженное до пояса тело оказалось сплошь в мелких порезах и ожогах. А под конец бывшего гонца попросту прирезали, всадив прямо в сердце какую-то пику. Яцко потянулся к ней, но Петр остановил его, предупредив:

– Не трогай. Могут быть отпечатки, – и досадливо поморщился, вспомнив, в каком веке он находится.

Он смущенно покосился на друга, но тот никак не отреагировал на его промах, продолжая внимательно осматривать комнату.

– Не иначе как монахи расстарались. То-то они в черном были, – прорезался голос у Бутрыма. – Точно, точно, боле некому. Они ж когда вчетвером вышли – госпожа с холопкой и двое монахов по бокам, – госпожа и говорит, так, мол, и так, остатние мои слуги до вечера здесь пробудут, но опосля полудня непременно загляни к ним и накорми. И подмигнула, – вспомнил он после паузы и взвыл, хватаясь за голову. – Эх, мне б враз догадаться, чего она мне мигает! А сама вся бледная, на лице ни кровинки. Тож она на ентих бисовых сынов мигала, – он осекся и, повернувшись к друзьям, зловещим шепотом выдохнул. – Так це ж поди и не монахи вовсе были, а дидьки[4]. Ей, ей, дидьки, больше некому.

– А как выглядели дидьки? – полюбопытствовал Улан и, выслушав корчмаря и задав пару уточняющих вопросов, вновь присвистнул. – Слушай, Дон, сдается, это наши старые знакомые. Во всяком случае один из монахов – точно. Это ж фра Луис.

Помнишь, толстый такой. Он на переговорах возле фра Пруденте стоял.

– А второй, получается, сам напрудивший?

– Да нет, по описанию не похож. Но фра Луис точно здесь побывал. Нос аки копье – его принадлежность.

– Нос – это да, помню. С ним-то он нас и оставил, – уныло констатировал Петр. – Печально. Чтобы нас дважды подряд надули одни и те же гаврики – такого раньше отродясь не бывало. Стареем что ли, а? – и он грустно посмотрел на друга.

– Скорее расслабились, – нашел тот более приемлемое пояснение.

– Может, и так. И утешает одно: кажется, донья Изабелла чуточку отомстила за нас, ибо судя по погрому, они и здесь ничего не нашли, – он встал и прошелся по комнате, разглядывая учиненный погром и еде слышно напевая себе под нос: – Там женщина стояла двадцати пяти лет и слабо отбивалась от кого-то. А инквизитор в рясе мял на ней туалет… – он склонился над телом худого седовласого пожилого мужчины с разбитой головой, лежащего в дальнем углу, приложил пальцы к горлу и удивленно протянул: – Слушай, а ведь мужик-то жив. Пульс есть, значит… – и, не договорив, скомандовал хозяину. – Тазик с горячей водой и тряпки сюда – живо!

Корчмарь живо метнулся в коридор.

– Сейчас он нам и расскажет, что именно они искали, – задумчиво протянул присевший на корточки подле тела Улан.

– Раньше вечера навряд ли, – хмыкнул Петр, – а тут каждая минута дорога, – он попробовал осторожно вынуть нечто металлическое, крепко зажатое в левой руке седовласого, но не смог, и пожаловался: – Надо ж как вцепился.

– Да оставь ты его в покое, не до того сейчас, – махнул рукой Улан.

– А вдруг это и есть ключик, только серебряный, – шутливо предположил Сангре, но больше попыток вынуть из руки вещицу предпринимать не стал – и впрямь не до того.

– Все чичас принесут, – доложил появившийся в дверном проеме Бутрым. – У меня стряпуха по таким делам знатная мастерица, и ежели…

– Когда, говоришь, эти дидки уехали? – перебил его Сангре.

– Да прямо перед вами, трясца их… – выругался хозяин.

– Возок, что стоял у дома! – повернулся Петр к другу.

– И я о нем подумал, – кивнул тот.

– Эх, надо было мне тебя послушаться и вначале сюда зайти, – вздохнул Сангре и вновь обратился к хозяину. – А в какую сторону они подались?

– Да тут одна дорога, во Владимир-Волынский, – пожал плечами Бутрым.

– Уже легче. Есть шанс, – кивнул Петр.

– Не вздумай! – вскинулся Улан, тревожно глядя на друга, полыхавшего азартом. – Не стоит она того.

– Э-э, нет, – уперся Сангре. – Лично она может и не стоит, но суровый солдатский долг неумолимо зовёт меня в последний и решительный бой за личное обогащение. А кроме того, мне попросту надоело, что наша с тобой жизнь в последнее время все больше напоминает набор одних и тех же пазлов.

– В смысле?

– В смысле, сколько ни собирай картинку, в результате получается красивый кукиш, – он криво ухмыльнулся. – И потом, *нам… здесь… жить…* Часом не припомнишь, кто это говорил? А раз так, то ответь, на что нам строить хороший дом, чтобы достойно встретить старость? Молчишь? То-то. Да и не могли они далеко ускакать, перехватим, – он решительно поднялся и направился к лестнице.

Улан тяжело вздохнул и рванулся следом. Он успел догнал друга лишь во дворе, когда тот уже взгромоздился на свою лошадку. Перехватив поводья, Улан спросил:

– Знаешь, чем отличается умный от глупого? Умный человек иногда торопится, но ничего не делает второпях. Давай вначале все прикинем. Авось пять минут ничего не решат.

– Так ведь умная голова не всякому по плечу! – улыбнулся Сангре. – А про пять минут ты не прав. Граница недалеко, не забыл? Если пересекут, пиши пропало.

– Да у нас и оружия с собой никакого.

– А засапожники?

– Всего два.

Петр иронично хмыкнул.

– После двух наших бросков в живых останется от силы один монах. Неужто мы вдвоем с единственным божьим человеком не управимся?

– Если сначала делать, а потом думать, то лучше вообще не думать, – проворчал Улан, но, видя, что Сангре не остановить (завелся не на шутку), он птицей взлетел на своего коня и с тяжелым вздохом сообщил:

– Ты ненормальный!

– Тоже мне новость! – фыркнул Петр. – Но ты пойми – тут вопрос принципа. Тебе не надоело, что эти заразы постоянно суют свои корявые палки в колеса нашего замечательного «Форда»? А мне их шахеры-махеры уже поперек горла. Значит… вперед, – и он толкнул каблуками в бока коня, первым вылетев за ворота.

Его друг зло сплюнул. Но не оставлять же сумасшедшего одного! И он устремился следом. Но прежде отправил выскочившего во двор Яцко за остальным десятком, строго-настрого наказав ему не мешкать и как можно быстрее догнать их.

Глава 2. Любовь нечаянно нагрянет или Пророчества юрода

Настичь возок с украденной из-под самого носа потенциальной покупательницей удалось примерно через полтора-два часа. Трудно сказать, успели они пересечь к тому времени границу Литвы или оставались в ее пределах, да Петр и не забивал себе голову подобными тонкостями. Обогнав возок и перегородив дорогу, он красноречиво махнул рукой сидящему на козлах монаху, давая понять, что дальнейший путь перекрыт.

– Гуд монин, святой отец, – весело заорал он. – Все, приехали. А ведь я предупреждал, что не стоит бегать от российского опера – умрешь уставшим, и все. А теперь я попросю твое небесное сиятельство развернуть салазки, дабы возвернуться и в мирной обстановке обговорить за кое-какие мирские проблемы! – и прикрикнул на сидящего. – Ну ты чего? Нихт ферштейн?

Тот согласно кивнул, но разворачиваться не стал, вместо того выглянув назад. Убедившись, что в погоне за ними участвовало всего-то два всадника, он, не отрывая взгляда от Сангре, полез рукой куда-то вниз, под облучок. Если бы Петр вовремя не пригнулся, тяжелый болт, выпущенный из арбалета, непременно вошел бы в него, да и так просвистел в опасной близости.

– А теперь, дядя, — сквозь зубы процедил посерьезневший Петр, — как говаривал пушкинский Сильвио, выстрел за мной, – и он потянулся к своему ножу, но извлечь его не успел. Сидевший в возке второй монах словно дожидался его слов, моментально вынырнул наружу, расплывшись в очередной умиленной, но фальшивой улыбке. Бутрым верно описал его приметы, поскольку им действительно оказался знакомый друзьям по недавним переговорам фра Луис Эспиноса.

– Ба-а, – искренне возликовал Сангре, завидя его и краем глаза контролируя неудачливого стрелка, чтобы тот не начал перезаряжать свой арбалет. – И ты тут, фрак кургузый, зипун драный! И даже, как я погляжу, успел обзавестись не только своим собственным кэбом, но и личным кучером, он же секьюрити. Ну-ну, как я посмотрю, достаток некоторых представителей монашеских орденов растет прямо-таки на глазах обалдевших обывателей. Однако к делу. Считай, что ныне вдобавок к кучеру ты заполучил еще и своих личных констеблей,

прибывших за тобой прямиком из Скотленд-ярда. Посему забудь за Лондон, ибо до резервации беглых русских олигархов тебе нынче не добраться, и Челси завтра сыграет с Манчестер Юнайтед без… – и взвыл, не договорив, ибо сидевший на козлах, воспользовавшись тем, что Петр отвлекся, бросил в него нож.

По счастью, чуть ли не в самый последний момент Сангре, уловив его резкое движение, успел уклониться, и сталь лишь пропорола ему левый рукав полушубка. Но в тот миг метко запущенная Уланом шестигранная звездочка сюрикэна впился ему прямо в горло и тот, захрипев, сполз с облучка, обливаясь кровью.

– Вот так, дядя, – назидательно буркнул Петр, обращаясь к Эспиносе, и поинтересовался: – Кстати, где твой главный пинжак? Или он от страха напрудил и стесняется высунуться? – Ответом послужило молчание, но оно не смутило Сангре. – Уланчик, ну-ка загляни, проверь, только осторожно – бо при виде тебя они решили, будто стали Пересветами и Ослябями. А ты мне, чувырло, пока поведай, кто из вас кончал слуг доньи Изабеллы: ты или этот гаврик? – небрежно кивнул он на застывшего на козлах покойника. – Ах да, – спохватился он. – Совсем забыл, что ты в русском языке ни в зуб ногой. Ну хорошо, Уланчик тебе сейчас пере… – он оглянулся на друга и осекся на полуслове.

Таким Сангре его не видел ни разу в жизни. Обычно невозмутимый, хладнокровный как удав («Недаром твое имя начинается на ту же букву», – любил шутить Петр), на сей раз Улан был прямой противоположностью самому себе. Красный, чуть ли не багровый, он застыл как столб, судорожно вцепившись в ручку открытой дверцы возка, словно опасаясь упасть, если отпустит ее.

– Что, еще один покойник? – нахмурился Сангре, направив к возку своего коня. – Да вроде бы нет, – пробормотал он, заглянув вовнутрь. – Жаль, напрудившего перца не видать, но зато мисс Хадсон в наличии, а это куда важнее. Честь имею, донья Изабелла, – небрежно кивнул он сидевшей в возке даме, толком даже не разглядев ее, но заметил еще одну, сидевшую чуть дальше, и моментально понял, что ошибся.

Дело было не в одежде, хотя, разумеется, у второй она выглядела гораздо богаче и дороже. Достаточно было увидеть ее лицо, и сразу становилось ясно, что именно она – донья Изабелла де…

Сангре наморщил лоб, старательно припоминая фамилию, которую не раз называл ему Бонифаций, но понял, что это бесполезно. Разве что Улан мог бы помочь с подсказкой. Он вновь перевел взгляд на друга, продолжавшего оцепенело таращиться

на Изабеллу, укоризненно покачав головой, пробормотал вполголоса «Нашел время!» и, махнув рукой, повернулся к фра Луису, деловито распорядившись:

– Значит так, сидай сюда, смокинг хренов, – указал он на облучок. – И будешь править, куда я скажу, то бишь обратно в Берестье. Корешка своего не выбрасывай – он нам сгодится в процессе опознания. Мы сопровождаем по бокам, – и он, набрав в рот воздуха, рявкнул что есть мочи, пытаясь вывести друга из ступора. – Ула-ан!

Ага, помогло, очнулся. Петр удовлетворенно улыбнулся. Правда, взгляд друга оставался таким же растерянным и чуть ли не жалобным, ну да пес с ним, со взглядом.

– Едем, милый, едем! – поторопил его Сангре.

Он повернул коня, бросил случайный взгляд в сторону темневшего далеко впереди леса и похолодел, разглядев вынырнувших из него несколько десятков всадников.

– Это кто ж такие? – недоуменно протянул он. – Местные Робин Гуды что ли? А к нам чего? Дань за проезд через Шервудский лес? Так у нас перстень Ноттингемского шерифа имеется. Или…

И тут его осенило, что они могут находиться уже в волынских землях, где перстень Гедимина навряд ли имеет силу. А учитывая весьма неприязненные отношения обоих правителей с кунигасом Литвы, вплоть до военного союза с его прямыми врагами, беспристрастного отношения ожидать не следует. Скорее наоборот, особенно с учетом имеющегося покойника и соответствующих показанияй второго монаха. Словом, формальный повод зачислить их в разбойники имеется.

– Уланчик, гадом буду, если это не корешки монахов! – истошно заорал он.

– Кто? – рассеянно переспросил тот.

– Сподвижники, мать их ети! – рявкнул Сангре и, подметив, что они сорвались с места и устремились в их сторону, взмолился: – Уланчик! Ну я тебя как брата прошу: хватит ловить гав, бо не время. Лучше посмотри ради интереса вон туда, – и он указал другу, наконец-то соизволившему повернуть голову в его сторону, на скачущих к ним во весь опор всадников.

При виде столь красноречивой угрозы Улан вышел из стопора, и, виновато улыбнувшись недавней пленнице, хриплым от волнения голосом принялся уверять ее, что она попала к друзьям. Отныне ничего страшного с нею не случится, а им самим можно смело доверять, поскольку они готовы для нее и за нее…

– Ну, с этим порядок, – пробормотал Петр и недоуменно уставился на монаха, продолжавшего стоять на месте. – А тебе

что, дервиш-разбойник, особое приглашение надо? – возмутился он. – Я кому сказал?! А ну живо на к**о** злы!

Фра Луис выдал несколько фраз.

– Говорит, они все равно нас догонят, – предупредил Улан, наконец-то, хотя и с явной неохотой захлопнувший дверцу возка и усевшийся в седло, – а потому лучше бы тебе отпустить его с миром. Тогда он обещает попросить этих воинов отпустить нас живыми.

– Ересь несёшь, раввин! – упрекнул монаха Петр. – За такое богохульство тебя надо бы вывести за околицу в чисто поле, поставить к стенке и из автомата. А кадилом контрольный по балде, чтоб на всю жизнь запомнил! Кстати, у меня от твоего халифа и грамотка на это разрешающая имеется. Чин чинарем куплена у твоего корефана Сильвестра за десяток гривен, таких же фальшивых, как твоя рожа и вообще вся ваша контора. А в ней так и написано – мол, грохни этого гада, бо за все уплачено и нечего грошам зазря пропадать. А посему выбирай – либо закидываешь свои копыта на облучок, либо ты их через секунду задерешь вверх и больше никогда ими не взбрыкнешь. Жаль выкуп за тебя пропадет, ну да хрен с ними, с флоринами. За такое удовольствие я и сам доплатить могу.

Улан послушно перевел. Фра Луис оживился, но остался стоять на месте.

– Он говорит, если тебе нужно золото, то с этим…

– На ко́злы, я сказал, – рявкнул Сангре, теряя терпение и вновь оглядываясь на скачущих к ним всадников, – а за золотишко в городе трендеть станешь! – и видя, что тот по-прежнему не слушается, взмолился. – Улан, где твой нож, а то он меня достал!

На сей раз монах, поняв по тону Петра, что терпение воина на исходе, покорился. Однако пока разворачивали коней в противоположную сторону, всадники оказались на расстоянии не далее километра. Наконец упряжка резво рванула и некоторое время, нахлестываемая сразу с трёх сторон – кнутом с облучка и плетями с боков – тройка лошадей, тащившая возок, удерживала дистанцию. Однако спустя пяток минут азартное гиканье за спинами друзей стало слышнее. Петр оглянулся. Так и есть – преследователи явно подсократили дистанцию.

По счастью, они успели въехать в лесок, дорога пошла изгибами, резко петляя. Но Сангре помнил, что дальше, сразу за лесом, их ждет прямая дорога вплоть до реки Мухавца, да и по ней до устья, двумя рукавами впадающего в Западный Буг, близ коего располагалось Берестье, катить и катить. Словом, не уйти им от погони, никак не уйти.

– Уланчик, – окликнул друга Сангре. – Расклад у нас хреновый, а потому играть его лучше кому-то одному! Ты гони к городу и приводи подмогу, а я останусь и попробую заговорить им зубы. В конце концов, если они потом потребуют за меня выкуп, расплатишься монахом.

Улан помотал головой:

– Вместе.

– Дурак! – заорал Петр. – Мне в таком темпе долго на лошади не усидеть, все равно свалюсь!

– Вместе, – непреклонно крикнул Улан.

Сангре прикусил губу, понимая, что все уговоры бесполезны – он бы и сам повел себя точно так же – и не зная, что предпринять. Однако мозг, гораздый на идеи, не подвел, всплыло в памяти недавнее поведение друга подле возка, и Петр, оживившись, заорал:

– Тогда не только нам, но и девкам хана. Этот преподобный гад их обратно уволокет. Но вначале ими погоня попользуется, причем хором! – и, глядя, как побледнел Улан, порадовался, что вовремя догадался, на какую мозоль надавить. – Только будешь возвращаться – обязательно прислушайся, чтоб картину не испортить и мое вранье не загубить. А сейчас давай, гони! – рявкнул он и резко осадил своего коня.

Времени оставалось в обрез, всего ничего, но исполнить промелькнувшую в голове во время скачки мысль о новом маскараде, наподобие устроенного в святилище Мильды, Сангре успел. Рассудив, что погоня – та же толпа, стало быть, очень восприимчива к впечатлениям, особенно к необычным, он, торопливо спешившись, с силой огрел коня плетью, дабы прогнать его вслед за каретой, а сам быстро разделся, сунув скинутые с себя полушубок, кафтан и шапку в ближайший сугроб. Оглядевшись, он обнаружил и вытащил из-под снега подходящую палку, которую можно использовать в качестве посоха. Оставалось последнее. Петр поморщился, но деваться было некуда. Усевшись на снег прямо посреди колеи, он начал… разуваться, еле слышно бормоча себе под нос:

– Дай мне, боже, храбрости. Дай мне, боже, смелости. И… рассол для трезвости. А остальное я и сам как-нибудь.

Стащив с себя второй сапог, он поднялся на ноги и понял, что опоздал – погоня приблизилась настолько, что незаметно избавиться от обуви не выйдет. Быстро поменяв порядок действий, он остался стоять в санной колее, держа сапоги в руках.

Подъехавшие всадники разом осадили коней, уставившись на загадочного чудака.

– Эй, ты зачем того? – недоуменно крикнул один из тех, что

был впереди, указывая плетью на обувь.

Петр криво усмехнулся и небрежно забросил один сапог в лес.

– А выбросил на кой? – потребовал ответа другой всадник.

Сангре вместо ответа достал из-за пазухи крест, бережно поцеловал его и… в удивленной тишине с силой метнул в другую сторону второй сапог. Дождавшись, когда он зароется в снежном сугробе и взгляды вновь переместятся на него, Петр протянул к ним руки и завопил:

– Дети мои! Гегемоны неслыханной отваги и железной воли, безжалостные к себе и врагам феодализма! С глубокой верой в наилучшее и с огромной надеждой в предстоящем интересе явился я к вам. Ваши гордые сердца всадников Апокалипсиса, коим не присущ старческий маразм и чужда сентиментальность к страданиям…

Слова звучали громко и отчетливо, но никто их не понимал. В смысле каждое второе само по себе было ясно, а вот в сочетании с остальными – увы… Впрочем, Сангре тоже понятия не имел, что за ахинею он несет, зато хорошо знал иное: продержи он их пяток, а лучше десяток минут и Улан спасен. И он очень старался.

– Никак юрод, – донеслось до него осторожное перешептывание.

– А разве не он на коне недавно сидел? – осведомился какой-то скептик.

– Да не-е, те в полушубках, а ентот в одной рубахе. Да и нельзя им на лошадях-то, – авторитетно возразил бородач в первом ряду. – Уж я-то знаю, они повсюду пешком хаживают. Он, поди, тута, в лесу живет, а ныне услыхал нас и вышел.

– Такие окромя чумазого дырявого рубища ничего не носят, – продолжал сомневаться скептик, – а на ентом все чистое и не драное.

– Не иначе добрые люди приодели, – нашелся бородач.

– А чего разулся-то? Холодно.

– Это тебе холодно, а ему Христос ножки греет.

«Если бы грел, – тоскливо подумал Сангре. – А ведь придется и дальше в том же духе. А-а, была не была. Лучше остаться с обмороженными ногами, чем с отрезанной головой. Коль пошла такая пьянка, режем хрен на огурцы», – и он, не прерывая своей речи и ухитрившись даже обыграть предстоящее разоблачение, принялся стягивать с ног онучи.

– Исус[5], страдалец, завсегда босым ходил, потому и нам, грешным, негоже сим смердячим саваном стопы окутывать, – завопил он, запуская их вслед за сапогами.

– Видал, видал, чего творит-то, – зашептались всадники.

– Мороз-то нешутейный, а ему плевать.

– Точно, божий человек.

Увы, божьим человеком Петр не был и босиком отчаянно мерз, но нет худа без добра – голос его непроизвольно возвысился и он продолжил вещать дальше:

– Чада мои! Здесь, на этой, богом освященной земле, где не ступали копыта диких Гогов и Магогов, заклинаю вас…

Следующие минуты, казалось, тянулись бесконечно и впервые в жизни Сангре ощутил: еще немного и он начнет запинаться, а это никуда не годилось – хуже запинающегося проповедника только пьяный ваххабит. Увы, но Апокалипсис маме Гале он почти не читал – та не любила ужастиков, а все прочее из Библии, что ему запомнилось, включая мудрого Екклезиаста или поучительные притчи Иисуса Навина, не годились. Тут требовалось нечто грозное, суровое, держащее в напряжении, чтоб мороз по коже, озноб по спине, испарина на лбу.

Неожиданно в памяти всплыл киношный Хома Брут, читавший по панночке, и Петр, недолго думая, пустил в ход кусочки псалмов, на ходу компонуя их друг с другом и не побрезговав даже отчаянным финальным воплем философа:

– Образумьтесь, бессмысленные!

Правда, и эти резервы вскоре подошли к концу, но тут вдали со стороны Берестья ему послышался глухой топот копыт и возликовавшего от близости подмоги Петра мгновенно осенило, что еще можно сделать. Мысленно возблагодарив автора, он громче прежнего завопил:

В прозрении дня уходящего
Молитва – мое молчание
К небесному восходящая,
Как со слезой – покаяние…[6]

К сожалению, хороший слух оказался не у одного Сангре. Бывшие преследователи стали встревожено переговариваться, поглядывая вперед, и требовалось срочно отвлечь их. Пришлось повысить голос, а к стихам добавить подпрыгивание и прочие ужимки.

Идущему – испытания,
Безропотного смирения.
А в святости – прорицания;
Страдающему – терпения…[7]

– Эва яко складно у него все идет, – уловил он краем уха.

– Никак пророчество сказывает, – поддержал другой.

– Да тихо вы! И без того ничего непонятно, – угомонил их самый ближний к Петру из всадников – судя по нарядной одежде не иначе как атаман или минимум сотник.

Вдохновленный этими комментариями, Сангре, уже поняв, что делать дальше, лихорадочно отыскивал в памяти одно стихотворение за другим и выдавал наиболее подходящие строки. И даже когда долгожданные всадники вынырнули с противоположной стороны лесной дороги, он усилием воли сдержал себя, не метнулся к ним навстречу, но неспешно двинулся… совсем в иную, противоположную сторону, и, не замолкая ни на секунду продолжал декламировать, протянув руку к атаману.

Священных схим озлобленный расстрига,
Я принял мир и горестный, и трудный,
Но тяжкая на грудь легла верига,
Я вижу свет… то День подходит Судный…[8]

По счастью, Улан не забыл предупреждения Петра, благо, громкий голос, звонко и отчетливо звучащий в зимнем лесу, был слышен далеко окрест, и времени понять, что за комедию разыгрывает друг, Улану вполне хватило. Он даже успел сообразить, как лучше подыграть ему, не забыв известить о том и князя Давыда, возглавлявшего сотню. Едва оказавшись на виду у недавних преследователей, Улан, якобы не обращая на них никакого внимания, радостно завопил:

– Ну слава тебе господи, наконец-то нашелся! – и с этими словами, размашисто перекрестившись, он торопливо спешился и устремился к Сангре, причитая на ходу:

– А мы-то тебя заискались совсем, Петрусь, а ты вон где. Негоже без предупреждения нас покидать. Сам обещал слово пророческое людям добрым поведать, и на тебе, ушел, и о своем последнем видении не поведал, – сделав вид, будто только сейчас заметил босые ноги «пророка», он сокрушенно всплеснул руками. – Ай-яй-яй, сызнова свои сапоги раскидал. И что с тобою, неслухом, делать, – и он, укоризненно покачав головой, пошел подбирать их.

Стоять и молчать не годилось, и Петр, устремив в его сторону посох, процитировал:

Предо мной предстанет, мне неведом,
Путник, скрыв лицо: но всё пойму,

Видя льва, стремящегося следом,
И орла, летящего к нему[9].

Подобрать Улан успел лишь один сапог, поскольку за вторым, торопливо спешившись, кинулся молодой паренек из числа бывших преследователей. Мало того, он не просто поднес его Петру, но и, смиренно склонившись на одно колено, попросил:

– Благослови, отче.

Чуть поколебавшись, брать сапог в руки Сангре не стал – не достойно святого человека, тем более пророка, пускай Улан примет, – но просьбу выполнил:

– И мандригалом тебя по логарифму, – неторопливо перекрестил он паренька. – Ступай и боле не греши, но в особенности помни седьмую заповедь господню, ибо зрю я, чадо, ох, зрю…, – и он, не договорив, строго погрозил смущенно потупившемуся ратнику.

– Во как! Наскрозь увидал гулену нашего[10], – раздалось приглушенное восклицание. – Точно пророк.

Словом, ни одна из враждующих сторон так и не взялась за оружие. Более того, предводитель недавней погони, держа руки открытыми и показывая, что в них ничего нет, даже подъехал к Давыду и обратился к нему с просьбой отпустить святого человека погостить у них. Князь смешался, не зная, что сказать, но выручил Улан. Повернувшись к просителю, он укоризненно заметил:

– Эх, милый, да разве угадаешь, в какую сторону он дальше захочет пойти. Не силком же к вам его везти. И благослови вас господь, люди добрые, что удержали его, а то бы нам его и не сыскать.

– Да мы чего, – засмущался предводитель. – Случай подсобил. Ехали себе… – он запнулся, но, опустив подробности, откуда, куда и зачем ехали, после короткой паузы продолжил: – Ан глядь, а он тута, посреди дороги, и разувается. Токмо непонятно чтой-то буровил…

– Седые пророчества всегда скрывает густой туман времени, – скорбно прокомментировал Улан, – ибо оно есть сердцебиение божье, и даже если заглянешь вовнутрь, как ты сможешь понятным языком истолковать увиденное?

– Во-во, – оживился атаман. – Как есть скрывает. Потому и хотим его сызнова послухать. Так ты бы, княже Давыд, уговорил его к нам наведаться, покамест у нас с вами замирье.

– Попрошу, не сомневайся, – включился в игру Давыд. Он покосился на Петра и воздел руки к небу. – Пред богом обет даю, что не далее как ныне и не единожды, но трижды о том ему

скажу, а уж далее пущай сам решает.

– А сапожки-то давай обуем, святой отец, – промурлыкал Улан, с ужасом глядя на белые от холода ступни друга. – Чай, не май месяц на дворе. Простынешь, чего доброго, как мы без тебя будем? И епископ ругать нас станет, что не уберегли.

Он же самолично обувал Сангре, пока тот подводил своеобразный итог своим пророчествам, суровым тоном цитируя припомнившиеся ему строки из какого-то евангелия:

– И всякого, кто слушал слова мои и исполнит их, уподоблю мужу благоразумному, построившему дом свой на камне. А всякий, кто слышал их и не исполнил, уподобится человеку безрассудному, воздвигнувшему дом свой на песке.

Сказав это и напоследок размашисто перекрестив продолжавших стоять на месте волынцев, он пешком (а куда деваться, коль юродивые лошадей избегают) направился в сторону Берестья.

– Ну, ты, парень, и горазд на придумку, – уважительно заметил бредущему по санной колее Петру Давыд, когда они прошли метров триста. – А я то немчуру орденскую, кои тебе ворота своего замка открыли, за дурней, признаться, посчитал. Ан нет. Сдается, будь я на их месте, небось и сам бы их перед тобой распахнул, да как бы не быстрее.

На сей раз похвала, вопреки обыкновению, не вызвала у Сангре никаких эмоций – слишком он устал, выложившись до самого донышка, практически без остатка. Но молчать было не в его традициях и он нехотя откликнулся:

– И все-таки хорошо, что вы вовремя подоспели, – и он удивленно покрутил головой. – Да как быстро!

Улан в ответ иронично хмыкнул, покосившись на Давыда. Городненский князь смущенно замялся, но честно поведал, что он насторожился еще когда прибывший в замок слуга воеводы сообщил Олельке, что друзья собираются вернуться не раньше вечера. А уж когда прискакавший Яцко передал десятку литвинов распоряжение Сангре немедля следовать во Владимир-Волынский, Давыд окончательно решил, будто Петр с Уланом замыслили улизнуть. Гедимин же строго-настрого предупредил, чтоб он… ну-у, деликатно говоря, приглядывал за чужеземцами. Потому князь и встретил Улана с каретой не в Берестье, на полпути в город.

– Теперь сам зрю, что не того пужался, – виновато протянул Давыд. – Но получилось-то славно, верно?

– Это уж точно, – подтвердил Петр. Настроение у него поднималось вместе с температурой согревающихся после мороза ног. Лукавая улыбка вновь осветила лицо неунывающего одессита

и он, повернувшись к Буланову, заметил: – Представляешь, дружище, вы так стремительно подскочили, что я даже не успел испортить свежий памперс, – и, оглянувшись на темнеющий лесок, оставшийся за плечами, посерьезнев, добавил: – Знаешь, Уланчик, за этот день я успел открыть для себя новую мудрость: быть смелым хорошо, но… очень страшно…

Глава 3. Обоюдное благородство и помощь психоаналитика

Спасенная друзьями донья Изабелла и впрямь была на редкость очаровательной: большие глаза, черные ресницы, собольи брови, яркий румянец на щеках… Да и сложена на загляденье – все округлости в наличии. Полное впечатление, что господь при ее рождении расщедрился, небрежно подкинув ей припасенное для десятерых.

Вдобавок она оказалась отнюдь не белоручкой, а напротив, проявила себя весьма умелой лекаркой. Едва вернувшись в Берестье, она первым делом попросила друзей доверить ей самой уход за тяжело раненым слугой. И, судя по быстрым и уверенным движениям ее рук во время перевязки раны, занималась она этим явно не впервые. Да и лечебная мазь мгновенно нашлась в одном из ее сундучков.

– Еще Аристотель утверждал, что врачами становятся не по руководствам, ибо имеющие опыт преуспевают больше, нежели обладатели отвлеченных знаний. Да и мой учитель, непревзойденный Арнольдо из Виллановы, всегда высмеивал тех лекарей, кои, числя себя на словах знатоками, умеют лишь рассуждать с умным видом, а на деле не могут прописать простой клизмы или излечить от однодневной горячки, – пояснила она происхождение своего мастерства.

Одновременно с перевязкой головы донья Изабелла на чистом русском (успела освоить за время проживания во Владимире-Волынском, лишь изредка чувствовался легкий акцент) кратко поведала о своей жизни. Собственно, ее рассказ вполне можно было уместить в двух-трёх фразах, гласящих о жутких несправедливых гонениях на орден тамплиеров и произволе святой папской инквизиции. От последней она и ее кузен и были вынуждены бегать по всем странам.

Никаких противоречий в ее рассказе, если сравнивать его с тем, что ранее сообщил о себе Бонифаций, не наблюдалось. Про Улана, слушавшего испанку с полуоткрытым ртом, и говорить не стоило. По мнению Сангре, даже если бы Изабелла начала рассказывать, как бежала от преследований огнедышащего дракона, он и это принял бы за чистую монету. Но и сам Петр

ничего такого не заметил. Правда, иногда в его голове еле слышно позванивал тревожный колокольчик, предупреждая о чем-то, но под воздействием чарующего певучего голоса Изабеллы он досадливо отмахивался от его звона.

Но чем дольше смотрел на нее Петр, пока та бинтовала слуге голову, то и дело переводя взгляд на Улана, тем меньше понимал, почему в нее влюбился его друг. Да, красива, спору нет, но красота ее была какая-то холодная, безжизненная, как у античных статуй. Галатея номер два, иначе не скажешь.

Разве глаза, это да. Помнится, точно такие же были у девчонки, жившей в квартире по соседству с бабой Фаей. Как же ее звали? Впрочем, имя не имеет значения, а вот глаза… Огромные, темно-темно-коричневые, почти черные и чуточку влажные. Трудно сказать насчет зеркала души, но что-то эдакое – неземное, запредельное – в них имелось. Как и в этих.

Только не понять – то ли это бесовщина через них подманивает, оглаживает, затягивает в свой хмельной омут, чтоб ухнул туда человек и без возврата, то ли наоборот, ангельская нежность проглядывает: неуверенно, робко, стесняясь, готовая в любой миг упорхнуть, если худо встретят. Вот и пойми, что там таится на самом деле.

Он усмехнулся и покосился в сторону Улана. Ну да, побратиму гораздо проще. Не гадая про ангелов и про бесов, он с первого мгновения рухнул в эти глаза, как в омут, и камнем на самое дно. И всплывать из глубин не собирается – вон как на нее уставился.

Правда, рядом стоит, помогая госпоже, еще одна дамочка, юная служанка со странным именем Загада. Именно с нею и спутал поначалу Изабеллу Петр, но гадать, на кого из них двоих устремлен взор Улана, не приходится. Сразу видно: на синеглазую девицу он ноль внимания. А стоит ему поглядеть на самого Петра, как в глазах сразу начинает плескаться такая ревность, что боже мой. И взгляд суровый-пресуровый. Никак совсем забыл об их дружбе, как есть забыл. И ради кого?! Ради какой-то смуглой испанки. Даже стыдно за мужика.

А ведь если разбираться, то основная и главная заслуга в том, что Изабелла сейчас находится в Берестье, принадлежит Сангре и никому больше. Достаточно вспомнить, как Улан отговаривал его от немедленной погони, да и позже им ни за что не удалось бы уйти, не останься Петр заговаривать преследователям зубы. Значит, кому в первую очередь принадлежит прекрасная добыча? Вот-вот. И стоит дамочке узнать, кто приложил основные усилия по ее спасению, как…

В это время Изабелла, закончив перевязку и пояснив, что

хотела бы переодеться в нечто более легкое, удалилась в свою комнату на женской половине, выделенную ей женой воеводы. Уныло поглядев на оставшуюся подле больного Загаду, Улан вздохнул и, увлекаемый другом, поплелся в свою комнату. Едва они туда зашли, как он, смущенно переминаясь с ноги на ногу, промямлил:

– Слушай, ты не рассказывай ей, что я тебя отговаривал от погони, ладно? Я, конечно, все понимаю, вон она как на тебя поглядывает. Просто не хотелось бы выглядеть в ее глазах трусливым дерьмом. А на тебя я не в обиде, не думай, – торопливо заверил он. – Сердцу не прикажешь, да и мужская дружба превыше всего. Я уже и сам себя потихоньку на роль третьего лишнего настраиваю.

– И как?

– Если честно, то с трудом. Но тут ведь главное – сила воли, верно, а она у меня имеется. И если постоянно мысленно повторять, что мне, – голос Улана прервался, но он проглотил комок, внезапно подступивший к горлу, и упрямо продолжил: – ничего не светит, то… – и он, не договорив, вновь осекся, торопливо отвернувшись от друга.

Сангре досадливо крякнул и глубокомысленно заметил:

– Я всегда говорил, что когда бог раздавал всякие интересные и полезные в хозяйстве вещи, мы с тобой стояли в разных очередях. И теперь я понял, за какую вещь ты выстаивал в своей.

– За какую? – вяло поинтересовался Улан.

– Таки за самую никчемушную и даже вредную для организма – ты выстаивал за любовь. А насчет «не светит» ты не прав, – хмыкнул Петр, ликуя в душе, что обманулся в собственных наблюдениях и побратим не предал их дружбы. – У нас с тобой пока что и впрямь почти по Пушкину получается: «Пред испанкой благородной двое рыцарей стоят…». Но в отличие от стихотворения Александра Сергеича я лично вопрошать, кто ей из нас милее, не собираюсь – беру самоотвод и уступаю её тебе без боя, – и, желая выказать себя не менее благородным, он важно добавил: – Сердце у меня, конечно, щемит и кровью обливается, но наше братство для меня превыше всего. Так что дерзай, дружище, и да поможет тебе Амур вместе с Купидоном.

– Правда?! – ахнул тот, изумленно уставившись на Сангре. – Ты в самом деле отказываешься от *нее?!* Из-за *меня* ?! Да ты… ты… знаешь, кто ты…, – и не найдя слов, чтобы выразить свои чувства, он полез обниматься.

Но дальше Улан повел себя не совсем так, как рассчитывал Петр. Выразив свою горячую благодарность, он заявил, что… не может принять столь великой жертвы от друга.

– Да ладно тебе! – отмахнулся Сангре. – Не мешай стать страстотерпцем, в смысле терпеть от избытка страсти. Авось в святыни запишут со временем, то есть в святоши, – поправился он. – И вообще, нашел жертву. Я, когда решил отказаться, вмиг столько недостатков в ней откопал, чтоб сердцем не шибко терзаться – жуть. Во-первых, габариты не те. Руки как спички, и ноги как руки.

– Неправда! – горячо возразил Улан. – У нее все самое то.

– Для тебя. А я, как ты знаешь, люблю дам с большим… мм… количеством красоты в некоторых местах, вроде русской Афродиты у Айвазовского.

– А может Венеры у Кустодиева? – даже в такой момент педантичный Буланов не смог удержаться от поправки.

– Неважно, – отмахнулся Сангре. – Главное, ты понял мое требование: чтоб б**е** решь в руки – маешь вещь. Ну и грыжу заодно. А еще имеется во-вторых: умная она чересчур.

– Ну и что?

– Это тебе ну и что, поскольку ты у нас работаешь одновременно за гиганта мысли и за отца русской демократии. А мне со своим скудным умишком лучше жена не с университетским образованием, а с тремя классами церковно-приходской школы. Или нет, хватит одного. Тогда она точно будет слушать меня, открыв рот. Ну а в-третьих возраст. К твоей Изабелле и в паспорт заглядывать не надо – по лицу видно, минимум четвертак стукнул.

– Подумаешь.

– Во-от, тебе и на это наплевать, а мне подавай нечто юное, то бишь цветочек в возрасте тринадцати-четырнадцати годков. Эдакий юный бутончик с пустой головкой. И еще одно требование имеется. Учитывая нынешний век и простоту нравов, моя будущая избранница и коня на скаку должна уметь поймать, и вместе с ним на руках в горящую избу шагнуть… – он задумался, прикидывая, чтобы еще добавить, и выпалил. – Ну и корову уметь подоить. А эта испанка, как мне кажется, не знает с какого бока к ней подходить, – и подытожил: – Словом, такой бракованный экземпляр мне и даром не нужен. Забирай, а я еще и приплачу!

И вновь реакция Улана оказалась несколько неожиданной. Он уныло вздохнул и заявил, что как ему кажется, принесенная Сангре на алтарь их дружбы жертва не поможет, поскольку с одной стороны благородная испанская донья, дворянская кровь, а с другой дикарь-татарин. И он печально покачал головой, подводя неутешительный итог:

– То ли дело у тебя, дона Педро де ла Бленд-а-Меда.

Сангре с подозрением покосился на друга – не прикалывается

ли. Вроде не похоже, на полном серьезе. А коль так, то…

– Не боись, – выпалил он. – В этом я тебя с нею запросто уравняю. Ну и с собой заодно. Или нет: поставлю гораздо выше.

– Каким образом? Де Колгейтом меня наречешь или Аквафрешем?

– Последнее звучит ничего, – одобрил Петр. – А в переводе?

– Что-то типа свежей воды.

– Улан Свежая вода… Звучит почти как Чингачгук Большой змей, – Сангре скривился. – Не пойдет. Для твоего якутского племени мы изобретем нечто иное, позабористее, и потянем ниточку твоего рода от… брата Будды. А что, круто, родня бога. Ладно, сейчас недосуг, опосля твою гинекологию состряпаем, а пока делай загадочное лицо и говори, что твои фамилия и происхождение слишком известны и ты вынужден хранить это в секрете. Между прочим, временная загадочность тебе пойдет на пользу, окружит эдаким туманным ореолом тайны, притягивающим любопытных, каковыми являются все женщины без исключения. Так что дерзай, дружище Руслан, и Людмила-Изабелла непременно падет в твои объятия, – бодро заверил он друга.

Улан благодарно улыбнулся ему, но улыбка оказалась мимолетной.

– А внешность тоже уравняешь со своей? – горько осведомился он. – Нет уж, как любил говорить мой отец, рожденный луком никогда не станет розой, а если попытается, то будет выглядеть так смешно… – и он, не договорив, грустно махнул рукой, добавив, что коль проводить аналогию пушкинской сказки, то Русланом впору зваться самому Петру, а ему уготована судьба Ратмира.

– Да лишь бы не друг степей тунгус, в смысле Рогдай, – отмахнулся Сангре. – Хотя я бы на твоем месте не спешил расстраиваться заранее. Как говорят у нас в Одессе за любовь, её дорога столь непостижима, что в сравнении с нею путь гадюки прям аки полет стрелы. Напомню: раньше ты всегда добивался успеха у девушек благодаря заумным беседам, вот и действуй по стандарту.

– Какое там! – отмахнулся Улан, пожаловавшись: – Я и рот-то открыть боюсь – вдруг что-то не то ляпну. Представляешь, ни один комплимент на ум не приходит. Кстати, – оживился он, – А как будет по-испански «до завтра»?

Сангре удивленно посмотрел на Улана, но перевел.

– А «доброе утро»? – не отставал его друг.

– Да зачем оно тебе?! – не выдержав, взорвался после пятого по счету вопроса Петр.

– Ну-у, – замялся Улан, но Сангре успел догадаться сам.

– А ведь у тебя и впрямь мозги от любовной горячки закипели, – сокрушенно вздохнул он.

– Почему?

– Да потому что работай они нормально, ты бы ко мне с этим никогда не подошел. Балда, это ж ты у нее об этом должен спрашивать, чтоб таким макаром угрохать одним выстрелом сразу трех зайцев: во первых, под предлогом обучения испанскому быть с нею рядом, во-вторых через неделю благодаря своему полиглотству ты запросто сможешь трепаться с нею на ее родном языке, тем самым удивив ее одним из своих многочисленных талантов, а в-третьих, касаемо самого большого и вкусного для тебя зайца, – Сангре сделал паузу и предложил: – Ну-ка, попробуй догадаться сам.

Однако спустя минуту он понял, что дальнейшее ожидание бессмысленно – ответа все равно не будет – и, горестно вздохнув, пояснил:

– Кому помог, того и полюбил, горе ты мое прикаспийское. Усек? – он внимательно посмотрел на Улана и вынес диагноз. – Худо твое дело, парень. Неуверенность перед битвой – залог поражения. А ведь в реальности у тебя девяносто процентов шансов на победу. Точно, точно. Или не веришь? Тогда давай попробуем прикинуть вместе. Вот представь, что я – твой психоаналитик. Изложи, в чем ты видишь свои проблемы, а я разберусь – надуманные они или как. Поехали…

Но слушал он горестную исповедь Улана недолго, ибо с половиной сказанного о себе другом согласиться не желал, а оставшуюся половину попросту не понял – чересчур заумные слова. Наконец минут через пять он, окончательно вскипев, взорвался и заорал:

– Да плевать я хотел на твою нынешнюю эмоциональную нестабильность! И вообще, ты не интроверт, ты – шизанутый засранец с кучей комплексов! Жаль, я до сегодняшнего дня не подозревал, насколько огромна твоя сраная куча!

Улан, опешив, уставился на него и робко протянул:

– А можно мне поискать другого психоаналитика?

– Перебьешься, – решительно отверг его предложение Петр. – Будешь делать то, что я скажу, Ромео, иначе тебе и впрямь удачи не видать. А для начала напоминаю Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы им». Усек? Это я к тому, что никаких комплиментов и не требуется: прикуси губу, утри сопли, сожми сердце в свой могучий бурятский кулак, и крепись. Знакомая она тебе, хорошая знакомая и ничего больше, хотя в перспективе ты бы хотел иметь ее в друзьях. Да знаю, все

знаю, – замахал он на порывающегося возразить Улана руками, не давая вставить ни слова. – И как бы ты хотел ее иметь – знаю, и в качестве кого. Но об этом лучше на время забыть, и о своих нежных чуйствах тоже. Пойми, с любовью надо поступать как с маслом: хочешь подольше сохранить свежим, храни на холоде, а разогревай только перед самым употреблением.

– Собственное сердце не обманешь, – скорбно вздохнул Улан.

– Запросто, – не согласился Сангре. – И даже нужно обмануть, притом в первую очередь, не то оно же тебя и сдаст. Кстати, учитывая, что твои нынешние мозги ничего путного выдать не в состоянии, кидаю тебе от собственных щедрот мудрый дружеский совет: не относись к ней, как к музейной редкости.

– В смысле?

– В смысле не бойся трогать руками.

– Да пошел ты!

– Ну вот, я для него на всё, а он. Хотя… если как следует призадуматься, ты действительно прав, – пошел он на попятную. – Если женщину не тронули твои слова, не тронут и руки. Значит, вначале надо что?

– Что? – послушно повторил Улан.

Сангре вздохнул, сочувственно глядя на друга, однако комментировать в очередной раз его поведение не стал – что с убогого, в смысле с влюбленного, возьмешь. Вместо этого он терпеливо пояснил:

– Обаять, балда. Мамзель, как я заметил, весьма любознательна, посему предлагаю щедро открыть перед нею свои обширные горизонты и глубины, в кои и погрузить ее – пусть хлебает от души. Поверь, слушать она тебя станет с превеликой охотой, о чем бы ни зашла речь. Ну разве что в буддизм не шибко углубляйся, она ж католичка, и зачем тебе страстные дебаты? Да и космос не трожь, – внес он коррективы. – Зато познавательные рассказы из мира насекомых, животных, земноводных и растений, а особливо медицины, думаю, пойдут на ура.

– Считаешь?

– А то! И сам ее слушать не забывай. Кстати, насчет комплиментов… Допускаются лишь те, что касаются не её красоты, к таким, думаю, она привыкла, а её ума. Это оригинально, свежо и ей точно понравится. А где-то через недельку, не раньше, шарахни по ней из тяжелой артиллерии, то бишь трехстопным ямбом, хореем и птеродактилем, в смысле переходи на стихи. Она ж, сам поди слышал, на средневековом русском лучше нас с тобой шпрехает, наловчилась, проживая на галичине, посему любовную поэзию должна оценить.

– Да я их, в отличие от языков, как-то не очень… – вздохнул Улан.

– Не боись, подмогну, – заверил Сангре. – Кстати, и тут можешь в первую очередь на ее мудрость и знания налегать, но уже с намеками, чтоб получился плавный переход к чуйствам. Вот к примеру:

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.[11]

Хотя погоди, – осекся он. – Последнюю строку надо бы поменять, не соответствует. Понимаю, Пушкин, солнце русской поэзии, сукин сын и прочее, но рано, да и не обидится он, если

мы… Ага, пока скажешь так: «И недоступна никому», – он весело хлопнул приободрившегося друга по плечу и уверенно заявил: – Да она от одного этого вирша обомлеет и воспылает к тебе такой страстью, что мало не покажется. Только не вздумай говорить, будто не ты эти стихи состряпал – все испортишь. Ну а затем делаешь ей внимание через растительность…

– Чего?! – перебил окончательно обалдевший Улан.

– Букеты цветов начинаешь даришь, вот чего! – внезапно озлился уставший от втолковывания элементарных вещей Сангре, с ужасом наблюдавший как его умница-друг поглупел буквально на глазах, и мстительно добавил: – И под конец самое простое: объясняешься в любви, тщательно подобрав красивые слова и изящно разбавив их матом.

Однако шутка пропала втуне, ибо Улан простодушно спросил:

– А зачем разбавлять?

Это доконало Сангре и он зло рявкнул:

– Так, свободен! Как я вижу, у тебя по любому в памяти все не удержится, потому инструктаж будет дозированный и рассчитанный не более чем на неделю. Пока изображай ведущего из «В мире животных» и все. И умоляю, не старайся пыжиться и казаться лучше чем ты есть. Баб не обманешь, они фальшь сердцем чуют, как справедливо заметил знаменитый психолог уголовного мира гражданин Горбатый. Посему оставайся самим собой, как бы глупо это ни выглядело. Все понял? Тогда иди и небрежным тоном предупреди Загаду, чтоб она передала донье: мы свое дело сделали, спасли кого надо, а теперь уходим по делам и искать нас не надо – сами отыщем, когда понадобятся.

Улан молча кивнул и направился к двери. Сангре хмуро посмотрел ему вслед и вздохнул: шутки шутками, а ведь у друга и впрямь любовная горячка, которая подчас бывает похуже любой болезни. Тут дела надо делать, раненого допрашивать, прояснять, что там такого неправильного с этой Изабеллой – не может же предчувствие обманывать, а у побратима как назло голова не варит – кошмар да и только.

Но проанализировать, что именно его насторожило в словах испанки, он не успел…

Глава 4. Гадание на картах, или Людоедство по-литовски

– Я чего хотел, – начал робко застывший на пороге Улан, вернувшийся с полдороги и просительно взирающий на друга. – Мне бы… Ты вот карты иногда… Опять же твоя баба Фая… А ты сам говорил, что она у тебя того… И мне тоже вспомнилось, что

они у тебя всегда только правду… Так может ты… Ну-у, в смысле на Изабеллу и меня… Я, конечно, мало в это верю, но…

Сангре терпеливо выслушал бессвязную речь друга, достал из кармана карты, но, подумав, что не стоит рисковать – мало ли что выпадет – отправил Улана за квасом. Пока его не было, вытащил одну карту, недовольно хмыкнул, извлек вторую, нахмурился, вытянул третью и, досадливо плюнув, зло уставился на них.

Расклад получался такой, что хуже не придумаешь. В смысле, не вытащишь. Мало того, что все три карты сами по себе были плохими, так в сочетании они еще и усиливали друг друга. Получалось, не судьба Улану и Изабелле быть вместе. Вообще. Ни под каким соусом.

– А вот хренчики вам, робяты, – мстительно сообщил он им. – Вы мне этого не говорили, я этого не слышал. А сообщите вы моему побратиму совсем иное…

Выйдя в коридор, Петр на цыпочках подошел к лестнице и осторожно выглянул вниз. Никого. Удовлетворенно кивнув, он торопливо нырнул обратно в комнату, оставив дверь полуоткрытой, чтоб услышать шаги. Достав из кармана колоду, он принялся разыскивать в ней нужные карты. Найдя и уложив их под низ, удовлетворенно произнес:

– Вот так-то лучше. Будете гадать, что надо и никуда не денетесь, – после чего убрал колоду обратно в карман и как ни в чем не бывало подошел к окошку.

Дабы вернувшийся Улан ничего не заподозрил, Сангре поначалу стал отнекиваться от гадания, заявив, что человеку, прошедшему его краткий ликбез по охмурению и опылению, удача и без того обеспечена, а потому и карты ни к чему. Однако отказывался недолго – тот столь жалобно на него смотрел, что Петр, вздохнув, согласился.

Правда, на сей раз он не дал побратиму подснять, заявив, что раз гадание на него, то он не должен участвовать в манипуляциях с картами. Невозмутимо изобразив, что тасует колоду, он извлек первую. Как ни удивительно, ею оказалась одна из тех, что он вытащил первоначально. Каким образом она угодила под низ – непонятно. Петр растерянно уставился на нее, лихорадочно соображая, что теперь говорить.

– Ну что? – нетерпеливо осведомился Улан.

– Класс! – выпалил Сангре, мрачно взирая на трефового короля.

– В смысле?

– В смысле это надежный и верный друг, он же идеальный компаньон, – припомнилось Сангре. – Видишь, тебе даже карты подсказывают, что надо слушаться меня и все будет тип-топ.

Вообще-то он почти не солгал. Трефовый король действительно означал все, что Петр сказал. Правда, при условии, что был не перевернут. Увы, но в перевернутом положении он сулил беспокойство и разочарование вследствие краха замыслов.

– А теперь… вытянем еще одну, так сказать, чтоб осветить ситуацию поподробнее… – бодро заявил Петр, чуть помедлил для вящего эффекта и вытащил вторую карту. – О-о-о! – не сдержался он, удивленно глядя на трефового вальта, точно также как и король, выпавшего при гадании без Улана.

– Чего там?

– Просто супер! – выдавил Сангре (не говорить же про большую беду, которую валет предвещает в совокупности с королем), лихорадочно припоминая, что сулила карта, специально подобранная им, но куда-то запропавшая. – Означает исполнение желаний и достижение гармонии через искренность и приложение усилий, – торопливо зачастил он и, подумав, добавил для вящего правдоподобия: – Правда, скрывать не стану, она перевернута. Это говорит о трудностях, но их поможет преодолеть везение и уверенность в себе, после чего любимая особа отдаст вам свое сердце.

– Врешь ты все, – неуверенно проворчал Улан.

– Я-то да, могу для красоты приврать, а вот карты… Вспомни, они хоть раз солгали? Ничего подобного. Всегда выдавали святую истину, даже если нам хотелось услышать иное, – он вздохнул, с упреком покосился на трефовых короля с вальтом и со вздохом констатировал: – Короче, старче, даже если ты теперь станешь отбрыкиваться от своей Изабеллы, все равно не поможет, ибо карты гласят, что у тебя впереди только два возможных варианта развития событий: либо ты на ней женишься, либо она выходит за тебя замуж. Словом, эта донья – твоя судьба, – и он нараспев произнес:

Девочка и мальчик вместе гуляют по саду камней.
Тили-тили-рисовая похлёбка,
Будущий муж и жена.

От последних слов Сангре Улан и вовсе расцвел, расплывшись в блаженной улыбке. Петр удовлетворенно кивнул, оставшись доволен, что друг безоговорочно поверил его вранью, встал, торопливо сунул карты в карман и деловито попросил его:

– А теперь чуток отвлекись от радужных мечтаний, ибо нам надо заняться пленным Люсьеном, а потом я тебя сразу отпущу к щедрой покупательнице собственных родичей. Кстати, все-таки сходи предупреди ее, чтоб не искала нас до ужина.

Улан радостно закивал и мгновенно улетучился. Петр, для верности выждав несколько секунд, достал из кармана карты и, сказав самому себе, что действует исключительно ради интереса, вытащил третью карту. Ею оказался король пик, означающий ненадежного друга и смертельно опасного врага.

– Еще один нарисовался, хрен сотрешь, – пробормотал Сангре. – А учитывая, что кроме меня у Улана друзей здесь нет, что тогда получается? – хмуро осведомился он у короля. Тот молчал. – А получается, что вы, дорогие предсказатели, меня смертельно оскорбили. Ах, да, ты же перевернут, – спохватился он. – Уже легче. Тогда я ни при чем, а ты просто жадный, бессовестный тип, чья зловредность ограничена лишь недостатком возможностей.

Петр сунул короля обратно в колоду, но загадка с исчезнувшими из-под низа картами не давала покоя и он, криво усмехнувшись, осведомился:

– А интересно, что выпало бы, если б я гадал на себя и донью?

Он вновь потасовал карты, небрежно вытащил из середины одну за другой три штуки и остолбенел. Некоторое время он разглядывал их, не веря своим глазам. Еще бы, ведь они оказались именно теми, которые он приготовил для Улана. Но тут на лестнице послышались торопливые шаги и Сангре, спохватившись, сунул колоду обратно в карман.

…Водворенный слугами Олельки в подклеть, где совсем недавно хранились продукты, фра Луис, сидящий среди бочек с капустой, огурцами и прочей снедью, выглядел эдаким чужеродным пятном, напоминая черную ворону. Он и глядел на друзей примерно точно так же, как птицы иногда смотрят на людей: нахохлившись и чуть склонив голову набок. С минуту Петр внимательно разглядывал его, подведя неутешительный итог:

– Легче найти негра в рядах Ку-клукс-клана, чем заставить его пойти на чистосердечное.

– Думаешь?

– Точно. Скорее солнце рухнет на землю, Евросоюз откажется от двойных стандартов, а западенцы возлюбят москалей, – Сангре вздохнул. – Ну и что с ним делать? За ваучер и на дыбу? А если он того и ждет, чтоб в страдальцы записаться или как я, в страстотерпцы? – он вопросительно оглянулся на Улана и нахмурился. Тот вроде бы смотрел на Эспиносу, но, судя по отсутствующему взгляду, мысли его явно витали где-то далеко. – Понятно, по-прежнему в любовных эмпиреях, –

прокомментировал Петр и тяжко вздохнул, посетовав: – Все самому, все самому, и никакой тебе поддержки. Ну ладно, будем изобретать в одиночку, – он призадумался и загадочно протянул. – Разве попробовать создать соответствующую декорацию…

С декорацией оказалось просто. Жарко пылающая печь с торчащими из огромного зева кочергами, саблями и прочим колюще-режущими предметами. Неподалеку открытый ящик с нехитрыми инструментами – клещи, молотки и прочее, принесенный по просьбе Сангре местным кузнецом. Он же вбил в бревна стены подле печи два больших крюка. Оглядевшись, Петр, охваченный творческим азартом, удовлетворенно кивнул:

– Кажись, антураж в порядке. Будущую жертву, сплошь залитую кровью, которую продемонстрируют и отволокут, у нас сыграет Ажуолас. Он, правда, дубоват слегка, не зря его родители в честь этого дерева назвали, но когда до конца уясняет, что именно от него требуется, отрабатывает на совесть. Помнишь, как он ловко при взятии Христмемеля умирающего крестоносца изображал? Я, когда оглянулся и увидел, ей-богу, если б не знал, что понарошку, разрыдался бы. Умирающая лебедь близко не стояла. Ну-у, два палача – тут без выбора, Локис с Вилкасом. И следователь с переводчиком, то бишь я и ты. Но чтоб железно расколоть, нужна, согласно инструкции папаши Мюллера, третья степень устрашения.

– Пытать станешь? – и Улан удивленно уставился на Петра.

– Фу-у, – брезгливо скривился тот. – Под пытками он скажет все, что нам угодно, но не факт, что оно окажется правдой… Нет, требуется сломать мужика, чтоб раскис и поплыл, то бишь неожиданный ход.

– А ты как с Дитрихом.

– Плохо ты думаешь за одессита: один и тот же трюк дважды, причем за столь короткий срок. Нет, ежели для пользы дела, я не против, но он не рыцарь, а монах. У них с нетрадиционной любовью без проблем, еще и обрадуется, гад. Нужно как-то иначе.

– Погоди, погоди, а почему ты Яцко переводчиком не хочешь взять? – остановил его Улан.

– Я не знаю, что за тайну скрывает этот капуцин и выбьем ли мы ее из него, но вдруг получится. Следовательно, лишние уши нам ни к чему и переводить придется тебе.

– Кстати, судя по имени и фамилии монах явно из испанцев. Мог бы и сам в толмачи податься, – намекнул Улан.

– Торопишься пройти курс оказания первой медпомощи, – понимающе кивнул Петр. – Успеешь, родной. Прибереги донью на десерт и займись основным блюдом. Ты ж не маленький, чтоб я

уговаривал тебя вначале мясо доесть, а потом за шоколадку браться… Стоп! – остановил он себя и, радостно заулыбавшись, сообщил другу. – Кажется, у меня появилась свежая идея, удмурт ты мой влюбленный! Мясо-то разное бывает, в том числе и… Помнишь, как мы пленного московского дружинника в Липневке запугали? Значит так, Локис с Вилкасом у нас станут не просто заплечных дел мастерами, а… людоедами.

– Ке-ем?

– Литовскими людоедами, – твердо повторил Петр, – иначе нам эту Люсю не расколоть. Но психика у него закаленная, всякого навидался, а то и сам, поди, кишочки из еретика вытягивал потихоньку, потому запугать этот ходячий опиум для народа не просто – придется продемонстрировать все воочию. Значитца так, кушать они будут различные части тела, например, ногу, отрезанную у жертвы предыдущего допроса, то бишь у Ажуоласа, он как раз мужик в теле. И не только кушать, но и угощать человеческим мясом монаха. Или нет, лучше угощать его стану я. Правда, если эта Люся позже увидит его невзначай о двух ногах, вмиг догадается о нашем фокусе-покусе. Ага, мы ему всю рожу кровью замазюкаем, тогда нипочем не признает.

– И пойдет о Литве слава по всей Европе, как о язычниках-людоедах, – протянул Улан.

Сангре нетерпеливо отмахнулся:

– Пусть говорят. Уж здесь-то нам при любом раскладе не жить, – твердо заявил он, – а потому мне наплевать, что о них будут думать разные придурки. Кстати, для Гедимина я вижу из этого сплошную практическую пользу.

– Даже так?

– А ты сам подумай. Орден откуда пополнения берет? Из Европы. А при наличии таких слухов приток сюда разных козлов, уж поверь мне, значительно сократится. О, кстати, надо бы подкинуть эту идейку кунигасу. А теперь с помощью нехитрых приспособлений мы убедим допрашиваемого, что с предыдущим пациентом приключился полный ой…

И Сангре, расхаживая по будущей пыточной, принялся бормотать себе под нос, что надо приготовить приличный муляж, попрочнее прикрепив его к сапогу, а к пыточному набору обязательно добавить в качестве шампуров три-четыре железных прута, чтоб было на чем жарить куски, отрезанные от псевдоноги. Разумеется, не забыть ножовку, а то непонятно, чем ее пилили. Кровушки понадобится не меньше двух литров, а лучше три, чтоб железно хватило. Вдобавок желательно…

– Слушай, а может, ты сам все-таки переводом займешься? – перебил Улан друга, не на шутку увлекшегося разработкой

будущей мизансцены. Переспросил на всякий случай, особо не надеясь на положительный ответ. Петр внимательно посмотрел на него и тяжело вздохнув, сокрушенно констатировал:

– Любовная горячка, осложненная психозом страсти.

Улан, чуть поколебавшись, кивнул, решив безропотно соглашаться со всеми подколками – авось смягчится и отпустит. Но не тут-то было. Сангре, поморщившись, положил руку на плечо друга и, сменив тон на более серьезный, пояснил, что общение с Боней-Филей ему, конечно, же пошло явно на пользу. Вспомнилось и то, чему учил дед, да и много нового в память влезло, но перевести все перлы славного города Одессы на испанский ему все равно не под силу. Посему своим лихорадочным подбором нужных слов и неуверенным бараньим блеянием в самый неподходящий момент он может резко и бесповоротно нарушить впечатление от зловещего антуража.

И совсем другое дело, когда он, Сангре, будет в своей тарелке, то бишь острить, прикалываться, свирепствовать, рычать, матюкаться и так далее, напрямую передавая букет своих бурных эмоций гражданину подследственному и вводя его в состояние, граничащее с шоковым. Ну а Улану, как толмачу, хладнокровие и выдержанность позволительна, ибо общей ужасной картины его поведение не испортит, но напротив, усугубит ее, создав должный контраст.

И, увесисто хлопнув друга по плечу, весело подытожил:

– Ничего, старина, успеешь ты… к своему десерту.

Глава 5. Третья степень устрашения

Когда двое дюжих слуг привели фра Луиса в комнату, первое, что бросилось в глаза монаху – истерзанное окровавленное тело, обнаженное по пояс и безжизненно валяющееся на полу. Крови в комнате вообще было столько, что становилось непонятно, как этот кусок мяса еще жив. Подле тела возились двое в кожаных фартуках. Неподалеку на полу лежала здоровенная пила, тоже покрытая кровью. На зубцах ее виднелись какие-то странные белые кусочки, а рядом с нею лежала… Инквизитор пригляделся и содрогнулся – отпиленная человеческая нога, причем до сих пор обутая в сапог. Да что сапог, когда палачи не удосужились задрать штанину – так и пилили вместе с нею.

Странное дело – раньше, когда сам Эспиноса занимал место за столом в пыточной, задавая вопросы и старательно выводя очередного вольнодумца на чистую воду, он как-то хладнокровно реагировал на то, что творят с жертвами палачи, а здесь ноги его ослабели.

«Оно и понятно, – нашел фра Луис объяснение, – ведь в инквизицию попадают исключительно еретики, а их полноценными людьми не назовешь. Да и цели совершенно разные. У нас благая, облегчить душу пытаемого, освободить ее от тяжкого груза греха, вернуть в лоно истинной церкви, а здесь…»

Опять же и сам процесс допроса у них проходил не столь варварски. Ну, проступала на теле еретика кровь после ударов бичом, но не в таком количестве, а касаемо иных пыток… Да, трещали разламываемые от «испанского сапожка» косточки на пальцах рук и ног, сгорали внутренности, обваренные при вливании в рот кипятка через здоровенную воронку, шкворчала на ступнях кожа во время поджаривания жертвы на испанском кресле, но все практически бескровно. А вот ногу ржавой пилой…

«Хотя что с них взять – варвары, язычники, – невольно пришло ему на ум. – Никакого сострадания к человеку».

В это время один из палачей, возившихся с несчастным, поднял голову и что-то негромко прорычал. Фра Луис встречал в своей жизни всяких людей, но при виде этой чумазой рожи, больше похожей на уродливую маску, ему стало совсем плохо. А когда окровавленные пальцы потянулись к нему и рожа оскалилась, демонстрируя огромные, изрядно выпирающие вперед клыки, монах попросту потерял сознание.

– Мда-а, – задумчиво протянул Петр, невозмутимо разглядывающий лишившегося чувств инквизитора. – Ладно, пока есть время, вы, ребятки, привяжите монаха к крючьям, а Локис с Вилкасом пускай вынесут нашу жертву. Обоим ждать у дверей. Войдете, когда услышите мой стук.

– А ты не переборщил? – тревожно осведомился Улан. – Честно говоря, даже мне не по себе.

– Но ты же знаешь, что кровь телячья, а отрезанная человеческая нога – коровья ляжка, закрепленная в сапоге, – удивился Сангре.

– Но выглядит все так, что.…

– В самый раз, – мрачно ответил Петр, посоветовав: – Станет жалко, освежи в памяти недавние воспоминания. Это я про безвременно почившего от его руки гонца Моню. Да и второй, невзирая на все старания Изабеллы, то ли выживет, то ли нет. И кого-то из них завалил именно гражданин… Стоп, дискуссия отменяется. Кажется, Люсьен приходит в себя. Сделай умное лицо и задумчиво ухватись за перо.

Первоначально речь очнувшегося монаха была загадочной, ибо он лопотал на каком-то непонятном языке. Чуть погодя внимательно слушавший его Улан сделал вывод, что это латынь и

велел ему переходить на немецкий. Тот послушно закивал и залопотал еще быстрее, но куда понятнее.

Правда, по его словам выходило, что во всем виноват его обезумевший спутник. Именно потому он сам поначалу опасался подчиниться требованиям благородного кабальеро и лишь убедившись, что Фернандо мертв, послушно сел на козлы и в дальнейшем охотно выполнял все приказания благородных.

– Ты про донью Изабеллу у него спроси, – перебил Улана Петр. – Зачем они ее украли?

Оказалось, причина проста – испанка слишком тесно общалась с тамплиерами, имела нескольких родственников из их числа и, как стало известно инквизиции, приняла от арестованных рыцарей несколько еретических свитков. Последние содержали колдовские заклинания и прочие непотребные тайны, вплоть до вызова дьявола Бафомета, к услугам коего тамплиеры частенько прибегали во время своих собраний. Кроме того, она сама заподозрена в ереси и есть немалые основания полагать…

Прервав себя на середине, Улан сердито махнул рукой.

– Дальше не буду: он все врет.

– Думаешь?

– Уверен. Я ж на него не как на обвиняемого смотрю – как на свидетеля, а на них я, если ты помнишь, собаку съел.

Петр задумчиво прошелся по комнате из угла в угол. Остановившись, он сурово уставился на Эспиносу и, не сводя с него пристального взгляда, извлек из кармана штанов гривну.

– Узнаешь, гад ползучий? – сурово осведомился он.

Монах что-то виновато пробормотал.

– Говорит, он с самого начала заподозрил нелады с этими гривнами, но их вины нет. Это проделки новгородских купцов, – перевел Улан.

– Ну да, и тут во всем Россия виновата, – мрачно прокомментировал Петр. – А у купца новгородского фамилия часом не Путин, а? Слыхали мы эти басни. Хоть бы постыдились семьсот лет талдычить одно и то же, притом весьма неумело, – и он торжествующе усмехнулся. – Кстати, сам же ты и выдал свою контору, ведь я тебе претензий насчет фальшивых гривен еще не предъявил…

Он вплотную подошел к Эспиносе и с угрозой выдохнул прямо ему в лицо:

– Ну вот что, друг ситный. Разговор о серебре мы оставим на потом, как наиболее приятную тему, а пока потолкуем за остальное. Звонишь ты складно, спору нет, но все это – голимая брехня. Хорошенькую моду вы взяли – убивать живых людей. Я, про между прочим, вот уже второй день плачу горькими слезами

за дорогих моему сердцу покойников, из коих половина на твоей совести. И не делай невинность на своем лице – не поможет! Ее может доказать только тестирование на «испанском башмаке» и раскалённом до белого каления чугунном славянском утюге и будь уверен, за ними дело не станет. Но шанс избежать их я тебе даю при условии, что ты мне как на духу поведаешь, чего вы на самом деле хотели от доньи Изабеллы и славного идальго Дон Кихота Ламанчского, больше известного тебе под псевдонимом Бонифаций Фелипе де Рохас-и-Марино? И запомни: между отделаться и обделаться у тебя есть ровно миг. Если ты сейчас заговоришь и все нам расскажешь, будет первое, если нет… – он многозначительно развел руками.

Монах, выслушав перевод Улана, набычился и не сказал ни слова. Выдержав паузу и поняв, что ответа не дождаться, Сангре невозмутимо продолжил:

– Если тебе не нравится моя дикция, я могу пригласить для продолжения диалога парочку симпатичных патологоанатомов, но предупреждаю: чересчур азартные ребята. Могут по инерции вовремя не остановиться, продолжая потрошить до победного конца. Ну что, будем и дальше валять вашего дурака в пыли жизненных противоречий?

Инквизитор встрепенулся и торопливо затарахтел, но Улан, не став переводить, заявил, что монах опять врет.

– Вот! – торжественно произнес Петр, тыча пальцем в друга. – Добрый самаритянин завсегда сердцем чует! Дурилка ты картонная, одессита обмануть надумал.

Фра Луис умолк, насупившись и хмуро глядя на Сангре. Тот сокрушенно вздохнул.

– Ну, коль ты дубовый, как этот стол, – он постучал по столешнице, подавая условный сигнал жмудинам, – придется звать симпатяг-проктологов.

Локис с Вилкасом не заставили себя ждать, войдя через пару секунд после стука. Уставившись на Петра, они, повинуясь его кивку-команде, шагнули к печке. Старший из братьев извлек из огня багрово-красные клещи, младший – раскаленную добела кочергу. С ними наперевес, злобно скалясь, оба дружно шагнули к инквизитору.

Однако по пути Локис якобы нечаянно задел валявшуюся на полу человеческую ногу и остановился, уставившись на нее и сурово хмуря брови. На губах его выступила слюна. Прорычав нечто невразумительное, он указал на нее Петру. Тот поморщился, но нехотя кивнул, давая добро.

Вытаращив глаза от ужаса, Эспиноса увидел, как самый страшный на вид палач, ухватив отрезанную ногу, поднес ее ко

рту. Откусить, правда, не успел, поскольку Сангре негодующе хлопнул его по руке, укоризненно покачал головой и указал на прислоненные к печи железные прутья.

Палач, проворчав в ответ что-то загадочное, тем не менее подчинился и, в свою очередь, указал на прутья своему подручному, а сам, присев на корточки спиной к фра Луису и достав из-за голенища нож, принялся что-то делать с отрезанной ногой. Что именно, монах не видел, но понятно было и так: напарник получал от палача и нанизывал на прутья один окровавленный кусок мяса за другим. Вскоре прутья оказались в печи и до фра Луиса донесся запах поджариваемого мяса.

Инквизитор зажмурился, но от этого ему стало еще страшнее. Да и запах никуда не делся. Скорее напротив – усилился. А еще к нему добавилось легкое потрескивание от капающего в пламя жира. У Эспиносы появилось горячее желание заткнуть себе уши и нос. Увы, но оно было неосуществимым – руки-то привязаны. Он попробовал воззвать к Сангре, но не смог вымолвить ни слова, жалобно замычав. Впрочем, Петр его понял.

– А ты что думал? – развел он руками. – И палачи кушать хотят. Да они у меня всегда так делают, чтоб не покидать рабочего места. Вон и у тебя когда чего-нибудь отрежут, тоже далеко уходить не станут – прямо здесь и поджарят. Уланчик, а ты чего застыл там за столом. Ты переводи мои ответы, переводи, – промурлыкал он, не меняя тональности и даже не поворачиваясь к другу.

Улан, спохватившись, послушно перевел. Эффект от услышанных слов не замедлил сказаться и первым это обнаружил Сангре. Поморщившись, он с укоризной заметил инквизитору:

– Тю на тебя. Я ведь предупреждал, что отделаться значительно приятнее, – и, повернувшись к Улану, констатировал: – Ошибся я в нем. Геройство так не пахнет.

– Нога, – наконец выдавил фра Луис.

– Как ты кратко изъясняешься, – восхитился Сангре. – Даже я понял сие немецкое слово. Ну да, филейная часть вкуснее, да и костей там поменьше, но чего нема, того нема. Зато свежатинка, всего полчаса назад оттяпали, – и он властно распорядился. – Дайте-ка мне, ребятки, на пробу.

Локис что-то рыкнул в ответ, но Петр отмахнулся:

– Да неважно, что не прожарилось, я люблю, когда с кровью.

Улан добросовестно перевел и этот диалог, чтоб инквизитор получше проникся собственными перспективами. Меж тем Вилкас послушно извлек из печи один из прутьев и протянул его Петру. Тот понюхал и умилился, закатив глаза кверху:

– М-м-м, какая прелесть, – и он аккуратно откусил небольшой

кусок.

Из глаз монаха потекли слезы. Он вновь умоляюще замычал.

– Никак сказать чего хочешь, мил человек? – осведомился Сангре. – Тогда советую поторопиться, а то они сейчас трапезничать закончат, и говорить ты будешь не в состоянии, исключительно орать. А потому не таись, облегчи душу. А я тебе, как верховный вайделот Индры и главный жрец Заратустры, мигом все грехи отпущу.

– Мясо, – с трудом выдавил монах.

– Ну да, мясо, – недоуменно согласился Петр. – А чего добру пропадать? Или… А-а, я ж совсем забыл, в какой конторе ты трудишься, – заулыбался он. – Вы ведь своих тоже того. Понимаю, ностальгия, родину вспомнил, привычную работу. Так тебе пожевать захотелось, коллега? Ну это мы мигом. Ты, правда, и на пару грамм не успел наговорить, но будем считать твою пайку авансом… Ну-ка, народ, шампур сюда.

Эспиноса резко отвернулся от поднесенного к его рту куска мяса, а чуть погодя учуявшего запах монаха вырвало. Отдышавшись и видя, что его вот-вот вновь станут угощать человечиной, он умоляюще замычал, протестующе замотав головой.

– Ах ты вон о чем, – кивнул Петр и задумчиво подтвердил: – Точно, посолить они, заразы, как обычно, забыли. Да ты не серчай – они и жарить-то его совсем недавно научились. Хотя что я говорю, сам поди видел, как они прямо при тебе его сырым сожрать хотели. Соль, мать вашу, для дорогого гостя! – сурово рявкнул он.

Вилкас услужливо протянул солонку. Сангре, не снимая с прута мясо, обильно посыпал все куски солью и вновь поднес его ко рту монаху, подбодрив:

– Ну ты чего, Люсьен? Это ж у него поначалу вкус непривычный, сладковатым кажется, а когда распробуешь, за уши не оттянешь. Точно, точно. Уланчик, друг ситный, не молчи, – тем же тоном вторично напомнил он другу, – обрисовывай нашему сермяжному пинжаку его радужные каннибальские перспективы. Да скажи, что за хорошее поведение мы его попозже человечьими ушами накормим, а они вообще прелесть как хороши. Такие хрусткие, особенно если на свином сале обжарить – попкорн близко не лежал. Правда, если станет молчать, то уши в дело пойдут его собственные, но это несущественные детали, все равно вкуснотища, а пока… – и он вновь поднес к губам монаха шампур, сменив тон на повелительно-приказной. – Давай, жри, фраер ушастый. День сегодня скоромный, имеешь право. Ах да, молитва, – спохватился он. – Ну, господи благослови. А

хочешь, я для вящего аппетиту японскую хойку тебе прочту? – и он, не дождавшись согласия, процитировал:

Рисовую лепешку испёк самурай
Вот такой вышины, вот такой ширины.
Самурай, самурай, кого хочешь выбирай.

Фра Луиса вновь стошнило. Сангре поморщился, глядя на зеленовато-желтую желчь, стекающую по монашеской рясе, и попрекнул:

– Твоя негативная реакция на мои вирши ранила тонкие чуйства поэта до самой глубины его хрупкой нежной души. Да и священный долг гостеприимства обязывает. Короче, теперь я тебя, гада кусок, точно накормлю. Или ты вначале хочешь за некую донью с ее деньжатами побалакать? Тогда дело иное – ради разговора о бабах я готов даже еду в сторону отложить, – не дождавшись ответа, Петр презрительно скривился. – То есть собираемся молчать? Ну и дурак. Думаешь, какие-то тайны нам откроешь? Зря. Нам их давным-давно сама Изабелла рассказала. А попутно сообщила, что вы – посланцы сатаны. Правда, она уверяет, что сама, в отличие от вас, чиста пред господом, во что мне лично мало верится, но, учитывая твое молчание… – он развел руками. – Словом, коль не получается сравнить ваши показания, остается во всем довериться ей…

Эспиноса, изумленно вытаращив глаза, что-то возмущенно выкрикнул.

Улан поморщился и нехотя перевел:

– Говорит, что она лжет.

Сангре хмыкнул:

– Ишь, как людей несправедливость возмущает. Даже инквизиторов, – он повернулся к монаху и упрекнул его. – Зря ты так грубо про Изабеллу. Не может она лгать, поскольку знает, что ее кузен после взятия Христмемеля снова в наших руках. Так что все основное нам известно. Да, да, родной, мы уже знаем и о спрятанных сорока разбойниками-тамплиерами сокровищах, и о пещере магистра Али-бабы, в которой они сейчас находятся и которую вы так долго искали, и даже о заветном слове, позволяющем ее открыть. Это я, как ты понимаешь, говорю аллегориями, но ты – мужик умный и прекрасно понял, о чем именно речь, – и он весело подмигнул монаху.

Едва Улан закончил, как Эспиноса исступленно заорал:

– Найн, найн! – и вновь что-то возмущенно затараторил.

– Говорит, на самом деле не все так, как мы думаем и раз нам все равно известно о сокровищах и о долге и обязанности… –

протянул он недоуменно, и неуверенно поправил себя: – о долговом обязательстве, то и он готов рассказать истинную правду, в том числе и о ней, и ничего не утаить, – перевел Улан и уважительно покачал головой. – Ну ты, Дон, сегодня превзошел самого себя. Как сюжет закрутил!

Петр крякнул, старательно убирая проступившую улыбку, и, повернувшись к инквизитору, сожалеюще посмотрел на шампур.

– Мяско остынет, – неуверенно протянул он. – А стоят ли какие-то несущественные подробности того, чтоб мы лишали себя удовольствия угостить тебя нашими изысканными блюдами, словоохотливый мулла?

Ответ фра Луиса напоминал пулеметную очередь, настолько монах торопился.

– Он умоляет его выслушать, – невозмутимо перевел Улан. – А еще он просит поверить именно ему, а не… – он запнулся, но после короткой паузы продолжил: – а не Изабелле.

– Ладно, я сегодня добрый, – смягчился Сангре. – Был бы ты каким-нибудь позорным брехунякой из украинских теленовостей, тогда другое, а порядочному инквизитору отчего не поверить. Давай, манерный, изложи, что там мы не знаем и за что ты сегодня будешь жрать приличную пайку.

Едва Улан закончил переводить, как фра Луис покосился на жадно пожирающих поджаренную человечину Локиса с Вилкасом, рвущих крепкими зубами свои куски прямо с прутьев, и что-то торопливо промычал. Судя по тону, это была просьба.

– Он просит вначале удалить палачей и… ногу вместе с мясом, – усмехнулся Улан.

– Запросто, – согласился Петр и сурово рявкнул на Локиса с Вилкасом. – А ну, народ, кыш отсель вместе с шампурами! Устроили, понимаешь, закусочную в исповедальне. Никакого почтения к пыточному делу, – он повернулся к монаху и продолжил: – А вот ногу, родной, как напоминание, мы на всякий случай оставим. И имей в виду, мерзопакостный, – дружески улыбаясь, погрозил он инквизитору пальцем. – Ежели ты опять попробуешь запираться, то я приведу своих литвопитеков обратно, а они голодные, и придется тебе с ними поделиться… собой, – он пощупал ногу Эспиносы чуть ниже колена и удовлетворенно кивнул. – А ты ничего, упитанный. Точно наедятся. Но вначале оттяпают от твоего гнусного организма кое-какие ненужные органы! Это чтоб тебе плясалось хорошо, – и оценивающий взгляд Сангре, скользнувший от ног к голове, красноречиво застыл где-то на полпути, давая понять, что именно он подразумевает под ненужными органами.

Фра Луис замотал головой, торопливо заверив, что скажет

чистую правду, лишь бы они пообещали не отдавать его на растерзание этим диким людоедам-язычникам и больше не пытались накормить человечиной.

– Выходит, вы после своих костров еретиков выбрасываете?! – изобразил удивление Сангре. – А зачем тогда вообще их жарите? Это ж не рационально – столько дров истратить, а мясо на помойку, – и он подвел итог. – Ну вы и дикари там у себя в европах. Впрочем, желание гостя, если он искренен, для хозяина закон: предлагать не стану. А дабы тебя не смущать, я и сам выйду. Но смотри у меня, мракобес. Едва ты начнёшь пудрить мозги, он, – Петр указал на Улана, – немедленно позовет меня, а сам уйдет. Ну а я, вернувшись вместе со своими гарными пригожими парубками, без лишних слов начну тебя откармливать и никакие твои рассказы не помогут, поскольку я из вашего дойча понимаю лишь Гитлер капут.

Он кивнул Улану. Тот перевел, жестко чеканя каждое слово. Монах вновь энергично закивал, явно соглашаясь на все условия.

– Действуй, старина, – бросил Сангре другу. – Кажись, клиент спекся. Давай, дожимай хмыря. А если его красноречие станет иссякать, ты пройдись возле него и эдак задумчиво попинай наш муляж. Но легонько, а то как бы ляжка из сапога не выпала, и без того на честном слове держится, – и он, с сознанием качественно выполненной работы, направился к выходу, а к вечеру внимательно слушал Улана, вытянувшего из Эспиносы максимум возможного. А знал инквизитор немало…

Глава 6. Тайна золотого ключика

Судя по словам фра Луиса, сокровища действительно имелись, причем огромные.

– Если бы не твои слова насчет пещеры и сорока разбойниках-тамплиерах, он, может, и не раскололся бы, – отдал Улан должное Петру. – Да и про заветное слово ты упомянул гениально. В самое яблочко угодил. Кстати, он несколько раз предостерегал нас, говорил, что у храмовников проклятое золото и напрасно мы устремились на его поиски: добра от него ждать нечего.

– Давай, давай, не томи! – поторопил друга Петр. – Выкладывай, чего нарыл.

– Я для ясности буду сразу свои комментарии добавлять и то, что логически домыслил, – предупредил Улан и приступил к рассказу.

…Все началось где-то за пару лет до роспуска ордена. Именно тогда французский король Филипп[12], ободрав

проживавших в его стране евреев, а заодно и ломбардцев, положил свой завистливый глаз на сокровища братьев-храмовников. Но поначалу, не желая делиться с римским папой – а ведь пришлось бы, иначе тот никогда не дал бы своего разрешения на арест и конфискацию имущества – он решил заранее изъять у тамплиеров их денежки.

Не далее как за год до начала решительных действий Филипп успел вытянуть из казны ордена кругленькую сумму в четыреста тысяч флоринов. Разумеется, взаймы на пару лет, причем под 12% годовых, то есть под обычный, а не льготный процент, выдав расписку почти на пятьсот тысяч[13].

Произошла сделка благодаря главному казначею ордена. Улан, заглянув в свои записи, хотел назвать его имя, но Петр торопливо замахал на него руками, заявив, что всякие Жаны, Карлы, Франциски и Людовики сбивают его с мысли и мешают вникать в суть. И вообще ему за глаза хватает Эспиносы и Бони. Если Улану так неймется, пускай назовет по имени главного магистра ордена – одного он выдержит – но не больше.

– Зря писал, – вздохнул Улан.

– Не зря, – возразил Петр, ныне в точности напоминая прежнего капитана российской полиции Сангре: подавшись вперед всем телом, он сосредоточенно слушал друга, не упуская ни единого слова. – Не зря, поскольку, как мне кажется, впереди еще один допрос и на нем мне твой листок очень и очень сгодится.

Улан недоуменно хмыкнул, обиженно посопел, не понимая, какие могут быть вопросы к инквизитору после *его беседы с ним* , но спорить не стал, послушно продолжив рассказ.

Оказывается, заполучив таким образом четыреста тысяч, король не угомонился. Аппетит приходит во время еды и Филипп, выяснив, как обстоят дела с казной ордена, решил практически полностью выгрести ее, попросив еще шестьсот тысяч флоринов. А чтоб соблазн был как можно сильнее, удвоил процент, доведя его до ломбардского, одновременно увеличив срок отдачи до семи лет. То есть получалось, что одних процентов король должен был выплатить более семисот тысяч. А чего скупиться, коль отдавать не придется.

Но на сей раз казначей не рискнул действовать самовольно, тем более великий магистр Жак де Моле должен был вот-вот вернуться в Париж и провернуть сделку в его отсутствие все равно не успевали. Филипп не унывал, зная жадность де Моле – должен соблазниться. Скорее всего, так оно бы и случилось, но к тому времени магистр уже знал о королевских замыслах, ибо через одного из тамплиеров, чей брат служил казначеем у

римского папы, Жак де Моле успел получить известие о предстоящих обвинениях, приготовленных для ордена людьми французского короля. Поэтому первым делом, вернувшись в столицу Франции, в наказание за то, что казначей действовал через его голову и четыреста тысяч перекочевали к Филиппу, магистр выкинул финансиста из тамплиерского братства и отказался принять обратно, хотя за него ходатайствовал сам король. А письмо римского папы с просьбой о помиловании казначея, де Моле, по слухам, швырнул в огонь, не читая.

Что же касается нового займа, все оказалось сложнее. Давать взаймы деньги королю магистр не собирался, но отказать Филиппу просто так означало пойти на открытую конфронтацию. Это тоже нежелательно. Следовательно, требовалась веская причина для отказа. И тогда де Моле принял совет человека, который и привез к нему двумя месяцами раньше брата папского казначея.

– Это был рыцарь-тамплиер из небольшого португальского замка Эксемен де Ленда, – неспешно произнес Улан.

– Ну я ж просил, чтоб ты имена… – начал был Петр и, осекшись, уставился на друга. – Погоди, погоди. Уж больно знакомо звучит. А он случайно не…

Улан, усмехнувшись, кивнул.

– Случайно да. Он – кузен Бонифация, а Изабелле вообще приходится единокровным братом она тоже в девичестве была де Ленда.

– Так, так, и что там дальше? – поторопил его Сангре.

Улан усмехнулся, довольный произведенным на друга впечатлением, заглянул в свои записи и зачитал, в чем заключался совет Эксемена магистру. Суть его состояла в том, чтобы срочно избавиться от денег, отдав их взаймы, но, разумеется, не королю. Назвал де Ленда и имя человека, готового принять такую сумму.

Предлагаемый купцом процент был весьма низким, всего семь с половиной, а кроме того, сам он был… евреем. Однако подкупала его репутация. Овадья бен Иегуда славился во всем торговом мире своей безукоризненной честностью, поэтому на него можно было положиться. *Этот* вернет сполна, даже если король все равно затеет процесс против ордена и пройдет несколько лет, прежде чем они смогут потребовать свои деньги обратно.

Имелся и еще один немаловажный довод в пользу Овадьи. Если Филипп каким-то образом и узнает, куда делось золото, отобрать его у бен Иегуды он не сможет. Добровольно тот ничего не отдаст, а тайно выкрасть самого купца из славного города

Гамбурга, то есть с территории Священной римской империи, нереально. Действовать же в открытую, то есть отправить на его поимку вооруженный отряд, тоже чревато. Купец был солидным уважаемым членом Ганзейского союза, связываться с коим само по себе опасно. Кроме того, император Альбрехт I из рода Габсбургов, отличавшийся суровостью нрава, неуживчивый, угрюмый, но главное, весьма корыстолюбивый, навряд ли позволит Филиппу посягнуть на права своих подданных, добросовестно выплачивающих в его казну огромные торговые пошлины.

– Мда-а, – задумчиво протянул Петр и, не удержавшись, процитировал:

Везде, где слышен хруст рублей
и тонко звякает копейка,
невдалеке сидит еврей
или по крайности еврейка[14]…

Вот теперь, с появлением этого Оладьи картина в каморке папаши де Моле с нарисованным очагом получила полное завершение. Конечно, обширно колышущаяся Хая выглядела бы несравненно лучше, но выбирать не приходится: согласимся на Оладью с его крючковатым шнобелем, благородными пейсами и стареньким лапсердаком. Да ты продолжай, продолжай, – спохватился он.

Улан вновь заглянул в свои записи и послушно продолжил.

Кто разработал схему вывоза золота, по которой целых полгода – с декабря по май 1307 года – сокровища тайно переправлялись в сокровищницу купца, точно неизвестно, да оно и неважно. Довольный бен Иегуда по мере поступления все новых и новых партий золота и серебра в его кладовые едва успевал выписывать одно за другим долговые обязательства. А в конце он обменял их кипу на одно общее.

Едва закончив многоходовую операцию по вывозу золота, магистр по собственной инициативе решил якобы смилостивиться над казначеем и принял его обратно в орден. Одновременно он известил короля, что не сможет удовлетворить его просьбу о займе – у самого ничего нет. Расчет был на то, что если Филипп решит перепроверить де Моле, казначей сообщит своему тайному покровителю то же самое, и тогда главная причина расправы с тамплиерами отпадет сама собой.

Уверенный в этом магистр даже поторопил ход событий. Узнав о подготовленных королем обвинениях и ужаснувшись их чудовищной нелепости и глупости, он сам потребовал от

римского папы тщательного расследования, будучи уверенным в том, что очиститься от них ничего не стоит.

Но де Моле забыл про колоссальное количество имеющейся в собственности ордена недвижимости, в том числе и во Франции, равно как и про чудовищную сумму в полмиллиона золотых флоринов, которую королю рано или поздно пришлось бы отдавать. То есть выгоду от ликвидации ордена король все равно получал, и выгоду огромную. И стоило папе дать добро на проведение расследования, как незамедлительно начались аресты тамплиеров.

Лапу на главную казну ордена французский король наложил в тот же день, но… в подвалах башни царила пустота. Разве что в одном из сундуков отыскалось жалкая горстка серебра – тридцать три монетки. Началось расследование. Казначей на все вопросы виновато разводил руками: когда он повторно занял свой пост, сокровищница уже опустела. Более того, он осмелился напомнить Филиппу, что предупреждал его об этом ранее. Не желая, чтобы кто-то тыкал пальцем в его собственные ошибки, король, вдобавок взбешенный найденными тридцатью тремя монетами, явно намекающими на то, кем считает Филиппа сам магистр, озлившись, отдал его в руки инквизиторов (позже тот сгорел на костре вместе с остальными – предателей никто не любит) и велел своим людям искать, куда де Моле мог спрятать золото.

Тут-то и пригодились два ложных следа, организованных главой ордена по совету все того же Эксемена. Тамплиерские повозки с тяжелыми сундуками, груженными камнями, кирпичами и свинцом, исколесили в свое время чуть ли не всю Францию, изображая «вывоз золота» через Ла-Рошель в Англию, а наряду с этим его отправку из Марселя в средиземноморские страны. Естественно инквизиторы принялись гадать, какой из путей отправки истинный, не подумав, что они оба ложные, и потратили уйму времени на распутывание всех узелков и петелек. Копали вместе со всеми прочими фра Луис и фра Пруденте. Кстати, именно они первыми пришли к выводу, что вывоз сокровищ ордена через Марсель – хорошо организованная липа.

Поиски изрядно затрудняло и то, что рыцари, связанные с подлинным вывозом сокровищ, упрямо молчали. Стоило же чуть понастойчивее потянуть какую-либо из перспективных ниточек, как она обрывалась. Так, взятый в жесткий оборот магистр тамплиеров провинции Франция, понимая, что дальнейших пыток ему не выдержать, наплевал на смертный грех и исхитрился покончить жизнь самоубийством. Точно так же позднее поступил английский магистр тамплиеров, а провансальский попросту умер по причине слабого здоровья. Еще трое из орденской

верхушки вообще сумели ускользнуть от ареста. Разыскать их так и не удалось, хотя на поиски бросили лучшие силы инквизиции, включая самого Бернарда Ги.

Сам же великий магистр, пребывавший в подземелье королевского замка Жизор, ставшего государственной тюрьмой, оказался стоек в своем упорстве. В ответ на лицемерные призывы покаяться, вернуть золото и тем самым отчасти искупить свою вину, он презрительно улыбался или вообще плевал в лицо своим палачам.

Лишь через три года инквизиторы сумели выяснить, в чьих руках находится исчезнувшее золото – слишком резко вырос масштаб торговых операций Овадьи. И тогда французский король отправил к нему своих посланцев. Запретив упоминать его имя, он велел потребовать вернуть сокровища христианской церкви.

– И санкции, конечно, пообещал наложить, если не отдаст, – задумчиво протянул Сангре. – Слушай, не хочу оскорблять покойного, но вел он себя в этом деле как распоследний босяк на Привозе. Нет, хуже, как… пендосный президент, то бишь тупо, грубо и с наглой развязностью техасского ковбоя. А еще земляк Д´Артаньяна. Но ты продолжай, продолжай, старина…

Оказалось, бен Иегуда не просто ответил категоричным отказом. Он еще и торжественно поклялся, что никогда не брал в долг у рыцарских орденов, включая тамплиерский, но всегда пользовался услугами исключительно частных лиц. Кого именно? А это коммерческая тайна. Во всяком случае, вернуть занятые деньги вместе с немалыми процентами он намерен только тем, у кого находятся заемное долговое обязательство Овадьи.

Стало ясно, что поиски существенно осложняются: тяжело спрятать гору золота, а документ легче легкого. У кого же он может быть? Поначалу думали на главу ордена. Именно потому король и медлил с вынесением ему приговора, опасаясь, что вместе со смертью де Моле придется распрощаться и с золотом тамплиеров. Но тут не выдержали двое ближайших сановников великого магистра, томившиеся в соседних камерах. Изнуренные чудовищными пытками они, в обмен на обещание королевского милосердия (вместо сожжения на костре тюремное заключение) рассказали кое-какие известные им подробности о заемном письме.

Тогда-то и стало известно, что когда встал вопрос об обмене всех расписок купца на одно-единственное долговое обязательство, де Моле, скрепя сердце и памятуя о своем далеко не юношеском возрасте, внял рекомендациям советчиков и оформил его не на себя, а на безымянного предъявителя. Поначалу в силу своей подозрительности он держал документ у

себя, но перед началом арестов глава ордена, предчувствуя недоброе, отправил обязательство на хранение. Кто его отвозил и кому? Но тут все как один разводили руками.

Однако, хотя ответа и не имелось, были догадки, благо, хватало и подсказок. Например, удалось выяснить, что на встречу с великим магистром брата папского казначея привез некто де Ленда – командор небольшого тамплиерского замка в Португалии. К этому факту следовало добавить и то, что сей крестоносец незадолго до разгрома ордена, как ни странно, оказался назначен магистром провинции Арагон. Странно, поскольку назначение произошло вопреки ясно выраженной воле короля Арагона Хайме II, писавшего де Моле о своем желании видеть на этом посту иного человека. Но глава ордена проигнорировал королевскую просьбу, предпочтя Эксемена.

Окончательную точку в выяснении имени нынешнего хранителя долгового обязательства поставил сам великий магистр. Незадолго до своей казни де Моле стал все чаще впадать в беспамятство и специально приставленный к нему человек, фиксировавший его бессвязные речи, записал слова, абсолютно точно указывавшие на Эксемена. Именно после этого магистра и отправили на костёр.

Увы, но де Ленды к тому времени давным-давно, почти три года, не было в живых. Кто ж знал, что у здорового на вид рыцаря в полном расцвете сил окажется слабое сердце, остановившееся в разгаре одной из пыток. Он умер, так и не подтвердив ни одного из многочисленных обвинений, которые ему предъявили инквизиторы.

На время розыск золота заглох. Точнее, его вели, но так, ни шатко, ни валко, больше по инерции, повторно дергая уцелевших арагонских тамплиеров из числа признанных невиновными и освобожденных из-под стражи. Разумеется, выбирали лишь тех, кто мог общаться с магистром провинции, либо в замке Валенсии, где тот держал оборону, либо находясь в королевской тюрьме. Таковых насчитывалось немало, ведь поначалу условия содержания крестоносцев были мягкими, а потому поиск оказался долгим.

Маленького и сухонького Иоанна XXII не зря впоследствии прозвали таровитым купцом на папском престоле. И впрямь, если б он не был римским папой, из него получился бы выдающийся торгаш-авантюрист. Достаточно вспомнить, что он и епископом-то стал благодаря собственноручно изготовленному рекомендательному письму, якобы написанному королем Робертом тогдашнему римскому папе. Когда подлог обнаружился было уже поздно – не отнимать же прилюдно тиару?

Узнав о зашедшем в безнадежный тупик расследовании и чертовски нуждаясь в деньгах, Иоанн вновь отправил к бен Иегуде очередных посланцев. Те, проинструктированные лично им, действовали куда хитрее первых: на самого еврея не выходили, чтоб не спугнуть, а пытались окольными путями добраться до его приходно-расходных книг. У них это получилось, и они выяснили, что два года назад Овадья выплатил по долговому обязательству на предъявителя свыше двадцати тысяч золотых флоринов. Кто был этим предьявителем – неизвестно, но стало ясно главное – Эксемен перед смертью успел передать кому-то документ.

Инквизиторы взбодрились и принялись работать с арагонскими тамплиерами гораздо энергичнее, благо к тому времени наметилось несколько основных подозреваемых. Кстати, Бонифация среди них не было – слишком молод, слишком незначителен, слишком прост – и разыскивали его, только чтоб допросить ради проформы. Но главные подозреваемые отпадали один за другим, ибо за последние годы никуда не отлучались из Арагона, а потому получить золото у старого иудея просто не могли. И фигура Бонифация стала привлекать все больше и больше внимания, особенно с учетом того, что его никак не могли отыскать. Исчез же он из Барселоны примерно за год до выплаты Овадьей двадцати тысяч флоринов. А кроме того он – родственник Эксемена, его кузен.

Правда, поначалу инквизиторы допустили ошибку – подумали, что Бонифаций действовал лишь как исполнитель, а руководил им более опытный человек, его двоюродный дядя. Но епископ из Кагора – это слишком солидная фигура. Последовал запрос Иоанну – как быть? «Наместник Христа на земле» не колебался и велел привезти епископа в Авиньон. Там с ним провозились целый месяц, но хотя трижды в допросах принимал весьма деятельное участие сам папа, от старика так ничего и не добились.

Стало понятно, что произошла ошибка. Однако отпускать окровавленный кусок мяса на волю было все равно нельзя. Епископа спешно обвинили в чародействе и, желая скрыть следы пыток, проволокли на железных крючьях по улицам Авиньона, раздирая ему одежду и лицо. Когда человек превратился в грязную тряпку, пропитанную кровью, его бросили на костер, разложенный напротив папского дворца. Происходило это рядом со старинной церковью пресвятой девы Марии, символизирующей у христиан сострадание и всепрощение.

Пока костёр полыхал, Иоанн сурово заявил допустившим ошибку, что готов простить гибель несчастного виновникам его мук лишь при одном условии: следующий подозреваемый

приведет их к золоту. Если же золота найти не удастся, то… Он не договорил, но весьма красноречиво устремил в сторону костра указательный палец.

Инквизиторов не зря прозвали псами господними[15]. Они умели не только подобно злобным бультерьерам рвать мясо с несчастных жертв, но и брать след получше иных борзых или легавых. Настойчивый розыск молодого рыцаря привел их вначале в Италию, далее в Германию, а затем во владения ордена.

Глава 7. За и против

– О дальнейшем я и сам могу тебе рассказать, – перебил друга Петр. – Повязав несчастного Боню, они долго терзали его, требуя вернуть им долговое обязательство Овадьи. Но по его наивным ответам даже эти никому не верящие типы поняли, что его второе имя полностью соответствует его внутренней сущности и он впрямь Филя-простофиля. А так как на самом деле прошлое бывшего тамплиера никого не интересовало, они решили оставить его в живых в качестве приманки для его хитроумной и коварной кузины. Так?

– Не совсем, – твердо ответил Улан. – Бонифаций действительно ни в чем не сознался. Но я уверен: их с кузиной пребывание в Гамбурге в то время, когда кто-то получал у Овадьи часть тамплиерского долга, обычное совпадение, не более. И никакая она не хитроумная и не коварная, и вообще ни в чем не виновата. А инквизиторы лопухнулись в очередной раз, вот и все.

– Уверен?

– Абсолютно, – жестко отрезал Улан. – Мало ли что можно наговорить про человека. Кстати, этот Эспиноса в чем-чем, а именно в этом, в смысле в укрывательстве тамплиерского золота, ее не винит.

– Ну-у, это вполне естественно. Мы его, конечно, запугали, но не до такой же степени, чтобы он стал рассказывать явным конкурентам о золоте…

– Но другие-то грехи он на нее навалить на нее не постеснялся.

– И это понятно. Надо же логично объяснить, почему они за нею гоняются по всей Европе. А что за грехи?

Улан весело хмыкнул, сообщив, что если верить Эспиносе, то Изабелла чуть ли не организатор сатанинской секты. Он заглянул в свои записи и, найдя нужное место, ткнул в него пальцем.

– Вот, я пометил ради хохмы, что он наплел. Дескать, нарыли они, пока искали их по всей Германии, что она привечает откровенных чернокнижников, на чьей совести уйма

христианских невинных душ, включая сто тридцать детей из одного только города Гамельна. Разумеется, доказательств никаких. Лишь сомнительное свидетельство, что один из ее слуг похож на колдуна-флейтиста, обидевшегося за то, что магистрат города не уплатил оговоренную заранее сумму за очистку города от крыс и в отместку…

– Погоди, погоди, – перебил Сангре, задумчиво потирая лоб. – Помнится, в своем радужном беспортошном детстве мне уже доводилось читать нечто подобное. Слушай, а это случайно не легенда о Гамельнском крысолове?

– В точку, – подтвердил Улан. – Одна из сказок братьев Гримм. Правда, фра Луис уверяет, что это на самом деле произошло. У меня даже записано, когда: 26 июня 1284 года.

– А еще что?

– Если ты о крысолове, то ничего, – пожал плечами Улан. – А зачем? Да и некогда мне было про всякую ерунду слушать.

– Понятно, – кивнул Петр. – В принципе правильно – ты же не один из братьев Гримм. Мне они тоже не попадались в руки, зато балладу Браунинга, посвященную этому крысолову, я в детстве раз двадцать перечитал – очень уж необычно она звучала по сравнению с обычными русскими сказками. Мне и посейчас отдельные куски хорошо помнятся. Кстати, если Эспиноса уверяет, что загадочное происшествие действительно случилось, то в этом ему верить можно – всего-то тридцать четыре года прошло. Да и точная дата на раздумья наводит… Так, так… Про слугу, говоришь, инквизитор ляпнул? – и Петр с усмешкой процитировал:

Сам гость был тонок и высок,
Светловолос, но смуглолиц,
А взгляд – как сталь из-под ресниц!
И ни бородки, ни усов,
И непонятно, кто таков[16].

– он чуть призадумался и подвел итог. – Мануэль под это описание никаким боком, а вот второй…

– Ты в своем уме?!

– А что? – пожал плечами Сангре. – Насчет роста не скажу, он лежал на полу, но точно не низок. И касаемо тонкости вполне, вполне. Тощ аки глиста. Прямо тебе ходячая реклама летнего отдыха в Освенциме времен дядьки Шикльгрубера. Светловолос… Скорее сед, но ведь и времени сколько прошло. Насчет взгляда, как сталь, тоже затрудняюсь, глаза закрыты были, но смуглый. Бородка, правда, имеется, но за три с половиной десятка лет

можно такую отрастить – Карабас-Барабас обзавидуется.

– Это легенда, обалдуй! Да и стихи твои, не думаю, что в тринадцатом веке написаны, а, скорее всего, спустя пару веков, если не больше. Кроме того, ее слуге от силы пятьдесят, пускай пятьдесят пять лет. Или ты хочешь сказать, будто он – гений, в восемнадцать-двадцать лет ухитрился изобрести дудку и помчался ставить эксперименты над детьми из Гамельна? Да и вообще увести с помощью простой мелодии, наигрываемой на дудочке, уйму детей – это… просто несерьезно.

– Ну да, ну да. Но слуга действительно сжимал в руке некую штукенцию, – напомнил Петр. – И помнится, она по форме и впрямь похожа на дудку, только выглядит необычно. Я, во всяком случае, кривых дудок раньше никогда не встречал. И судя по следам крови, он полз именно к ней, из последних сил зажал ее в руке, а спрятать как следует не смог, потеряв сознание.

– Так ты считаешь… – начал закипать Улан, но Сангре его перебил:

– Да не заводись ты ради бога. Просто сказал, что, судя по его поведению, загадочная дудка была ему весьма дорога, вот и все, а ты опять раздухарился. Лучше послушай меня, но вначале собери в кучу остатки своих гениальных мозгов, вконец расплывшихся от любовного жара. Смотри, что получается. Для начала непреложный факт: получение части золота у Овадьи. Кому он его выдал? Понятно, что человеку, приехавшему к нему в Гамбург. Но установлено, что из списка подозреваемых кроме Изабеллы с кузеном никто не выезжал за пределы Арагона.

– Да что ты из нее Мату Хари делаешь?! – возмутился Улан. – Запросто может оказаться, что человек, действительно получивший от Эксемена заемное письмо, вообще не фигурирует у инквизиторов в списке подозреваемых, а потому неизвестно, куда он выезжал и когда.

– Допускаю, – согласился Петр. – Но тогда поговорим подробнее о загадочном поведении нашей сладкой парочки, особливо женской ее половины. Меня, кстати, еще в Бизене, во время рассказа Бони, насторожила некая несуразность в поведении его сестрички, но я ей не придал значения, а потом оно вообще выскочило из головы. Но здесь в Берестье ты сам об этом заикнулся, причем до того, как ее увидел, то есть когда еще был умным. Итак, предположим, Изабелла очертя голову ломанулась из Арагона со своим двоюродным братцем исключительно за-ради его спасения, хотя парня к тому времени давным-давно реабилитировали.

– Вполне естественно, – перебил Улан. – Она опасалась возобновления уголовного дела по вновь открывшимся

обстоятельствам. И правильно делала, кстати, поскольку инквизиторы – народ с прибабахами и никому неведомо, какая бешеная собака укусит их через месяц или через год. Между прочим, они даже мертвых еретиков не оставляли в покое. И тела их сжигали, и отпевать запрещали, и родне погребать не давали.

Петр равнодушно отмахнулся.

– Да не спорю я с тобой. Но почему ей было не отправить его одного?

– Родственники еретиков, чтоб ты знал, всегда входили в число основных подозреваемых, – нашелся Улан. – Вспомни-ка епископа из Кагора. Всего-навсего двоюродный дядя Бонифация, а что они с ним сотворили?

– Пусть так. Но тогда по любому раскладу ей бы осесть там же, в орденских владениях. Ну не в Христмемеле, он слишком близок к литовским границам, но в каком-нибудь другом городишке. Есть ведь на землях тевтонов обычные города, верно?

– Опасалась нового восстания диких пруссов, – неуверенно предположил Улан.

– Ладно, – согласился Сангре. – А почему она не осталась в Мазовии? Все-таки по соседству с братом, опять же среди единоверцев-католиков. Ан нет, деваха забралась аж в православное государство, очевидно посчитав, что там более безопасно. И это с учетом того, что инквизиторы, судя по словам твоего Вальтера, до прошлой осени на территорию ордена ни ногой. Получается, она заранее просчитала, что на сей раз все произойдет иначе. А почему?

– То есть как? – удивился Улан. – Она считала, что их будут искать и весьма старательно.

– Согласен, – кивнул Сангре. – Ничем иным ее поведение не объяснить. Но *почему* она так считала, если по твоим словам понятия не имела о сокровищах, дорогой Боня – тоже, и плюс усердно трудится, искупая свои несуществующие вины на благодатной ниве крещения язычников.

Улан ненадолго задумался и радостно выпалил:

– Перестраховка!

– Хорошо, допустим, – покладисто согласился Сангре. – Тогда второе, но не менее важное: вспомни-ка про особые полномочия монахов, содержащиеся в свитке, запечатанном личной печатью римского папы, то бишь перстнем рыболова. И третье: этим сыскарям, ничего не добившимся от Бони, был прямой резон закрыть дело и свалить обратно. Ан нет. Они срочно едут в православное государство договариваться о выдаче Изабеллы. Мало того, узнав, что она от них ускользнула, они не угомонились, а ломанулись за нею в языческую, насквозь

враждебную Литву.

Улан нахмурился, недоуменно глядя на Петра.

– А… при чем тут это, – неуверенно начал он. – Вполне естественно с их стороны. Она ведь женщина, подозреваемая в сношениях с дьяволом…

– О боги! – воздев кверху руки, взвыл Сангре: – О великий Перкунас! Верни моему другу пускай не весь былой разум, но хотя бы жалкую четвертушку! Старина, ты что, не понял, для чего я подчеркнул факт их особых полномочий?! Или ты считаешь, будто римский папашка каждой из своих ищеек дает индивидуальное поручение насчет поиска еретика? Это ж все равно, как если бы нам с тобой пару лет назад пришел личный приказ от министра МВД заняться расследованием непотребных делишек какого-нибудь вечного пьяного бомжа Кольки Суходрищева. Чушь! Абсурд! Такое возможно лишь при одном условии, если дело запахло немалым баблом лично для него самого. Только тогда он и особую группу создал бы, и приказец намалевал, и дело под личный контроль взял. Ну и подчиненным так хвосты бы накрутил, чтоб они до последнего землю рыли, даже если шансов на успех один на миллион.

– Сравнение хромает, – язвительно возразил Улан. – Она – не бомж, а из дворянского рода.

– Подумаешь! – фыркнул Петр. – Да таких сеновалов-сандалетов в Испании как собак нерезаных. Муж у нее не герцог и не графин, и сама она так, рюмка какая-то, пускай и хрустальная. Вдобавок вот тебе четвертый и жутко убойный аргумент. Ей бы радоваться, что кузена, угодившего в лапы коварных язычников, согласились выкупить, а она, едва узнав об участии в этом инквизиторов, немедленно шлет к нам в Литву гонца и настоятельно просит его не отдавать, предлагая сумму втрое больше. Получается, Боня, похвалившийся ей об этом в письме, понятия не имел, чем сей выкуп для него обернется, а она знала. И пятое, но не менее убойное: вбухать такую сумму денег на выкуп еретика не лезет ни в одни ворота.

– Гривны же фальшивые были.

– Во-первых, полторы сотни настоящие, а во-вторых, уверен: распознай мы их жульство до выдачи Бони и они, извинившись, заменили бы свинец на чистое серебро, эквивалентное семи с половиной тысячам золотых флоринов. Это что за аттракцион неслыханной щедрости?! Вот и получается: при условии, что Изабелла – обычная ведьма…

– Она не ведьма! – зло рявкнул Буланов.

– Ой, Уланчик, я тебя умоляю, – сморщился Петр. – В конце концов разница между обыкновенной бабой и ведьмой только в

том, что первая так и не научилась летать. А если она настолько минимальна, таки стоит ли возмущаться? – Буланов сурово засопел, и Сангре поправился: – Ну хорошо, коль тебе так хочется, давай станет именовать ее женщиной, подозреваемой в сношениях с дьяволом. Но суть дела от этого не меняется, и все перечисленные мною нюансы, при условии, что она никаким боком к тамплиерскому золоту, в эту картину никак не вписываются. Усек?

– Не усек, – покачал головой Улан. – Ты одно забыл. Сейчас средневековье, и доверить пускай сестре, но все равно женщине, следовательно, существу второго сорта, такую тайну…

– Это для других она второй сорт, – перебил Сангре, – а единокровный братец свою сестрицу знал хорошо и рассчитывал, что и она не подведет, и не подумает на нее никто. Кстати, господа монахи поначалу тоже думали за второй сорт, и потому даже сузив круг подозреваемых до двух человек, все равно поначалу прикатили за Боней. И во Владимир-Волынский они поехали с единственной целью: сделать Изабеллу приманкой в мышеловке, выманив ее в Мазовию. И лишь после того как сам Боня оказался в их руках они, выслушав его ответы, дотумкали, что мужик ни при чем. Уланчик! – взмолился он. – Ну ты же всегда был логиком. Я понимаю, любовь-морковь и все такое, но попробуй всего на одну минуточку допустить, что она действительно посвящена в тайну золота тамплиеров. Всего на минуточку, и тогда ты сам увидишь, как все необъяснимые факты начинают ложиться точно в масть.

– А зачем тогда они велели Сильвестру вывезти Бонифация и…

– Правильно, – перебил Петр. – Уразумев, кто на самом деле из этой сладкой парочки замешан, они поменяли их местами, решив сделать приманкой самого Боню и выманить ее в Мазовию, ну а там… А теперь специально для влюбленных тупиц конечный итог: эта Тортилла поможет нам до конца раскрыть секрет золотого ключика. Надо лишь как следует нажать на нее, и…

– Ты что, пытать ее решил?! – взвился Улан. – Или вознамерился, как этого козла, человечиной накормить?! Не позволю! И вообще, не смей ее называть Тортиллой!

– О как разошелся, – ошеломленно уставился на него Сангре. – Угомонись, родимый. Нервы надо тебе подлечить! – тоже повысил он голос. – Попробуй чертовски надежный способ: сочетание местного ядрёного алкоголя с падшими женщинами. Знаешь, когда тебя, пьяного в хлам, начнут с двух сторон эдак игриво покусывать и…

– Я уже спокоен, – зло огрызнулся тяжело дышащий Улан.

– Вот видишь, какие у меня эффективные рецепты, – поучительно заметил Сангре. – Едва рассказал про них и вмиг подействовало. А теперь отвечаю по пунктам. Я ж за ради друга готов на неслыханные подвиги: и обезьяну отымею, и даже пендосному президенту могу руку пожать, а посему обязуюсь отныне и навеки никогда не называть ее Тортиллой – исключительно Мальвиной. За человечину ты вообще зря подумал – я такого и в мыслях не держал. Она в любом случае не преступница, да и на встречу с нами приехала по доброй воле, так какие могут быть допросы с пристрастием, боже упаси.

– Тогда о чем ты собрался с нею говорить?

Петр сокрушенно покачал головой.

– Горько видеть, как бывший гений буквально на глазах превращается в олигофрена. Ты вспомни, зачем мы сюда прикатили? Да за выкупом. Вот я и хочу за него потолковать. Пойми, грех не направить наш славный дебаркадер поближе к такой огромадной денежной горе. Извини, но пятнадцать тысяч золотых флоринов – не шутки. Нам хватит и на безбедную спокойную старость, и на такое количество пороху – десять островков на воздух поднимем. Ах да, островок без надобности, – поморщился он. – Ну ничего, все равно порох до зарезу нужен – для будущих пушек. И вообще, за такие бабки мы с тобой будем запивать водку шампанским, плавать в коньячных реках, сплевывать ромом и отрыгивать вискарем или плохоньким самогоном, что в принципе, если судить по их вонючести, одно и то же.

– А когда выяснишь, что потом? – подозрительно уставился на него Улан.

– Потом суп с котом, – огрызнулся Петр. – Неужели непонятно? Отпускаем деваху на все четыре стороны. Более того, при необходимости еще и подсобим в поисках надежного убежища от этих авиньонских бандерлогов, согласно программе защиты свидетелей и всякое такое. Поначалу можно укрыть ее у Гедимина, а далее, учитывая, что она не чурается православных стран и даже отдает им предпочтение, дружненько махнем куда-нибудь вглубь Руси.

Улан моментально оживился, повеселел и уточнил:

– Да и отсюда надо бы поскорее исчезнуть. Если этот фра Пруденте сумел заполучить от владимиро-волынского князя целый вооруженный отряд, значит, запросто может взять у него войско и во второй раз, но побольше.

– Считаешь, оставшийся на свободе фраерок может пойти даже на штурм города?

– Когда на кону такие ставки, можно пойти на что угодно.

Нет, нет, я по-прежнему не считаю, что деньги или заемное письмо у нее, но они-то уверены в обратном. И уходить лучше не позднее послезавтрашнего дня.

Но известие, что послезавтра надлежит выехать, донья Изабелла восприняла в штыки, бросившись уговаривать друзей повременить хотя бы пару-тройку дней, а лучше пять, иначе ее тяжело раненый слуга не выдержит дороги. А насчет осады Берестья они опасаются напрасно, поскольку…

И друзьям вновь пришлось удивляться ее здравой логике. Мол, как бы ни хотел инквизитор напасть на город, тех ратников, что у него сейчас имеются, для осады мало. Она, конечно, не видела, сколько человек за ними гнались, но не думает, что их насчитывалось больше сотни. Таким образом, чтобы раздобыть побольше воинов, фра Пруденте потребуется вернуться во Владимир-Волынский к князю Андрею. Туда и обратно – минимум двое суток. Ну и сбор воинов. На это тоже потребуется не меньше четырех-пяти дней. Вот и получается, что время терпит.

Друзья переглянулись, причем если в глазах Петра было просто уважение, то Улан аж надулся от гордости, словно он сам оказался таким умницей.

– А откуда вы, сударыня, взяли четыре-пять дней на сбор ратников? – усомнился Сангре.

– При мне князь их дважды против Гедимина собирал, – пояснила Изабелла, – вот и припомнилось.

Сангре вздохнул и согласно кивнул, не став возражать насчет задержки на несколько дней, но в душе твердо решил до конца разобраться во всем непонятном до выезда…

Глава 8. Подготовка к допросу

Еще утром Сангре обратил внимание на полное отсутствие аппетита у друга. Учитывая, что оно длилось вот уже третий день кряду, оставалось гадать, как его носят ноги. Попытки уговорить съесть ложечку за маму и за папу кончились ничем.

– Уланчик! Глядя на тебя, хочется пожелать здоровья по-военному!

– Это как?

– Троекратно. Ты глянь на себя в зеркало. Живой труп. Причем несвежий.

– А-а, – равнодушно протянул Улан.

Потеряв терпение, Петр рявкнул на него:

– Ешь мясо, чтоб ты сдох, тебе же нужно поправляться! Еще немного и тебя станет шатать ветром!

– Я что-то не хочу.

– Уланчик, ша! Твой друг лучше знает, хочешь ты кушать или нет, – и Сангре, помедлив, коварно добавил: – Между прочим, худоба тебе не идет. У тебя кожа сразу начинает обтягивать скулы, подло выставляя напоказ твои национальные корни. И оно тебе надо?

Улану оно было не надо и он, кривясь, заставил себя поесть, после чего торопливо устремился к донье Изабелле, якобы поучиться составлению лечебных мазей. Петр же направился на постоялый двор.

– Ну что, трактирная твоя душа. Собрал народ для разврата? – с порога озадачил он Бутрыма. Тот задумался. – Ладно, не парься, потом соберешь. Мне сейчас все равно деньги ляжку не жгут, – успокоил его Сангре. – Лучше поведай мне вот за какой вопрос…

Услыхав про дудку, тот поначалу изумленно вытаращил глаза и выпалил, что ничего похожего он не видел, и вообще господину она, скорее всего, померещилась. Твердые уверения Петра, что дудка была в руке у слуги, подействовали и Бутрим сменил пластинку, предположив, что ее, наверное, прибрал к рукам кто-то из постояльцев, успевших выехать. Но Сангре, глядя в блудливые глаза трактирщика, давно уверился в том, кто именно прибрал ее к рукам.

– Ох, плачет по чьей-то немытой шее мой кривой ятаган! – вздохнул он и сурово предупредил: — Значит так, человек я прямой, как штопор, нежных чувств к тебе скрывать не стану и сейчас распахну перед тобой горизонты светлого будущего посредством испанского мозолистого кулака. А посему, старина, лучше добровольно покайся в присвоении чужого имущества и тащи сюда поскорее сей музыкальный инструмент, пока мы с тобой не сошлись в глубоком консенсусе, ибо тогда будет поздняк метаться, – и видя, что Бутрым с отупелым видом соображает, что такое ятаган, штопор, консенсус и прочее, заорал: – Дудку отдай, а то чучу намандрючу!

Трактирщик испуганно вздрогнул. Концовку последней фразы он тоже не понял, но, имея большой жизненный опыт, догадался, что чуча явно является какой-то частью его тела и обещанное весьма болезненно в ней отзовется.

– А может ее кто из моих к рукам прибрал, – сделал он задний ход. – Она ж серебряная, вот и польстился.

– Было б на что, – хмыкнул Петр. – Она лишь сверху серебром слегка покрыта и все, а умирающему дорога как память о босоногом детстве, когда он невинным пастушком бродил со своими овечками по горам знойной Андалусии и… Как? –

нахмурился он, прервавшись. – Ты еще здесь?! – но, вовремя вспомнив, что если к кнуту добавить пряник, получается гораздо эффективнее, смягчил тон. Мол, забыл сказать, что благородная донья в своей неизбывной щедрости объявила награду за ее находку, а потому…

И Сангре выложил на стол серебряную гривну. Из настоящих. Увидев такое богатство, Бутрым, торопливо накрыв небольшую продолговатую палочку своей заскорузлой здоровенной пятерней, заявил, что сам организует ее розыск. Благородный лыцарь может не сомневаться – не успеет он выпить и двух кружек замечательного пива, кое варят у него и больше нигде, как пропажа сыщется.

– Нефильтрованное поди, – буркнул Петр и вздохнул. – Эх, попадешь в ваш век, поневоле научишься пить всякую гадость. Давай, тащи свою «Золотую бочку».

– Бочку?! – ахнул корчмарь.

– Пока кружечку, – уточнил Сангре. – Пробовать буду.

Пиво оказалось действительно нефильтрованным, но недурственным, и Петр с удовольствием влил в себя первую кружку. Вторую не успел – возле его стола вновь нарисовался Бутрым. В руке он держал ту самую странную дудку, кою Сангре незамедлительно упрятал за пазуху.

Итак, первая часть намеченного плана оказалась успешно выполненной и можно приступать ко второй – еще разок потолковать с Эспиносой. Отчего-то Петр был уверен, что инквизитор, если его умело подтолкнуть, поведает об Изабелле массу интересного.

Выдернуть Улана, не на шутку увлеченного совместным с доньей составлением мази для раненого слуги, стоило немалого труда. Пришлось пообещать ему, что забирает ненадолго и от силы через час тот сможет вернуться к увлекательному занятию по изучению основ средневековой медицины.

Извлеченный из подклети и доставленный во вчерашнюю комнату фра Луис, с опаской поглядывая на Сангре и суетившихся подле печи вчерашних людоедов, безропотно написал внизу на последнем листе вчерашних записей все, что от него требовалось: «С моих слов записано верно. Ручаюсь за истинность предоставленных сведений». И не просто подписал, но и приложил к сему листу выпачканный чернилами большой палец.

– Во-от, – удовлетворенно протянул Сангре. – Как я понимаю, ты готов трижды поклясться на библии в синагоге в присутствии муллы и двух браминов, что все, тобой сказанное, истина в последней инстанции?

И вновь уловив суть вопроса, монах торопливо закивал, не дождавшись перевода.

– Очень хорошо, – кивнул Петр. – А теперь, Уланчик, переведи этому шейху, что мы свое обещание насчет человечины держим честно, но требуем того же и от него, то бишь и в будущем излагать о всех замыслах и ходах своего старшего наставника, – и, обращаясь к Эспиносе, вкрадчиво промурлыкал: – А насчет греха предательства можешь не заморачиваться. Да ты сам посуди, Люсьен, ты ж ничем не обязан этому перцу. Скорее, он тебе, особенно после того, как учинил несусветную подлость, недрогнувшей рукой бросив тебя под гвардейскую танковую дивизию РККА в нашем лице, верно? А потому совесть твоя остается чистой, как у индуса после купания в священных водах реки Ганг.

Инквизитор, не дослушав до конца перевода Улана, торопливо замотал головой, залопотав что-то в ответ. Дескать, он не отказывается, но у него не появится такой возможности, ибо фра Пруденте весьма скрытен и редко рассказывает о задуманном.

– Придется поведать тебе, Люся, как правоверному баптисту, одну притчу, – вздохнул Сангре. – Суть ее такова: водится в Африке, во центральной ее части, носорог. Это огромное и очень сильное животное и шкуру его ничем не пробить, но оно плохо видит, поэтому когда куда-то бежит, сносит все. Но это не его проблемы, а тех, кто стоит на его пути. Для особо тупых уточняю, что носорог – это мы, а стоящий впереди него – ты, посему делай выводы. Можно и еще проще: как добывать информацию – твои проблемы, но при ее отсутствии затопчем на раз, то бишь отправим бумаженции, – потряс он листами с протоколом допроса, – в рейхсканцелярию твоего пятьдесят седьмого Ванятки. И поверь, что выколотые вилкой моргала и горячий паяльник в глубине твоей пятой точки станут только начальным этапом твоей долгой и тяжкой дороги к искуплению агромадных грехов перед твоим главным муфтием. Но если станешь добросовестно стучать нам на всех и вся, мы сумеем защитить твою эфемерную девственность.

Прослушав на удивление краткий перевод пламенной речи от Улана, фра Луис умоляюще прижал руки к груди и разразился длинной тирадой. Улан неодобрительно смотрел на него, наконец, махнул рукой, оборвав на середине, и кратко перевел Сангре:

– Он постарается.

– Надеюсь, – проворчал Петр. – А остальные его слова кто за тебя переводить будет? Пушкин?

– А-а, мелет всякую ерунду, – досадливо отмахнулся Улан.

– Ну да, – кивнул Петр. – И при этом в каждом предложении у него после слов «донья Изабелла» непременно звучит «бьёз хексе». Освети, что за титул?

– Злой ведьмой он ее называет, – с явной неохотой перевел Улан. – Говорит, еретичка она и околдовала нас.

– Ну вот, – удовлетворенно протянул Сангре. – Оказывается, товарищ уже приступил к нелегкому труду стукачества, а ты – ерунду. И что он талдычит за злую ведьму и еретичку? Мне слово в слово желательно.

– Да ну, стану я переводить его ахинею, – отмахнулся Улан.

– И все-таки.

– Самая настоящая чушь! Ну, к примеру, сказал, что благочестивые прихожане Барселоны неоднократно видели ее с Библией в руках.

– А чтение Библии тоже ересь? – искренне удивился Петр. – Или у нее в руках видели какую-то неправильную Библию?

Монах, услышав вопрос Улана, красноречиво закатил глаза кверху и вновь затарахтел, затрещал, как отбойный молоток.

Оказалось, это действительно грех, ибо нарушение буллы какого-то там римского папы, изданной чуть ли не сто лет назад. В ней прямо говорилось, что мирянам запрещается читать и даже иметь в доме Библию, дабы через плохое понимание они не впали в ересь и заблуждение. Исключение – псалтырь и часовник, то есть сборник молитв.

В заключение Эспиноса, воздев вверх руку, что-то торжественно произнес.

– Библия – мать всех ересей, – перевел Улан и покрутил головой, сознавшись. – Мда-а, такого мне слышать еще не доводилось.

Инквизитор, спохватившись, протарахтел еще что-то. Петр вопросительно уставился на Улана.

– Говорит, его слова подтверждает сама святая книга, – перевел тот. – Их ученые исследователи установили, что слово «видеть» в ней упомянуто две с половиной тысячи раз, а слово «читать» всего пятьдесят пять. Получается, взирать на нее, когда

она в руках священника, можно и нужно, дабы проникаться святостью, а вот углубляться в текст…

– Понятно, – мрачно кивнул Сангре. – Если твой глаз соблазняет тебя, вырви его, если рука – отруби ее, если язык – откуси. А если соблазняет собственный разум, стань католиком, – и он подытожил. – Совсем эти далай-ламы в своих кирхах с ума посходили.

– А на мой взгляд они в чем-то правы, – усмехнулся Улан. – Где блаженствует змей познания, там обязательно свирепствует и червь сомнения. В этой святой книге действительно столько противоречий, мама не горюй. Начнет человек задумываться и пиши пропало, готов свежеиспеченный еретик. Я, конечно, Библию не изучал, но даже моих обрывочных знаний вполне хватит, чтобы отыскать в ней огромную кучу нестыковок. Смотри, что получается. Вначале бог создал мужчину и женщину с грехом, потом сделал другую женщину беременную им, чтобы он сам родился, а затем убил себя как жертву себе для спасения нас от грехов, которыми он же нас и наделил. Как тебе?

– Круто! – восхищенно оценил Петр. – Сдается, ты загубил в себе великий дар краткого переводчика Талмуда и Вед для американских комиксов.

– Так мне продолжить перечень мнимых грехов Изабеллы или остановимся на Библии?

– Торопишься закончить ускоренные курсы медбратьев? – невинно осведомился Петр и махнул рукой. – Ладно, иди. Хотя погоди. А ну-ка, переведи ему, что мне, честно говоря, плевать на то, кто убивал ее слуг, это дело местных властей, а вот их жульничество насчет новгородских гривен – совсем иное дело, – и сурово глядя на фра Луиса, зарычал: – Тут ты, дядя макинтош вместе со своим напрудившим корефаном наступил на самое животрепещущее и пощады не жди. И ежели ты сейчас же не отпишешь своему дохлому стручковому перцу, чтобы он в экстренном порядке поскреб по сусекам своих монастырей и нашел настоящие деньги, то имей ввиду: вчерашнее покажется тебе райским сном по сравнению с сегодняшними горькими буднями. Так и быть, как лютые гуманисты, мы твои бренные останки, недоеденные моими хлопцами, отправим на плоту в родной Авиньон. Но на воскресение из мертвых тебе придется любоваться из литовского сортира, поскольку вареные глаза инквизиторов, запеченные в их мозгах – любимое блюдо моих бравых питекантропов. Касаемо кары, старина, – повернулся он к Улану, – по возможности дословно.

Тот согласно кивнул и на сей раз расстарался с переводом, а потому отвечал фра Луис, заикаясь от страха и дважды повторив,

что фра Пруденте непременно исправит свою ошибку и самолично привезет в Берестье настоящие деньги.

– То-то, – смягчился Петр. – Но с поправкой: везти их твоему корешку придется не сюда, а в Ковно или в Бизену, чтобы у нас было время для спокойной проверки его грошей. Давай, берись за перо, Люсьен-заде. – Удовлетворенно полюбовавшись, как монах строчит текст послания своему напарнику, он повернулся к изнывающему от нетерпения другу и великодушно махнул рукой. – Ладно уж, текст письма просмотришь попозже, а пока можешь идти, горе ты мое влюбленное, – и в следующую секунду Улана как ветром сдуло.

Но когда Эспиноса закончил писать, Петр и не подумал идти к другу для проверки текста. Вместо этого, перейдя на испанский язык и тщательно подбирая слова, он потребовал от инквизитора заново рассказать о прегрешениях Изабеллы. Дескать, его товарищ, что недавно ушел, чертовщину, колдунов и ведьм отрицает, ибо у него иная вера. Зато он, Сангре, успел за время своих странствий повстречать немало чего, в том числе неоднократно столкнуться с происками дьявола и с его прихвостнями.

Фра Луис радостно закивал, и, перейдя на латынь, выдал какое-то высокопарно изрек:

– Haresis maxima est opera maleficarum non credere.

– Это ты чего? – нахмурился Петр. – Никак обидеть хочешь?

– Нет, нет, это латынь, – пояснил Эспиноса и торопливо перевел: – Не верить в деяния ведьм – величайшая ересь. Мне жаль твоего друга.

– Мне тоже, – согласился Сангре. – Я ведь сам некогда знавал одну ведьму. Кстати, не так уж далеко отсюда шарашилась. Так эта чувырла с фальшивой косой такое вытворяла на Украине, Изабелла близко не стояла. Посему сам вижу: не все чисто с доньей. И вообще, это ж аксиома: чем больше ангельского в женщине, тем гуще дьявольское в ней. Словом, давай, бухти дальше за ее колдовство.

Несмотря на русскую речь инквизитор, поняв суть, энергично закивал в знак согласия и приступил к изложению прегрешений испанки. По его словам, в прекрасном теле скрывался не один сатанинский дух, а целое воинство чертей, демонов и бесов, а ее нехороших деяний хватало не на один, а на три, а то и четыре костра. Мало того, что она часто общалась с евреями. Вдобавок к ней неоднократно захаживали как еврейские, так и мусульманские купцы. Да и саму ее не раз видели за чтением, притом не одной Библии, но и других книг, коих в ее доме предостаточно, а отъезжая, она забрала их все с собой. Более

того, некоторые из рукописей были написаны по-арабски, а то и вовсе по-еврейски. Не исключено, что она даже читала Коран или Талмуд, а за одно это полагается костер.

Уличена она еще и в том, что в частных беседах неоднократно рассуждала о предметах веры, что строжайше запрещено. Сведения точные, ибо получены не от одного, а от нескольких бони вири, то есть добропорядочных мужей. А уж про то, что она несколько лет проживала в доме знаменитого чернокнижника и еретика Арнольдо из Виллановы, успевшего убежать во Францию от справедливой кары пресвятой церкви, и говорить не приходится. Тут и вовсе сразу несколько костров можно разводить.

Да и сами инквизиторы, идя по ее следу, не раз сталкивались с ее злой ворожбой. В одной деревне, где она останавливалась на ночлег, у нескольких коров пропало молоко. Над небольшим городком на следующий день после ее отъезда разразилась такая страшная гроза, какой в этих местах отродясь не бывало. В третьем местечке неожиданно…

Перечень длился долго. Увы, но понимал речь Эспиносы Петр с трудом, через слово, улавливая лишь общий смысл – слишком много специфических терминов. Устав слушать и видя, что инквизитор, вдохновленный двумя кубками доброго вина и участливым вниманием допрашивающего, останавливаться не собирается, Сангре заявил, что будет гораздо лучше, если фра Луис изложит все на бумаге.

– А про колдуна из Гамельна черкани отдельно, – посоветовал он.

– Понимаю, – серьезно ответил Эспиноса. – Поскольку это обвинение затрагивает Изабеллу косвенно, относясь к ее слуге, необходимо допросить его отдельно. А для этого надлежит и обвинение ему предъявить особое, как положено. Однако, смею заметить, что в отношении доньи Изабеллы де Сандовал возможна ин капут алиенум.

– Кому капут? – озадаченно переспросил Петр.

– Я понимаю, благородный кабальеро из начинающих и многое ему незнакомо, – чуть снисходительно заметил фра Луис. – Означает же это «пытку по чужому делу», коей подвергают заключенного, чтобы он показал в качестве свидетеля об обстоятельствах дела другого обвиняемого, где он обозначен как сосвидетель, ибо…

– Точно, – не дослушав, подтвердил Петр и восхитился. – Умница ты. Прямо Дзержинский, Менжинский, Плювака, Коня и Ягода в одном флаконе.

Он обошел стол и плюхнулся на лавку подле инквизитора.

Дружески приобняв его за плечо и стараясь не морщиться от вони, исходящей как от его тела, так и от рясы, он проникновенным тоном посетовал:

– Одна беда: не ценит тебя, наверное, начальство. Живешь, поди, строго согласно древнему проклятью из старого фильма – на одну зарплату, грошей на хлеб не хватает, масло прямо на колбасу намазываешь. А ведь профессионала надо беречь, бо штучный товар и уникальная работа господа бога. Эх, ты, сирота доминиканская… Тебе б к Торквемаде в помощники, а лучше к Ежову в тридцать седьмой – давно бы в комиссарах госбезопасности ходил, не меньше. Но ты дерзай, старина, и радужные перспективы я тебе гарантирую. Небо в алмазах не обещаю, но письменную благодарность в личное дело и ценный подарок в виде ночного фарфорового горшка эпохи династии Мин, запросто. Правда, без крышки, но ты все равно смердишь, так что без разницы.

Напоровшись на недоумевающий взгляд монаха, он с досадой понял, что сам не заметил, как перешел на русский язык. Увы, на испанском он таких перлов выдать не мог и впал в легкое уныние.

Однако его грусть не испортила общего впечатления, поскольку инквизитор воспринял ее как проявление сочувствия и поделился сокровенным. Мол, слава богу, хоть дон Педро в отличие от своего товарища устоял перед чарами доньи Изабеллы, каковые вне всякого сомнения являются одним из даров врага рода человеческого. Сангре в ответ кивнул, соглашаясь, заглянул в кувшин с вином и, прикинув, что для окосения маловато, а для вдохновения самое то, красноречиво указал на перо и чистые листы:

– Строчи, Люська-пулеметчица, да гляди, чтоб было много, а то Петька с Чапаем осерчают.

Тот торопливо закивал, ухватился за перо и приступил к работе.

Доверие инквизитор оправдал. Петр и не ожидал, что он столько накатает – больше полутора десятков листов текста, не считая отдельной эпопеи про город Гамельн. Кстати, Эспиноса так проникся дружелюбием к странному людоеду-католику, освободившему его от сей кощунственной трапезы, что, проявив инициативу, прибавил еще пару документов, так сказать в помощь начинающему инквизитору. Это была короткая, всего на трех листах, но весьма емкая рекомендация предварительных процедур перед началом пытки ведьмы, а также молитва-заклинание, произносившееся при «изгнании дьявола» из одержимого.

– Ну, теперь тебе есть о чем рассказать своему напрудившему

Перцу, – уважительно взвесив исписанные листы в руке, бодро произнес Сангре. – Мол, уговаривал нас всяко разно, дабы мы не доверяли этой зловредной еретичке и выдали ее истинным забубенным арийцам, одержимым высокими моральными принципами вкупе с необузданной жаждой наживы и обогащения, а мы ни в какую. Что, снова не врубаешься? Ну, тогда извини, дорогой, но придется тебе опять в кутузку.

Он уже собрался хлопнуть в ладоши, подавая условный знак стражникам, но что-то вспомнил и, вновь перейдя на испанский, потребовал:

– А повтори-ка мне о ее маме, а то я не понял.

Внимательно выслушав Эспиносу, он наконец вызвал стражу, отправил его обратно в подклеть, и, оставшись один, задумчиво прошелся по комнате.

– Ну что ж, кажется, все детальки нашлись. Осталось уложить, – протянул он.

Однако приглашать на беседу Изабеллу медлил, прикидывая, хватит ли ему всего услышанного и написанного, чтобы расколоть обворожительную донью. Вроде доказательств на пятерых, но дамы – народец в плане упертости еще тот, любому мужику дадут сто очков вперед. Впрочем, дополнительных козырей ему против Изабеллы было не найти, а потому Петр решил не откладывать разговора, благо, она которую ночь подряд практически не спала, пытаясь вытащить своего слугу с того света, куда тот упрямо стремился, невзирая на все ее труды. Чисто по-человечески такая настойчивость не могла не восхищать, но, с практической точки зрения, вытаскивать ее на откровенность, особенно с учетом того, что беседовать придется одному, без помощи Улана, следовало именно сейчас.

Он рассеянно выглянул в окно. Короткий зимний день заканчивался, но воеводский двор оставался залитым багровыми лучами закатного солнца. «Вот и февраль на исходе, – подумалось ему. – Получается, мы тут уже почти пять месяцев, а что успели сделать? Да по сути ничего».

Но долго грустить он не привык и с оптимизмом подумал, что сегодня, если он правильно себя поведет, хоть что-то удастся довести до ума. И вообще все должно быть хорошо, ибо одесситов одолеть невозможно, кто бы ни пытался – хоть паскудные шлимазлы из кривоколенного сектора, хоть монахи-инквизиторы вкупе со злыми испанскими ведьмами.

Однако вначале предстояло нейтрализовать друга, могущего помешать его «задушевному» разговору с Изабеллой. Пока он прикидывал, как поделикатнее это провернуть, Улан сам пришел на помощь, заглянув к нему и твердо заявив, что на благородный

порыв доньи спасти своего кузена они должны ответить адекватно. И он решил отказаться от своей доли выкупа в ее пользу, о чем и сообщил ей. Теперь он ждет, что его побратим поступит точно также.

Сангре улыбнулся.

– Знаешь, что Сталин ответил Черчиллю в мае сорок пятого на его предложение затопить весь немецкий флот. Он сказал, что вначале его надо поделить, после чего Черчилль может делать со своей долей что угодно – никто ему препятствовать не станет.

– Ты хочешь сказать… – насупился Улан.

– Угадал, – кивнул Петр. – Мне мои семь с половиной тысяч ой как пригодятся, и я фицкать денежками не намерен.

– А как же твоя фраза, что деньги – это мусор? Помнится, несколько дней назад…

Несколько дней назад я понятия не имел, что *нам здесь жить*, – перебил Сангре. – А касаемо мусора… Ну да, говорил, не отказываюсь. Но его столько, что мне стало чертовски интересно, каким количеством мусорных баков она обладает.

– И с каких пор ты стал таким торгашом?!

– Не путай торгаша с человеком, умеющим торговаться. Между прочим, я столь мастерски это проделывал на Привозе, что баба Фая каждый год двадцать седьмого августа горестно сообщала деду, что завтра в их семье начинается инфлякция, бо их покидает внук, могущий как в знаменитой рекламе, купить три по цене одного. Считай, сейчас гены, заложенные несравненной бабулей, разбушевались во мне окончательно и я планирую развернуться во всей плюшкинско-гобсековской красе. Или нет, мне ближе пушкинский «Скупой рыцарь». Между прочим, тоже испанец.

– Мне так ей и передать? – язвительно осведомился Улан.

– Ага, – невозмутимо кивнул Петр, прикинув, что коль Улан отказался, есть отличный повод не допускать его до участия в предстоящей беседе. – А впрочем, не стоит, поскольку я предполагаю в первую очередь продемонстрировать свое уродливое преображение синьоре Каберне, так что пусть это будет для нее сюрпризом. Кстати, имей ввиду, что посторонним, вроде тебя, на нашем с нею торжище делать нечего.

– Это я-то посторонний?! – задохнулся от негодования Улан.

– А кто? Я, в отличие от некоторых, от денег не отказывался. И вообще, я ж только для тебя и стараюсь, а ты что подумал?

Улан опешил, и пока он удивленно хлопал глазами, Сангре раскрыл перед ним «страшную тайну»: все это он придумал, чтобы сработать по стандартной схеме: злой и добрый полицейский, точнее, благородный рыцарь и жадный торгаш. И

после проведенной беседы Изабелла если и будет смотреть на Петра как-то «по-особенному», то в ее взгляде кроме враждебности и презрения больше ничего не отыщется.

А, кроме того, желая как-то занять друга, чтобы тот, упаси бог, не вломился в пыточную во время их разговора с испанкой, он напомнил ему про оставшегося на свободе инквизитора. Мол, насчет нападения на Берестье трудно сказать, но засаду на пути их следования в Бизену фра Пруденте организовать в состоянии. Так оно или нет – не угадаешь, но подстраховаться желательно. А потому надо бы обеспечить дополнительную безопасность для некой мадам. Пуля, конечно, дура, но и стрела не умнее, летит куда ни попадя и возок у благородной доньи может пропороть насквозь, или еще хуже, застрянет в его внутреннем мяконьком содержимом. А потому лучше заблаговременно заняться обшивкой возка Изабеллы дополнительным слоем чего-то прочного, сделав из его стенок первый в мире броневик.

– И то правда, – встревожился Улан и устремился вниз, во двор.

Поглядев ему вслед, Сангре довольно кивнул и направился в комнату, где находился раненый. Изабелла сидела подле. Какие мази она использовала и чем именно лечила слугу, он не знал, но улучшения у того не наступало и в сознание он приходить не собирался.

– Поговорить бы, – вздохнул Петр.

Изабеллла молча кивнула и, дав знак Загаде, чтоб та заняла ее место, вышла, послушно пройдя вслед за Сангре в бывшую пыточную, где по его распоряжению полы так и не мыли и пятна крови (свиной) продолжали зловеще чернеть на выскобленных до желтизны половицах.

Глава 9. Проверка

Начал Петр аккуратно, дабы не спугнуть мышку раньше времени, а потому завел с нею разговор о кузене. Та охотно поддержала тему, подтвердив, что он с самого детства отличался благородством и порядочностью. Наконец дело дошло до финансового вопроса.

– Но мне сказали, что вы отказываетесь от выкупа за Бонифация, – жалобно произнесла она и умоляюще уставилась на Сангре.

– Отказывается мой друг, – уточнил Петр, – ибо помимо того, что он достаточно богат, благородное происхождение обязывает его быть учтивым с прекрасными дамами.

– Благородное происхождение? – удивилась она.

Петр хмыкнул, сделав вывод, что Улан в силу природной скромности так и не намекнул ей на свой славный род, идущий

аж от… ну и так далее. Ладно, Сангре попозже сам восполнит сей пробел.

– Именно благородное происхождение, – подтвердил он и, сделав вид, что колеблется, говорить или нет, после паузы продолжил: – Впрочем, раз он ничего о себе не сказал, и мне не следует выдавать его истинное происхождение. Как у Екклесиаста: всему свое время и время всякой вещи под небом. Так и для нас с ним ныне время скрываться и таиться. Однако мы отвлеклись. Итак, суть в том, что я в отличие от него увы, далеко не богат и вынужден сам зарабатывать на кусок хлеба, поэтому отказываться от своей доли выкупа мне резона нет.

По губам Изабеллы скользнула презрительная усмешка. Петру стало чуточку грустно, но он успокоил себя мыслью, что другу это пойдет на пользу. А кроме того донья оказалась достаточно умной, чтобы не демонстрировать открыто своего отношения к благородному кабальеро, оказавшемуся не совсем благородным.

Спустя секунду она, взяв себя в руки, вновь надела маску бесстрастия и, невозмутимо кивнув, пообещала отдать выкуп, но с одним условием. Учитывая, что она платит втрое больше, чем Тевтонский орден, дон Педро должен немного подождать. Дескать, она, опасаясь разбойного нападения, передала свои сбережения в одну из купеческих компаний Ганзы. Дело за малым – прокатиться на север Германии и получить их. Пока же она готова внести в качестве залога и оплаты за содержание пленника полторы тысячи флоринов, кои у нее имеются.

Получалось, золотой ключик и впрямь у доньи. Оставалось окончательно убедиться от какого «чемоданчика» – вдруг действительно совпадение, и Сангре вежливо, но настойчиво попросил гарантий. Мол, есть на Руси хорошая поговорка про синичку в руках и журавля в небе. Семь с половиной тысяч золотых монет, обещанные ею – журавль. Будут ли они выплачены и когда – бог весть. Зато у фра Пруденте имеется синичка стоимостью в пять тысяч, кои монах вне всякого сомнения мигом отстегнет за пленника. И потому он, Сангре, пребывает ныне в колебаниях.

– Я готова выплатить рыцарю гораздо больше, – торопливо выпалила Изабелла. – Десять или пятнадцать тысяч устроят *благородного* кабальеро?

«Судя по интонации, я таковым в ее глазах теперь точно не являюсь», – подумал Петр, но вновь успокоил себя мыслью, что и это пойдет во благо Улану, а вслух похвалил ее:

– Разумно. Пережитое нами при вашем освобождении, сударыня, стоит и больше, но я не собираюсь торговаться и

согласен на названную сумму. Но ведь до этого золота надо еще добраться, да и есть ли оно вообще на самом деле, а?

– Если бы мы находились в Арагоне, я бы предоставила добрый десяток поручителей, но здесь…

– А поручителей и не надо, – возразил Петр. – Мне хватит соответствующих бумаг. Заемные письма, расписки, долговые обязательства и так далее. Тогда я буду знать, что должник имеет имя, действительно где-то проживает и готов расплатиться. – Изабелла замялась, явно не желая говорить правду. Пришлось усилить натиск и он пояснил: – Дело вот еще в чем. Фра Луис, задержанный нами, и вчера, да и сегодня, пребывая в этой самой комнате, неоднократно называл некую донью де Сандовал бьёз хексе и настоятельно предупреждал нас, что ее богатство от лукавого, а потому лишь глупец может на него польститься, ибо от сокровищ дьявола добра ждать бессмысленно.

Лицо Изабеллы немедленно зарумянилось, а по мере того, как Сангре излагал ей по памяти приведенные инквизитором доказательства ее преступной связи с нечистой силой, румянец становился гуще и гуще. Несколько раз она пыталась прервать его, но Петр властно поднимал руку, давая понять, что не закончил. Наконец он решил подвести итог, с вопросительной интонацией протянув:

– Итак получается, что… – и, не закончив, вопросительно уставился на нее.

– Все ложь, – твердо ответила она. – Неужто вы можете верить этим нелепостям и бредням?! Досадно одно: вместе со мной монах опорочил память действительно замечательных людей. К примеру, моего учителя почтенного мессира Арнольдо. Он никакой не прислужник дьявола, а непревзойденный медикус, спасший на своем веку множество жизней, в том числе и мою. Да и про кузена инквизитор наговорил такого…

– Да ну? – весело изумился Сангре. – Но свои нелепости и бредни он подкрепил весьма серьезными доказательствами. К примеру, он не просто в подробностях рассказал о преступлении вашего слуги, тридцать лет назад ухитрившегося с помощью черной магии увести неизвестно куда сто тридцать детей из города Гамельна. По словам почтенного фра Луиса, с того времени магистрат строжайше запретил игру на каких бы то ни было музыкальных инструментах на Бунгелозенштрассе, то бишь на улице, по которой дети ушли из города. Да и петь на ней нельзя, из-за чего горожане успели прозвать ее Беззвучной. А в построенной пятнадцать лет назад церкви на рыночной площади города, художник изобразил на одном из витражей самого дудочника. И если поставить подле витража вашего слугу, любой

определит, что это один и тот же человек, разве состарившийся. Хотя зачем сравнивать, когда живы люди, помнящие его. И не только его, но и своих несчастных детей, навсегда уведенных им из Гамельна с помощью вот этого инструмента, – и с этими словами он извлек из-за пазухи серебряную дудку.

Румянец мгновенно покинул лицо Изабеллы и оно превратилось в безжизненную гипсовую маску. Петр поморщился, но никуда не денешься, следовало добить – самый подходящий момент. Ион, встав из-за стола, прошел к печке.

– Не стану расписывать, сколь сурово ныне относятся к колдунам и ведьмам в различных странах, поскольку вы и без меня это прекрасно знаете. Даже духовный сан не смягчает кары, и вы об этом осведомлены получше меня, поскольку угольки от костра, в котором заживо сожгли за колдовство епископа из Кагора, еще не остыли как следует. Кажется, он доводился донье двоюродным дядей. Что уж говорить о простых людях, пускай и принадлежащих к благородному сословию.

Бросив мельком взгляд на Изабеллу, Сангре подметил, что ее глаза наполнились слезами. Он скрипнул зубами, мысленно обругал себя, но деваться некуда, следовало продолжать. Вытащив из печи небольшое полено, ярко полыхавшее с одного конца, он подвел итог, задумчиво глядя на огонь.

– Словом, спалят всю вашу троицу вместе с титулами и не поморщатся. Ну а перед смертью, – он бросил полено обратно в печь и извлек из пламени кочергу, принявшись разглядывать ее покрасневший кончик, – как водится, вдоволь поизгаляются. Получается, у вас, равно как и вашего слуги вместе с кузеном, нынче остался единственный путь к спасению.

– Путь к спасению действительно… остался?

– А как же. Само собой. Это… мы.

– Кто… мы?

– Я и мой друг, – терпеливо пояснил Петр. – Но неизвестно кого, извините, спасать как-то не хочется. Одно дело, если вы, сударыня, страдаете исключительно по причине своего ума и глубоких познаний, показавшихся церкви столь необычными, что она увидела в них происки дьявола. И совсем другое, если… Словом, вначале надо разобраться во всем как следует. А посему рекомендую вам говорить мне правду.

Изабелла продолжала колебаться.

– Боюсь, мой рассказ… – неуверенно начала она.

– А бояться не надо, – бесцеремонно перебил ее Петр, засунув кочергу обратно в печь. – Мы с Уланом – не разбойники с большой дороги, когда даем слово, всегда держим его. И в обмен на вашу правду я готов заверить, что сделаем все, дабы уберечь

вас от малоприятного общения с представителями некоего монашеского ордена. Кстати, уже сейчас мы, по сути, знаем практически все и о вашем слуге, и о вас лично – ухмыльнулся он, вставая и подходя к ней. – Прошу ознакомиться, – он взял с небольшого столика одну пачку листов, исписанных Уланом, и небрежно бросил перед нею, пояснив: – Надеюсь, прочитав это, вы поймете, что ваши слова мне нужны исключительно для уточнения некоторых подробностей, не более. Ну и заодно хочу проверить вашу искренность, насколько вы нам доверяете. Я имею ввиду историю с золотом ордена тамплиеров, каковую монах частично от нас утаил, опасаясь, что мы отнимем его у вас и им самим ничего не достанется.

– А как на самом деле намеревается поступить кабальеро?

– Честно, – последовал туманный ответ. Изабелла продолжала вопросительно и даже требовательно смотреть на Петра и тот пояснил: – Под словом «честно» я имел ввиду, что нам с другом чужого не надо и я собираюсь получить с вас только то, что мы заслужим в качестве оплаты. Кстати, не сочтите за комплимент, но сдается, что ваш брат Эксемен при выборе хранительницы сокровищ сделал наилучший выбор.

Она кивнула, невозмутимо восприняв его слова, разве щеки чуть зарумянились, но, бросив взгляд на листы, недоуменно нахмурилась:

– Написано по-русински, но как-то необычно.

– Разговорная речь проще, а с письменностью мы до конца не освоились, – почти честно ответил Сангре. – Но если какое-то слово непонятно, я поясню. Однако советую не останавливаться на подробностях, а схватывать общий смысл, тогда дело пойдет куда быстрее.

Изабелла молча кивнула, приступив к чтению. Судя по тому, что подсказывать ей пришлось всего пару раз, да и то поначалу, советом Петра она воспользовалась. Сангре не торопил, терпеливо ожидая, пока она закончит. Пробежав глазами заключительные строки, собственноручно написанные фра Луисом и подтверждающие добровольность его показаний, она беспомощно опустила руки и произнесла:

– И впрямь вам известно многое, кроме… самого главного. И по счастью, вы не знаете, где находится заемное письмо. Впрочем, как я понимаю, у вас имеются весьма убедительные способы убедить меня отдать его вам, – и она, кивнув на торчащую из печи рукоять кочерги, с горькой усмешкой добавила: – Не зря кабальеро пригласил меня для беседы именно в эту комнату, судя по некоторым следам, пыточную.

«А слово «благородный» мадам вообще не упомянула», –

мысленно отметил Петр. Впрочем, оно и немудрено – уж слишком старательно он выказывал себя жадным и беспринципным проходимцем. Но, утешив себя тем, что ради счастья друга можно и в дегте вымазаться, и в перьях обваляться, и голым на столах поплясать, он продолжил, благо, сейчас по его раскладу предстояло ослабить напор, чтобы получился контрастный душ: от надежды к отчаянию и обратно.

– Ой, я вас умоляю! – иронично усмехнулся он. – Вы, сударыня, меня никак за палача держите. Нет, при большой нужде я могу потрудиться и на этом почтенном поприще, но не сейчас. К чему пытки, когда вполне достаточно небольшого обыска, благо, вещей у вас немного, а не найдя среди них нужного документа, можно подвергнуть вас личному досмотру. Сразу оговорюсь, что мне нет нужды самолично лезть под юбки, – уточнил он, заметив, как лицо Изабеллы снова зарделось гневным румянцем. – Достаточно приказать это какой-нибудь служанке. За один пражский грош она весьма тщательно прощупает каждый кусочек ткани на всей одежде. А уж какой обыск она учинит, если посулить ей золотой флорин – за это я вообще молчу. Но я вовсе не собираюсь отнимать у вас драгоценную бумажку и прошу просто подтвердить, что она находится у вас. Ну и само собой покажете мне ее. Очень хочется лицезреть листочек ценою… свыше миллиона золотых флоринов. Обязуюсь при этом не кидаться на вас коршуном, пытаясь выхватить ее из ваших рук.

– А проку с того, что вы ее выхватите?

– Ну как же, – развел руками Сангре. – Насколько мне известно, она выписана на предъявителя, – и, глядя на вздрогнувшую Изабеллу, уставившуюся на него, мягко улыбнулся. – Видите, мне известно даже это, и я прекрасно понимаю ваши опасения. Попади она в руки кого другого, и вы действительно станете ему не нужны. Но заверяю еще раз – я отнимать ее не собираюсь. Просто у меня привычка работать с партнером на доверии, а ее показ и будет с вашей стороны демонстрацией такового по отношению ко мне. Так что?

Она задумалась, весьма мило прикусив нижнюю губку и демонстрируя ряд мелких, но острых белоснежных зубов.

– Кабальеро настолько откровенен, что я, пожалуй… ему поверю. Но мне понадобится моя служанка, дабы… расшнуровать корсет.

Сангре кивнул и пошел звать братьев-жмудинов, несущих стражу подле комнаты. Не то чтобы он опасался побега Изабеллы, но отчего бы лишний раз не продемонстрировать пару безобразных рож, внушающих страх. Так, на всякий случай, для вящей сговорчивости. Отправив Вилкаса за служанкой, он

вернулся обратно.

Некоторое время они сидели молча, но Загада появилась быстро. Сангре вышел, вернувшись на зов спустя пять минут. К столу он подходить не стал, оперся спиной о дверной косяк и даже руки демонстративно скрестил на груди, давая понять, что помнит свои обещания и намерен выполнить их. Свиток, находившийся в вытянутой вперед руке Изабеллы, со свешивающимися с него тяжелыми серебряными печатями, выглядел солидно.

– Нельзя ли уточнить сумму, указанную в нем? – попросил Петр.

– С учетом накопившихся процентов один миллион и пятьдесят тысяч флоринов. Но это было три года назад, а если кабальеро интересует нынешняя, она составляет миллион и двести семьдесят тысяч флоринов, – отчеканила она.

Свиток при этих словах многозначительно дрогнул в ее руке, словно намекал или даже просил кинуться и выхватить его из руки доньи. Сангре перевел взгляд на ее лицо и его внезапно осенило: «Да она специально меня провоцирует! Кажется, я перестарался, демонстрируя свою гнусную меркантильную сущность». В памяти всплыла фраза из знаменитого фильма: «Совсем уж меня за ссученного держите, гражданин начальник». Он усмехнулся и медленно шагнул вперед, продолжая смотреть ей в глаза. За первым шагом последовал второй, за ним третий… Остановившись подле Изабеллы, он заложил руки за спину и, склонившись поближе к свитку, принялся разглядывать печать.

– Неужто серебряная? – поинтересовался он.

– Так предложил мой должник Овадья бен Иегуда. Он сказал, что долговое обязательство на сумму свыше миллиона флоринов неприлично запечатывать обыкновенным свинцом, и нотариус заменил его на серебро, – ответила испанка.

Петр понимающе кивнул, выпрямившись, перевел взгляд на стол, бесцеремонно вытряхнул из шкатулки показания инквизитора, и… неспешно вынул из руки Изабеллы свиток. Та не противилась, а лицо ее выражало скорее любопытство, чем возмущение. Но это вначале, а после того, как Сангре, аккуратно свернув долговое обязательство в трубку, положил его в шкатулку, закрыл крышку и пододвинул обратно испанке, в ее глазах читалось неподдельное изумление.

– И это все? – разочарованно спросила она.

– А что еще? – пожал плечами Петр. – Долговое обязательство на сумму свыше миллиона флоринов неприлично не только запечатывать обыкновенным свинцом, но и держать в местах, явно не приспособленных для хранения. Кстати, наш пленный

шейх раз десять проблеял, что золото храмовников проклятое, так что рекомендую: поосторожнее с ним.

– Но кабальеро не стал даже читать, – пропустила она мимо ушей предупреждение. – Вдруг я…

– Как подобает благородному рыцарю я темен и невежественен, и грамоте не разумею, – пояснил Сангре. – Зато убедился в главном: долговое обязательство этого Оладьи на самом деле находится у вас и донья готова доверить нам сей свиток, не опасаясь, что мы его присвоим.

– Доверить? Но зачем?

– Для получения пятнадцати тысяч, обещанных вами, необходимо выехать в Гамбург, – развел руками Сангре, – а там всех нас будут вновь поджидать отцы-инквизиторы. Вывод: мы получим не золото, а от мертвого осла уши. Или рукава от жилетки. То есть предстоит придумать немало всякого разного, чтобы уцелеть и по возможности покинуть город, несмотря на все гостеприимство и радушие встречающих нас хозяев, не просто живыми и здоровыми, но и с золотом. Поэтому отправляться туда вместе с вами я не собираюсь.

– Как?! Без меня?! Но… это невозможно!

– Почему? Очень даже возможно. Это уцелеть в кампании с вами будет невозможно. Следовательно, придется довериться нам, на время расставшись со своей бумажкой. Вот я и проверил, в силах ли вы преодолеть опасения и вручить ее нам. Заодно и вам дал возможность убедиться в том, что мы – идальгистые кабальеры, слову своему верны. Ну а теперь я готов внимательно выслушать рассказ, включающий описание как вашей собственной жизни, так и жизни вашего загадочного слуги. Я жду.

Изабелла замялась, но, покосившись на шкатулку с лежащим в ней свитком, послушалась, оговорив при этом, что поведает лишь о себе – она надеется что слуга в скором времени придет в себя и сам решит, рассказывать о себе или нет, и что именно.

Глава 10. Завещание великого магистра

…Хрупкая Маргарита, жена почтенного сеньора Педро Хуана Франциска де Ленды, родив девочку, не прожила и недели – открывшееся после родов кровотечение остановить не удалось. Само дитя оказалось слабым и хилым. Болезни преследовали Изабеллу с рождения. Трудно сказать, дотянула б она хотя бы до десяти лет, не прибегни ее отец к помощи своего друга – знаменитого врача Арнольда из Виллановы, слывшего чернокнижником и алхимиком. В то время он проживавал в Арагоне и согласился даже на то, чтобы восьмилетняя Изабелла пожила в его доме, находясь таким образом под постоянным контролем с его стороны. А со временем, видя в ней неуемную

страсть к знаниям (к тому времени она успела усвоить греческий язык и латынь), он взял ее в ученицы. Так она выучилась арабскому языку и постигла азы алхимии.

Но больше всего ее привлекала медицина. Сказалась услышанная ею фраза, случайно оброненная тем же Арнольдом в разговоре с ее отцом, что Маргариту можно было спасти. Окажись у ее ложа вместо неграмотных повитух знающий доктор и все – трагедии удалось бы избежать. Остро ощущавшая отсутствие материнской ласки Изабелла накрепко запомнила его слова.

Сам медик, в результате столкновений с духовенством и Арагонским двором вскоре принужден был бежать во Францию, попросив дона Педро сохранить его труды и рукописи. Каково же было его удивление, когда спустя два года вернувшись оттуда, он обнаружил, что Изабелла помнит названия всех лекарств, описанных им, знает, от каких болезней они помогают, а также их состав.

Во многом именно благодаря ходатайству Арнольда, отец согласился отпустить девочку, когда ей исполнится пятнадцать, для дальнейшего обучения медицине в самую знаменитую в ту пору во всей Европе Салернскую врачебную школу. Женщин в Европе и впрямь считали существами второго сорта. Однако в Салернской школе, благодаря знаменитым женщинам-профессорам, некогда преподававшим в ней и оставившим многочисленные медицинские труды, отношение к ученицам было иное. Правда, от поступающих требовалось пройти трехлетний подготовительный курс, но учитывая ручательство за Изабеллу самого автора «Салернского кодекса здоровья», ее приняли и так.

Проучиться ей довелось всего три года. Старый дон Педро занемог и, торопясь обеспечить будущее дочери, поспешил вызвать ее обратно в Арагон, дабы выдать замуж за своего старинного друга де Сандовала. Через полгода приключилась смерть отца, а еще через полгода – разгром ордена тамплиеров, в котором состояли ее старший брат Эксемен и кузен Бонифаций.

С заемным письмом все произошло несколько иначе, чем предполагал Петр. Изабелла не хотела упоминать подробностей, но случайно обмолвилась, а остальное, уцепившись за сказанное доньей, вытянул из нее Сангре.

Оказывается, Эксемен, когда потребовалось извлечь из тайника, расположенного в одном из тамплиерских замков, хранившееся там долговое обязательство Овадьи и перепрятать его в надежном месте, отнюдь не случайно обратился к своей младшей единокровной сестре. Он и ранее не раз имел возможность убедиться, насколько умна Изабелла. И дело вовсе

не в том, что она знала назубок уйму древних ученых трактатов по медицине, могла читать и писать на трех языках, и в шахматы играла так, что одолеть ее не мог никто. Девушка подчас находила выход из таких сложных ситуаций, которые поставили бы в тупик и убеленного сединами старца.

Далеко ходить ни к чему – это ведь именно она несколькими годами раньше, приехав из Салерно, накануне своей свадьбы обратила внимание на удрученного чем-то брата и не отставала от него, пока не выяснила причин его озабоченности. Всего он ей, разумеется, не говорил, но обтекаемо рассказал, что один человек, изрядно зависимый от другого, не хочет давать ему денег взаймы, но затрудняется найти благовидный предлог для отказа.

– Так пусть он спешно одолжит их третьему человеку, – почти мгновенно выдала она идею.

Эксемен удивленно посмотрел на нее и осведомился:

– Может, ты еще и скажешь, кому одолжить?

– А это смотря сколько власти у второго человека, – улыбнулась Изабелла. – Да и сроки имеют значение.

Эксемен чуть поколебался, но решился рассказать ей все. На сей раз девушка ответила не сразу, но пауза длилась недолго и прозвучало имя купца Овадьи бен Иегуды. Причем она сразу же изложила причины, коими руководствовалась при его выборе – рассказала и про его честность, и про Ганзу, и про императора Альбрехта. Брат согласился, что совет ее весьма неплох, разве с выбором купца она слегка промахнулась. Дело в том, что Овадья – еврей, исповедующий иудейскую веру, и навряд ли великий магистр согласится довериться ему. Изабелла же заявила, что вероисповедание купца, если вдуматься, дает дополнительное преимущество, даже два.

Во-первых, будь на его месте католик, сразу возник бы вопрос: как указать в долговом заемном письме процент? А без него не обойтись, ведь срок займа неизвестен. Зато с презренным народцем все легко и просто, ибо церковь запрещает взимать лихву исключительно христианам.

Ну а во-вторых, возможно, узнав, у кого из христианских купцов находятся деньги тамплиеров, посланцы римского папы смогут уговорить вернуть их в обмен на полное отпущение всех грехов на ближайшие триста лет и обещание вечного блаженства на том свете. Но у иудея Овадьи другой бог, другой рай, другие смертные грехи, а главное – другие авторитеты, и в их число не входит ни самозваный наместник Христа на земле, ни его люди. Посему и тут можно быть спокойным.

Позже ее аргументы, изложенные Эксеменом, произвели

такое впечатление на магистра, что тот, подумав, согласился и с предложением насчет займа, и с тем, что ссудить их нужно именно Овадье.

Поручение брата извлечь и перепрятать шкатулку из тайника сестра исполнила как нельзя лучше и сообщила Эксемену о новом месте. Тот поблагодарил ее и сказал:

– Отдашь ее тому, кто придет к тебе и скажет: «Не все нити братьев-тамплиеров перерезаны жестокой Атропос. Лахезис по-прежнему сучит пряжу[17]».

– Лучше приходи за нею сам, – вырвалось у Изабеллы.

– Как получится, – слабо улыбнулся Эксемен. – Но если со мной что-то случится, больше года моего посланца не жди – опасно. Сейчас пытки в Арагоне запрещены, да и инквизиторов к нам пока не подпускают, но ходят слухи, что… – он замялся, явно не желая пугать сестру и закончил обтекаемо. – Словом, все может измениться. А потому выжди год, от силы полтора, и беги, причем чем дальше, тем лучше. Желательно, в те края, куда не сможет дотянуться ни французский король, ни римский папа.

– А как мне быть с…

– Вместе с заемным обязательством, – перебил он ее, – в ларце лежит послание от великого магистра. Можно сказать, его завещание. Считай его моим прощальным заветом тебе.

Этот разговор состоялся во время их последнего свидания. Больше ее к нему не пустили – Эксемен как в воду глядел, предрекая появление в Арагоне специальных папских инквизиторов. И сразу после их прибытия летом 1310 года режим содержания арестованных тамплиеров резко ужесточился, ибо первое, о чем они попросили короля, так это заковать узников в цепи. Король Хайме пытался противодействовать, но когда Климент весной следующего года потребовал выдать обвиняемых «монаху-пытателю», Хайме вынужден был отступить. Эксемен стал одной из первых жертв.

Изабелла ослушалась брата и ждала его посланца гораздо дольше указанного срока – почти два года, но тщетно. Тогда она извлекла из тайника послание великого магистра. В нем Жак де Моле, обращаясь к Эксемену, писал: «Доверяю тебе, брат мой, сохранить это долговое письмо до возрождения нашего братства, после чего надлежит вернуть его мне, а в случае моей смерти передать его вновь избранному главе нашего ордена. Если же время возрождения замедлит со своим приходом, то через десять лет ты вправе воспользоваться всем золотом по своему усмотрению. Однако при этом ты должен исполнить два моих условия.

Первое состоит в том, чтобы ты отыскал для братьев-

тамплиеров такую землю, где они окажутся в полной безопасности, использовав для ее поисков столько золота, сколько будет необходимо.

И второе. Мне не верится, что французский король Филипп окажется столь злобен и неблагодарен, ведь наш орден не раз выручал его из бед, занимая деньги или давая надежное укрытие. Равно мне не верится и в то, что римский папа Климент V согласится безропотно отречься от своих преданнейших слуг и ничего не сделает ради спасения ордена. Но коль таковое случится и мои самые худшие опасения оправдаются, сделай все возможное и невозможное, дабы ни одно денье из наших сокровищ не досталось ни им, ни их преемникам, ни прочим монархам, кои примут участие в гонениях на нас».

Изабелла собралась было уехать, но тут оставшихся в живых арагонских тамплиеров оправдали и она, обрадовавшись, отложила отъезд, вновь настроившись на ожидание. Но шли месяцы, миновал год, а в доме девушки так никто и не появился. По всей видимости, Эксемен то ли не успел никому доверить свою тайну, то ли этого человека тоже не было в живых…

И тут до нее дошли слухи, что выпущенным на свободу орденским братьям вновь начинают предъявлять обвинения в ереси. Заподозрив недоброе, она ценой различных ухищрений выяснила, что обвиняют именно тех, кто хотя бы недолго, но общался с де Лендой или сидел с ним вместе в одной камере. Стало понятно, что ее дальнейшее пребывание в Барселоне слишком опасно.

– О моих дальнейших скитаниях, по-моему, нет нужды рассказывать, – вздохнула Изабелла. – Думаю, здесь, – и она с ироничной усмешкой кивнула на листы, – все написано.

– Вы умны, но допустили одну ошибку, – медленно произнес Петр. – Впрочем, я полагаю, лишь острая нужда в деньгах заставила вас обратиться к Овадье.

– У меня действительно не было другого выхода, – подтвердила Изабелла. – Рыцарские доспехи для кузена стоили очень дорого, конь тем паче.

– А зачем вы вообще взяли его с собой?

– Полагаете, мне следовало оставить его на растерзание инквизиторам? Достаточно моего дяди, который был ни в чем не виноват. Или вы всерьез думаете, что его убили за колдовство? Не спорю, возможно, они и поверили бы, что Бонифаций ни при чем, но…

– Да, мы успели вовремя, – мрачно подтвердил Петр. – Ему и так здорово досталось, а после того, как они бы привезли вас к нему или его к вам, думаю, пытки возобновились.

– Вот, вот. А кроме того я опасалась, что Овадья, зная о роспуске ордена, может…

– Вы ж говорили о том, что он жутко честный, – напомнил Сангре.

– Любая честность имеет свои пределы, – вздохнула Изабелла. – У кого-то это пара турноз, у других десяток золотых флоринов, у третьих несколько десятков тысяч серебряных марок.

Пару раз в разговоре с купцом Изабелле показалось, что тот с куда большим удовольствием отказал бы ей вовсе. Не собираясь испытывать судьбу, она на всякий случай намекнула, что за ее спиной стоят уцелевшие тамплиеры и флорины она получает не для себя, а для них. Далее последовал многозначительный взгляд, устремленный в сторону стоящего на улице Бонифация. Конечно же это был блеф, но весьма правдоподобный, ибо Овадье и самому было хорошо известно, что в германских землях к тамплиерам отнеслись не столь сурово, как во Франции, а многих, равно как и в Арагоне, вовсе выпустили из тюрем. Словом, особых проблем с получением золота, благо, она скромно запросила всего часть скопившихся процентов, у нее не возникло.

Правда, Изабелле пришлось слегка уступить и новое долговое обязательство, выданное Овадье, оказалось гораздо мягче к должнику, нежели старое. К примеру, требовать проценты испанка могла, лишь известив о том не позднее, чем за месяц, а забрать основную сумму – только спустя полгода после предупреждения, да и то не свыше четверти от всего долга. Ну и реза[18] была уменьшена по его просьбе до семи годовых…

А вот рассказывать о своем загадочном слуге Изабелла наотрез отказалась, заявив, что выдавать свою тайну не зазорно, хотя делать это без крайней нужды глупо, выдавать же чужую подло. Сообщила она лишь то, что Чарльза Каули подобрал ее отец. Мол, батюшка решил отправиться в паломничество тропой святого Иакова в Сантьяго-де-Компостеллу, дабы испросить здоровья для нее, а Чарльз тоже был паломником, но не смог одолеть горный перевал и был обнаружен умирающим возле одной из скал.

Так он появился в ее жизни. Изабелла тогда была совсем крохой – всего-то шесть лет, но хорошо помнит, как он на нее смотрел, когда впервые увидел – пристально, не отрываясь ни на секунду, и с какой-то потаенной надеждой во взгляде. И впоследствии не было во всем Арагоне, да что там, на всем белом свете, более преданного слуги.

– Когда, говорите, он появился в вашем доме? – невинно уточнил Петр.

– Двадцать четыре года назад, – ни секунды ни медля

ответила она. – Думаю, благодарить, за то, что я сейчас подвержена разным хворям не более, чем кто-либо другой, мне следует в равной степени и искусство моего учителя Арнольда из Виллановы, и неустанные заботы Чарльза. Тогда я ничего не знала о нем. Рассказал он о себе гораздо позднее, в день, когда я узнала, что в тюрьме от пыток скончался мой брат Эксемен. Видя, как я страдаю, он поведал, что и у него случались часы, когда он подумывал о смерти. А еще сказал, что именно я, точнее мое лицо, спасло его от страшного греха самоубийства. Я оказалась очень похожа на некую девочку, кою он… – осекшись, она испуганно ойкнула, словно девчонка, и даже прижала руку ко рту, давая понять, что больше не расскажет ни слова.

– Да чего уж там, продолжайте, – усмехнулся Сангре. – А впрочем, я могу сделать это и сам. Вы оказались похожи на одну из девочек, в числе прочих шедших за ним, когда он весело наигрывал на своей чудесной дудке. Значит, братья Гримм не соврали, – задумчиво протянул он. – Увел-таки крысолов детей из Гамельна, – и он пытливо посмотрел на нее.

– Я бы не хотела вдаваться в подробности. – медленно произнесла Изабелла. – Надеюсь, кабальеро подождет, пока Каули не придет в себя и сам не расскажет обо всем.

– А он придет в себя?

Изабелла вновь прикусила губку и опустила голову.

– Я не знаю, – тихо произнесла она. – Хочу надеяться, но… Точно могу сказать лишь одно: если мы сейчас отправимся в путь, взяв его с собой, дорога убьет его. Ну а все остальное в руце господа.

– Что ж, пару дней подождем, – рассеянно согласился Петр, сопоставляя ее ответы и прикидывая, сколько лет Изабелле. Получалось, под тридцать. – Но на одно попрошу вас ответить сейчас: он действительно увлек детей за собой с помощью этого? – и он кивнул на дудку.

– Да, – кивнула она. – Но это не колдовство. Чарльз не до конца разобрался в ее устройстве, значит, и грех его невольный, ведь он хотел совсем другого – лишь припугнуть магистрат, нарушивший свое обещание. Вышло же… – она, не договорив, скорбно вздохнула.

– Очень интересно, – протянул Сангре, уважительно разглядывая немудреный на вид, но столь могущественный музыкальный инструмент. – Ладно, будем надеяться, что он очнется. Заодно сообщит и о том, кто именно убил Мануэля, а также покушался на его собственную жизнь, чтоб было чем прижать Эспиносу.

Глава 11. История Гамельнского крысолова

Петр честно изложил Улану, о чем он разговаривал с Изабеллой. Поначалу он выдал другу краткую версию, самую суть, но от человека, привыкшего выжимать каждого свидетеля досуха, не ускользнешь. В смысле, можно было бы, но тогда требовалось соврать, а этого Сангре принципиально делать не хотел. Пришлось отвечать. В результате Улан узнал все.

– Ну ты и крохобор, – заметил он, когда речь зашла о двадцати тысячах.

– Ну ты и садист, – мрачно прокомментировал он его возню возле печки.

– Ну ты и зануда, – это когда речь зашла о попытках Петра выжать из нее добровольное признание.

Бесконечные «ну ты и» стали порядком раздражать Петра (это вместо благодарности за все хорошее, что он для него сделал), но в конце Улан и сам, переосмыслив суть его беседы с Изабеллой в целом, заявил:

– Ну ты и… друг.

– А это что значит? – не понял Сангре.

– То, что таких друзей с самой большой буквы никогда и ни у кого не было, – пояснил тот. Петр довольно ухмыльнулся: все-таки оценил, зараза, но Улан продолжил: – Одного не пойму: как Чарльз смог увести всех за собой с помощью какой-то дудки.

Сангре отмахнулся:

– Да чего гадать. Придет в себя и расскажет. Ты лучше скажи, миллион и двести семьдесят тысяч флоринов – это много?

– По нынешним временам – гигантская сумма, – подтвердил Улан. – Точно не скажу, но думаю, вполне потянет на годовой доход государства, причем не каждого, а очень богатого, вроде Франции. А ты это к чему спросил? – насторожился он. – Или вознамерился отнять их у нее?

– Да что ты! – замахал на него руками Петр. – Предложить поделиться и только. Но, разумеется, не поровну. И ты знаешь, мне кажется, она будет лишь рада, если мы за соответствующую мзду возьмем на себя ее дальнейшую охрану и обеспечение безопасности. А что? Верность мы доказали, смелость с лихостью продемонстрировали, в своей надежности убедили – секьюрити хоть куда.

– Нехорошо это, – скривился Улан.

– Ну ты и поросенок! – возмутился Петр. – Для тебя ж стараюсь!

– Для меня?! – ахнул Улан.

– А то для кого?! Это ж самый надежный и главное, невинный способ продолжать оставаться рядом с нею, чего тебе и надо. Плата, разумеется, пойдет мне одному, а тебя я, так и быть, стану

кормить из милости. Что, тоже не по душе? Ну, на тебя не угодить. Ладно, будем считать, что ты путешествуешь с деньгами – я про те, кои у нас уже имеются и те, что нам отстегнет Кейстут. Но остальное мое, и все, ша про гроши! – и желая поскорее сменить щекотливую тему, деловито поинтересовался: – Кстати, как там продвигается превращение возка в средневековую бронетехнику?

– Нормально, – буркнул Улан, постепенно остывая. – До завтрашнего вечера добьем и можно собираться в путь-дорогу, – он досадливо хлопнул себя по лбу. – Совсем про ее слугу забыл. И что делать?

Они ничего не надумали, но отправились в путь, можно сказать, почти как планировали. Почти, поскольку пришлось задержаться на трое суток. Правда, слуга был ни при чем – исключительно из-за сложностей, связанных с каретой. Поначалу возникли проблемы с железными листами, кузнец выковал их не совсем той конфигурации, какую заказывал ему Улан, а когда переделали, не сразу удалось впихнуть их вовнутрь. Да и с установками рессор, изобретенными все тем же Уланом, чтобы раненого слугу Изабеллы поменьше трясло, тоже оказалось изрядно мороки.

А где-то в полдень последних третьих суток к ним в слезах прибежала Загада, сообщив, что Чарльз умирает и призывая к госпоже. Но отвела она их не в покои на женскую половину, а в комнату к раненому – Изабелла находилась там. Завидя друзей, она встала и печально произнесла:

– Вы, кажется, хотели услышать его. Извольте. Уходя в мир иной, он пожелал очистить душу и поведать историю своей жизни.

– А ему это не повредит? – спросил Улан.

– Мне уже ничто не повредит, – хрипло ответил вместо нее Чарльз.

…Жил некогда в английской деревушке Каули, расположенной недалеко от Оксфордского монастыря, мальчик Чарли. Родителей он лишился очень рано. Чтобы сирота не ел попусту свой хлеб, его пристроили в подпаски к старому пастуху. Так прошло одно лето, а в середине второго тот скончался. Но, предвидя смерть, он еще за месяц до ухода в мир иной научил мальчугана играть на своей старенькой дудке с пятью клапанами для пальцев, а за три дня до кончины и вовсе подарил ее Чарли, наказав ему беречь ее пуще глаза. Мол, пока она с ним, за овец можно не беспокоиться.

Старый пастух и впрямь славился по всей округе тем, что за

всю долгую жизнь ни разу не потерял из вверенного его заботам стада ни одной овцы. И это при том, что у него не имелось ни одной собаки. Мало того, он никогда не оглядывался на послушно бредущих за ним овец – знай себе шел впереди стада и наигрывал одну и ту же мелодию.

В деревушке к тому времени поселился некий монах-францисканец. Звали его Роджер Бэкон. Он часто наблюдал за пастушком и за тем, как послушно бредут за ним овцы. Как-то раз он спросил у Чарли, отчего это наигрываемая им мелодия порою прерывается. Мальчик простодушно пояснил причину. Мол, если одновременно зажать вот этот и вон тот клапаны, непременно отпустив остальные, то как в нее ни дуй, дудка будет молчать.

«Но коль ты это знаешь, зачем тогда их нажимаешь?» – удивился монах.

«Так всегда делал старый пастух, – ответил подросток. – Он и мне велел ничего не менять, играть всегда одинаково, а то овцы перестанут слушаться».

Монах усомнился. Пришлось пастушку продемонстрировать это. И хотя новая мелодия была куда приятнее прежней, да и звук не прерывался ни на миг, овцы неожиданно стали разбредаться в разные стороны. Лишь тогда Роджер поверил Чарли.

Прошла еще неделя и Бэкон, встретив вечером мальчика с его стадом, попросил у него на время дудочку. До утра, не дольше. Пастушок колебался недолго – слишком велик оказался соблазн стать обладателем серебряного фартинга[19], протянутого ему монахом. Да и чего бояться – не удерет же он с дудкой.

На рассвете тот ее и впрямь вернул, но вечером попросил снова. Правда, фартинга не дал, а Чарли не напоминал: совестно просить за такой пустяк вторую монету. С тех пор так и повелось – вечером подросток сам, без напоминаний, приносил Бэкону дудочку, а поутру забирал ее обратно, и изредка, хотя и нечасто, получал серебряную монетку.

Но спустя месяц приключилось несчастье: не заметив, как дудочка выпала у него из-за пояса, пастушок наступил на нее и сломал. Кое-как пригнав в загон стадо, без привычной мелодии все время упрямо пытавшееся разбрестись, он, заглянув как обычно к Роджеру, протянул ему обломки дудочки. Монах внимательно посмотрел на его лицо, залитое слезами, и велел прийти завтра рано утром. Мол, он попробует что-то сделать.

Полночи Чарли не спал, в ужасе гадая, как ему вести оказавшихся такими непослушными овец на выпас, а едва рассвело, помчался к монаху. Бэкон не подвел. Правда, починить дудочку ему не удалось, но зато он вручил ему другую, заявив, что она ничем не хуже. Та была диковинной формы и отлита из

чистого серебра. Да и отверстий на ней оказалось не пять, а много больше, целых тринадцать. Пастушок испугался, что не сумеет сыграть нужную мелодию, но монах его успокоил, научив, какими отверстиями пользоваться, а какими не стоит, ибо он сам до конца в них не разобрался.

Пастушок попробовал и – о, счастье! – стадо вновь послушно зашагало следом за ним, да как бы не охотнее прежнего. «Еще бы! – простодушно решил Чарли. – Даже глупым овцам и то приятнее идти под мелодию, играемую не на жалкой деревянной, а на серебряной дудке».

При всех внешних разительных отличиях, новая дудка имела одно сходство с прежней – точно также порою отказывалась звучать. Но учитывая, что это происходило лишь изредка, к тому же, как сказал Бэкон, именно паузы в мелодии и не позволяют овцам разбредаться по пути на пастбище и обратно, Чарли не очень-то расстраивался.

Монах по-прежнему периодически брал у пастушка его новую дудку, аккуратно возвращая ее на рассвете. Но как-то раз за ним пришли некие мрачные неразговорчивые люди в сутанах, забрали Бэкона из его небольшой хижины и куда-то увезли. Тогда мальчуган еще ничего не знал, но позже из разговоров жителей услыхал, что, оказывается, тот был страшным чернокнижником, а все его знания от дьявола, и в обмен на них монах продал свою душу.

Чарли стало страшно. Он не знал, как ему поступить, ведь Бэкон перед тем, как его увезли, улучив момент, попросил пастушка спрятать его рукописи, хранящиеся теперь в потайном месте. И что ему делать? Ведь если их владелец связался с искусителем, получается, и они от нечистой силы? Или нет?

Он долго колебался, но, вспомнив, как добр был к нему Бэкон, как он выручил его из беды, как дарил ему серебряные фартинги, решил, что на добро надо отвечать добром, даже если человек – несусветный злодей. Он перепрятал рукописи. И вовремя, потому что люди в сутанах еще дважды приезжали в их деревушку, всякий раз старательно обыскивая скромную хижину Бэкона, а когда обнаружили опустевший тайник монаха, очень разозлились. Однако, решив, что тот сам незадолго до ареста перепрятал их, жителей деревни они не беспокоили.

Прошел год, за ним другой, а монах не возвращался. Чарли изрядно подрос и от нечего делать, пока овцы спокойно щипали траву и не требовалось собирать их в стадо, чтобы вести за собой, подбирал на своей дудке одну мелодию за другой. Выходили они разными. Иные были веселыми, иные – грустными, а однажды случилось подобрать такую, что и у самого Чарли ноги помимо

его воли пустились в пляс. Вся рубаха на спине взмокла, когда он, наконец, усилием воли заставил себя остановиться.

Своему увлечению Чарли предавался часто, включая и то время, когда овцы к вечеру отдыхали в хозяйских загонах. Но как-то раз он, сидя у себя в маленьком домике и наигрывая новую мелодию, придуманную днем, испуганно заметил, что подле лавки, где он сидел, собралось не меньше десятка мышей, завороженно уставившихся на пастушка. Он топнул на них ногой – бесполезно. Те ни на что не обращали внимания. Он перестал играть и схватился за палку, но едва звуки музыки прекратились, как мыши разбежались сами.

Чарли был смекалистым парнишкой. Связь между загадочным поведением мышей и новой мелодией он уловил быстро. Получалось все то же самое, как и с овцами. Почему? Ну-у, это слишком сложно, да и какая разница. Главное, они собирались. И с тех пор он стал частенько развлекаться таким образом, уже не боясь серого сборища на полу своей хижины.

Так прошел месяц и как-то раз он услыхал, как самая ворчливая жительница их деревни толстуха Рейчел на чем свет бранит этих неизменных спутников человеческого жилья за то, что те изгрызли у нее подвенечное платье, а ведь она намеревалась передать его своей старшей дочери, собиравшейся замуж. К ее жалобным воплям мгновенно присоединились голоса соседок, коим мыши причинили немало бед.

Тогда-то в голове пастушка и зародилась некая мысль. Проверил он ее этим же вечером. Выйдя из лачуги он заиграл свою новую мелодию. Вскоре возле его ног образовался пушистый серый ковер. Чарли неспешно отправился к околице и – о, чудо! – мыши последовали за ним. Получалось, он может увести их от деревни куда угодно.

Но не играть же ему все время, а стоило остановиться, как они, словно опомнившись, задавали стрекача, разбегаясь обратно по деревенским домикам. Хотя… Всего в двухстах футах от деревенской околицы протекала речушка. Если заранее приготовить небольшой плот и, наигрывая эту мелодию, отправиться прямехонько к нему, то можно, отплыв от берега, увлечь их таким образом за собой в воду. А там, утопив грызунов он, Чарли, запросто успеет вновь подгрести к берегу и высадившись, вернуться в деревню.

Соорудив плот, он, спустя три дня, дождавшись полнолуния, так и поступил. Мало того, вернувшись в свою лачугу он на всякий случай решил проверить, насколько качественно проделана работа и вновь заиграл на дудке. На сей раз на земляном полу никто не появился. Значит, сработано хорошо и

он, довольно улыбаясь, лег спать, а следующим вечером еле сдерживался, чтобы не засмеяться, когда услыхал как жители удивленно судачат о том, куда подевались мыши.

Хотелось сказать правду, но он удержался. Тогда выяснится про дудку и кто-то непременно догадается, откуда она у него. А раз монах – чернокнижник, то и он, Чарли, получается что-то вроде его помощника. Бр-р, помощник колдуна. За такое точно по головке не погладят.

Прошло еще дня три и ему вдруг припомнилось, как толстуха Рейчел, костеря мышей, заявила, что не пожалела бы и серебряного пенни, если б кто помог ей извести этих маленьких серых тварей. Трудно сказать, сдержала ли бы она свое обещание, но как знать, как знать. А ведь пенни – это, как всем известно, целых четыре фартинга. И потом, она ведь в деревне не одна – есть и другие жители, а мыши досаждают всем.

Он полез в свой тайничок, где бережно хранил серебряные монеты, полученные от монаха. Было их немного: до десятка не хватало одного. Итого: два пенса и фартинг. Некоторое время он задумчиво глядел на них, затем убрал обратно, но сон так и не пришел к нему в эту ночь. Чарли думал.

А спустя месяц в славном городе Лондоне объявился юный паренек, клятвенно обещавший за ничтожную сумму в каких-то три пенса вывести из дома всех мышей. Если же жители всей улицы объединятся, тогда хозяину каждого дома придется заплатить всего по два пенса. Как он расправляялся с грызунами, никто не видел, ибо Чарли хорошо помнил про монаха. Не хватало самому прослыть колдуном! И он занимался этим очень рано, на рассвете, благо, привык вставать в эту пору. Лодка на пристани Темзы уже дожидалась его.

Со временем Чарли стал постепенно увеличивать цену, благо, платили охотно. Он поправился, обзавелся новой одеждой и привык спать вдоволь. Но к чести бывшего пастушка надо сказать, что он не почивал на лаврах, продолжая упражняться. Во-первых, сочинить новую мелодию само по себе доставляло ему удовольствие, а во-вторых…

Когда он как-то шел к реке, сопровождаемый мышиным эскортом, ему навстречу попалась здоровая черная крыса из числа тех, кто неизменно сопровождает мореходов, вольготно проживая в корабельных трюмах. Пробегая мимо, та остановилась, подняла голову, недовольно уставившись на Чарли, какое-то время прислушиваясь к мелодии, выводимой юношей, но вскоре потеряла к ней всякий интерес и потрусила по своим загадочным крысиным делам.

«А ведь если сыграть как-то по другому, то может, и на них

подействует, как на мышей, – мелькнуло в мозгу Чарли. – Надо заняться». Он отловил себе крысу, посадил ее в железный ящик, чтобы та не смогла его прогрызть и убежать, и принялся часами наигрывать перед нею разные вариации на своей дудке. Не сразу – прошел целый месяц – но ему удалось подыскать нужное сочетание клапанов.

Правда, до этого с ним успело приключиться одно происшествие. Пока он подбирал нужную мелодию, дверь в каморке на постоялом дворе, где он жил, внезапно отворилась и Чарли увидел стоящую в проеме маленькую девочку. Та точно так же как и те мыши, завороженно смотрела на юношу, медленно раскачиваясь в такт мелодии. Кстати, судя по одежде и мутновато-туманным глазам, до того, как ее услышать, она спала. Продолжая раскачиваться в такт мелодии, она направилась к Чарли, остановившись перед ним.

А спустя несколько секунд в коридоре раздался новый шлеп-шлеп и в открытую настежь дверь вошел второй ребенок, мальчик лет восьми. Еще через пару минут перед юношей собралось четверо детей в возрасте примерно от шести до девяти лет. Одинаковые мутновато-заспанные глаза, смотрящие куда-то вдаль, одинаковые движения… Чарли стало жутко и он прекратил игру, но те очнулись не сразу – пришли в себя минут через пять, не раньше. Впрочем, в конечном итоге это ночное происшествие последствий не имело – ну, встали дети одновременно со своих постелей среди ночи, ну, разбрелись, однако вернулись же обратно по своим комнатам, включая хозяйскую дочку.

Прошло три года… Теперь он был одет в щегольский камзол, как правило, зеленого цвета, и с гордостью представлялся как непревзойденный крысолов Чарльз де Каули.

И вот как-то раз, когда он находился в Германии, его обманули. Нет, недоплаты случались и раньше – то отдадут обговоренную плату порченными монетами, то исхитрятся обжулить как-то иначе, но столь нахально, как в Гамельне, с ним не поступали ни в одном городе. Магистрат, пользуясь тем, что договоренность была устной, сделал вид, что Чарльз ослышался и речь во время заключения устного договора между ним и магистратом шла не о сотне золотых флоринов, или, как их называли в Германии, гульденов, а о… гротах. Да еще пошутили, что куда лучше иметь тысячу двести лилий, нежели сотню[20]. И тщетно крысолов доказывал, что правда на его стороне, ибо он не мог ошибиться, последний год всегда называя заказчикам одну и ту же цену, причем во флоринах. Жирные надменные бюргеры даже слышать его не пожелали, поставив жесткий ультиматум: либо он забирает гроты, либо пусть катится из города подобру-

поздорову.

И тогда жажда проучить бессовестный городской магистрат столь сильно воспылала в его сердце, что Чарльз вспомнил про особую мелодию, которую зарекся играть, не подумав, к чему может привести его затея.

Как водится, на самом интересном месте повествование резко прервалось – Каули захрипел и ухватился за горло, явно задыхаясь от приступа удушья…

Глава 12. Очевидное – невероятное

Друзья как по команде уставились на Изабеллу, прижимающую к сердцу некий зеленоватый флакон и явно пребывающую в растерянности.

– Просит чего-то, – осторожно подсказал ей Улан, тронув ее за локоть.

– И ручонку, судя по всему, тянет к вашей чекушке, – добавил Сангре. – Может, стоит налить стопарик страждущему, а?

– Вы оба ничего не понимаете, – хрипло выдавила Изабелла. – Это такое питье… Я уже давала ему один раз. Вторая доза просто убьет его.

– Сразу?

– Через час, от силы через два он уйдет из жизни.

Петр философски заметил:

– Если он действительно, вольно или невольно, но приложил руку к смерти такого количества детей, то жизнь для него и есть самая сильная кара, так что лучше дать ему возможность договорить и…

Изабелла внимательно посмотрела на него.

– Кабальеро всегда так жесток?

– Не я – жизнь, – хмуро возразил Сангре. – А если рука не поднимается, давайте кто-то из нас его напоит. Нам бы только дозу нужную отмерить.

Изабелла упрямо мотнула головой и… вынула пробку из флакона. Из глаз девушки ручейками текли слезы, но рука с флаконом, поднесенная ко рту умирающего, была на удивление твердой и практически не дрожала.

Стоило Каули сделать глоток, как его бледное безжизненное лицо порозовело и он с жадностью сделал второй глоток, третий и, облегченно вздохнув, продолжил свой рассказ.

– У нас в Англии есть хорошая поговорка, которую я тогда забыл, – грустно усмехнулся он. – На русинском она звучит так: недостаточное знание опасно. Но тогда я не понимал, насколько опасно, а узнал слишком поздно, когда изменить что-либо было не в моей власти…

…Для начала следовало все подготовить, и обманутый

крысолов исчез из города, так и не приняв кошелька с сотней турноз. Знал бы магистрат, что задумал Каули, прежде чем через пару недель заявиться обратно в Гамельне, он бы выплатил все до последней золотой монеты и прибавил столько же сверху, а то и втрое. Но отцы города были настроены непреклонно. Когда Чарльз вновь потребовал свои флорины, они, обозвав его глухой английской свиньей, чуть ли не вытолкали взашей из ратуши. И тогда Каули приступил к исполнению своего замысла…

То туманное утро 26 июня 1284 года навсегда осталось не только в памяти жителей города. Оно отчетливо запечатлелось и в мозгу самого Чарльза. Вначале это был его триумф. Собранные со всего Гамельна напевной мелодией его дудки дети послушно шли за ним. Кому-то едва-едва исполнилось пять лет, кому-то больше, но старше девяти не было ни одного. Никогда ему не забыть, как радостно улыбалась красивая смугленькая девочка лет шести, идущая впереди и в отличие от многих своих сверстниц, смотревшая не куда-то вдаль, а на самого Каули. А может, ему так казалось.

Слушавшему музыканта Петру почему-то припомнился еще один кусочек из той же поэмы:

И словно цыплята на голос хозяйки,
Детей повалили веселые стайки.
Все девчонки, все мальчишки,
Белокурые трусишки,
Ясноглазые плутишки,
В пляс пошли гурьбою тесной
Вслед за музыкой чудесной![21]

Цитировать его он не стал – еще чего, но живое воображение мгновенно нарисовало соответствующую картинку триумфального шествия дудочника. И как он ведет их к горе Коппен, где Чарльз рассчитывал продержать их пару-тройку дней в одной из пещер. И как он облегченно вздыхает, оставив позади самый опасный участок пути – болотистую котловину, стиснутую отвесными скалами и имевшую единственный вход через узкое ущелье.

Котловина носила зловещее название Чертова дыра и славилась на всю округу своей непроходимой трясиной. Жители деревни, расположенной поблизости, настелили через нее гать, ставшую единственным проходом к горе. И хотя Каули предусмотрительно натянул прочные веревочные ограждения по краям гати, у него оставались опасения, что кто-то из детей случайно свалится с нее. Но все обошлось и Чарльз облегченно

вздохнул. Теперь можно и расслабиться, ибо оставалась сущая ерунда – повернуть влево, пройдя вдоль болотного берега не более двух сотен футов и все – далее вход в пещеру. В ней Каули и собирался оставить всех на пару дней, пока их отцы и матери не образумят магистрат, заставив выплатить крысолову положенное.

И надо ж было такому случиться, что когда они находились буквально в нескольких шагах от пещеры, приключился оползень. Сам Каули был рядом со входом, но один из камней все-таки ударил его по голове, и он упал, потеряв сознание. Остальные же… Когда Чарльз пришел в себя, подле него никого не было. Оползень завалил всех детей, а большую часть и вовсе снес в бездонную трясину Чертовой дыры.

Весь день Каули неистово трудился, разгребая завал и рассчитывая откопать хоть кого-то, оставшегося в живых. Ему удалось добраться до трёх детских тел, но все они оказались мертвы. Он не терял надежды и, не взирая на наступившие сумерки, запалив факел, продолжать отчаянно рыть, пока не добрался до четвертого тела. Им оказалась та самая девочка, шедшая впереди. На мертвом лице застыла радостная улыбка, а широко открытые глаза по-прежнему были устремлены на Чарльза. Тот дико вскрикнул, роняя мгновенно погасший факел и с наступившей темнотой во мрак безумия погрузился и его рассудок.

Как Каули выбрался из тех мест и что делал потом – загадка. В бессознательном состоянии он пробыл очень долго, почти шесть лет, а когда очнулся, то с удивлением узнал, что на дворе уже 1292 год, а он находится возле французского города Арлез и до города Гамельна ему идти не меньше трехсот миль. Оглядев себя, Чарльз обнаружил, что его некогда щегольская одежда превратилась в драные лохмотья, а зашитые в пояс деньги исчезли вместе с самим поясом. На другой день, остановившись подле какого-то озерка, Каули заглянул в водное отражение и в страхе отшатнулся, не узнав собственного лица. Роскошные густые волосы успели изрядно поредеть, из светло-русых превратившись в седые, лицо прорезали две глубокие морщины, похожие на рубцы от ран, да и на теле шрамов было предостаточно.

Как ни удивительно, проклятая дудка сохранилась. Почему ее никто не позаимствовал у него за шесть лет странствий – бог весть, но она оказалась цела и невредима. Правда, сам Каули ею больше не пользовался. Поначалу он вообще хотел ее уничтожить, но затем краем уха услыхал, что именно из Арлеза начинается знаменитая паломническая дорога к крипте апостола Иакова, находящейся в соборе, расположенном в испанском городе

Сантьяго-де-Компостела. И он решил, что это сам господь таким образом дал ему знак, что дудку следует возложить к надгробию святого.

Подобно прочим пилигримам, вступившим на дорогу святого Иакова, он нашил на свои лохмотья несколько ракушек и отправился в сторону Кастилии. Ну а чтобы как можно сильнее изнурить себя в пути, он дал зарок вкушать исключительно постную пищу, и то через день. С зароком он явно погорячился, но нарушать его не стал и покуда были силы, упрямо шел вперед, пока на одном из горных перевалов не свалился окончательно.

Однако Чарльзу вновь повезло, причем дважды. Первый раз, когда человека, лишившегося чувств, но не смирившегося и продолжавшего упрямо ползти к своей цели – Сантьяго-де-Компостела – приметил и подобрал отец Изабеллы, благородный дон Педро де Ленда. Второй – когда он, открыв глаза, увидел у своего изголовья ту самую смугловатую девочку, некогда шедшую за ним, весело приплясывая под незатейливую мелодию его дудки. Невероятно, но она была жива. Получалось, бог простил его. И Каули дал торжественный обет служить малышке до конца своей жизни.

Чуть погодя выяснилось, что чудес не бывает и Изабелла, как звали девочку, на самом деле не имеет никакого отношения к городу Гамельну, а является дочерью того самого де Ленды. Узнал он и то, что ее отец отправился в паломничество вымолить для нее у всевышнего побольше здоровья. Однако обет перед иконой девы Марии был дан и отступаться от своего намерения он не стал. Дудку же он сохранил по требованию некоего святого (скорее всего самого апостола Иакова), явившегося ему во сне и потребовавшего всегда держать ее при себе, дабы не забывать о совершенном страшном грехе.

Не пропали и спрятанные юным пастушком рукописи Бэкона. Когда он спустя много лет откровенно, ничего не утаивая, рассказал о своей жизни донье Изабелле, та, узнав, как звали монаха-францисканца, загорелась их прочесть. А так как желание госпожи священно, пришлось Чарльзу отправиться за ними в Англию. Правда, поначалу он слезно и коленопреклоненно умолял ее отказаться от своего желания, уверяя, что коли монах и вправду чернокнижник, в них ничего хорошего написано быть не может, но без толку.

– Это же великий Бэкон. Я о нем слышала от моего учителя, – повторяла она в ответ на все его просьбы.

Впрочем, в Англии его опасения слегка поутихли, поскольку он узнал, что посаженного в тюрьму монаха не сожгли на костре, а выпустили на свободу. Мало того, он вновь поселился в том

самом домике, где в свое время соорудил волшебную дудку. Правда, радовался Бэкон свободе недолго и спустя всего год скончался. По странному стечению обстоятельств смерть его пришлась именно на тот день, когда помутившееся сознание Каули вновь просветлело.

Тайник оказался нетронутым и вскоре бывший крысолов вместе с рукописями вернулся обратно в Арагон.

…Наконец Чарльз закончил свой рассказ. В глазах у него стояли слезы.

– Признанная вина наполовину искуплена, – мягко напомнила Изабелла, ласково накрывая ладонью его исхудавшую руку. – Вспомни, ты сам мне не раз так говорил, когда я, нашалив, раскаивалась.

– Наполовину, – прошептал Чарльз. – Вторая же… – он повернул голову к Улану с Петром. – Глупо говорить об этом перед самой смертью, но клянусь, отважные рыцари, что я давно готов, и с огромной благодарностью, принять любую кару.

Друзья переглянулись.

– Удивительно, как ты вообще до сих пор жив с таким камнем на душе, – мрачно добавил Петр и сочувственно покачал головой.

– Я и сам удивлен, – тяжко вздохнул Чарльз. – Наверное, я давно бы умер, если б не благородная донья. И когда *они* пришли нас убивать, я думал об одном: как бы спасти ее. И вновь не смог… Как и тогда, близ горы Копен… Благослови вас обоих господь, благородные кабальеро, что выполнили то, что должен был выполнить я.

– За благословение спасибо, но в качестве благодарности хотелось бы чего-то более приземленного и конкретного, – первым откликнулся практичный Петр и многозначительно покрутил в руках дудку. – За детей не надо, тем более никто из них в Берестье сейчас не спит, а вот на мышек полюбоваться хотелось бы, а то, признаться, в голове не укладывается, как такое вообще возможно.

– Он же не… – почти выкрикнула Изабелла, зло глядя на Сангре.

– Нет, нет, – заторопился Каули. – Прошу вас, благородная госпожа, не надо. Поверьте, мне столь сладостно сознавать, что на сей раз события свершились иначе благодаря мужеству отважного кабальеро, что я готов играть на ней до самого последнего мгновения моей жизни.

Петр вложил дудочку в протянутую руку Чарльза и тот еле слышно дунул в нее. Дунул, легонько пробежал пальцами по клапанам и улыбнулся:

– Странно. Почти два с половиной десятка лет не брал ее в

руки, а пальцы все помнят.

Он вновь поднес дудочку к губам и заиграл. Мелодия была незатейлива, проста и изредка прерывалась. Однако при всей простоте что-то в ней привлекало. Лишь спустя пару минут Петр очнулся от морока, да и то не сам – просто нечто легонько толкнуло его правую ногу, а в следующую секунду и левую. Он перевел взгляд на свои сапоги и вытаращил глаза: пол был усеян мышами и крысами. Их собралось в комнате не меньше полусотни.

Мыши так сяк, а вот крыс он терпеть не мог и обязательно завопил бы от ужаса и отвращения, но стало стыдно перед Изабеллой, и потому усилием воли сдержал себя. А чуть погодя и вовсе успокоился, поскольку четвероногие твари обувь у присутствующих не грызли, наверх по ногам забраться не пытались и вообще вели себя вполне прилично. Одни, будто сомнамбулы, сосредоточенно кружились, следуя за своими длинными хвостами, другие, опираясь для удобства на сородичей, а то и на сапоги сидящих, вставали на задние лапки, чтобы лучше слышать тихую мелодию. А через приоткрытую дверь все лезли и лезли новые длиннохвостые.

И вдруг мелодия резко оборвалась. Так резко, словно кто-то внезапно выключил в комнате, как в гигантском стереотелевизоре, все звуки. Серый живой ковер на полу на секунду застыл, после чего – Петр был готов поклясться в этом – четвероногие твари изумленно переглянулись, словно вопрошая друг друга, какого черта они вообще тут делают, но уже в следующее мгновение с отчаянным визгом кинулись бежать. Буквально через несколько секунд комната практически опустела.

– Чарльз! – отчаянно вскрикнула Изабелла, но тот уже не мог откликнуться на ее зов. – Чарльз, – взмолилась она, но он ее не слышал. – Чарльз, – шепотом, почти беззвучно выдохнула она, склоняясь над Каули, но его открытые глаза уже ничего не видели.

Она встала и, сурово глядя на Сангре, произнесла:

– Ты убил его, кабальеро.

Тот хотел было что-то сказать, но едва не зашипел от боли – это Улан со всей дури ущипнул его за локоть, а когда тот дернулся, склонившись к его уху, прошипел:

– Молчи, прошу.

Позже, в комнате, он пояснил:

– Она ж вынуждена была своими руками ускорить его отправку на тот свет. Да, по его же собственной просьбе, никто не спорит, и при этом он практически не мучился, мне бы такое снадобье, если доведется от ран помирать, и все же… А она в нем

души не чаяла. И тут ты со своей просьбой… как нельзя кстати. Получается, можно все стрелки на тебя перевести. Конечно, при условии, если смолчишь. Вот я тебя и того, извини…

– Да ладно, – отмахнулся Сангре. – От меня не убудет, лишь бы ей приятно было. Кстати, ты заметил, как символично получилось – я насчет крыс. Прямо по Библии.

– То есть?

– Ну как же. Всю жизнь он их изводил, а они все равно пришли проводить его в последний путь. Подставили левую щеку, согласно слов Христа. И что ты думаешь за эту волшебную флейту? – поинтересовался он, разглядывая дудку.

Улан недоуменно пожал плечами.

– Здесь и профи из числа физиков или медиков руками разведут, а ты от меня ждешь немедленного ответа. Проще принять как данность. Фантастическую данность, поскольку если б не видел своими глазами, ни за что бы не поверил, – он усмехнулся. – Ну что, теперь мы точно не пропадем с голоду и в случае чего сможем зарабатывать на жизнь, гоняя крыс и мышей. Конечно, если подберем нужную мелодию.

– Подберем, – твердо сказал Сангре. – Всю жизнь мечтал быть факиром.

Глава 13. Двойная страховка

В Троки возвращались неспешно, остерегаясь засад. И хотя заблаговременно высланные к границе с Волынью дозоры регулярно извещали, что все спокойно, да и скачущий на пару верст впереди десяток ни разу не прислал сигнала тревоги, Давыд бдительности не ослаблял. Свою осторожность он объяснил тем, что получил весьма строгие указания от Гедимина относительно их безопасности.

В самом Городно пришлось неожиданно задержаться – роды пагубно сказались на здоровье жены Давыда Екатерины–Бируты. Промучившись с ней полдня, усталая Изабелла во время ужина доверительно заметила Улану и Петру, что если бы они приехали на сутки позже, она навряд ли сумела бы помочь девушке. Поймав встревоженный взгляд князя, испанка успокаивающе улыбнулась ему и ободрила:

– Главные опасности позади, княже. А на ночь я подле нее Загаду оставила, она ведает, когда и чем хворую напоить.

Несмотря на усталость, выглядела донья куда лучше, чем три дня назад. Да что там – она и в возке сидела мрачнее тучи, а теперь улыбалась. Улану она откровенно назвала причину:

– Я должна была, просто обязана сражаться за жизнь Чарльза до самого конца, а я сдалась, – а в ответ на его робкие слова о том, что Каули был безнадежен, отрезала: – Еще великий

Авиценна сказал: «Нет безнадежных больных. Есть только безнадежные врачи», – она опустила голову и еле слышно добавила: – Как я.

Утешения друзей, вкупе с подходящими изречениями мудрых и не совсем мудрых, поскольку Сангре к каждой подходящей фразе бесцеремонно лепил ярлык с известным именем, не помогали. Зато сейчас совсем иное дело – вон какая оживленная и довольная. А как же иначе – человека от смерти спасла.

Осложнений не было, и наутро Изабелла порадовала Давыда радостной новостью: ночь прошла спокойно, жар у княгини совсем спал и ныне Загада кормит ее с ложечки куриным взваром. Но едва трапеза закончилась, как примчался посланец от Гедимина, потребовавший, чтоб Улан с Петром незамедлительно отправлялись в Троки. Оказалось, к великому кунигасу Литвы прикатило тверское посольство и Гедимин пожелал, дабы друзья самолично рассказали им, как подсобили его сыну Кейстуту взять неприступный орденский замок.

– Ну и хвастун, – укоризненно поморщился Улан, опасаясь, что их спешный выезд приведет пускай к короткому, но расставанию с Изабеллой.

– Не скажи, – бодро возразил Сангре. – Умен князь, все правильно делает. Реклама своей мощи и силы лишней не бывает, особенно когда перед тобой послы возможного союзника. Потому он и не хочет сам об этом взятии рассказывать. Чует, что опосредованная реклама ценится гораздо выше и веры ей больше. Ну и заодно продемонстрирует тверичам свое доброжелательное отношение к русским вообще, показав, в каком почете у него наша сладкая парочка.

Улан опасался напрасно – Изабелла, оставив подле Бируте Загаду, отправилась в путь вместе с ними.

– Что-то больно тревожно у меня на душе, вот я и не решилась с вами расстаться, – честно сообщила она друзьям, будучи уже в дороге. – А Бируте уже и хворой не назвать – выздоравливает она. Опять же и Загада с нею осталась, – и она, вздохнув, покосилась на рослую белолицую литвинку Нерингу, которую ей дал в качестве замены Давыд.

Тот было и сам собрался в Троки, но из Берестья прислали весточку, что рубеж пересек огромадный поезд с послами от южных соседей, и князю пришлось выехать туда, дабы выяснить поподробнее, кто да что, да с чем. Однако он, как ни спешил, нашел время попрощаться с гостями, особо поблагодарив Изабеллу и одарив ее золотым монисто, украшенным двумя дюжинами крупных рубинов. Сама Бируте за свое спасение вручила испанке золотые серьги-тройни. Назывались они так,

поскольку на каждой сережке красовалось по три бриллианта продолговатой формы с чуть голубоватым отливом.

Они уже подъезжали к воротам, отделявшим Трокский замок от пригорода, когда их нагнал гонец от городненского князя, спеша сообщить правителю Литвы подробности о совместном посольстве галицко-волынских князей. Однако как тот ни спешил, а возле побратимов, выполняя наказ Давыда, задержался, дабы сообщить новость. Оказывается, в составе посольства едет некий тощий монах-доминиканец. Но как его зовут, гонец не сказал, заявив, что этого городненский князь ему не сообщил.

– Слушай, кажись в гости к Гедимину прется знакомая нам харя, – предположил Сангре. – Интересно, а этого бумбараша каким ветром в Литву надуло?

Улан с тревогой покосился на возок.

– Кажется, нам надо ускорить свой отъезд из этих мест.

– Как ни ускоряйся, а минимум с неделю ухлопаем, чтоб все хвосты подчистить, – хмуро заявил Петр. – Во-первых, вещички собрать надо – я про карабин и прочее. Но это легко и быстро. А вот отмазаться от предложения Гедимина поступить к нему на службу будет потяжелее. Да и с тверскими послами контакт наладить тоже необходимо, иначе по приезду угодим в яму, поруб, острог и прочие места лишения свободы. Это в случае, если в посольстве нет некой известной нам рожи. Если есть – пиши пропало. Но даже в его отсутствие потрудиться придется изрядно.

Буланов тоскливо вздохнул, еще раз покосившись на Изабеллу, и Сангре принялся успокаивать товарища. Мол, пока точно неизвестно – *он* или нет. И даже если это на самом деле инквизитор, то непонятно, с какой целью едет. Может, вовсе не по части доньи, а совсем с иным делом. А даже если из-за Изабеллы, что толку. Все равно руки коротки и ничего он сделать не сможет.

Однако сама испанка, услыхав о монахе, была иного мнения, восприняв опасность весьма серьезно. Остаток пути она ехала, погруженная в думы, но когда выходила из возка, слегка повеселела.

…Что касается тверичей, то у друзей получилось согласно пословице: «С корабля на бал», ибо прибыв в полдень, они к вечеру должны были присутствовать в большой зале на вечерней трапезе. Опасения насчет Ивана Акинфича оказались напрасными – его среди посланцев Михаила Ярославича не было. Да и к возглавлявшему посольство боярину Кирилле Силычу – широкоплечему и ясноглазому здоровяку, веселому и прямому в речах – Сангре чуть ли не с первого взгляда почувствовал симпатию. Как выяснилось чуть погодя, она оказалась взаимной.

Мыслей своих боярин не больно-то скрывал, и, узнав от Гедимина, какую важную роль сыграли оба иноземца во взятии Христмемеля, Кирилла Силыч искренне посетовал, оглядываясь на своих людей:

– Нам бы их лет с десяток назад. Глядишь и взяли бы Москву.

– Ну-у, десять лет назад они слишком юными были, – усмехнулся Гедимин, – а ныне поздно. Я первым их углядел, первым признал. А потому, как у вас на Руси говорят: «На чужой каравай рта не разевай», – и он шутливо погрозил боярину. – Да и дел у них тут куда больше. У вашего князя одна Москва как бельмо в глазу, а у меня столько невзятых тевтонских замков – перстов на дланях не хватит, чтоб сосчитать.

Друзья тревожно переглянулись. Судя по словам литовского князя, настрой его оставался прежним: непременно взять их к себе на службу. Когда тем же вечером они остались одни в своей комнате, Петр мрачно произнес:

– Если б мы сразу отказались, да наплели про какую-нибудь договоренность, мол, пообещали кому-то – одно. Тогда он и дергаться не стал, мужик понимающий. Но мы ему надежду дали, а теперь на попятную. Это уже называется обманом. Боюсь, обидеться может, – непривычно серьезно рассуждал он. – И как нейтрализовать праведный гнев гражданина кунигаса? – и он вопросительно посмотрел на друга.

Тот сконфуженно пожал плечами, чувствуя себя виноватым. Да и как иначе, ведь именно с подачи Улана они намекнули Гедимину, что, может быть, примут княжеское предложение. И пускай вслух ничего конкретного произнесено не было, но их поведение ясно говорило, что они склоняются к согласию. Получалось, и придумывать, как выкручиваться из этой ситуации, тоже ему, а мыслей на этот счет ни одной. Разве что…

– Выход-то имеется, – нехотя выдавил он. – Надо, чтобы Гедимин сам не больно-то настаивал, а еще лучше – разочаровался в нас. Но каким образом осуществить такое… – и он уныло развел руками, грустно пошутив: – Волосы ума покинули мою голову.

– Да ладно прибедняться, – отмахнулся Петр. – Мозгов у тебя на десятерых хватит. И вообще, идеи в нашем тандеме – моя прерогатива, а нужное направление ты задал. Осталось придумать что-то конкретное. Та-ак…

Он встал и, заложив руки за спину, принялся задумчиво прохаживаться по комнате. Некоторое время Улан с надеждой наблюдал за ним, но когда тот, закончив свои блуждания, снова плюхнулся на мягкую шкуру, укрывавшую постель и, не выдержав, осведомился:

– И как успехи?

– Пока ноль. Ладно, торопиться не будем, дадим мозгам пару деньков на высиживание идеи, благо, время терпит, а нам нужно сработать наверняка, поскольку второй попытки никто не даст. Да ты не переживай. – Он хлопнул друга по плечу. – Прорвемся. Впервой что ли. Придет вдохновение, никуда не денется. Может и завтра, кто его знает.

Но назавтра вдохновение не пришло. Да и откуда ему взяться на веселой удалой охоте, куда они угодили по приглашению Гедимина. Тут уж о другом в первую очередь думать приходилось. Например, как спастись от рогов здоровенного зубра, когда копье брошено неудачно, а арбалет разряжен. Впрочем, Сангре управился сам, вовремя отскочив и успев укрыться за толстенным дубом.

А чуть позднее и Улан проявил себя немногим лучше, да еще и отскочить за дерево не получилось, поскользнулся и упал. По счастью рядом оказался Кирилла Силыч, продемонстрировавший свою могучую силушку. Бросок его копья, сваливший несущегося на Улана дикого быка, оказался и силен, и точен.

– Это вам не в степях за сусликами гоняться, – добродушно улыбнулся он, победоносно ставя ногу на убитого зубра, и раскатисто захохотал. Впрочем, смеялся недолго. Вспомнив, что незадачливый охотник, судя по словам Гедимина, то ли

собирается к правителю Литвы на службу, то ли уже находится на ней, он резко оборвал смех и ободрил Улана: – Ништо. Никакому человеку господь всего разом не дает. Зато ты со своим побратимом в хитростях ратных зело смышлен, а они куда дороже стоят. Слыханное ли дело: и ворота заставить себе открыть, и опосля с одним десятком супротив сотен выстоять.

– Хорошо Изабеллы рядом не было, – уныло вздохнул Улан на обратном пути и испуганно протянул: – А если ей кто-нибудь расскажет, как я… – Он зло сплюнул и подвел итог. – Не-ет, хватит с меня охот. Больше я на них ни ногой. Чем так позориться, я лучше…

– Погоди, – перебил его Петр. – Конечно, показали мы себя не в лучшем свете, кто спорит, но нет худа без добра. Зато продемонстрировали, какие мы неумелые вояки. И вообще, как говорила моя мама Галя: «Не знаешь, что сказать, сынок, говори правду». Мы с тобой кто? Правильно, опера, то бишь дознатчики, притом действительно замечательные. Гедимин, как ты говоришь, новин не вводит, за старину держится, следовательно, должен понять наше желание не менять основную профессию.

– Каким образом?

– Есть кой-какая мыслишка, – многозначительно ответил Петр. – Утром расскажу.

Зато вечером отличились все трое, включая Изабеллу, целый день неотлучно просидевшая в покоях у княгини. Чем она там занималась – выяснилось на вечернем пиру, когда Ольга Всеволодовна, чуть припоздавшая к началу застолья, царственно вплыла в залу. Стоило ей появиться, как мгновенно стихли все разговоры, и даже сам Гедимин осекся на полуслове, изумленно тараща глаза на свою супругу, словно доселе ни разу не видел ее.

Впрочем, *такой* он и впрямь видел ее давным-давно, лет пятнадцать назад. От немолодой усталой женщины не осталось и следа. Сейчас это была величественная королева, скинувшая добрых десять лет, ибо кто-то ухитрился сделать ее брови соболиными, губы алыми, щеки румяными, а заодно избавить и от морщинок на лице.

– Пава, как есть пава, – прошептал кто-то из тверичей, а Кирилла Силыч брякнул:

– Ну, княже, воля твоя, а я Михайле Ярославичу посоветую за невестой для третьего сына в Полоцк меня отправить, да там среди местных княжон поискать. И пущай ты самую наилучшую оттуда вывез, но даже ежели избранница вполовину помене красой окажется, и того за глаза.

Благодарная улыбка скользнула по губам княгини и она певуче ответила:

– Токмо допрежь меня о своей поездке предупреди, чтоб я упросила оную кудесницу на денек пораньше к ним отправиться, – она оглянулась назад и протянула руку в сторону скромно стоящей позади Изабеллы.

Та подошла чуть ближе к княгине и, встав рядом, плавно склонилась в поклоне перед Гедимином.

– Она не токмо в лечбе сильна, но и в красе людской подлинные чудеса творит, – продолжала Ольга Всеволодовна, благодарно возложив руку на плечо стоящей рядом испанки, и, обратившись к тверичам, заметила: – Я уже выводила своих дочурок пред великими боярами, да сдается, они не успели их толком разглядеть. Потому, ежели дозволяет муж мой, великий кунигас, я б хотела сызнова их на погляд вывести, – и последовал легкий полупоклон с прижатой к пышной груди рукой.

Гедимин снисходительно кивнул, также давая добро на повторную демонстрацию дочерей, а Кирилла Силыч развел руками:

– Отчего ж не полюбоваться. Сделай милость, Ольга Всеволодовна, яви их.

Княгиня, обернувшись, небрежно кивнула и стоящая у двери пожилая нянька, повинуясь сигналу, ускользнула наружу, но тут же появилась обратно, ведя четырех княжон, включая старшую – будущую невесту Дмитрия Дайну.

Едва Петр глянул на них, как понял, что Изабелла успела поработать и над ними, скорее всего взяв за эталон моду, царящую при галицко-волынском дворе. Такая догадка возникла у него, потому что и прическа, и сам наряд, да и все остальное почти полностью соответствовали придирчивому вкусу тверских бояр. Имелись и отличия, на что честно указал Кирилла Силыч («платьишки у нас покороче носят, да и колты[22] ближе к вискам»), но и он признал, что так даже лучше.

Однако и после этой демонстрации усесться за стол княгиня не спешила. Подведя испанку за руку поближе к Гедимину, Ольга Всеволодовна еще раз осведомилась у супруга, доволен ли он трудами лекарки. Тот величаво кивнул. И вот тут-то княгиня попросила его покровительства над Изабеллой, ибо…

– Гонят лихие люди по всему белу свету сироту безвинную, вдовицу горькую, – с надрывом в голосе выдала она, – и нет ей нигде ни приюта, ни пристанища, ни надежного угла. А сама она, яко голубица кроткая, отродясь зла никому не причинила, одно добро. И ныне жаждет припасть к твоим стопам, взывая лишь об одном…

Слегка недоумевающий кунигас – ясно было видно, что княгиня не обговаривала с мужем заранее текст своего

выступления – тем не менее внимательно выслушал супругу, после чего поднялся со своего кресла и торжественно пообещал Изабелле и покровительство, и защиту, и что на территории Литвы он никогда и никому не даст ее в обиду.

– Сработано на пять баллов, – восторженно прокомментировал Сангре, толкая в бок Улана. – Нет, ну как же ловко донья подстраховалась!

В основном в тот вечер гости поднимали чары как обычно: за дружбу, за будущий союз, не обошлось и без здравиц – и в честь литовского князя, и в честь тверского, и за жениха с невестой. Друзья в основном помалкивали, но раскрасневшийся Гедимин в середине застолья вдруг вспомнил про них и предложил Петру:

– Ну, а теперь за тобой черед, гость красный. Мне тут Давыд отписал, как ты в одиночку исхитрился гнавшуюся за вами дружину владимирско-волынского князя поначалу близ себя удержать, а опосля и обратно завернуть. И все это меча из ножен не вынимая, единым словцом. Вот и поведай нам его, не таись.

Сангре замялся, но делать нечего, поднялся с лавки и, предупредив Улана, чтоб готовился, заявил, что словцо словцу рознь. Еще у Екклесиаста сказано, всему свое время и время всякой вещи под небом. Кирилла Силыч одобрительно закивал, услышав, как Петр бойко цитирует Библию, но тот заявил, что точно также слово слову рознь и места им определены разные. С одним лучше на битву идти, другим – рати останавливать, а третьим место на праздничных застольях.

Тост его оказался и красив, и витиеват, но главное – необычен, не привыкли в Литве поднимать кубки в честь слабого пола. Сангре нашел уйму добрых слов и для княгини, и для ее дочек, а под конец, окончательно разойдясь, заявил, что и все остальные – наши матери, даровавшие нам жизнь, наши сестры, наши жены и наши дочери – тоже заслуживают всяческой похвалы, так пускай им…

Пожеланий было много, а в конце речи Петр, как бы подытоживая сказанное, заявил, что по обычаям их страны и правилам учтивости, за дам полагается пить стоя. Присутствующие поначалу замешкались, не зная, как реагировать, но выручил хозяин застолья, поднявшийся со своего кресла.

– А что ж, славный обычай, – степенно заметил он и остальные гости как по команде стали подниматься на ноги.

Первым осушив свою чашу, Гедимин многозначительно подмигнул своей разрумянившейся жене, намекая, что по окончанию застолья ее ждет не менее приятное продолжение. Ольга Всеволодовна смущенно потупилась.

Меж тем Кирилла Силыч вовсю пялился на Изабеллу, а чуть погодя, не выдержав, что-то негромко спросил у нее. Та согласно кивнула. А вот второй вопрос, последовавший вслед за первым, явно ее обидел, судя по вспыхнувшему на щеках румянцу. Улан уже начал привставать, явно собираясь вступиться за честь дамы, и Петр с трудом усадил друга обратно на место, прошипев, что пока не стоит ввязываться, ибо сей дядя – главный посол и за него могут так дать по шапке, что она свалится с плеч вместе с головой. Кроме того, пока вообще неизвестно, как там и что. Возможно, никакого оскорбления и не было. И действительно, судя по с трудом сдерживаемой улыбке, следующий вопрос боярина Изабелле явно пришелся по душе. Она кивнула, и, повернувшись в сторону друзей-побратимов, весело подмигнула им.

– Знаешь, Уланчик, кажется, я ошибался насчет ее умственных способностей, занизив их, – заметил Сангре. – Кстати, надо будет попозже поинтересоваться, о чем ее спрашивали.

– А удобно?

– Поверь, речь шла не о том, свободна ли она сегодня и не согласится ли посидеть с ним завтра вечером в кафе, – усмехнулся Петр. – Ставлю в заклад свою светлую голову против твоих закисших от страсти мозгов, что интересовались ее мастерством, а вот лекарки или косметолога – неизвестно.

Но первой вопрос по окончании пира задала Сангре Изабелла.

– А ведь в Арагоне не принято вставать, когда пьют за женщин, – заметила она, идя вместе с побратимами по узкому коридору к своим покоям. – Да и позже, ни в Италии, ни в иных землях, я с таковским не сталкивалась. Так откуда ты, кабальеро?

Петр растерянно крякнул и указал ей на узкий проход на женскую половину, давая понять, что их пути расходятся. Видя, что донья продолжает стоять, дожидаясь объяснений, Сангре многозначительно зевнул, намекая, что время позднее и ему очень хочется спать. Однако Изабеллу и это не смутило. Попытался исправить положение Улан, но получилось еще хуже.

– Сдается, прелестная донья, что вы…

– Ну вот, – бесцеремонно перебила Изабелла. – Снова *вы*[23]. Мне поначалу так и хотелось оглянуться – вдруг позади меня стоит кто-то еще. А ведь подобное обращение тоже нигде не принято, включая и Русь. И где вы оба научились этому?

– Далеко, – неопределенно махнул рукой Сангре. – Когда придет нужное время, я непременно удовлетворю ваше… твое необузданное любопытство и расскажу о стране, где мы столкнулись с этим. Называется же она… Австралия. Там вообще

много диковинного, включая как обычаи, так и разных животных с птицами – есть о чем поведать.

– А пока, прелестная донья, остается вложить стрелу своего нетерпения в колчан выдержки, как любят выражаться далеко на востоке, – встрял Улан. – Но в качестве утешения скажу, что на «вы» в Австралии принято обращаться не ко всем женщинам, но лишь к тем, кто заслуживает всяческого уважения и восхищения.

– А теперь ответный вопрос, – перенял эстафету Петр. – О чем вы… ты говорила с тверским боярином.

– Он спрашивал, где я училась лечить людей, – небрежно ответила она.

– Вопросов было три, – не отставал Петр.

– Еще он… спросил… ведомы ли мне лекарства от ядов, – нехотя произнесла она. – Я ответила, что в числе трудов моего учителя Арнольда из Виллановы, оставленных мне, был трактат «О ядах», в коем он привел подробнейший перечень всех известных ему ядов и противоядий. Свиток у меня с собой, но я ни разу в него не заглядывала, ибо выучила сей трактат наизусть. Кстати, кабальеро может не верить в способности женского ума, но я могу зачесть, не заглядывая в рукописи, и тексты всех прочих трудов Арнольдо.

– А третий вопрос?

– Боярин спрашивал, могу ли я поехать с ними в Тверь. Я сказала, что могу, – и, горделиво вскинув голову – еще бы, сама выкрутилась и безо всякой помощи – она, пожелав друзьям спокойной ночи, направилась на свою половину.

– Все страньше и страньше, – пожаловался Сангре, когда они уже распрощались с испанкой и зашли в свою комнату. – Ну какие к черту яды, причем тут яды? Стоп, яды! – он нахмурился и умолк, явно прикидывая что-то.

– И у меня тоже вертится что-то на уме, а наружу выходить не хочет, – досадливо поморщился Улан.

– Эврика, – весело хлопнул себя по лбу Петр. – У тебя вертится, а у меня уже раскрутилось вовсю.

– Что раскрутилось?

– Версия про нас, как про супердознатчиков. Сейчас уже поздно, а вот завтра на свежую голову я тебе о ней расскажу.

Глава 14. Следствие по делу трёх королей

– Так что у тебя за версия насчет супердознатчиков? – поинтересовался Улан поутру.

– А-а, – оживился Сангре, заканчивая омовение. – Идея роскошная – спасибо Изабелле. Стоило ей упомянуть про яды, как мне припомнился сериал Мориса Дрюона о проклятых королях. Ты, кстати, его читал?

– Конечно.

– Помнишь хорошо?

– В общих чертах.

– Нам и общих за глаза, – беспечно отмахнулся Сангре. – У меня с датами напряженка возникла. Ну-ка, освети, кто из сыновей Филиппа Красивого нынче сидит на французском троне?

– Кажется, Филипп V Длинный, – неуверенно протянул Улан, морща лоб и старательно припоминая. – Да, точно он.

– Отлично, – кивнул Петр. – А его старший брат Людовик когда скончался?

– Примерно в 1316 году. И следом за ним его младенец-сын. Последнее произошло… глубокой осенью, в ноябре.

– Чудесно, – просиял Сангре. – Тогда все сходится. Значит так, были мы уже в их поганых Европах и благодаря своим сыщицким познаниям произвели там жуткий фурор. Но в конце, увы, пришлось оттуда драпать без оглядки, бо раскопали слишком много.

– Что-то мне это напоминает, – улыбнулся Улан.

– Ну да, сюжет чуточку схож на то, что с нами действительно приключилось в прошлой жизни. Да оно и не удивительно, – хмыкнул Петр, – ибо сказал Екклесиаст: «Что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем…». Только здесь круче, ибо на уши поднялись не губернатор с мэром, а цельный король.

– Не перебор? – усомнился Улан.

– Самый раз, – кивнул Петр, – Слушай сюда…

На сей раз суть его идеи заключалась в том, что король Филипп пригласил их расследовать скоропостижные смерти своего брата короля Людовика и его сына. Мол, в народе стали шептаться, что обоих отравили, а злые языки втихомолку намекали на тещу Филиппа графиню Маго Артуа. Желая очистить ее от подозрений, король и нанял Петра с Уланом, прослышав о них, как о двух самых лучших дознатчиках в Европе. Правда, нанял, надеясь, что они не смогут докопаться до истины, а они сумели. Выслушав их и узнав о причастности тещи к отравлениям, притом с приведением весомых доказательств, Филипп распорядился щедро заплатить им, но заставил поклясться, что они никому о том не расскажут. Однако чуть погодя оказалось, что он велел втихомолку умертвить обоих следователей и лишь чудом им удалось спастись от посланных по их следам убийц. Потому и пришлось бежать на Русь.

Правда в конце он предупредил друга, что выкладывать эту версию Гедимину придется ему. Мол, там надо сыпать именами, фамилиями, титулами, ну и названиями всяких зданий, улиц,

кварталов, а Сангре кроме их соломенной реки[24] ничего не помнит.

– Теперь осталось улучить момент, чтоб остаться с ним наедине, и считай, дело в шляпе, – радостно потер он в ладоши.

К сожалению о свидании с правителем Литвы оставалось пока лишь мечтать, поскольку он выехал куда-то с самого утра и вернулся лишь ближе к вечеру, въехав в ворота Трок чуть ли не одновременно с прибывшим от южных соседей посольством. Что же касаемо последнего, то Улана с Петром ожидала весьма плохая новость – среди прочих там действительно находился не кто иной как тощий монах-доминиканец фра Пруденте, в свою очередь тоже их углядевший.

Правда, во время официального приема Гедимином, состоявшегося на следующий день, он, скромно стоя среди остальных, ни разу не посмотрел на побратимов. Но чтобы сделать определенные выводы, им хватило текста верительной грамоты, во всеуслышание оглашенной послами. В ней, помимо общих слов о желании жить в дружбе и братском приятельстве, прозвучала фраза о том, что вначале надлежит уладить кое-какие разногласия, вызванных пришлыми людьми, намеревающимися рассорить соседей. Одно это говорило о многом.

Увы, в чем конкретно заключаются разногласия, друзья не услышали, поскольку главные послы – бояре Дмитрий Дедько и Грицко Мовчан, представлявшие соответственно галицкого князя Льва II Юрьевича и его брата Андрея, правившего на Волыни, попросили разговора наедине. Гедимин кивнул и, повинуясь властной отмашке его руки, присутствующие в зале потянулись к выходу. В числе «лишних» оказалась почти вся посольская свита. Почти, ибо один остался. И был это не кто иной как старый знакомый побратимов фра Пруденте.

Обнаружив это, Петр с Уланом тревожно переглянулись. Подумать было о чем. Правда, сколько они ни обсуждали странную ситуацию – католический монах чуть ли не главный посол у двух православных князей – так и не пришли ни к какому выводу. Оставалось прояснить насколько тесно его приезд связан с ними самими и с Изабеллой, а то, что связан, к гадалке не ходи.

Подтверждая последнее, ближе к вечеру к ним с новым сообщением заглянул оставленный недалеко от приемной залы в качестве наблюдателя Яцко. Оказалось, оба боярина вскоре тоже вышли из нее, а вот монах… остался и беседовал с Гедимином не меньше часа. И когда он, наконец, вышел, то вид у инквизитора был…

– Ровно кот, сметаной обожрамшись, – подыскал подходящее сравнение толмач, добавив, что кунигас, удалившийся в свои

покои вскоре после ухода фра Пруденте, выглядел весьма мрачным.

– Час от часу не легче, – почесал в затылке Петр и повернулся к Яцко, продолжавшему смущенно переминаться с ноги на ногу и явно не собирающемуся уходить.

– Что-то еще? – спросил Улан.

Толмач, запинаясь, промямлил о распоряжении великого кунигаса. Мол, велено передать, что ныне за вечерней трапезой он собирает только людей, состоящих на его службе. Потому, ежели они оба намереваются заключить с Гедимином ряд, надо бы поторопиться, время до вечера имеется, а грамотку-уговор составить недолго. Ну а если нет, то… Он красноречиво развел руками и вопросительно уставился на Петра с Уланом.

Те переглянулись.

– Ты не договорил, – напомнил Сангре. – То что?

Яцко хмуро пробормотал:

– Прямо сюда принесут, чай, гости, – и, не выдержав, жалобно протянул. – А чего вам тянуть-то? Гедимин же ясно сказал: недолго грамотку составить.

– Вот, вот, – кивнул Петр. – И тогда придется в общую залу идти, – он лениво зевнул. – А у меня от многолюдья голова стала побаливать. Да и музыканты на своих дудках вечно не то играют, что хотелось бы. Нет, чтоб гимн российский, «Естудей» битловское, или, на худой конец последний хит сезона, золотоордынский песняк «Вай-вай, мороз-мороз!», а они… – он пренебрежительно махнул рукой и подытожил: – Лучше мы здесь, в тишине.

– Осерчать может кунигас-то, – предупредил Яцко перед уходом и вновь не дождался ответа. Уходил он с понурой головой…

– И как тебе новости? – осведомился Улан.

– Ласковые уговоры не подействовали, пришлось сменить их на осторожный нажим, – прокомментировал Сангре. – Но, судя по передаче этого сообщения через Яцко, у князя осталась надежда, что мы передумаем. Словом, время для подготовки деликатного отказа, чтоб Гедимин не сильно осерчал, у нас имеется. А вот с учетом того, что монах добился с князем беседы тет-а-тет, кажется, они у него не просто большие, но агромадные. Одно не пойму: чего Галиция вместе с Волынью за этого монаха подписались. Все равно их в Евросоюз не примут, потому как его по счастью слава богу вообще не имеется. Одно хорошо. Теперь нам ясно, что именно надо инквизитору от литовского князя.

– Ты про выдачу Эспиносы? – уточнил Улан.

– Про него и говорить нечего, само собой разумеется, –

отмахнулся Сангре. – Но им одним дело не закончится. Могу предсказать, что этот тощий козел затребует и донью Изабеллу вместе с кузеном Бонифацием. Возможно, и слугу ее впридачу, поскольку не знает, что тот умер.

Подумав, Улан согласился. Но по поводу реакции самого Гедимина у них возникли разногласия. Петр считал, что насчет Эспиносы тот упираться не станет, с Бонифацием фифти-фифти, все ж таки это ихняя добыча, а Изабеллу выдавать откажется.

– Да ты вспомни, он же ей свое покровительство пообещал. И, между прочим, не втихаря, один на один, а прилюдно, – горячо уверял друга Сангре. – При всех слово рыцарское дал, что столь чудодейственную лекарку никто в Литве изобидеть не посмеет. А кроме того Кирилла Силыч. Он же, как она нам сказала, уже обмолвился, что хочет забрать ее в Тверь.

Но скептически настроенный Улан возражал, что когда затрагиваются интересы государства, можно пожертвовать любым словом и нарушить любое обещание. Тем более речь идет о жизни не просто человека, но злой ведьмы. А то, что инквизитор успел понарассказывать об Изабелле всякие страсти-мордасти, к гадалке не ходи. И после услышанного Гедимин выдаст ее без колебаний.

– Да уж, светлый облик Изабеллы монах наверняка подпортил, – подтвердил Сангре. – Язычники, конечно, народ приличный и, в отличие от христиан, весьма гуманный, но когда перед тобой выкладывают столь пышный ворох злодеяний… Глядя на ее послужной список даже Гингема с Бастиндой[25] обзавидуются.

– Слушай, а может, ей побег устроить? Ну-у, пока князь не решил ее выдать и стражу у ее комнаты не поставил, а? – робко предложил Улан и выжидающе уставился на друга.

– Поц, у тебя мама дома? Или ты совсем сдурел? – мрачно поинтересовался Сангре. – От когда я живу, я не слышал такого идиотства и если мы так поступим, тогда точно все прахом! – он хотел сказать еще пару «ласковых», но вид друга был настолько плачевный, что Петр поневоле смягчил тон и пояснил: – Во-первых, не выйдет ничего с побегом. Если этот Перец успел про нее вякнуть, уверен, что Гедимин распорядился негласно присматривать за испанской мадамой. А во-вторых, проще обождать и прояснить ситуацию до конца. Хорошего, не спорю, ожидать не приходится, но и горячку пороть нельзя. В любом случае у нас есть шанец. Даже приняв решение сдать ее, уверен, Гедимин обязательно захочет переговорить с нами самолично. Тем более мы пока не согласились пойти к нему на службу и Изабелла таким образом превращается из обычной дамы в

козырную.

– Невелики из нас птицы, – проворчал Улан.

– Возможно, – не стал спорить Сангре. – И все равно он захочет оправдаться в наших глазах, лицо сохранить. Мол, оказывается, у дамочки за плечами такой шлейф злых чародейских дел, что будьте нате. Вот я ее и сдал, а не потому, что мне чего-то там пообещали, – и он задумчиво почесал в затылке. – Мда-а, а ведь мы к предстоящему разговору с князем пока не готовы.

– Что ты имеешь ввиду?

– Репутацию нашей доньи, что же еще, – пожал плечами Петр. – Ее ж надо заново перекрашивать, чтоб она сверкала и блистала всеми цветами радуги. Ну а если заодно удастся обгадить ее очернителя, дабы князь понял, что этому перцу-кардамону и на ломаный грош верить нельзя, совсем хорошо. Тогда, глядишь, и Гедимин заколеблется. Конечно, многое будет зависеть от того, какую цену ему пообещают за ее выдачу, но попробовать стоит, – он задумчиво прошелся пару раз по комнате и, остановившись на середине, задумчиво протянул: – Кстати, сдается, пора запускать в ход версию о нас, как о непревзойденных дознатчиках.

– Что?!

– Ну-у, по мотивам романов Мориса Дрюона.

– Сдурел?! Тут не сегодня-завтра человека на верную смерть увезут, а ты…

– Не скажи, – возразил Сангре. – Сейчас для этой версии самое время. Но с одной малюсенькой поправкой: мы вели в Париже расследование не вдвоем, а втроем. Понял?

Улан нахмурился и озадаченно уставился на друга.

– Нет, ты уже не тот – тот был гораздо умнее, – вздохнул Петр. – Значит так, поясняю для особо безнадежных влюбленных. Третьим в нашей кампании знатоков была, как и положено, эксперт-криминалист Зиночка Кибрит, скрывающаяся под псевдонимом Изабелла Сеновал.

– Сандовал, – машинально поправил Улан, но тут до него дошел смысл сказанного и лицо его мгновенно расплылось в улыбке. – Ух ты! – восторженно протянул он. – Вот здорово!

– Сам собой восторгаюсь, – не без некоторого самодовольства подтвердил Сангре. – Кстати, она-то и определила, что оба: и король Людовик и его наследник Иоанн были отравлены. Да и состав яда, проанализировав симптомы предсмертных мучений, вычислила тоже она, а уж вслед за нею за дело взялись мы с тобой. Только не забудь предупредить обо всем этом саму синьору Каберне. Гедимин навряд ли пойдет к ней перепроверять

услышанное от нас, но все равно она должна знать, чем, как и когда мы все вместе занимались в Париже. Ну и про яды заодно с нею проконсультируйся, пусть подберет для короля какой-нибудь и прикинет, как она сумела его вычислить. А теперь, как и всегда, я жду твоей критики, хотя думаю, что на сей раз у меня железобетонная защита, ибо истинность нашей версии в связи с дальностью расстояний оспорить невозможно. Сам посуди: где Троки, а где Париж, – и он, плеснув себе в кубок клюквенного настоя, с гордым видом плюхнулся на лавку и, неспешно попивая его, осведомился: – Я прав?

Улан торопливо закивал и выпалил:

– Тогда я бегу к Изабелле.

Исчез он моментально, но не прошло и минуты, как появился вновь, а от радостного оживления не осталось и следа.

– Судя по вселенскому разочарованию, написанному на твоем лице аршинными буквами, что-то случилось, – предположил Петр.

– Не пойдет идея, – хмуро проворчал Улан и укоризненно уставился на друга.

– Не понял, – опешил Сангре. – В каком именно месте?

– Вообще не пойдет. Халтурный у тебя железобетон. Она ж последние два года, даже больше, безвыездно проживала во Владимире-Волынском и этот факт – уверен – подтвердит добрая половина бояр из посольства Андрея, начиная с Грицько Мовчана.

– Чёрт! И впрямь несостыковка, – Петр вскочил на ноги и нервно зашагал по комнате, описывая круги. Время от времени он останавливался, бормоча себе под нос. – А если… Нет, так тоже… Хотя… Погоди, погоди… – наконец он остановился посреди комнаты и торжествующе выдохнул. – Отлично! Все остается в силе, кроме одного: расследовали мы отравление короля… Филиппа Красивого. Это годится? Отравитель, разумеется, его наследник и будущий король Людовик. Для отмазки, желая пресечь всяческие слухи, связанные со скоропостижной смертью отца, он и пригласил нас провести расследование, рассчитывая, что мы ничего не выясним. А мы ж робяты ух, пальца в рот не клади, оттяпаем по самое колено, и всё узнали. Заодно приплетешь сюда предсмертное проклятие магистра тамплиеров.

На сей раз Улан не торопился уходить. Чуть подумав, он осторожно выдавил:

– А может, обойдемся без проклятья, тем более, как я где-то читал, на самом деле его вообще не было?[26]

– Это второстепенные детали, – поморщился Сангре. – Зато красиво звучит. И вообще, как мне видится, небольшой шматок мистики здесь столь же уместен, как кусок масла в каше. Или…

Погоди, погоди… Нет, все-таки ты умница, дружище. Правильно, не было проклятья. Вот за эту ниточку мы с тобой и уцепились, начав выяснять, откуда это пошло, ведь мы же сами стояли возле костра, где жарили магистра и кроме отборного французского мата с легким бургундским акцентом из его уст ничегошеньки не слыхали. А когда потянули за ниточку, то выяснили, что распустили сей слух люди из окружения Людовика. Так мы и добрались до него самого, все это затеявшего и велевшего запустить этот слух, дабы обелить себя. Мол, проклятье подействовало и концы в воду.

– Но тогда кому и зачем преследовать нас сейчас, если Людовик умер?

– Да?! – опешил Петр и, спохватившись, разочарованно протянул: – Точно умер. Экая незадача. Чего ж он поспешил-то, балда? Но тогда… – и вновь стал нарезать круги по комнате. – Ага, понял, – остановился он и торжествующе выпалил: – Короля травили оба брата: Людовик с Филиппом. Вот люди последнего за нами сейчас и гонятся в лице этого козла-инквизитора.

– Смысл? Дело-то прошлое.

– Смысл есть. Когда до нас дошло известие о том, *как* скончались Людовик и его сын Иоанн, то мы, сопоставив симптомы их предсмертных мучений, пришли к заключению, что яд прежний, значит и непосредственный исполнитель, то бишь киллер, тот же самый, графиня Артуа, теща Филиппа. Точнее, пришли к этому выводу не мы, а… – он выждал паузу, но Улан молчал, вопросительно глядя на друга, и Петру пришлось отвечать самому. – Ну ясен перец, что мадам Кибрит, то бишь донья Сандалет, – и он мечтательно произнес: – Эх, в идеале хорошо бы нам рассказ о расследовании во Франции подать как бы между прочим, до того как Гедимин процитирует об Изабелле какую-нибудь гадость. Тогда получится, что мы ее и не собираемся оправдывать, а просто делимся боевыми воспоминаниями. Ну ладно, как получится, – и он властно распорядился: – А теперь быстренько, не теряя ни минуты, дуй к Изабелле за ядами.

– За чем?!

– Ну-у, за консультацией по ним.

Но едва он собрался плюхнуться на медвежью шкуру, радуясь, что сумел все так удачно разрулить, как Улан вернулся. На сей раз по его мнению не вписывался в общую картину выкуп за ее кузена: старая знакомая, коллега, вместе работали, а они хотят с нее содрать деньги за родича. Получалось с их стороны как-то очень уж по-европейски, то бишь меркантильно дон**е**льзя.

Петр вновь нахмурился, но выход нашел быстро, даже не став

подниматься со шкур.

– А с чего ты взял, что мы собирались требовать с нее выкуп? – невозмутимо поинтересовался он.

– Как? – опешил Улан.

– А вот так. Накладка у нас образовалась, – развел руками Сангре. – Мы ж с тобой Боню в Парижах близко не видали, она нам о нем не рассказывала, опять-таки и фамилии у них разные, потому и не разобрались поначалу. А узнали, чей он на самом деле кузен, слишком поздно, ибо к тому времени успели его продать. Зато когда заполучили парня обратно, сразу написали ей, что отдадим даром. Поехали же на встречу с нею поскольку… захотелось повидаться, особенно тебе, – Улан смущенно потупился. – Да, да, именно тебе, – строго повторил Петр. – Это тот случай, когда некие интимные чувства просто необходимо выставить напоказ. Заодно легко объясняется и остальное. Например то, что мы в Берестье кинулись ее выручать, рискуя собственными жизнями. Все-таки старый боевой товарищ, одной шинелькой укрывались, сидя в Лувре из одного котелка спиртягу лакали, по бабам опять же… – он запнулся и поправил себя. – Нет, последнее, как мне кажется, перебор. Ограничимся шинелькой, Лувром и спиртом. И все, адье, – чуть ли не силой выпроводил он друга за порог комнаты. – Кстати, не забудь напомнить, чтобы она сняла копию с расписки, или как там именуется документ, по которому ей можно получить деньги у Овадьи.

Услышав это, Улан снова притормозил и вернулся обратно.

– А копия тебе зачем? – настороженно уставился он на друга.

– О самый непревзойденный дознатчик всех времен и народов, если не считать Шерлока Холмса, Пуаро, Мегре и, разумеется, майора Пронина вместе с Каменской и Гуровым! Нука, напряги остатки своей мудрости, коя некогда лилась из тебя через край, и ответь, чего хочется этому козлу в рясе в первую очередь?

Улан пожал плечами.

– Получить расписку, дабы забрать у Овадьи золо…

– Правильно, – перебил его Сангре. – Умница! Съешь конфетку и запей клюквенным морсом, заслужил. Потому она мне и нужна, в смысле копия. Как мыслишь, если этот гад, разумеется, совершенно случайно, узнает, что долговое обязательство находится в других руках, не ослабнет ли его интерес к синьоре Рислинг?

– Ослабнет.

– Теперь понял? – Улан молча кивнул. – Совсем красота, – облегченно вздохнул Петр. – Но скажи, чтобы после копирования

она перевела текст на русский. Должен же я знать его содержание. Или нет, лучше пускай продиктует тебе – проще понять. А назавтра мне потребуется от нее и сам подлинник. На время, разумеется. Все, чеши.

Глава 15. Почти Жанна Д´Арк

Но даже когда Петр наконец выпроводил Улана, ему не удалось вволю понежиться на медвежьей шкуре, накинутой поверх постели. Да и поразмыслить над второй частью задачи – как заставить тверских послов взять их с собой – тоже не вышло. Он успел лишь прикинуть, что самым оптимальным было бы подключение к этому делу Гедимина. Если он попросит, те обязательно возьмут их с собой, но как добиться такого от литовского князя, Петр понятия не имел, надеясь лишь на то, что сегодняшнее вдохновение и дальше не оставит его. Однако чуть погодя выяснилось, что он слишком рано решил, будто с первой частью задачи покончено.…

Все началось с того, что Улан вернулся не один, но вместе с доньей Изабеллой, решившей самолично выяснить, что Петр намерен делать с подлинником долгового обязательства. Сангре честно ответил:

– Да я и сам толком не знаю, для чего он мне нужен. Допустим, как бы невзначай продемонстрировать его и незамедлительно изобразить торопливый побег в Гамбург к старому милому еврею с целью хапнуть всю кучу денег. Пускай погоняются за мной, тогда у Улана появится масса времени для обеспечения вашего скрытного отступления. Но это к примеру. Главное, что нечто вот здесь, – он постучал пальцем по своему виску, – подсказывает: понадобится мне он. Кстати, вы, как человек, сведущий в медицине, уже прикинули, какую гадость поднесли королю Франции?

Изабелла утвердительно кивнула.

– Это хорошо. Тогда поступим так. Сейчас вам с Уланом надлежит в первую очередь обговорить подробности нашей французской версии, чтоб ни сучка ни задоринки, вплоть до того, где мы жили, название харчевни, где мы питались и сколько клопов кусало нас по ночам. Про симптомы отравления я не говорю – их само собой и в первую очередь. Словом, мой побратим знает, что требуется. С копией тоже мешкать нежелательно. В крайнем случае, она должна быть в моих руках к завтрашнему полудню. Ну и подлинник. За последний донья может не волноваться, уже через пару часов верну в целости и сохранности. А тебе, Уланчик, предстоит небольшой вояж в Бизену за Боней и заодно к святилищу Римгайлы, сам знаешь зачем. Пора собираться в дальний путь, и главные ценности надо

заранее собрать в одну кучу.

– Считаешь… Гедимин нас всех отпустит? – робко спросил Улан.

– Само собой, – усмехнулся Петр. – Я такое петушиное слово знаю, что он никуда не денется, – и весело подмигнул обоим, хотя на душе у самого скребли кошки.

На самом деле никакого слова он не знал, и согласятся ли взять их с собой тверичи, понятия не имел. Да, с одной стороны рассказ Гедимина о взятии Христмемеля произвел на них впечатление, но слова – это одно, а на деле, то бишь на охоте, оба проявили себя такими «разудалыми вояками», что и в ополчение навряд ли годились бы. Ну разве литовский князь даст соответствующую рекомендацию. Тогда да. Но рассчитывать на это глупо – они ему самому нужны.

Да и Изабелла… Вроде бы и пригласил ее Кирилла Силыч, но продолжение их разговора так и не состоялось. А это по меньшей мере странно, учитывая, что речь идет как минимум о болезни, не говоря про отравление, когда каждый день дороже золота. Получается, боярин, едва успев получить согласие, должен хватать лекарку в охапку и срочно везти в Тверь, а он вместо этого не мычит не телится.

Однако делиться своими сомнениями с Уланом и Изабеллой он не стал. Не стоит трепать нервы – пускай спокойно выполняют его поручения. Да и Улан отъедет за карабином со спокойным сердцем, будучи уверен, что его друг полностью контролирует ситуацию. Сангре усмехнулся. «Полностью…». На самом деле и половины не наберется. И вообще самым оптимальным вариантом было бы, по его мнению… И в следующий миг он его озвучил:

– Кстати, милая донья, а у вас самой часом не появлялось мысли попросту отдать свое обязательство инквизиторам, чтобы они от вас отстали? – поинтересовался он. – Сдается, золотишко-то магистр и впрямь перед своей смертью проклясть успел. Вон сколько из-за него народу полегло. Или вам так хочется быть следующей покойницей?

Изабелла чуть замешкалась с ответом и с лукавой улыбкой осведомилась, как в таком случае быть с выкупом за кузена, ибо она не сможет его выплатить. В ответ Сангре притворно всхлипнул и смахнул со щеку несуществующую слезу.

– Согласно фамилии опл**а**чу кровавыми слезами несбывшиеся надежды на халявное обогащение и пойду пахать тверскую землю, орошая ее скупым трудовым потом.

– Вот даже как, – протянула Изабелла.

– А вы как думали, – развел руками Петр. – И в нас, жутко идальгистых кобельерах, тоже подчас просыпается желание

сделать что-нибудь доброе, светлое, чистое. Что-нибудь и кому-нибудь. Так как насчет отдать? – повторил он свой вопрос.

Щеки Изабеллы вновь зарделись от румянца. Она горько усмехнулась и заявила:

– Во-первых я прошу прощения у благородного кабальеро, что некогда усомнилась в его порядочности и благородстве.

– Да ладно, чаво там, – продолжая ёрничать, небрежно отмахнулся Сангре.

– А во-вторых, – продолжала испанка, – если отдать подлинник, получится только хуже. Тогда мне и впрямь не сдобровать.

– То есть?

– Там, в Берестье, кабальеро кое о чем меня не спросил, и я тоже промолчала. Но ныне, полагаю, ему надобно знать все об этом долговом обязательстве. Я про внесенные в текст изменения, – пояснила она.

– Насколько я помню, вы уже рассказали о них.

– Кроме главного, – вздохнула Изабелла. – Ныне оно оформлено уже не на безымянного предъявителя, а на… меня, – очень тихо, почти шепотом произнесла она.

Гробовая тишина, воцарившаяся в комнате, длилась примерно с минуту. Прервал ее Петр, поинтересовавшись, не ослышался ли он. Изабелла подтвердила, что нет.

– Но зачем?! – завопил Петр. – Вы не очень-то похожи на женщину, обуянную корыстью!

– А завещание великого магистра?! – гордо вскинув голову, напомнила Изабелла. – Последняя воля умирающего священна. К тому же таким был и завет моего брата. А потому я не допущу, чтобы хоть один денарий из сокровищ тамплиеров достался римскому папе. Если я даже окажусь в безвыходном положении, то и тогда предпочту умереть, но не позволю виновникам гибели моего брата получить по нему хоть одно денье, – она сурово поджала губы и выпалила: – Honorem! Memoriae! Vindicatio!

– Честь, память, месть, – торопливо перевел Улан.

– Именно, – подтвердила Изабелла.

– Последнее словцо даже мне знакомо. Вон, оказывается, откуда корни вендетты тянутся, – пробурчал Сангре и хмуро осведомился. – Так вы, сударыня, арагонка или корсиканка?

Она покачала головой.

– Я просто все помню.

– Только прошу изредка вспоминать и за другое: тогда вас после долгих мучений всего-навсего убьют, так что выбора у вас нет.

Увы, но судя по лицу Изабеллы, этот аргумент ее не

устрашил. Надменно вскинутый подбородок, горделиво поджатые губы, презрительно прищуренные глаза – все это красноречиво свидетельствовало о том, что донья намерена сдержать свою торжественную клятву и готова заплатить за это любую цену. Вплоть до собственной жизни. Об этом же гласил ее ответ Петру.

– Греческий философ Эпиктет как-то сказал, что нет насилия, которое могло бы лишить нас свободы выбора.

– Фу ты ну ты, – проворчал Сангре. – Це ж прямо таки Жанна Д´Арк, – и иронично процитировал:

Ну что ж! Осудите меня на костер,
Хвалитеся мощью своею!
Но знайте, что мой не померкнется взор,
Что я не склоню свою шею!…[27]

Увы, декламация сыграла обратную роль. То ли у доньи было плохо с чувством юмора, то ли ей так сильно понравился текст, но она… вспыхнула от удовольствия:

– Я рада, что кабальеро меня наконец-то понял, – и поинтересовалась: – А что это были за вирши?

– Так… один парень… – отмахнулся Сангре.

– А он написал еще что-нибудь… такое же? – прошептала Изабелла.

– А как же, – усмехнулся Петр и в ответ на ее немую просьбу процитировал:

И смерть моя новых бойцов привлечет,
Сообщников дерзких, могучих;
Настанет и вашим несчастьям черед!
Над вами сбираются тучи![28]

– Пресвятая мадонна, как же прекрасно, – выдохнула она восторженно.

Повернувшись к Буланову Сангре уныло поинтересовался:

– Боже ж мой, Уланчик, и где ты взял эти четыре пуда понтов в соусе из дикой гордыни?! Скажи мне скорее за те места, чтобы я туда ни ногой, – но тот в ответ сокрушенно развел руками.

Петр понимающе кивнул, прошелся по комнате и понял – сообщение испанки напрочь отшибло его соображаловку и он не в состоянии ничего придумать. И это при том, что времени у них остается с гулькин нос.

«Сейчас бы кубок медовухи и на боковую», – подумалось ему, но Улан так жалобно на него смотрел, что Сангре, тоскливо покосившись на почти полный кувшин, стоящий на столе, принял

иное решение.

– Есть у меня кое-какие мыслишки, но сырые, – буркнул он, накидывая на себя полушубок. – Пойду, прогуляюсь по замку, а заодно к тверичам загляну. Нам с Уланом ладно, а вот вам, сударыня, желательно выехать отсюда как можно раньше, в идеале вместе с их посольством. Вот и потолкую с ним за жисть.

Изабелла кивнула и мечтательно произнесла:

– И смерть моя новых бойцов привлечет…

– Привлечет, – подтвердил Петр и, не выдержав, сорвался и, тыча в нее пальцем, заорал: – Но ты, глупая девчонка, об этом никогда не узнаешь. И когда ты будешь лежать в сырой камере с переломанными руками и ногами, в собственной блевотине и грязи, и слушать шуршание крыс вокруг, тебе будет не до мыслей о новых бойцах! – взяв себя в руки, он понизил голос и подвел итог. – Теперь у тебя одна надежда на спасение: Кирилла Силыч. Хоть это ты поняла?

Изабелла вспыхнула, хотела было что-то сказать, но Сангре махнул рукой, давая понять, что не намерен выслушивать ее бредни, сыт по горло, и вышел, с силой шарахнув дверью. Уже будучи в коридоре он краем уха услышал, как Улан горячо убеждает испанку:

– Вы еще не знаете, каков мой побратим на самом деле. Это все напускное, в том числе и грубоватая речь, а на самом деле он…

Дальше он слушать не стал. Соблазн выяснить, какой он на самом деле, имелся, но Сангре стоически его преодолел. Неспешно спустившись по скрипучей лестнице, он вышел наружу и направился к отдельному двухэтажному домику, расположенному на южной стороне Трок. Вообще-то в нем, как правило, проживал городненский князь Давыд, но наезжал он в Троки редко и в основном домик пустовал. Теперь в нем разместили послов из Твери, оказывая сватам особый почет.

По пути он мучительно прикидывал, как бы подвести эдакий легкий и ни к чему не обязывающий разговор к тому, что над лекаркой, кою Кирилла Силыч задумал пригласить в Тверь, нависли черные грозовые тучи. И не просто предупредить, но заставить его срочно, буквально завтра утром, выйти на Гедимина, иначе может оказаться поздно.

Но почти дойдя до домика, Сангре спохватился, что боярин как-то похвастался, будто он завсегда с петухами: с ними ложится и с ними встает. Конечно, не имея под рукой часов сказать насчет петухов трудненько, но стемнело уже давно, так что время для визита получалось неподходящее. Оставалось прогуляться без определенной цели, благо, полушубок хорошо грел, а легкий

морозец приятно бодрил.

Немного пожалев, что по случаю позднего часа ворота закрыты, в посад не выбраться, Петр решил пройтись дальше вдоль крепостных стен – получится точно такая же пробежка, как по комнате, авось что-нибудь да придумается. Уже почти миновав домик с тверичами он рассеянно поднял голову и опешил: странно, но из трех небольших окон на втором этаже лился тусклый свет.

Сангре с минуту постоял в растерянности, размышляя: к чему бы оно? Обсуждают что-то важное? Так ведь нечего обсуждать. Гедимин, конечно, не посвящал его в детали переговоров, но с, другой стороны, ни перед кем особо не таился, и Петр успел краем уха уловить, что нерешенных вопросов практически не осталось. Успели обговорить даже примерное время свадьбы (в это лето, чего тянуть). Не зря же боярин еще позавчера обмолвился, что вскорости пора им в обратный путь. Получается, они собираются отъезжать? Но для сборов время тоже неподходящее.

И тут ему припомнилось сообщение ушлого Яцко о гонце, прискакавшем сегодня из Твери в Троки к Кирилле Силычу. Поначалу Петр не придал значения этой новости – мало ли какие дополнительные инструкции прислал Михаил Ярославич, а у него хватает забот посерьезнее. Зато сейчас она всплыла в его памяти. А сопоставив прибытие гонца с поздними посиделками, можно было сделать определенные выводы, пускай и общего характера: проблема возникла у Кириллы Силыча, и притом не из рядовых, коли он так решительно похерил свой обычный график.

«Не будем мешать», – сказал он сам себе и шагнул дальше, но, пройдя с десяток метров, остановился и задумался, обернувшись на окна. В двух свет был ровный, а вот за слюдяным оконцем третьего то и дело мелькали какие-то тени. То ли кто-то нервно метался внутри, расхаживая из угла в угол, то ли… Ну да, по всей видимости в эту комнату набилось много народу, вот и мельтешат.

– Ну-ну, – пробормотал он. – Мешать действительно не стоит, зато помочь…

«И кто знает, возможно, заодно и самим себе, – пришла в голову очередная мысль. – Если сейчас подкинуть Кирилле Силычу дельный совет, а попутно намекнуть, что мы с Уланом не прочь отправиться в Тверь пускай на первых порах в качестве охраны Изабеллы, то… А что, честная сделка: ты – мне, я – тебе. Правда, им не до меня, могут вообще отказаться разговаривать, но тут я как-нибудь управлюсь», – и он решительно шагнул к лестнице, ведущей на крыльцо.

– Куды? – раздался резкий окрик и откуда-то из-под ступенек вынырнула коренастая фигура тверского дружинника.

– Вас махен зи хенде хох Кирилла Силыч? – невозмутимо поинтересовался Петр.

– Чаво? – оторопел ратник.

– Уан мей цикец, боярин. Ариведерчи, ком ту геза, Кирилла Силыч?

– Так тебе боярина, – догадался воин. – А чего так поздно? Спят все давно.

– Нихт шиссен, – укоризненно покачал головой Сангре. – Яволь, оберст группенфюрер. Шнель цурюк, боярин. Дойчланд зольдатен ундер официрен Кирилла Силыч, – и он указал на освещенные окна.

Тот тоже вскинул голову и, поняв, что отмазка насчет сна не прошла, задумчиво протянул:

– Позвать что ли? А чаво за спешка такая?

– О-о, – закатил Петр к небу глаза. – Цигель, цигель, ай люлю боярин. Буэнос-Айрес шлимазл бес саме мучо, Кирилла Силыч.

– Ну коль позарез надобно, – недовольно проворчал часовой и нехотя поплелся наверх.

Глава 16. Ты – мне, я – тебе

Кирилла Силыч появился через пару минут. Лицо хмурое, взгляд настороженный, но при виде Сангре он заулыбался, радостно протянув:

– А-а-а, Петр Михалыч пожаловал. То дорогой гость. А ты сказывал, басурманин какой-то, – напустился он на часового.

– Дак не по нашенски лопотал, – пояснил тот.

– Да ну?! А по-каковски?

Ратник замялся.

– Это была смесь хинди с нанайским с легким вкраплением одесских выражений, – решил выручить его Сангре. – Здрав будь, боярин. Что-то я не видел тебя на вечерней трапезе.

– То есть как? – удивился Кирилла Силыч. – Я ж поблизости от Гедимина сиживал. И чару во здравие не раз подымал, и речи вел. Это тебя там не было, мил человек.

– Вот я и говорю, что не видел, – улыбнулся Петр.

– Так я… – снова начал боярин, но осекся, поняв смысл фразы Сангре, и хмыкнул в пышную окладистую бороду. – Ишь ты! Все у тебя с вывертом, да с загадками. Нет, чтоб по-простому.

– Как в трамвае, – поддакнул Петр, вспомнив «Собачье сердце». – Но иной раз без выверта никак. Вот хоть бы сейчас. Позови я тебя по-простому и твой ратник меня отправил бы восвояси, а начал бы настаивать, он бы мне своим кулачищем в ухо попытался засветить или еще куда. А я, не стерпев, ему

ответил бы. А так он, за иноземца меня посчитав, со всем уважением к просьбе подошел.

– Ну-у, про ответил ты не подумавши загнул, – проворчал сконфуженный часовой. – У меня сила в кулаке знаешь кака? Рази к утру очнулся бы.

– Ну будя, будя, – осадил его боярин и хлопнул Сангре по плечу. – А ты пошто на ночь глядя? Случилось чего ай как?

– Случилось, – кивнул Петр. – Потолковать бы.

Кирилла Силыч помялся.

– Ишь как не ко времени. А у меня тута…

– Чего? – невозмутимо осведомился Сангре. – Половецкие пляски? Девки хороводы водят? – он покачал головой. – Ох, гляди, боярин, бабы да медовуха доведут тебя до цугундера. А впрочем, я и в этом могу поучаствовать. Поверь, кампании не испорчу. Могу железный балеро сбацать, могу краковяк вприсядку, а хочешь, цыганочку с выходом.

– Да какие бабы, какие пляски?! – возмутился тот. – Чего удумал! Тута куда важнее. Опять же чем я тебе подсоблю-то? Рублевиков у меня не ахти… – и осекся, удивленно уставившись на замотавшего головой Сангре. – Ты чего?

– Тут не рублевики нужны, а советы, – усмехнулся Петр. – И не мне, а тебе.

– Мне?! – изрядно фальшивя, деланно удивился боярин.

– А то кому. Не ко мне же, к тебе гонец нынче из Твери прискакал. И не мне, а тебе надо думать, как завтра разговор с князем затевать, да недавно заключенный уговор переиначивать.

– Ты… откуда про… переиначку взял?! – оторопел боярин.

Сангре многозначительно улыбнулся и осведомился:

– Мы так и будем на морозе об этом горланить, чтоб все в Троках слыхали, или вначале в избу войдем?

– И впрямь негоже, – промычал Кирилла Силыч и, бросив что-то невнятное возникшему позади дружиннику, предупредил Петра. – Токмо ты мне слово дай первым делом обсказать как на духу, какая иуда тебе обо всем шепнула. А коль имени его не ведаешь, пальцем ткнешь, лады?

– А взамен? – хмыкнул Сангре. – Погреться-то я и у себя могу, авось идти недолго.

Тот призадумался и неуверенно пожал плечами.

– Нечего мне тебе дать-то.

– Да мне много и не надо. Мороз на дворе, холодно, ботиночки на тонкой подошве, а у тебя, я знаю, согревающий конечности медок имеется. Плеснешь чару-другую, а там третью с четвертой, и мы квиты.

– Что ж так задешево тайну продаешь?

– А я не в качестве оплаты, – улыбнулся Сангре. – Знаю, медку тебе не жалко, потому и упомянул про него. А не будь его, даром сказал бы, потому как не привык от хороших людей таиться. И вообще, не о том ты думаешь. Иуда – дело десятое, поверь. Но время-то п**о**зднее, а ты до сих пор ничего толком не надумал.

Боярин вздохнул повторно, но куда печальнее:

– Это верно, – сознался он. – Совсем ничего. С иной стороны поглядишь, надо так сказывать, а с другой посмотришь – инако. Вот и решай, как вернее. Ладно, пошли…

Войдя в комнату, отведенную для боярина, Петр внимательно огляделся по сторонам. Привычку эту он освоил давно, в первый год службы – Улан научил. Сам он мог по интерьеру в первые же минуты точно определить и материальный достаток человека, и, образно говоря, чем он дышит, то есть увлекается.

«Первым делом выхватывай не общий антураж, к нему у тебя будет время присмотреться попозже, но мелочи. Яркие, красноречивые мелочи. В них вся суть. И не забудь в первые же минуты их похвалить, восхититься ими, а лучше поделиться тем, что и у тебя дома имеется такая же вещица, но цвет иной или фасон, или из иного материала, словом, придумай что-нибудь. И тогда доверительный контакт обеспечен, ибо ничто так не сближает людей, как общность интересов…», – говорил он Петру.

Увы, у Сангре оно не всегда выходило, но со временем он хоть и не сравнялся с другом, но изрядно приблизился к нему. Правда, Кирилла Силыч пребывал в гостях, обстановка спартанская, неоткуда мелочам взяться, но кое-что Петр для себя уяснил. Во всяком случае тому, что у боярина серьезная проблема, он подтверждение нашел.

– Ну, рассказывай, какая у тебя беда стряслась, – не дожидаясь приглашения, уселся он за стол, судя по всему совсем недавно наспех очищенный от многочисленных кубков, в беспорядке сгрудившихся на узенькой лавке возле оконца. – Да заодно плесни чего-нибудь, если твой народец, пока ты со мной на улице разговаривал, все не выдул.

– А про народец-то ты откель? – и курносое лицо Кириллы Силыча как-то по-детски обиженно скривилось.

– Откель… А то сам не чуешь – воздух больно спертый. Судя по нему, вы не один час здесь пробыли.

– Верно, – протянул боярин и уважительно посмотрел на Петра. – Почитай, засветло уселись, да вишь… Уж больно опаска берет, чтоб Гедимин не того, не осерчал излиха.

– Может, – подтвердил Петр его опасения. – Нрав у него крутой. Но ты лучше давай с самого начала. Что там в свитке у

гонца было? – и видя, что боярин колеблется, ободрил. – Да не робей! Тебе сейчас иного бояться надо: чтоб после твоих речей литовский князь вообще уговора не порвал. И с чем тогда перед Михаилом Ярославичем предстанешь? А обо мне ты уже слыхал. И как я одним словом, хотя на самом деле далеко не одним, сумел погоню остановить и восвояси завернуть, тоже знаешь. Но как я тебе нужное слово присоветую, коль ты молчишь? А тайна твоя… – он пренебрежительно махнул рукой. – Это ж она сегодня тайна, а завтра ты ее все равно Гедимину расскажешь, так чего стесняться? А мне знать надо, а то насоветую не то, – и поторопил. – Ну, давай, глаголь.

– Нет, – решительно мотнул головой боярин. – Пока не решено, надо ли ее Гедимину сказывать. Опять же всю или половину, потому не обессудь, – он развел руками и напомнил: – Лучше сам обскажи… Ну-у, про иуду. Чай, обещал.

– Экий ты несговорчивый, – усмехнулся Петр. – Ну, быть по-твоему. Для успокоения твоей души даже пальцем в него ткну. Гляди, – и он действительно ткнул… в себя самого.

Кирилла Силыч недоуменно уставился на своего гостя.

– Погоди, погоди, а ты-то от кого сведал?

– Следуя по дедуктивному пути, как заповедовал мой великий учитель Шерлок Холмс. Правда, на самом деле путь его был индуктивным, но об этом я узнал позже.

– Какой дуду, какой инду?! – нахмурился боярин. – Ты толком сказывай.

Сангре посерьезнел.

– Хорошо, давай толком, – согласился он. – на самом деле все просто: наблюдай, анализи… – он осекся и поправился: – и делай выводы. Сам смотри. Во-первых…

И Петр стал загибать пальцы, озвучивая логику своих рассуждений. По мере того как он говорил, лицо Кириллы Силыча все больше светлело, хмуриться он перестал и морщины со лба исчезли.

– Вона как ты, – уважительно покачал он головой. – Ишь! Когда обстоятельно поведал, вроде и правда просто, ан поди дотумкай. А ведь и вправду хитер ты, аки библейский змий. И что, до много так додуматься можешь?

– Почти до всего, – чуть помедлив, ответил Петр, – Работа у нас такая. Дознатчики мы, понял? – боярин понимающе кивнул, но Сангре, поглядев на его недоумевающее лицо, на всякий случай решил немного пояснить. – Кто-то украл или того хуже, убил тайно, а нам надо выяснить, как да что.

– Нам?

– С побратимом, – пояснил Сангре.

Боярин потер лоб, припоминая, и просиял:

– Так у нас на Руси такие тож имеются. Токмо кличут их иначе. Прозывается енто «след гнати». А в остатнее время на что живете? Крадут-то не часто, а убивают и вовсе редко.

– Так это на Руси, не обезображенной прогрессом, такая благодать, а в цивилизованной Европе оно куда чаще случается. Можно сказать, сплошь и рядом. Помнится, как-то во Франции было у нас… – Петр сделал вид что осекся и досадливо махнул рукой. – Всего тоже не скажу, но главное поведаю. На то серебро, что нам французский король заплатил, можно лет пять жить припеваючи.

– Ишь ты, сам король, – уважительно покрутил головой Кирилла Силыч. – Сыскали, значит, убивца?

– Сыскали, хотя и хитер был, как бес. Точнее, хитра.

– Выходит, татарин ентот вместях с тобой? А он тоже розумеет богато? – и Кирилла Силич уважительно постучал себя пальцем по лбу.

– Не просто богато, – отмахнулся Петр. – Он столько разумеет, куда там мне. Если бы ты с ним потолковал по душам, то понял бы, кто из нас змий, а кто так, ужик безвредный, – засмеялся он, чрезвычайно довольный тем, как удачно все складывалось.

– Но про остатнее я тебе все одно не скажу, – отрезал боярин. – Сам догадывайся. Вона ты какой, не зря у Гедимина в ближних ходишь.

– Не хожу пока, – поправил его Сангре. – Ни в ближних, ни в дальних.

– Погоди, погоди, а почему ж он мне сказывал, будто…

– Чтоб ты не перехватил, – перебил его Петр. – Уловил кунигас, как мы с побратимом в вашу сторону поглядывали, вот и решил упредить. А на самом деле мы согласия пойти к нему на службу не давали.

– Вона как. Выходит, можно вас и… – протянул Кирилла Силыч, но осекся и резко сменил тему. – Все одно – лишнее тебе ведать ни к чему. Ты в суть вдумайся, – он чуть помедлил, собираясь с мыслями, и осторожно приступил к изложению проблемы. – Весточка пришла и впрямь недобрая, в самое яблочко ты угодил. Что да как – не скажу, но теперь уговор с Литвой менять надобно, да срок свадебки отодвигать, а мы его тока-тока. Вот и опаска: обидеться Гедимин может и вовсе уговор разорвать , а нам оное не желательно. Но и сказывать ему обо всем приключившемся ни к чему, не то он его чего доброго еще быстрее разорвет. Вот и смекай, как нам исхитриться, да…

– Понятно, – кивнул Петр. – И рыбку съесть, и… – он вовремя

оборвал себя, смущенно кашлянул и поинтересовался: – А почему ты уверен, что если выложить Гедимину начистоту про все то, что в этой весточке написано, он договор разорвет?

– Свадебку скорее всего не отменит, но мы ж с ним помимо нее еще кой об чем толковали. Тебе оно тоже знать ни к чему, но…

– Да чего там знать-то, – перебил Сангре. – И так понятно, что о союзе речь шла. Понадобятся твоему князю ратники добрые, Гедимин поможет, а когда кунигас в воинах станет нуждаться, Михаил Ярославич дружину на выручку пришлет. Хочешь, скажу против кого… – он выжидающе уставился на боярина.

– И про это скумекал? – опешил тот и… облегченно протянул: – Ну-у, так оно и проще. Тогда ты мою опаску поймешь. Вдруг Гедимин ныне решит, будто ни к чему ему рука об руку с Тверью держаться. Одно дело – супротив Москвы стоять, совсем иное – с Ордой тягаться. Она ему покамест не по зубам, а ежели теперь с нами союзничать, то кто ведает, вдруг ханский гнев не токмо на Михайлу Ярославича, но и… – и он осекся, поняв, что сказал непозволительно много и досадливо крякнул. – Ну вот, сболтнул не подумав.

– То-то и оно, – поучительно заметил Петр. – А слово не воробей – столько нагадит, когда вылетит, что мало не покажется. Мне-то сболтнул – ерунда, яйца ломаного не стоит.

– Ломаного яйца?

– Или гроша выеденного. И поверь, дальше этих стен, – похлопал Петр по крепкому дубовому бревну, – ничего не улетит. О другом подумай. Ты ведь можешь и Гедимину лишку сболтнуть, после чего он обязательно насторожится. А хуже нет, когда твой союзник с самого начала хитрить да ловчить пытается. Значит, ненадежный он. Такой и предать может, если что.

– Да ты чего?! – взревел Кирилла Силыч, вскочив с лавки и грозной горой надвигаясь на Петра. – Ты как смеешь таковское о моем князе помышлять?!

– Я-то не помышляю, – невозмутимо поправил его Сангре, прикидывая, что дергаться рано. Здесь всегда бьют с замахом (спасибо Ивану Акинфичу с его ратниками, продемонстрировал) и время у него в любом случае имеется. Главное, сдержаться самому, в запале не ударить в ответ, иначе капут задушевному разговору. – Я не помышляю, – повторил он, – а Гедимин может так подумать. Ты сам-то себя на его место поставь да прикинь, и поймешь мою правоту.

Боярин не ударил. Но и не ответил, стоял молча. Очевидно, прикидывал. Судя по тому, что спустя минуту он, горестно вздохнув, вновь уселся обратно, на месте Гедимина он себя

поставил.

– Я осторожно речь держать стану, – проворчал он.

– Не поможет, – отверг Петр. – Когда всякий миг опасаешься сболтнуть лишнее, поневоле начнешь медлить с ответами, тщательно подбирать слова. И сразу понятно: утаивает человек что-то, не хочет всего говорить. Дальше продолжать?

– Это что же выходит, – растерянно протянул Кирилла Силыч. – Туды шагнешь – буча, а в иную сторону – и вовсе костей не соберешь. И как быть?

– Меня слушать. Я тебе самый верный путь укажу. Коли им пойдешь – не ошибешься. Поверь, я знаю, что говорю. Литовский князь честен, о своей рыцарской чести печется, а ее заповеди о чем говорят?

– О чем?

– Не забижай сироту, защити стариков с вдовицами, – он невольно хмыкнул, вспомнив Изабеллу, – не предавай ближнего своего. Первые две откинем, они нам не нужны, а вот третья… Ну, понял суть?

– Нет, – честно сказал боярин.

– Ближний в данном случае – это Михаил Ярославич, как будущий родич, – пояснил Сангре. – Если ты как на духу выложишь литовскому князю о приключившемся в Твери, не утаив и про последствия, тот и впрямь станет колебаться. Но в самом конце ты скажи, что если Гедимин теперь откажется от всего, включая и уговор и брачный союз, твой князь зла на него держать не станет, но будет его по-прежнему уважать и почитать как мудрого правителя, храброго воителя и честного человека. Получится, ты своей откровенностью припрешь его к стенке. Тогда-то и вступит в ход третья рыцарская заповедь. Может ему и захочется отказаться, да она не позволит. Как так?! С ним, как с рыцарем, благородно поступают, а он? Только обязательно соедини в своей речи уговор вместе со свадьбой.

– Зачем?

– Сам же сказал, что тот, скорее всего, от свадьбы отказываться не станет, а тут ты ему как бы намекнешь, что уговор намертво с нею слеплен. Получается, если рвать, то все. Это ему тоже не понравится. Теперь дошло?

Кирилла Силыч сурово нахмурился.

– Ох не ведаю, как лучше. Мне ить схожее словцо еще до тебя Макарка молвил, сынок боярина Силантия Данилыча, да…

– Молодец, правильно молвил, – кивнул Петр.

– Можа и правильно, а супротивников у его слова куда больше сыскалось. Почитай, все разом на дыбки поднялись.

– И что говорят?

– Да кажный свое талдычит, а выбирать мне, – буркнул боярин и тяжело вздохнул.

Сангре сочувственно посмотрел на него и, решив, что после услышанного от него Кирилле Силычу больше слушать ничего не надо, сделал вид, что спохватился про медок.

– С морозца самое то. Посулил, так давай. Или слуг звать не хочется, а самому разливать стремно?

Как ни удивительно, но последнее слово боярин понял, разве в ответе не использовал, переиначил:

– Да нет, не зазорно. Токмо…

– Так нальешь или нет? – перебил Петр.

Кирилла Силыч недовольно крякнул и поплелся к дальнему углу комнаты, где стоял бочонок. Боярин без видимой натуги приподнял его, встряхнул и, недолго думая, взгромоздил на стол, пояснив:

– Всего ничего. Ежели как следует обоим приложиться, на пару разов, не боле. Или на три.

– А чего гадать-то. Давай приложимся и поглядим, насколько хватит, – предложил Петр.

Они приложились, добросовестно опорожнив по увесистому, не менее трехсот грамм, кубку, и Сангре, хлопнув Кириллу Силыча по плечу, заявил:

– Старина, поверь, я тебя безмерно уважаю.

– Дык я чего, – засмущался тот. – И я того же. Токмо ты напрасно считаешь, будто я…

– С этим потом, – безапелляционно оборвал его Петр. – Раз ты того же, получается, что мы с тобой оба – уважаемые люди. За это грех не выпить.

А в следующую минуту последовал новый тост. На сей раз во здравие двух князей: Михайлы Ярославича и Гедимина. Ну и за их нерушимый союз, каковой непременно состоится, если боярин воспользуется советом Сангре…

И они вновь выпили, после чего Петр как бы между прочим полюбопытствовал насчет сроков их пребывания тут. Оказалось, отъезд был намечен уже на послезавтра и откладывать было нежелательно, ледоход на носу. Весна, по всем приметам, ожидалась бурная, так что могут застрять, если промедлят. И, после недолгого разговора о погоде Сангре как бы невзначай небрежным тоном поинтересовался про Изабеллу. Мол, они с побратимом имели в отношении сей испанской лекарки определенные планы и даже заручились месяц назад ее согласием, но буквально вчера она сама подошла к ним и откровенно заявила, что по всей видимости скоро уедет в Тверь.

– Так что, договариваться нам с другой или как? –

осведомился он.

Кирилла Силыч оживился.

– Вот с нею я вас с побратимом уважу, – почему-то с легкой грустью в голосе сказал он. – Не ищи никого, не надо.

– Да нам как-то все равно, – передернул плечами Сангре. – Скорее наоборот. Она, конечно, лекарка от бога, никто не спорит, полумертвых к жизни возвращает, но уж больно дорого берет за свою работу. Да и искать не требуется – другая вчера сама под руку подвернулась, и куда дешевле, поэтому нам даже выгодно, что она с вами поедет. Тогда по уговору можно у нее задаток наш забрать. Мы ей уже половину отдали.

– Сказываю, не поедет она с нами! – рявкнул боярин слегка заплетающимся языком. – Полумертвых к жизни возвертает – то славно, но из домовины достать она не может, потому ни к чему нам ныне, – и чуть умерив голос, поинтересовался: – А велик ли задаток?

– Тысяча гривен, – мрачно ляпнул Петр и Кирилла Силыч, не сдержавшись, охнул.

– И енто всего половина, стало быть еще столько же опосля отдадите, – протянул он. – Да у нас князь Орде в год по две тыщи за все княжество платит, а тут какой-то лекарке.

– Так что, поможешь? – спросил Сангре.

Кирилла Силыч мотнул головой, отказываясь, но Петр не собирался сдаваться и, недолго думая, предложил сделку. Тверичи забирают лекарку, предолжив ей за месяц работы полтысячи гривен. Она, согласившись, возвращает своим предыдущим нанимателям тысячу, и тогда Сангре обязуется не только компенсировать боярину истраченные пятьсот, но и дополнительно выплатить еще двести пятьдесят, кои пойдут в карман самому боярину.

Кирилла Силыч про откаты не слыхал, а потому нахмурился, напряженно размышляя. Просто так заработать две с половиной сотни – соблазн изрядный, но он боялся надувательства и сейчас прикидывал, в чем оно может состоять. Сангре не торопил, лихорадочно подсчитывая, смогут ли они наскрести семьсот пятьдесят гривен. Получалось, даже если задействовать все флорины Изабеллы, все равно не хватит.

– А ты точно отдашь? – вернул Петра в действительность подозрительный голос боярина. – Не выйдет так, что мы ей свое серебрецо отдадим, а ты опосля руками разведешь?

И тут Сангре осенило.

– Понимаю, – сказал он. – Как можно случайно встреченному человеку поверить на такую огромную сумму? Я и сам бы ни за что. Тогда давай поступим иначе. Ты, главное, уговори ее, да еще Гедимина предупреди на всякий случай – он же ей свое покровительство обещал, значит, его согласие тоже требуется. А уж когда все добро дадут, меня извести, и я тут же с нею сам рассчитаюсь и якобы от твоего имени отдам эти пятьсот. Ну и тебе само собой, отсчитаю оговоренное. Как, пойдет такое?

– А вот это славно! – прогудел боярин. – На таковское я согласный. Заодно, глядишь, зуб мне полечит, а то чтой-то поднывать стал.

– А то ж! – заулыбался Сангре. – Она тебе за этот месяц вообще все зубы выдернет, вылечит и обратно вставит, чтоб как новенькие были. Да ты сам видел, какие она чудеса творит.

Придешь домой вечером, а там тебя молодуха ждет, в смысле твоя жена, но лет на двадцать помолодевшая.

Кирилла Силыч засмущался, а Петр, довольный донельзя, тщетно полазив ковшиком по днищу бочонка, плюнул на бесполезное занятие и разлил остатки меда через край.

– Давай обмоем наш уговор, – предложил он, и, осушив свой кубок, посетовал: – Жаль, заупокой выпить нечего. Все ж таки божья душа. Оно конечно, любой упокой некстати, но тот, что в Твери приключился, втройне не ко времени.

– Ну а про упокой ты как проведал?! – чуть не взвыл боярин.

– Алиментарно, как говорили древние египтяне, – вздохнул Сангре. – Раз лекарь стал не нужен, выводов о состоянии бывшего больного напрашивается всего два, но для одного из них у тебя было слишком плохое настроение.

– Угораздила же нелегкая помереть, – скривился тот и опустошил до дна свой кубок.

– Да-а, – задумчиво протянул Петр. – А что, так и до сих пор неясно: болезнь то была или… – он чуть помедлил и последнее слово прозвучало увесисто, как удар кистеня, – яд?

Кирилла Силыч вздрогнул от неожиданности и оторопело уставился на Сангре.

– Ну а про яд ты откуда?! – простонал он.

Петр хотел было напустить туману, но подумал, что ни к чему. Если выставить себя эдаким гением-провидцем, от него и дальше будут ждать того же, а разочаровывать людей чревато – не те ныне времена. Можно и по шее получить, причем не только кулаком, но кое-чем поострее. Потому он ответил честно:

– А это совсем просто – ты ж сам про яды у лекарки спрашивал, а у нас, дознатчиков, каждое лыко в строку, ничего не теряется. Или ты думаешь, ко многим короли за помощью обращаются.

– А-а, – мгновенно успокоился Кирилла Силыч и вдруг посмотрел на Петра совершенно иным взглядом, эдаким оценивающим. – – Слухай, а ты сам-то надолго тут? А то айда вместях с побратимом своим с нами. Уж больно ты мудер, опять же дознатчик, а князю как раз надобно след прогнать. Он, конечно, у нас не король, но…

– Я согласен, – выпалил Петр, еле-еле сдерживаясь, чтоб не завопить от радости, что все так хорошо складывается. Улыбку, правда, все равно скрыть не удалось, но боярин слава богу воспринял ее как должное и сам улыбнулся в ответ, протянув руку:

– Так что, по рукам?

– Ага, – кивнул Сангре.

В следующий миг широкая боярская лапища крепко обхватила узкую ладонь Петра – не вырвать, сколько ни старайся. Да он и не не пытался. Впрочем, лапища лапищей, а само рукопожатие было не очень жестким – как раз в меру. Очевидно, зная свою медвежью силищу, Кирилла Силыч уже привык контролировать ее.

– Хороший ты человек, парень, – похвалил его боярин. – Хороший и… легкий. Люблю таковских, – и он, склонившись к самому уху Петра, заговорщически шепнул: – А охотиться я тебя научу. И не боись: о том, что в тот раз стряслось, я – вот те крест – ни единой душе.

…Расставались они долго, успев и облобызаться раз пять, и примерно столько же напомнить друг другу порядок завтрашних действий. Но гонца от боярина Петр не дождался ни поутру, ни к обеду. Зато после полудня к ним с Уланом заглянул иной гость.…

Глава 17. Цена княжеского слова

Сангре просчитал поведение литовского князя абсолютно точно. Гедимин действительно решил потолковать с обоими самолично. Ошибся он в одном – кунигас не стал звать их к себе, но сам заглянул к ним в комнату. Следом за князем вошло трое слуг. Первый нес в каждой руке по солидного размера ларцу, в руках у второго были две вазы с фруктами, третий тащил на плече тяжелый бочонок.

Поставив оба ларца на стол, слуга оставил один нетронутым, а из другого извлек три кубка. Расставив их, он склонился в поклоне перед князем, чуточку выждал, вдруг прикажут что-то еще, и удалился. Вместе с ним ушел и второй, предварительно водрузив рядом с ларцами вазы.

Третий из слуг, пыхтя от натуги, поставил бочонок подле стола, открыл крышку и комната мгновенно наполнилась ароматом хмельного меда. Сняв с пояса небольшой серебряный ковшик, отлитый в виде уточки, он принялся разливать содержимое бочонка по кубкам. Налив чуть ли не до краев каждый, он сделал шаг назад и выжидающе уставился на Гедимина. Тот что-то буркнул ему на литовском и слуга, аккуратно повесив ковшик на край бочонка, тоже вышел.

– Я ему велел у дверей постоять, чтоб нашей беседе никто помех не учинил, – хмуро пояснил князь. – Но сначала… – и он многозначительно кивнул на кубки.

Мед оказался и душистым, и крепким.

– М-м-м, хорош! – зажмурив глаза от удовольствия, оценил Петр и с наслаждением облизал губы. – Если дозволишь, княже, я еще налью. Пусть как в присказке: между первой и второй перерывчик небольшой, чтоб стрела просвистеть не успела.

Гедимин кивнул, дозволяя, и, не утерпев, похвалился:

– Остались бы у меня служить, хоть каждый день такой пить смогли бы, – и сожалеюще попрекнул: – Эх вы-ы…

«Остались бы… – зафиксировал в уме Петр. – Значит, говорил с ним Кирилла Силыч. А судя по упреку, он не просто говорил, но уболтал Гедимина на нашу поездку…» Ничего не понимающий Улан вопросительно посмотрел на друга. Сангре, не сказавший ему ничего о результатах беседы с тверичами, в ответ еле заметно кивнул и, приосанившись, чуть виновато пояснил кунигасу:

– Мы же в первую очередь дознатчики. И весьма хорошие к тому же. Между прочим, изрядной известности в своем деле достигли, – и он незаметно подмигнул Улану, давая понять, чтоб настраивался на предстоящее выступление. – А какие из нас вояки, ты сам на охоте видел.

– Видел, – согласился Гедимин. – Но таких, кто копьем да мечом знатно владеет, у меня довольно. Зато у вас вот тут кой-что имеется, – он выразительно постучал себя по лбу пальцем и спохватился. – Да, а что такое до… дознатчик?

Петр начал было растолковывать, в чем состоит их труд, но, оборвав себя на полуслове, махнул рукой, заявив:

– Лучше всего пояснить на простом примере. Помнится, мы с моим побратимом четыре года назад во Франции расследовали дело об убийстве коро… – он сделал вид, что осекся, но, немного помявшись, решительно махнул рукой. – А-а, была не была. Правда, мы обещали никому не рассказывать, но тот, кому мы поклялись, сам первый наплевал на свою клятву, подослав к нам убийц, значит, и мы вправе нарушить свое слово. Одно плохо, я на иконе обет молчания дал, а посему пускай лучше обо всем поведает мой побратим, – и кивнул Улану, чтоб тот приступал.

Рассказ у того получился. Он и впрямь отлично запомнил книжный сериал Мориса Дрюона, а потому легко и непринужденно сыпал французскими именами и титулами. Нарисованная им зловещая картина ужасного преступления против короля предстала перед Гедимином как живая, да и сам князь оказался на редкость хорошим слушателем. За все время, что длилось повествование, на его лице не появилось ни малейших признаков нетерпения или усталости. Лишь однажды он перебил рассказчика, да и то его вопрос касался участия Изабеллы. Мол, кто додумался пригласить женщину принять участие в расследовании столь важного, к тому же секретного дела. Или она и впрямь столь хорошо разбирается в ядах и противоядиях, что это перевесило все остальное.

Но Улан и тут превосходно подготовился, а на взгляд Сангре даже слегка переборщил с описанием ее глубочайших познаний,

кои, по его словам, известны всей Европе, потому друзья, наслышанные о них, и обратились к ней.

– Да вот самый наглядный пример. Недавно она случайно услыхала от купцов, что во Франции снова приключилась уйма смертей: скоропостижно скончался король Людовик, а следом и сын его, кроха Иоанн. Так донья Изабелла, выяснив, как именно они умирали, пришла к выводу, что в обоих случаях без яда не обошлось, причем на удивление схожего с некогда поднесенным Филиппу Красивому. И даже не будучи у изголовья умирающих, она смогла определить отличия. Оказывается, в отраве для короля Филиппа помимо…

Пораженный Сангре, слушая вместе с Гедимином, как Улан обстоятельно перечисляет названия трав и кореньев, пришел к выводу, что он зря сомневался в способностях доньи. Изабелла и впрямь выучила трактат своего учителя назубок. Да и Улан молодцом. Запомнить такую уйму за один вечер – надо не просто постараться, талант требуется. Вот у него самого навряд ли такое получилось бы, пыхти не пыхти.

– А касаемо нашего побега из Франции и как Петр чудом спас себя и меня от убийц, пускай он расскажет сам, – закончил свой монолог Улан.

«Все-таки перевел на меня стрелки. Ну, зараза, погоди, сочтемся», – мысленно пообещал Сангре, а вслух, указав на сгущавшуюся за окном тьму, осведомился:

– Ты, княже, на вечернюю трапезу не запоздаешь? – и не упустил случая подколоть. – Мы-то, можно сказать, в своей столовой сидим, а за тебя боязно.

Гедимин ехидный намек на собственное недавнее распоряжение понял, насупился и недовольно отмахнулся:

– Нынче у меня большого застолья не будет. Тверичам не до веселья, в обратный путь собираются, и даже прихватить с собой кой-кого вознамерились, а этих… – он помрачнел. – С ними пока не ясно: то ли подле себя сажать, как гостей дорогих, то ли… – и он, не договорив, махнул Петру рукой. – Давай, поведай, как да что.

Тот вздохнул и приступил к экспромту. Имен, конечно, у него было гораздо меньше, зато описаний перестрелок, драк и погонь хватило бы на добрый десяток боевиков, ибо Петр разошелся не на шутку. Изредка кунигас ехидно щурился, давая понять, что далеко не все готов принять на веру, но в целом слушал столь же внимательно.

Заодно Сангре воспользовался удобным случаем подставить инквизитора, который руководил, по его словам, этими злодеями, находясь на безопасном расстоянии, потому и уцелевшего.

Причем упомянул он его несколько раз, в том числе и в самом конце своего повествования, чтоб князь точно запомнил.

– Так что у нас с фра Пруденте старые счеты, – подытожил Петр. – Правда, тогда мы оказались в выигрыше, но зато теперь, судя по подсунутым фальшивым гривнам, он с нами сквитался. Хотя человек он злопамятный, ничьей не удовольствуется и если не скрыться от него куда подальше, может и достать. А впрочем, что я говорю. Он и сюда, поди, прикатил именно по наши души, иначе зачем бы ему вообще здесь появляться. Потому-то и мы, князь, норовим уехать отсюда поскорее, так что не серчай.

– А может передумаете, – протянул Гедимин. – Ныне он точно не за вами прикатил. Ему иная душа потребна, – и он, поморщившись, добавил. – Жаль, что *так* складывается с вашей лекаркой.

Услышав последнюю фразу, Улан попросту обомлел. Еще бы! Только-только перевел дух, облегченно уверившись, что все позади, и тут на тебе. Сангре и самому поплохело – эдакий контрастный душ получить, но на Буланова вообще было больно смотреть. Князь пристально посмотрел на него, но ничего не сказал. Зато сидящий рядом с ним Сангре, опасаясь, что друг в запале ляпнет лишнее, торопливо наступил ему под столом на ногу. Однако сам без внимания княжеское замечание не оставил, взяв инициативу в свои руки:

– *Так* – это как? – уточнил он.

– Выдать ее просит монах, – пояснил Гедимин.

– А ты что же? – похолодев, спросил Петр.

Гедимин еще больше помрачнел и вместо ответа потянулся к вазе. Взяв наливное румяное яблоко, зло хрустнул им. Сангре прикусил губу, понимая, что означает это молчание.

Смуглое лицо Улана покрылось алыми пятнами. Резко подскочив, он выпалил:

– А как же твое рыцарское слово, кунигас?! Выходит, грош ему цена?!

Тот побагровел.

– Княже, – торопливо встрял Петр. – Дозволь я своего побратима с кувшином твоего замечательного меда к тверичам отправлю? – и просительно уставился на Гедимина. Кунигас, помедлив, мрачно кивнул. – Вот и чудненько, вот и славненько, – захлопотал Сангре, чуть ли не за шиворот выволакивая упирающегося друга из-за стола и таща к двери. – Давай, старина, выполняй, что сказано. Да заодно Кирилле Силычу от меня поклон наинижайший передашь.

Будучи у порога Улан ошалело уставился на пустой кувшин из-под клюквенного морса, торопливо сунутый ему в руки,

оглянулся на бочонок, но Петр замотал головой:

– Ни, ни, его мы и сами с князем добьем, невелика посудина. А ты там на кухне где-нибудь надыбаешь. Скажешь, что от Гедимина, и тебе с горкой нальют. Давай, давай, родной, чеши отсюда, – бормотал он, выпихивая Улана, и шепотом добавил: – Шляйся где хочешь, но чтоб вернулся не раньше, чем через пару часов. Да Изабелле не вздумай ничего говорить. Рано. Вспомни, как Высоцкий пел: «Еще не вечер». Это я тебе как капитан Блад говорю.

Вернувшись и устало плюхнувшись на лавку, он первым делом скорчил самое что ни на есть жалобное выражение лица и виновато попросил:

– Ты не сердись на него. Он же ради нее жизнь готов положить, голову на плаху или в петлю сунуть, а тут такое услышал, вот и.…

– Если б прилюдно сказал, пощады бы не было, ну а памятуя кое о чем, один разок прощу, – кивнул Гедимин и хмуро осведомился: – Думаешь, у меня самого легко на сердце?

– Думаю, тяжело, – не стал спорить Сангре.

– А ему, когда вернется, передашь: я свое слово всегда держал, сдержу и ныне. Но он забыл, что я ей посулил. Да то, что на моих землях ее никто не посмеет изобидеть. И не изобидят. А как поступят с ней далее, когда она окажется на Волыни или в Мазовии, – он красноречиво развел руками, – о том один Перкунас ведает.

– Ловко, – оценил Петр. – Получается, ты и впрямь своего слова не нарушишь. Но касаемо одного Перкунаса ты чуть подзагнул. Я не провидец, но ее дальнейшую судьбу предсказать могу. Хочешь, изложу, с чего они начнут, как дальше продолжат и чем закончат?

Гедимин крякнул и отмахнулся.

– Ни к чему.

– Правильно, не стоит, – одобрил Петр. – А то приснится замученная, вся в крови, на теле места живого нет, ноги изуродованы «испанскими сапожками», коленки как у кузнечика, назад вывернуты, пальцы на руках перебиты, а она к тебе ручонки истерзанные тянет, заступиться просит. Бр-р, – передернулся он и устало махнул рукой. – Ладно, ты ж правитель, то бишь государственный деятель, политик, потому на судьбу отдельного человека тебе наплевать, работа такая. Но мне просто интересно, почем нынче рыцарское слово. Нет, нет, я и так уверен, что твоему цена дорогая, но хотелось бы знать, насколько.

Гедимин зло поджал губы и мотнул головой, пояснив:

– Дорогой ее назвать нельзя – она огромна.

– Даже так…

– Да, огромна, – твердо повторил князь. – Смотри, – и он, открыв второй ларец, извлек оттуда целый ворох пергаментных свитков. Размерами они отличались, но с каждого свисала, свинцово поблескивая или отливая золотом, печать. – Это верительные грамотки того монаха. Тут тебе от мазовецких князей: Тройдена Черского и Земовита Равского, – и два свитка полетели обратно в ларец. – Еще две от Андрея и Льва. Они, правда, дадены не самому монаху, послам-боярам, но разница невелика – оба в его дуду дуют. Ну и последняя, – он помахал оставшимся в его руке свитком со здоровенной, больше чем у всех остальных, печатью.

– А эта птичка с крестиком мне кажется знакома, – усмехнулся Сангре, показывая на изображенного на оттиске орла с крестом.

– Еще бы, – усмехнулся Гедимин. – Тевтонский орден и требует больше всего. Помимо Изабеллы со слугой хотят, чтоб я им и всех людишек, коих вы с Кейстутом недавно пленили, вернул без выкупа, ну и… подлых обманщиков заодно с ними.

– Как я понимаю, обманщики – это мы? – невозмутимо осведомился Петр.

– Ну а кто ж еще. Да ты не мысли, – успокоил Гедимин, небрежно бросив последний свиток к остальным в ларец. – То они так, для торговли, чтоб было в чем мне уступить. Хотя кой-кого из пленных в качестве доброй воли и впрямь придется отдать. По настоящему худо иное. Знаешь, что посулил монах? Что ежели я заупрямлюсь, то все они, – кивнул он на ларец с грамотами, – дружно пойдут на нас войной. Мол, никто не посмеет возразить против объявленного римским папой крестового похода на литовских язычников, а потому к Тевтонскому ордену присоединятся все соседи и не они одни. Монах пообещал, что участие в походе примет и князь Ладислав Локеток[29], а в его руках ныне вся Великая и Малая Польша. Дескать, если ему посулить, что когда его станут венчать, то корону на его голову возложит не кто-нибудь, но посланец римского папы, Ладислав ни за что не удержится от войны. А он хоть и невелик ростом, у тебя промеж ног не нагибаясь пробежит, но настырен и задирист.

– Мал клоп, да вонюч, – хмыкнул Сангре.

– Вот-вот, – кивнул Гедимин. – Да и Ян из Чехии[30] – забияка изрядный, так и глядит, где бы с кем сразиться. Словом, всех. Разве Карл Угорский[31] может воздержаться, у него, по слухам, и своих забот в достатке, да и овдовел, невесту себе подыскивает, но мне и остальных… – и князь, не договорив, чиркнул себе ладонью по горлу.

– С королями понятно – римский папа это не кот начхал, в авторитете и уважухе. Но эти, как их там, божьей милостью князья всей Русской земли, Галиции и Владимирии, – усмешливо процитировал титул правителей галицко-волынских земель Петр. – Они-то к этому Ванятке какое отношение имеют?

– На Городно, да на Новогрудок еще их покойный батюшка Юрий Львович зарился, а тут такой удобный случай подворачивается все это отщипнуть. А уж про Берестье с Дрогичиным и говорить нечего – спят и видят, чтоб назад вернуть. Они же и татар обещали немалой добычей соблазнить, – тяжело вздохнул Гедимин и подвел итог. – Не устоять Литве, коль они все скопом навалятся.

– Не устоять, – растерянно согласился Сангре, лихорадочно подыскивая в уме вариант спасения Изабеллы. Пока ничего путного на ум не приходило, и он, оттягивая неизбежную развязку, поинтересовался: – Но это все кнут, а где пряник? Что пообещал монах, если ты ее выдашь?

– Замирье с нами Орден согласится подписать, ну и Лев с Андреем тоже. Недолгое, на год, но для меня и оно – что праздничный пирог с голодухи.

– А не обманут? Заберут ее, а сами все равно пойдут войной?

– Что же я, из ума выжил? Пока уговор не подпишем, они и мизинца ее не получат.

Петр облегченно вздохнул. Уф, отсрочка, да какая. Минимум несколько недель, а то и месяцев. Но от внимания Гедимина это не ускользнуло и он, наверное, чтоб у его собеседника не появилось лишних иллюзий, пояснил:

– А подпишем завтра. Только что посольство от Тевтонского ордена прикатило, а галицко-волынские бояре и вовсе хоть сейчас готовы. Так что и отдать ее уже завтра придется. Я, признаюсь, сразу усомнился, будто она такая… – князь помялся, подыскивая словцо поделикатнее и наконец нашел, – черная. Но коль она монаху столь крепко понадобилась, то… – он развел руками.

– Да не Изабелла ему нужна! – вырвалось у Сангре. – На самом деле ему надо… – он осекся, но вовремя припомнив их версию, уверенно продолжил: – Рот ей заткнуть. Вспомни рассказ моего побратима. Опасается новый французский король Филипп, что всплывут его злодеяния, а мы с Уланом, веришь ли, за все время тебе первому рассказали. Да и то потому что этого монаха увидели, а если бы он новую охоту на всех нас не открыл, и дальше бы молчали. А Изабелла изо всей нашей троицы ему нужнее всего, ибо в ядах разбирается. Получается, князь, выдав ее, ты отправишь на страшные муки ни в чем неповинного человека.

Гедимин ответил не сразу. Наморщив лоб, он явно что-то прикидывал. Петр терпеливо ждал. Однако слова князя оказались неутешительными.

– Как бы там ни было, а ни одна красавица Литвы не стоит. И ты своего побратима упреди, чтоб он мне поперек дороги не становился. Мое слово крепкое, и вдругорядь я ему как ныне спуску не дам.

– Твое слово крепкое, – задумчиво повторил Сангре и поинтересовался как бы между прочим. – А ты успел пообещать монаху, что выдашь ее?

– Пока нет, но завтра дам ответ, а какой, ты ведаешь. Но ничего, – он встал и дружелюбно хлопнул Петра по плечу. – Авось когда придет время ее выдать, вас обоих здесь не будет. Жаль расставаться, ну да ладно. А там, вдали, глядишь, твоему побратиму новая красавица сердце заполонит. Я чаю, свет клином на ней одной не сошелся, как обычно русины сказывают.

– С глаз долой, из сердца вон, – грустно усмехнулся Сангре. – Жаль, но боюсь, не тот случай, – и недоуменно нахмурился. – Ты сказал вдали. А… где мы будем?

– Ну как же, – развел руками князь. – Сам сказывал вчера тверичам, какие вы славные дознатчики. Поначалу-то, когда меня ныне Кирилла Силыч попросил вас вместе с ним в Тверь отпустить, мне и невдомек было, как вы Михайле Ярославичу в его беде помочь сумеете, а теперь, вас послушав, мыслю, и вправду сможете. Хотя…

– В какой беде? – нахмурился Петр.

– А разве он тебе о том не обмолвился? – слегка удивился князь и спохватился. – Ах да, тайна. Боярин и с меня слово взял, чтоб я никому. Лучше ты сам у него спроси, – и он направился к двери.

– Так ведь расследование нам втроем проводить надо, – уже в спину ему отчаянно выкрикнул Сангре. – Я ж говорю, она у нас главный эксперт-криминалист.

Гедимин даже не повернувшись, раздраженно бросил на ходу:

– Забудь!

И, судя по тону, стало ясно, что дальнейшие уговоры ни к чему хорошему не приведут, лучше и не пытаться.

Оставшись один, Петр вздохнул, с минуту постоял, тупо глядя на дверь, захлопнувшуюся за литовским князем, очнувшись, вздохнул и плюхнулся на мягкую постель. Закинув руки за голову, он уставился в потолок, сортируя в уме новости сегодняшнего дня.

Получалось не ахти. Даже хорошие – воспользовался, оказывается, Кирилла Силыч его советом и настолько проникся

уважением к Сангре, что выпросил его и Улана у Гедимина – меркли перед плохими. Ведь они все равно никуда не поедут, ибо Изабелла остается здесь, Улан без нее никуда, а он сам, разумеется, ни за какие коврижки не бросит друга. Следовательно, придется объясняться с Кириллой Силычем, поясняя, почему они не смогут отправиться вместе с ним в Тверь, что симпатий к ним со стороны боярина явно не прибавит.

Ну и цена, предложенная монахом литовскому князю за выдачу Изабеллы. Это не просто плохая новость – отвратительная, ибо плата настолько велика, что Гедимина можно считать чуть ли не союзником фра Пруденте. Следовательно, помышлять о побеге, предложенном Уланом, нечего и думать.

«И отдать заемное обязательство Овадьи проку не будет, – тоскливо размышлял он. – Все равно ей придется ехать вместе с ними в Гамбург, а после получения денег или переоформления долгового обязательства на другое имя, то есть когда они перестанут в ней нуждаться, испанку повяжут на следующий же день. Значит, попытка подразнить монаха подлинником ни к чему не приведет. Или… Подразнить-то можно по разному. А кроме того, они не знают… Погоди, погоди, но если так, то…»

Петр, как ужаленный, соскочил с постели. Мелькнувшая в голове идея сама по себе была на удивление проста, но открывала столь великолепный выход, что он даже удивился, как она раньше не пришла в его голову. Он заметался по комнате, лихорадочно прикидывая варианты. Из раздумий его вывел голос вошедшего в комнату друга.

– На бочонок не натолкнись, а то разольешь, – чуть заплетающимся языком посоветовал он, стоя в дверном проеме.

– Ты как тут оказался? – притормозив, осведомился Петр.

– Сколько ж можно гулять, – мрачно огрызнулся Улан. – Я и выпить с твоим боярином успел, и закусить, и потолковать кое о чем. Ты, кстати, случайно не за этим меня к нему посылал?

– Зачем за этим?

– Ну-у, чтобы он меня уговорил поехать с ними в Тверь.

– Да я еще вчера с ним обо всем договорился, причем вначале насчет Изабеллы, а уж потом за нас, – выпалил Сангре. – А тебе не говорил, потому что человечка от него ждал – ему ведь вначале надо было у Гедимина всех троих отпросить, а уж потом мне сообщить, что все в порядке – так мы с ним условились. Ну а что получилось из его просьбы, ты и сам понял.

– Верю, – кивнул Улан. – Тогда, думаю, ты не сильно расстроишься, если я сообщу, что я отказался завтра уезжать?

– Завтра, – задумчиво протянул Петр. – И Гедимин даст ответ монаху завтра. Мда-а, правильно ты отказался. И впрямь нам не

успеть.

– А-а… какой ответ он даст фра Пруденте? Или ты все-таки уговорил князя?! – оживился Улан, впившись глазами в лицо друга.

Сангре покачал головой.

– И не пытался. Понимаешь, когда он назвал цену, обещанную в уплату за Изабеллу, я сразу понял, что дергаться бесполезно.

– А почему ты не сказал, что мы можем заплатить больше?! – почти закричал Улан.

– Изабелла, если помнишь, заявила, что не даст ни копейки, а у нас с тобой всего пара сотен гривен на руках, – напомнил Петр. – И потом речь шла не о деньгах, а о самой Литве, быть ей или не быть.

Глаза Улана потухли, лицо посерело.

– Значит, некий капитан Питер Блад обманул меня, сказав, что еще не вечер? – с упреком произнес он. – А ты понимаешь, что они с нею… – он не договорил, махнув рукой. В глазах стояли слезы.

– Ты погоди, погоди. Лучше припомни, я тебя за все время хоть раз надул? Молчишь? То-то и оно.

– У тебя есть еще что-то в резерве? – оживился Буланов.

– У меня всегда есть что-то в резерве, – чуточку покривил душой Петр. – Но теперь мы, как сказал один маленький рыжеволосый пацан, после того, как завалили его старшего братана-шахида, пойдем другим путем. И таки он пошел и таки дошел. А что может сотворить обычный гопник из Симбирска, всегда в состоянии повторить порядочный одессит, у которого осталось кое-что здесь, – он постучал себе пальцем по лбу. – Но пока ничего рассказывать не стану, ибо не знаю, получится ли. Однако могу обнадежить: скорее да, чем нет. Впрочем, можно проверить, – и на столе вновь появилась карточная колода. – Давай, подсними и вытаскивай для меня.

Улан, ни слова говоря, толкнул от себя большую часть колоды и, после недолгого колебания вытянув одну из карт, продемонстрировал ее Петру. Тот уставился на нее во все глаза.

– Ух ты-ы!

– Судя по твоему восторгу…, – начал Улан.

– Все великолепно! – подхватил Сангре. – Этого предсказания мне и не хватало для полного комфорта. Преодоление всех препятствий и удовлетворенное честолюбие. Учитывая, что удовлетворить его в состоянии лишь успешно проведенный матч-реванш, придется Камзолу Жилетовичу расплатиться за свое жульство по полной программе. Ла виктория о ла муэрте, что на

языке бесшабашных басков означает победа или смерть. Завтра в литовском безоблачном небе встретятся два истребителя и пойдут навстречу друг другу в лобовую атаку.

– Которая неизвестно чем закончится.

– Как это неизвестно?! – возмутился Петр. – Русские не отворачивают, – и он азартно потер в ладоши, предвкушая грядущую встречу с инквизитором.

Глава 18. Командовать парадом буду я

Дел Сангре наметил уйму и занялся ими с самого утра. Но поначалу следовало попрощаться с покидавшими гостеприимные Троки тверичами. Те были довольны. Всё получилось как надо, и каждый предвкушал и скорую радостную встречу со своими близкими, и благодарность от Михаила Ярославича.

Завидя Петра, Кирилла Силыч поначалу недовольно нахмурился, припомнив вчерашний разговор с его побратимом и отказ поехать вместе с ними. Однако за прошедшую ночь горечь слегка развеялась, а благодарность за чертовски удачный совет самого Сангре осталась неизменной. Потому он снизошел, сам подошел к позавчерашнему собутыльнику, заграбастав его на прощание в свои медвежьи объятия, но на сей раз с легким злорадством стиснул что есть мочи. Петр крякнул, охнул, ощущая, как трещат или вот-вот затрещат его ребра, но выдержал стоически, брыкаться не стал.

– Жаль, жаль, что вы с побратимом с нами не едете, – прогудел боярин, с видимой неохотой разжимая железное кольцо своих рук.

Облегченно вздохнув, Сангре виновато развел руками:

– Прости, боярин, забыл предупредить, что мы без лекарки никуда. Веришь, если б кунигас и ее отпустил, мы б с превеликой радостью с тобой укатили, но… А побратима моего ты вчера неправильно понял. Мы не совсем отказываемся, просто вместе с вами не успеваем выехать. Зато чуть попозже…

– Чуть не выйдет, – перебил его боярин. – От силы две-три седмицы[32], и реки вскроются. Разве вплавь. А после ледохода вы моему князю навряд ли потребуетесь.

Петр нахмурился и вопросительно уставился на Кириллу Силыча, ожидая продолжения, но тот хоть и понял, чего ждет его собеседник, однако отвечать не захотел, буркнув:

– Ежели поехали бы, непременно поведал, а праздное любопытство тешить тебе ни к чему. Жаль, жаль, – протянул он. – Мыслю, князь бы тебя вместе с дружком твоим, коль управились бы, с головы до ног златом осыпал.

– Мы постараемся успеть до ледохода, – пообещал Петр.

– А не обманываешь? – недоверчиво уставился на него

боярин.

– Ей богу, – поклялся Сангре.

Боярина словесная клятва не устроила и он, подозвав своего священника, заставил его извлечь из торбы икону. Повторив обещание сделать все от них зависяшее, чтобы успеть, Петр поцеловал образ богородицы.

– Ну, гляди, коль солжешь. Не предо мной виноват будешь – пред божьей матерью, – строго погрозил ему пальцем Кирилла Силыч и распорядился: – Акакий, убирай обратно.

Священник вновь раскрыл свою торбу, и Петр увидел в ней помимо пары икон два каких-то фолианта. Ему моментально загорелось прихватить один из них, самый толстый, на предстоящую встречу с фра Пруденте. Поначалу священник и слушать его не захотел, хотя Сангре предлагал заплатить пять гривен, затем десять и наконец дошел до двадцати. Ответ во всех случаях был одинаковый: нет. Но помог стоящий рядом Кирилла Силыч.

– Дай-ка, – твердо сказал он Акакию и, протянув огромный том Петру, напомнил: – Но чтоб самолично в Тверь привез. А гривен не надобно. За святость рублями не платят.

Следующим на очереди у Сангре был Гедимин. Просьбу перенести на завтра официальный ответ галицко-волынским послам, включая монаха, равно как и подписание договоров о мире, кунигас воспринял с недоумением и согласился ее выполнить лишь после долгих уговоров. Вторую просьбу: дать возможность переговорить сегодня с фра Пруденте, кунигас поначалу и вовсе отверг, подозревая, что Петр замыслил нечто нехорошее. Однако настойчивость победила, и Гедимин нехотя согласился, но предупредил, что если с головы монаха упадет хоть один волос, последствия будут ужасными как для Петра, так и для его побратима.

– Да ни боже мой! – торопливо заверил князя Сангре. – Ни один волосок. Я даже могу по примеру Христа поплевать своей живительной слюной на его поганую тонзурную лысину, чтоб волосы у него и там проросли. Пускай в дикобраза превратится, гад ползучий, не жалко.

– Плевать тоже не надо, – отверг Гедимин его благие побуждения и осведомился: – А о чем хочешь говорить?

– Попробую воззвать к его человеколюбию, – очень серьезно ответил Петр. – Все ж таки духовное лицо, божий человек, сан имеет. Вот и хочу зачесть ему кое-что из Библии, дабы пробудить в нем милосердие, гуманизм и эту, как ее, заразу проклятущую, толерантность. Я и подготовиться успел, – и, подтверждая свои слова, он провел рукой по многочисленным закладкам.

На самом деле он их засовывал в книгу как попало, собираясь процитировать одну-единственную, уж очень хорошо подходила она к сегодняшнему дню. Зато выглядели закладки весьма убедительно, да и сам Петр с потрепанной книгой в руках смотрелся внушительно. Полное впечатление, что он собрался то ли на лекцию, то ли на какой-то научный диспут.

Гедимин уважительно покосился на толстенный том, но не преминул заметить:

– Напрасна твоя затея. Сдается, что этот монах и человеколюбие… – он недоверчиво усмехнулся.

– А я попытаюсь, – заупрямился Сангре. – И в нашей святой книге о том сказано: «Когда господу угодны пути человека, он и врагов его примиряет с ним». Авось получится. К тому же я прихвачу с собой его товарища, честно выполняя одно из его требований. Думаю, их радостная встреча смягчит его заскорузлое сердце и он смилостивится над несчастной женщиной, коя, как ты прекрасно знаешь, повинна лишь в излишних знаниях.

Заручившись согласием Гедимина, Петр вернулся в комнату, где его ждали Улан и Изабелла с оригиналом долгового обязательства и двумя копиями – одной на латыни, как и подлинник, а второй на русском. Внимательно перечитав последнюю, Сангре попросил испанку показать, где в подлиннике указано ее имя. Та ткнула пальцем. Тогда Петр протянул ей обратно копию на латыни и попросил переписать заново, внеся одно-единственное изменение: имени испанки быть не должно. Пускай остается по прежнему на предъявителя.

– Но в подлиннике сказано… – растерянно развела руками Изабелла, но Улан, уже начавший догадываться, что именно задумал друг, накрыл ее ладонь своей и успокаивающе улыбнувшись испанке, мягко произнес:

– Он знает, что делает.

– Точно, – подтвердил Петр. – Правда, не уверен, получится ли, – и пока Изабелла занималась переписыванием документа, принялся экспериментировать с подлинником: аккуратно сложил его вдвое и начал демонстрировать невидимому собеседнику. Угомонился он лишь после того, как испанка подала ему заново написанный текст.

– А знаешь, Уланчик, – заметил Сангре другу, – возможно, мне удастся заполучить с инквизиторов еще и наш выкуп. Разумеется, настоящими гривнами, чтоб начать набивать страховую подушку золотым пухом, дабы не больно было падать в случае внезапно наступившей старости. Ну и порох прикупить заодно. Хотя… – он помрачнел и махнул рукой, – что о нем

говорить, когда мы не ведаем, есть ли он вообще в Европе и даже не знаем его названия.

– Это ты не знаешь, – поправил его Улан, – а мне оно известно.

– То есть как?! – опешил Сангре.

Плюхнувшись на лавку, он ошалело уставился на невозмутимо стоящего перед ним друга. Некоторое время Улан с наслаждением разглядывал вытянувшееся от удивления лицо Петра, но, смилостивившись, пояснил, указав в сторону скромно помалкивавшей Изабеллы:

– Ее работа. Случайно вышло. Мы с нею о Роджере Бэконе беседовали. Ну-у, том самом монахе, смастерившем злосчастную дудку. Она рассказывала об его универсальных талантах и в качестве примера процитировала кое-что из его трудов, привезенных ей Чарльзом из Англии. Так вот в одном из них, оказывается, имеется целая глава, посвященная пороху. По-английски он звучит как поудер, то есть порошок. А, кроме того, узнав, насколько он для нас важен, донья Изабелла назвала, как он звучит на испанском и немецком.

– И ты молчал?! – обрел, наконец, Петр дар речи.

– Да я узнал совсем недавно, всего три дня назад.

– Прелестная донья, – повернулся Сангре к Изабелле. – Ваша небесная красота уступает лишь светочу вашего ума, потрясающему своим сиянием даже меня – старого солдата, не знающего слов любви. Я в неописуемом восторге! – он оборвал себя и озадаченно произнес. – Стоп! Так ведь это все меняет. Я имею ввиду мой предстоящий разговор, поскольку если Бэкон писал о порохе, а было оно аж лет сорок назад, то, как я понимаю, нынче он давным-давно изготовлен, верно? И тогда дело за малым. Осталось попросить этого козла в рясе привезти нам сам порох.

– Думаешь, согласится? – усомнился Улан.

– Никогда, – отрезала Изабелла.

– Таки смотря как будем уговаривать, – загадочно ухмыльнулся Сангре.

– Будем? – переспросил Улан.

– Я оговорился, – торопливо поправился Сангре. – На предстоящую встречу я тебя не возьму.

– Не знаю, но по-моему, в качестве переводчика лучше быть мне, чем Яцко, – недовольно проворчал Улан. – Когда речь идет о таких суммах, лишние уши слишком опасны.

– Лучше, – согласился Петр, – и про лишние уши правильно – опасны, но переводчик мне вообще не понадобится. Монах на испанском шпрехает за милую душу, а я за время общения с

Боней тоже изрядно освежил свои познания. Это так, на крайняк. А учитывая, что он с Гедимином наедине чирикал, получается, мужик и с русским вась-вась. Касаемо же всего остального… Знаешь, учитывая добрый нрав и незлобивый характер этого Перца, поиски компромисса и без твоего присутствия будут проходить в крайне тяжелой и нервной обстановке. Придется торговаться до последней стрелы, копья, меча и драной онучи.

– Я же не собираюсь тебе мешать! – возмутился Улан.

– Не собираешься, согласен, но… можешь.

– Каким образом?!

– Понимаешь, дружище, – поморщился посерьезневший Сангре, – тональность моей пламенной речи перед этим лапсердаком, особенно когда я стану говорить непосредственно за донью Изабеллу, придется тебе категорически не по душе. И настолько не по душе, что ты можешь не сдержаться, выдать свои трепетные чувства к ней, а стоит им их почуять – и хана моему блефу. Эти инквизиторы, конечно же, подонки и сволочи, прямо хоть в украинскую нацгвардию записывай, но в отличие от этих тупорылых садистов, мозги у них работают дай бог каждому. Профессиональные следаки, собаку съели на допросах, и вычисляют влет: достаточно одного слова, даже интонации или дрогнувшего на миг голоса. И твое подлинное отношение к *кое-кому* просчитают на раз, – и он выразительно скользнул взглядом в сторону Изабеллы. – Посему извини, старина, но ты лишний.

Тот сердито поджал губы, но, признавая правоту друга, ничего не сказал в ответ и, помедлив, нехотя кивнул в знак согласия. Но его кивка Сангре уже не видел, погрузившись в напряженное раздумье. Некоторое время он оставался сидеть на лавке, потирая переносицу, но спустя минуту, не выдержав, вскочил и принялся расхаживать по комнате, с каждой минутой ускоряя скорость и бормоча себе под нос что-то невнятное.

Улан, решив не мешать другу, взяв Изабеллу за руку, аккуратно повел донью вдоль стены к выходу, ухитрившись бесшумно закрыть за собой дверь. Впрочем, даже если бы она и хлопнула, глубоко погруженный в свои мысли Сангре скорее всего не услышал бы этого.

– Пожалуй, придется не только сменить тактику и стратегию разговора, – бормотал он на ходу. – Ну да, куда лучше, если мы сам базар расчленим на две части – так оно надежнее, и вначале займемся исключительно получением выкупа…

Однако постепенно шаги Петра становились все медленнее, ибо в целом он уже представлял, что за чем должно следовать на предстоящих переговорах. Сангре остановился и посмотрел на окно. Как подметил Улан, в солнечный день можно было

преспокойно определить время суток исходя из положения светила. Сейчас лучи били наискосок, упираясь в стену, где находилась постель Петра. Это означало, что до их встречи с монахом осталось совсем немного времени, а ведь предстояло еще раз проинструктировать фра Луиса.

В сопровождении Локиса с Вилкасом он отправился в узилище, где держали Эспиносу. При виде Сангре монах вздрогнул и инстинктивно отпрянул назад, вжимаясь что есть мочи в темный угол. В памяти его моментально всплыло то, что происходило здесь же два дня назад.

…Поведение Эспиносы в последние дни все больше и больше не нравилось Петру. Едва тот узнал о прибытии фра Пруденте, как стал явно наглеть, чуя непременное скорое освобождение. Он даже на напоминания, что компромат на него может в случае чего попасть прямым ходом в Авиньон, реагировал неправильно. В смысле лишь изображал испуг, но нахальный взгляд выдавал его истинные мысли. Получалось, эффект от жареной «человечины» выдохся.

От идеи сделать из него двойного агента Сангре давно отказался – нереально, да и зачем? Но шаткой была даже надежда на то, что он, попав в объятия своего Перца, не примется вредить Петру с Уланом еще здесь, пытаясь отомстить за пережитые страхи и унижения. Вывод напрашивался один: требовалось сломать его так, чтоб позвоночник хрустнул. Тогда даже находясь чёрт знает где, при малейшем напоминании о былом, о прожитом, дядя будет стучать на всех и вся – куда там дятлу, но, главное, не станет пакостить здесь. Увы, но как это осуществить, Петр не представлял, хотя непривычно долго ломал голову.

Подсказка пришла от Изабеллы в ходе разговора о религии. С некоторых пор, успев осторожно прощупать друг друга, они поняли, что оба изрядно равнодушны к ней. Он – оттого что в детстве его воспитывал дед, а позже отец – оба атеисты, а она… Тут сложнее. Скорее всего, сказалась скептическая натура, привычка сомневаться во всем, что нельзя увидеть, услышать, потрогать. Да и общение с людьми иных вер тоже принесло свои плоды. Сыграло свою роль и чтение Библии. Прав был Эспиноса, обвиняя святую книгу в том, что она – мать всех ересей. Вот и Изабелла никакой пользы от ее чтения не получила, ибо ответов в ней она не нашла, зато вопросов прибавилось.

– Ты спрашиваешь, почему люди верят во многие нелепости, – задумчиво повторила испанка. – Мне кажется, главная причина в том, что они не хотят умирать *навсегда*. Ну а следующая жизнь – и это действительно звучит логично – должна

стать расплатой или оплатой (в зависимости от поведения человека) за предыдущую.

– Но ведь вечные наказания совершенно не соответствуют степени тяжести преступления.

– Это с одной стороны, – не согласилась Изабелла. – А с другой, учитывая, что наказывать станет бог, кара и должна быть неописуемой и запредельно ужасной. А что может быть страшнее, чем утрата небес и вечные муки ада?

И словно иголочка кольнула Сангре. С минуту он сидел, нахмурившись, а затем задумчиво протянул:

– Вечные муки, говоришь… А что, мудро, мудро. И опять же фамилия моя красноречивая, а Эспиноса, как испанец, прекрасно знает, что она переводится как «кровь»…

– Кабальеро заговорил о чем-то своем?

– Да нет, это я так, – отмахнулся он, оценивающе посмотрел на Изабеллу, покачал головой, перевел взгляд на Нерингу, разочарованно поморщился, и уставился на Загаду…

А на следующий вечер, привлеченный тихим плачем, раздававшимся из соседней подклети, инквизитор подкрался к широкой щели между бревнами и увидел молодую девушку. Кто она и в чем провинилась, фра Луиса не интересовало и, быстро продрогнув, он поплелся обратно к своим шкурам. Но через некоторое время плач усилился и более того, перерос в истошные крики и рыдания, перемежаемые низким утробным рычанием.

Эспиносу разобрало любопытство. Он вновь ринулся к щели и застыл, наблюдая страшную картину. Дон Педро, припав к горлу девушки, смачно причмокивая, высасывал из нее кровь. Та поначалу истошно кричала, но с каждой секундой ее крики становились все слабее, постепенно сменяясь слабыми стонами. Наконец она затихла.

Внезапно вампир насторожился и, оторвавшись от горла жертвы, с подозрением понюхал воздух и его зловещий взгляд впился в щель. Почуял! Монах торопливо отшатнулся от стены, но было поздно, ибо через несколько секунд инквизитор услышал, как проворачивается ключ в замке двери его подклети.

Вид вошедшего к Эспиносе Петра, благодаря косметическим трудам Изабеллы, был страшен: темные, почти черные круги под глазами, на губах свежая кровь, отчетливо видневшаяся и на выпиравших вперед зловещих клыках, и на подбородке. Пальцы рук заканчивались длинными уродливыми когтями.

– Ты все видел, – мрачно констатировал он, пристально глядя на перепуганно вжавшегося в дальний угол подклети монаха.

– Vade, Satana[33] – взвизгнул фра Луис, выставляя перед собой крест, ходивший ходуном в трясущейся монашеской руке. –

Ne me spiritus malus! Maledictionem![34]

Увы, но распятие не пугало вампира, продолжавшего медленно приближаться к нему.

– Теперь тебе известно, отчего я представлюсь как дон Сангре, и ты знаешь мою страшную тайну… – констатировал Петр.

Видя, что ничего не действует, инквизитор, по-прежнему старательно размахивая крестом, истошно завопил:

– In nomine patris et filii et spiritus sancti…[35]

– Амэн, – с кривой ухмылкой на лице, не сулящей ничего доброго собеседнику, подытожил Сангре. – Глупец. Мне как очень старому вампиру, помнящему разрушение Рима и пляски диких гуннов на обломках Колизея, давно не страшен ни чеснок, ни свет солнца, а крест я последние сто лет сам ношу на груди. Правда, неосвященный, но никто этого не знает. И молитв твоих я не боюсь. Дабы они подействовали, надо не просто верить в их силу, но еще и иметь куда меньше грехов, чем у тебя. К тому же все они придуманы людьми, а истинная молитва, всегда слышимая всевышним, одна: «Бог, воздай мне по заслугам». Но вы, людишки, боитесь ее произнести.

Он пренебрежительно махнул рукой и, весело засмеявшись, осторожно погрозил пальцем с длинным крючковатым когтем. Осторожно, поскольку опасался, что коготь может отвалиться, но клей держал надежно.

Судя по тому, что Эспиноса мгновенно осекся, прекратив читать молитву, он явно поверил Сангре. Да и рука его с зажатым в ладони крестом беспомощно опустилась.

– Но я никогда никому не сказать… – стал поспешно уверять монах, в подтверждение истинности своих слов клянясь всеми святыми.

Петр терпеливо выслушал его, якобы пребывая в раздумье. Наконец он произнес:

– Обычно я не верю *его* лживым слугам. Твое счастье, что сейчас я… сыт. Ладно, пока поживи… Но если ты осмелишься встать на моем пути, то…

– Я знаю, смерть, – проблеял монах.

– И ты, стало быть, в рай. Не-ет, – мрачно ухмыльнулся Сангре. – Дьявол накажет меня за нового мученика. Лучше я сделаю тебя одним из… *наших*, вон, как… ее, – кивнул он на стену, отделяющую узилище монаха от соседней подклети.

Инквизитор вытаращил глаза от ужаса, хотел вновь поклясться, пообещать, что угодно, а если не поможет, то упасть в ноги, выпрашивая милость, но не успел.

– Не бойся, – усмехнулся Петр. – Пока мне выгоднее, чтоб ты

оставался обычным человеком, ибо когда я сделаю тебя таким же, как я, век твой окажется недолог, быстро распознают. Но помни условие: неукоснительное послушание, иначе… – он поморщился от неприятного запаха, исходившего от монаха, и, чуточку отклонившись от своей мрачной роли, ворчливо заметил: – А наказать тебя за излишнее любопытство, экзорцист вонючий, придется…

Он вышел, но тут же в соседней подклети скрипнула дверь. Не удержавшись, фра Луис вновь заглянул в щель и увидел, как Петр, бесцеремонно подняв на руки бездыханную жертву, понес ее куда-то, очевидно вознамерившись спрятать тело.

А спустя полчаса за инквизитором пришли те самые палачи-людоеды, столь смачно пожиравшие человеческое мясо. Бесцеремонно ухватив монаха под руки, они куда-то поволокли его. Фра Луис, заподозрив недоброе, брыкался, сопротивлялся, взывал к милосердию, но людоеды были неумолимы, молча притащив его… Нет, даже не в пыточную. Судя по густому удушливому пару, смешанному с дымом, это было неким преддверием ада. Во всяком случае, таким это помещение показалось Эспиносе. Правда, ничего отрезать у него не стали, да и человечиной не кормили, но прутьями отхлестали в несколько заходов будь здоров, причем лупили в четыре руки и целыми пучками.

Когда они наконец оставили его в покое и даже, пару раз окатив холодной водой, позволили переодеться, полузадохнувшийся и нещадно избитый фра Луис сам не поверил, что ухитрился выжить. Удивительно, но рубцов от побоев у него на теле почему-то не осталось. Наверное, из-за того что палачи, торопясь выполнить приказ, схватили, что попало, и прутья на его счастье оказались с листьями. Как ни удивительно, инквизитору и спалось потом превосходно, но последнее – по всей видимости, дар божий за то, что он стойко перенес очередные тяжкие муки.

Правда, ужасы на этом не закончились, поскольку на следующую ночь в подклеть, где находился Эспиноса, принялась ломиться та самая служанка. Вид ее был ужасен. Бескровное лицо, кровавые губы, огромные когти… Поначалу она сладострастно шептала монаху сквозь щель в двери, чтобы он ее пригласил к себе, обещая несказанное наслаждение. Утомившись и поняв, что звать ее никто не собирается, она в лютой злобе принялась неистово драть когтями дверь. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но внезапно подле подклети послышался голос Петра. Был он строгим и властным, и, повинуясь ему, она ушла.

– Она случайно тебя не укусила? – холодно спросил у

инквизитора через дверь Сангре и, услышав заверение Эспиносы, что он цел и невредим, равнодушно констатировал: – Повезло тебе, вовремя я подошел. И запомни: я не просто жизнь тебе спас. Я тебя от ада избавил. На время, конечно. Цени, собака!

…Загада души не чаяла в Изабелле и ради ее спасения была готова на все, вплоть до того, чтобы на самом деле подставить горло под клыки настоящего вампира. Потому она была бесконечно рада, что не подвела свою госпожу и сумела изобразить все то, что от нее требовал господин кабальеро. А о том, что она сработала очень хорошо, свидетельствовала похвала доньи и… подарок дона Педро – красивые бусы с коричневато-желтыми янтарными шариками. Надо же, как раз под цвет ее карих глаз. Правда, фразу, сказанную при этом господином де Сангре – «Это тебе от самого Фелинни из Канн за лучшую женскую роль второго плана» – она, признаться, не поняла. Зато его красноречивый жест – приложенный к губам указательный палец – был ясен без слов, а уж что-что, но помалкивать она умела.

…Теперь же при взгляде на Эспиносу у Петра мелькнула мысль, что он переборщил с театрализованными представлениями. Желая добиться от инквизитора полного безоговорочного послушания, он, кажется, перегнул палку: больно запуганный у монаха вид. Да и руки трясутся так, что сжимаемый в них крест напоминает отбойный молоток. Как пособие студентам-медикам в роли пациента, страдающего болезнью Паркинсона, он, конечно, неоценим, а вот в качестве тайного помощника в предстоящих переговорах…

Петр поморщился. Однако деваться некуда, что сделано, то сделано, и он, опустившись перед фра Луисом на корточки, обаятельно улыбнулся и, вложив в свой голос как можно больше теплоты, приступил к пояснениям.

– Значится так, – проворковал он, зайдя, как водится, издалека. – За эти дни ты успел наговорить аж на две вышки и гореть тебе на языческом костре с носками крестоносцев во рту, что само по себе сравнимо с газовой камерой. Теперь тебе осталось надеяться лишь на снисхождение пролетарского суда, мудрого, но несговорчивого. Но вначале поимей ввиду, что если ты не пожелаешь задуматься о своей наполовину загубленной жизни, то о ней задумаюсь я, но сомневаюсь, что мои думы придутся тебе по нраву.

Фра Луис недоумевающе хлопал глазами, силясь понять. Подметив это, Сангре спохватился, что надо было взять с собой Улана, но возвращаться за ним не стал. Покопавшись в своих запасах испанских слов, он начал деловито и четко объяснять, что

ему нужно от инквизитора в ближайшие пару часов. Время от времени он для лучшего запоминания инквизитором его слов с шумом втягивал в себя воздух или задумчиво трогал пальцем клык. Тот обреченно вздрагивал и в очередной раз согласно кивал, давая понять, что выполнит все что угодно.

Глава 19. Матч-реванш

Комната, выделенная литовским князем для свидания Петра с фра Пруденте, была достаточно большой, но главное, согласно просьбе Сангре, в ней имелся камин. Нет, в здоровенных покоях Гедимина хватало и печей, но для вящего эффекта требовался открытый огонь.

Сам кунигас, едва завидев вошедшего Петра, молча поднялся со своего стула с высоким подголовником и, пожелав, чтобы обе стороны сумели договориться, пошел к выходу. Сангре, продолжавший стоять у порога, отвесил уходящему учтивый поклон, выждал, когда за ним закроется дверь и, ринувшись к настороженно уставившемуся на него фра Пруденте, радостно завопил на ходу:

– Аллах тебе, как говорится, акбар, гражданин инквизитор! А вот и я!

Стремительно подскочив к монаху и схватив его за руку, он принялся старательно трясти ее, смакуя каждый миг начавшегося матча-реванша и чуть ли с умилением взирая на монаха.

– Ну как житуха, братан? Всё ништяк и полным пучком? Тогда шалом, падла!

От неожиданности фра Пруденте поначалу опешил, но довольно-таки быстро придя в себя, с усилием выдернул из крепких рук Сангре свою ладонь и холодно осведомился:

– Я не понимать, откуда такой радость и зачем нужен наш встреча?

Петр, просияв от радости, поскольку переходить на испанский не требовалось (авось главное поймёт, а больше и ни к чему – тональность почует, а она куда важнее), злорадно протянул:

– Ага, как прижмет, вы все вмиг русинскую мову осваиваете, – и он многозначительно пообещал. – Ничего, ничего. То ли еще будет, когда мы вас на газовую иглу посадим.

– Пытка найн! Я есть посол! – возмутился монах, неверно интерпретировав последнюю фразу Сангре.

– Ну и ладно, – великодушно согласился тот. – Хрен с вами, сидите в ледяных квартирах и пейте холодный чай. Тогда, богобоязненный ты мой, вернемся к нашим баранам и откровенно поговорим за жизнь во всех ее многогранных аспектах, ракурсах, фикусах, кактусах и фокусах. Кстати, последний я тебе обязуюсь

показать не далее как ныне, но чуток погодя, – соловьем заливался Петр, будучи не в силах остановиться.

– Для начала я хотеть знать, с кем говорить, – сухо перебил его инквизитор.

– Не веришь, стало быть, что я благородный кабальеро дон Педро де ла Бленд-а-Мед? – пригорюнился Сангре.

– Нет.

– И что моя родословная тянется из глубины темных веков и овеяна подвигами первого рыцаря королевства вестготов Колгейта, равно как и богатыря Маклинза по прозвищу Лесной бальзам.

– Нет.

– Ну и правильно, – невозмутимо согласился Петр. – Приятно поговорить с умным человеком, поскольку я и сам не очень-то во все это верю. С тем же успехом я мог бы назваться матерью Терезой, да и не столь важно, как меня кличут. Зато ты знаешь, что я из себя представляю и сколь велики мои разносторонние дарования, а это главное.

– Но я хотеть и имя, – настойчиво повторил инквизитор. – Как разговаривать без имя?

– Дозволяю называть меня Бес, гражданин брамин.

– Как?! – вытаращил тот глаза.

– Бес по прозвищу Церемонный, – уточнил Петр. – Можешь слитно, мне не жалко. Извини, но своего подлинного имени я назвать тебе не могу, а побалакать с тобой так хочется, что аж кулаки чешутся, потому как изобидел ты меня страшно.

– О гривна из свинец я вовсе не желать говорить, – живо смекнул монах, к чему клонит его собеседник. – Князь Гедимин сказать, что ты вернуть из плен фра Луис, иначе я не прийти вовсе.

– Ну-у, за гривны тебе потолковать со мной все равно придется, и притом не раз, – возразил Сангре, продолжая вкрадчиво улыбаться, – а касаемо твоего коллеги… – он, не оборачиваясь, трижды хлопнул в ладоши, рявкнув: – Введите гражданина Люсьена-заде Бюль-Бюль оглы. Алле! – и его рука устремилась в сторону открывающейся двери.

На пороге появились Локис и Вилкас, аккуратно поддерживающие под руки фра Луиса. Сам он идти мог с трудом, поскольку находился в полуобморочном состоянии, окончательно перестав понимать, чего ему ждать в ближайшем будущем. Вроде бы дон Педро сказал, что отпустит его, но тогда почему охранники-людоеды столь подозрительно себя ведут, корчат такие страшные рожи и угрожающе поглядывают на него, словно собираются… съесть, а то и того хуже. Увы, инквизитор не знал,

что литвины просто-напросто выполняют задание Петра, велевшего им вести себя с фра Луисом… поласковее. Потому они и старались ему… улыбаться. Выходило же…

Глядя, как Локис с Вилкасом чуть ли не волочат Эспиносу, Сангре поморщился, еще раз пожалев о переборе с мерами устрашения, но как ни в чем не бывало с прежней лучезарной улыбкой обратился к фра Пруденте.

– Как видишь, мы свое слово, в отличие от вас, шлимазлов забубенных, всегда держим, – с гордостью похвастался он. – Любой каприз за ваши гроши. Между прочим, таким чистеньким, отмытым и отутюженным он, как мне кажется, не был даже во времена своего раннего детства. Сам его рясу накрахмаленную пощупай, если не веришь – ни одного микроба. А позавчера они по ней целыми стаями бродили. И здоровенные такие, как мамонты.

Инквизитор нахмурился, глядя на уныло-бледное лицо коллеги, поддерживаемого под руки дюжими литвинами.

– Я зрю, его пытать, – сурово поджал он губы и обратился к фра Луису на каком-то иноземном языке. Очевидно спрашивал, пытали ли его, но испуганно вздрогнувший Эспиноса весьма энергично замотал головой, жалобно косясь на Сангре.

– Видишь? – возликовал Петр. – Он сам подтверждает, что его никто не пытал. Берегли засранца, как зеницу ока, чтоб ни один седой волос не упал с его дегеративной задницы! Да ты садись, Люсьен, чего там, будь как дома, – он властно махнул рукой и литвины усадили бывшего пленника на лавку подле его напарника. – И хотя я так и не внял твоим рассказам за жуткую бьёз хексе Изабеллу, – продолжал он, – но ничего страшного. Ты же сделал все что мог, уговаривая меня, верно?

Фра Луис старательно закивал, в точности, как было велено Петром еще в подклети. Мол, когда буду к тебе обращаться, сразу начнёшь поддакивать, иначе… И он многозначительно потрогал пальцем свой клык, плотоядно облизнувшись при этом. И теперь бедный Эспиноса, до сих пор находившийся под впечатлением того, как чуть не стал вампиром, был готов согласиться с любой фразой Петра.

– Ну а теперь давай поворкуем с тобой за жизнь, почтенный шейх, – обратился Сангре к фра Пруденте и вновь многообещающе улыбнулся.

Тот насторожился. Улыбка собеседника выглядела вроде бы ласковой, но на ум отчего-то пришло сравнение с голодным львом, с такой же радостью скалящим зубы при виде беззащитной жертвы. Инквизитор покосился в сторону фра Луиса, но затравленный вид перепуганного коллеги не добавил оптимизма.

– Я не… – начал он, но Петр с силой шарахнул пухлым томом по столу.

– Цыц, – грозно оборвал он монаха. – Командовать парадом буду я, ибо ежели я доверю базар тебе, ты начнёшь размазывать белую кашу по чистому столу и это таки никогда не закончится. Итак, чукавый мой, шо мы имеем? – Он раскрыл том на нужной закладке и прочел: – День сей господа бога вседержителя, день отмщения, да отмстит врагом своим и пожрет я меч господень! О как! Слыхал?! Лучше не придумаешь. Это в качестве эпиграфа. Ну а далее по-простому, по-бразильски. Итак, я имею до тебя крайне выгодное для нас предложение.

– Ты много говорить, но я не понимать, – перебил фра Пруденте.

– Счас, зараза, или как там у вас по латыни, инфекция ходячая, ты за все поймешь. Так вот вынужден тебя огорчить, – угрожающим тоном протянул Петр. – Учинив откровенное швырялово партнеров, ты наступил на хвост самой грозной организации в мире. За сравнение с нею даже Саурон – щенок облезлый. Слыхал про «Витязей из Хрен-Каиды»?! – Инквизитор покачал головой. – У-у-у, дядя, да ты везунчик. Но ныне твое счастье кончилось, ибо ты пересек путь, помеченный нами, и считай, что теперь вам объявлен джихад, ибо я, как представитель сего могущественного ордена, не намерен оставлять безнаказанным твое подленькое надувалово.

Фра Пруденте озадаченно уставился на Петра, затем на фра Луиса, торопливо закивавшего и на всякий случай добавившего:

– Он говорит правда.

– Но я о такой орден никогда не слышать, – осторожно заметил фра Пруденте.

– Разумеется, поскольку он, в отличие от вашего слоновьего топтания в посудной лавке, следов за собой не оставляет, – хмыкнул Сангре. – Да и базируется не здесь, в глухомани-тмутаракани, а далеко в Мордере, где угрюмо клубит дымами Огненная гора. А коль терзают сомнения, припомни рассказ выкупленного вами Вальтера о том, как мы лихо расправились с твоими босяками-тевтонами подле святилища.

– Так ты из Аламута? Из уцелевших ассасинов? – осенило монаха.

Пришла очередь недоуменно хмурить брови Петру.

– Возможно, – осторожно согласился он. – Допускаю, что в Европе подлинное название нашего ордена при переводе слегка исказили. Но суть не в этом. Так вот, вообще-то нас мало интересует чужое рыжье, однако почему бы не воспользоваться удобным случаем? А посему я сейчас по примеру гражданина

Маяковского достану из своих широких штанин такое, от чего содрогнутся все торговцы опиумом для народов, – он ловко извлек из кармана штанов свиток с копией заемного письма и с усмешкой бросил ее на стол перед фра Пруденте.

Инквизитор аж подпрыгнул на лавке, жадно уставившись на бумажный лист. Глаза монаха чуть ли не светились, а руки затряслись от волнения. Еще бы! Потратить на поиски этого документа несколько лет и наконец-то впервые увидеть цель воочию. Заинтересовался ею, несмотря на свои переживания, и фра Луис.

– Сдается, именно за этой бумажкой вы, высунув язык и задрав рясы до неприличного обнажения ваших волосатых кривоколенных конечностей, гонялись по всей Европе? – с усмешкой прокомментировал Сангре. – Я прав?

Теперь согласно закивали оба монаха.

– Во-от, – удовлетворенно протянул Петр. – Что и требовалось доказать.

Торопить изучающих текст монахов он не стал – наоборот, чуть ли не затаил дыхание, чтоб не спугнуть. Чем внимательнее они читают копию, тем небрежнее отнесутся к тексту подлинника. Наконец фра Пруденте перевернул лист и насторожился.

– Я зрю, здесь нет ни один печать, а значит… – начал он, однако Сангре, ловко выхватив у него из рук бумажный лист, бесцеремонно перебил инквизитора.

– Цыц, салабон, когда витязь из «Хрен-Каиды» речугу толкает. Я и сам знаю, что это копия. Но как ты думаешь, с чего мы могли ее снять?

Фра Пруденте посопел, морща лоб.

– Так что ты мне сказать? – буркнул он.

– Да не сказать, дурилка ты картонная, а показать, – ласково поправил его Сангре и направился к ярко полыхавшему камину. – Я же обещал фокус, а слово привык держать. Гляди. Раз, и есть копия, – он изящно взмахнул ею. – А теперь два, и она исчезла.

Он небрежно метнул свернутый в трубочку лист в каминный зев, выдержал небольшую паузу, чтобы бумага занялась и, позволив себе чуточку полюбоваться оторопевшими лицами монахов, ловко выхватил из огня остаток свитка. Торопливо погасив пламя, он полюбовался на уцелевший бумажный клочок, и, придя к выводу, что для экспромта у него получилось просто отлично, шагнул обратно к столу, пристально глядя на фра Пруденте.

– Почти исчезла. – уточнил Петр, помахивая клочком и кривя губы в недоброй ухмылке. – Это я для наглядности, чтоб ты ясно

понял: точно так же я могу поступить и с подлинником, если ты, глист сушеный, не заменишь нам свой свинец на серебро. А то как-то нехорошо получается: рыцарь вроде подлинный, а гривны за него уплачены фальшивые. Боня, когда узнал, очень обиделся и на тебя, и на твоего корешка. Точно, точно. Хотел даже из него подлинную Люсю сделать, да я отговорил.

Перес невольно посмотрел в сторону Эспиносы. Тот опять торопливо кивал, ничего не понимая, но безропотно соглашаясь.

– И ты не хотеть получить всё сам? – недоверчиво осведомился фра Пруденте.

– Как христианин я никогда не забываю заветы священного писания, один из коих предупреждает, что грешно обращать алчные взоры на достояние ближнего, – благочестиво сложив руки лодочкой, пояснил Сангре. – Кроме того, некие святые люди мне доходчиво пояснили, что золото храмовников проклято и добра от него ждать нечего. И потом, это разным королькам из занюханной Европы, да еще вашему плюгавому верховному муфтию в Авиньоне чужого сала всегда мало, а мы – народ скромный, проживем и так. Но за то, что принадлежит нам, мы гланды через задницу без наркоза выдернем, а своего добьемся. Уразумел?

– Значит, ты хотеть повторно выкуп? – уточнил инквизитор. – И тогда ты отдать нам подлинник. Я правильно понимать?

– Насчет хотеть повторно ты в самую точку, – согласился Петр. – Но пока что ты и в первый раз нам почти ничего не заплатил! А я отдавать долговое обязательство какому-то жулью не собираюсь. Посему мы ныне ограничимся тем, что договоримся о выплате недополученной нами тысячи четырехсот гривен. Это станет наглядным доказательством, что ты, родной, из приличной конторы, с коей можно иметь дело честным людям вроде нас, а то, что приключилось месяцем ранее, досадная случайность, не более. И тогда можно переходить к следующей части Мерлезонского балета, благо, у меня нынче снова гостит ваш Боня, а помимо него еще и цельный атаман из некоего разбойного кубла, в насмешку именуемого орденом, да еще рыцарским. То есть нам есть о чем покалякать до получения вами долгового обязательства.

И снова фра Луис торопливо закивал. Так, на всякий случай. Фра Пруденте недовольно покосился на него и осведомился:

– Но я не видеть сам подлинник.

– Тю на тебя, – фыркнул Сангре. – Экий ты Фома неверующий. Ну ладно, погляди краем глаза, коль тебе неймется, – и, выхватив из кармана сложенный вдвое лист, продемонстрировал его инквизитору. Держал он его таким

образом, что имя Изабеллы оставалось на стороне, повернутой к самому Петру, да и то недолго. Якобы спохватившись, он пробормотал: – Ах да, текст ты уже читал и тебя в первую очередь интересует кое-что другое, – и он ловко перегнул бумагу.

Теперь имя Изабеллы и вовсе скрылось внутри, а потому Сангре мог безбоязненно, а потому никуда не торопясь, демонстрировать монахам наличие соответствующих подписей и печатей на обороте. Пусть убедятся, что все подлинное. Дождавшись, пока удовлетворенный осмотром фра Пруденте, блаженно улыбаясь, облегченно вздохнул, Петр хлопнул в ладоши и в покои вошли Локис с Вилкасом. Сангре вручил им лист и властно махнул рукой, отправляя обратно. Выждав, пока они удалятся, он повернулся к инквизитору и пояснил:

– Сейчас эти красавцы отдадут заемное письмо моему побратиму, а он в свою очередь незамедлительно вручит его надежному человеку и тот исчезнет, оказавшись к вечеру далеко-далеко отсюда.

– Пытка развязывать язык всем. Твой надежда на князь Гедимин напрасна. Уже завтра мы будем знать, в чьи руки заемный письмо, – торжествующе возразил фра Пруденте.

– И толку? – пожал плечами Петр. – Я ведь сказал: оно сегодня же будет увезено далеко-далеко отсюда, в те места, где православные князья поумнее галицко-волынских, под вашего апостолика никогда прогибаться не станут и вообще плевать на него хотели. Во всяком случае если вместо нас с побратимом туда прикатишь ты, у моего человека будет уйма времени, чтобы его сжечь.

Сангре не лгал. На всякий случай – вдруг Гедимин по требованию инквизитора затеет проверку, Улан действительно должен был отдать письмо тем самым сыновьям Сударга, которые, защищая чужеземцев, чуть не погибли при взятии Христмемеля. Нынче же они должны были ускакать аж в Витебск и тихонечко вести там торг, изображая литовских купцов и дожидаясь… Да, да, самих Петра и Улана.

– Причем сжечь не полностью, – упоенно продолжал рассказывать Сангре, с наслаждением наблюдая, как все сильнее и сильнее вытягивается разочарованное лицо инквизитора, и для наглядности помахивая в воздухе обгорелым клочком копии. – Пару похожих кусочков они оставят: самое начало и концовку с подписями, кои будут немедленно отправлены вашему халифу в Авиньон – пущай старикан возрадуется, – и брошенный на стол остаток копии плавно улегся буквально пред глазами монаха.

Фра Пруденте, представив реакцию Иоанна XXII на такое послание, поневоле содрогнулся. В таком случае незадачливым

монахам-доминиканцам оставалось надеяться лишь на то, что в папской канцелярии могут не понять, что это за обгорелые обрывки и… Но надежду уничтожил голос Петра:

– Мало того, вдобавок мой человечек приложит к оным клочкам заготовленное загодя послание, где я подробно изложил, как вы оба бездарно проворонили гору золота, предназначенную для наместника Христа на земле, хотя гора эта была почти в ваших руках. И тогда, господа задрипанные шаманы, вам таки придется изрядно пострадать за свою беспрецедентную скупость. А рассказываю я это тебе, мой славный простодушный друг, – проворковал Сангре, – на всякий пожарный случай, чтоб ты понял, насколько старательно я подстраховался от твоей маниакальной честности и лютой порядочности.

– Тысяча четыреста гривен, – задумчиво протянул фра Пруденте.

– Всего-то, – уточнил Петр. – А взамен больше миллиона. Ну и плюс проценты за два года, что в общей сложности составит миллион двести семьдесят тысяч золотых флоринов. Ваша ненаглядная бьёз хексе, когда я у нее изымал сей документ, криком кричала и ноги мне взасос целовала, но я был суров и неумолим, как положено благородному кобельере. Цени, псина господняя.

Инквизитор тяжко вздохнул.

– Тю на тебя! – возмутился Сангре. – Он еще и в колебаниях! Да у нас бы любого олигарха кондратий от счастья схватил, если б он узнал, какой навар ему светит, – он сокрушенно вздохнул. – Маловато, конечно, я с тебя требую, почтенный, но для приятного во всех интимных отношениях человечка чего ж не порадеть.

Монах тяжко вздохнул, но тут ему пришла в голову неплохая идея с отсрочкой, а за это время, если постараться, можно успеть кое-что предпринять и…

– Сразу про уплата мне не решить, – примирительно заметил он. – Я должен отправить гонец, взять совет, дождаться ответ, а потому надо подождать. Полагаю, за два-три месяц мы…

Петр присвистнул.

– Я вас умоляю, не болтайте ерундой. Мне столько ждать недосуг, а потому сроку тебе три дня. А нет, уедем с побратимом и точка, а ты оставайся целоваться со своей Изабеллой, шаловливый ты наш, ежели монастырский устав не возбраняет.

– Князь Гедимин вас никуда не отпустить, пока ты не отдать нам бумага, – прошипел инквизитор.

– Ой, только не надо пугать ежа голым задом, гражданин муэдзин! – вознегодовал Сангре. – А на любые санкции Европы и вашего римского папаши мы на Руси всегда клали хрен с

присвистом, и будем класть его и впредь не покладая рук! Но когда мой человек спалит подлинник, ты ж себе все локти искусаешь до самого копчика! И вообще, тебе еще радоваться надо, что на такого миролюбивого как я попал. А будешь и дальше кочевряжиться, я на тебя настоящих зверюг-ассасинов натравлю: Торнадо, Айдар, Азов и прочих, – недолго думая, принялся он перечислять названия украинских карательных батальонов. – А они вообще звери и шутить эти жертвы абортов не любят, – и, глядя на недоумевающее лицо инквизитора, изумленно спросил: – Да ты чего, вообще что ли о них не слыхал?

Фра Пруденте помотал головой, а Эспиноса напротив, на всякий случай вновь согласно кивнул.

– Во-от, – удовлетворенно протянул Петр, тыча в сторону фра Луиса пальцем. – Он знает. А для особо тупых поведаю: это такие монстры, что ого-го, меня самого жуть берет. А главное, беспредельщики они. Им хоть осиновым колом в ухе чеши – все равно не проймешь. Стыд под каблук, совесть под подошву и вперед, мирно бомбить всех, кто с ними не согласный. А мне не веришь, у Люси спроси.

И снова последовали частые кивки Эспиносы. «Молодца», – мысленно похвалил его Петр и поощрительно улыбнулся. Так, слегка, уголками губ. Увы, но монах воспринял это не совсем адекватно. Обалдело уставившись на Сангре, он побледнел, затрясся всем телом, а спустя пару секунд глаза его закатились и он, потеряв сознание, рухнул с лавки.

Фра Пруденте недоуменно уставился на напарника, но, спохватившись, кинулся его поднимать. Петр недоуменно пожал плечами, но, видя, что силенок тощему инквизитору явно не хватает, пришел на помощь. Кое-как им удалось совместными усилиями уложить грузного Эспиносу на лавку.

– Я видеть, ты его пытать, – строго произнес фра Пруденте, испытующе глядя на Петра.

– Дурак ты! – возмутился тот. – Если бы я его пытать, он бы ползать не смог и дышал через раз. Просто фантазия у него богатая, шлимазлов этих себе представил, вот и… Я и сам как их вспомню, так вздрогну, уж больно отвратные морды. Рожи моих воинов, которые твоего напарника привели, видел?

Фра Прудененте невольно передернулся. Пожалуй, страшнее человека, чем тот великан со стесанным назад лбом, огромным носом и звериными глазками, ему за всю жизнь видеть не доводилось. Неужто и те, кого сейчас столь красочно расписывает его собеседник, столь же ужасны?

– Ты хотеть сказать, что они похож на…

– Да что ты, что ты! – замахал на него руками Сангре. – Лица

моих воинов в сравнении с рылами этих плевков прогресса ангельские. А стоит мне им лишь намекнуть, что речь о халяве идет, поверь, мигом примчатся. А они не я: и гроши с тебя слупят, и вареников с маком взамен не дождешься, бо эти скоты сами всё сожрут. Точно, точно. Эти уроды, ежели задарма, могут в свои хлебальники до пяти гамбургеров зараз запхать. И еще место за щекой зарезервируют, вдруг какой проказник сыщется. И в конечном итоге останешься ты, брахманист хренов, у разбитого корыта, где нечего будет стирать, поскольку они тебя мигом разуют и разденут. Так мне звать их или ну ее? – и он сурово уставился на инквизитора.

Фра Пруденте нехотя выдавил, старательно выговаривая новые непонятные слова:

– Не надо Торнадо, Айдар, Азов. Мы…

Он покосился на своего напарника. Слова Петра с трудом укладывались в его голове, но загадочное поведение Эспиносы… Помня, как мужественно тот держался раньше перед лицом разнообразных опасностей, фра Пруденте представить себе не мог, что же такого увидел и испытал в плену его напарник, чтобы вести себя столь неподобающе для истинного служителя бога. Так что вполне могла оказаться правдой как минимум половина рассказанного этим странным кабальеро. Значит, надо соглашаться платить, причем немедленно, отказавшись от трёх дней на обдумывание. Иной, лучший выход найти все равно не получится, зато этот Бес, чего доброго, может передумать и ужесточить свои пока еще вполне приемлемые условия. В конце концов, учитывая, что рассчитываться станет Тевтонский орден, ничего страшного.

Он еще раз сочувственно покосился на по-прежнему лежащего без чувств фра Луиса и твердо произнес:

– Мы согласны… заплатить. Через три дня гривны будут у тебя.

– То-то, – удовлетворенно хмыкнул Сангре. – И я таки рад, что мы сделали по рукам, ибо у нас, идальгов, все по-честному, точнее, по-братски, и почти без обмана.

– Но взамен ты нам вернуть…

– А об этом позже, – бесцеремонно перебил Петр. – Сперва выкуп, а тогда уж можно потолковать всерьез за международное положение и свободу попугаев… Кстати, о международном положении. Тут у нас Гедимин в посредниках, а в приличном обществе им тоже полагается долю малую отстегнуть. Ты как?

Глава 20. Решающий раунд

Они выехали из Трок спустя неделю. Поначалу их сопровождение выглядело весьма внушительным – самолично

Гедимин и аж две сотни дружинников с ним. Столь пышный эскорт следовал до Вильны.

– Ну слава богу, – вздохнул Улан, когда кунигас и его воины остались далеко позади. – А то у меня почему-то все время было ощущение, будто нас вот-вот завернут обратно.

– И зря, – самодовольно хмыкнул Сангре. – Я уже понял, что если человек является язычником, то шансы на его порядочность неизмеримо возрастают. Всякое, конечно, бывает, и исключений навалом, но этот мужик из тех, кто добро ценит, а мы, между прочим, обеспечили ему мир с самыми главными врагами, притом не на год, а на цельных два.

– Кстати, каким образом?

– Обычная проверка на вшивость, – беззаботно отмахнулся Петр. – Мол, положено посреднику отстегнуть чуток, благо, денег для этого не требуется. Зипун Армякович поначалу закочевряжился, но я добавил, что тем самым он на деле докажет свои огромные полномочия, в коих я, грешным делом, сомневаюсь. Словом, на понт я нашего фраерка взял, на самый обычный понт.

– И он купился?!

– Ага. Ты знаешь, я тоже удивился. На такую дешевку распоследний босяк с Молдаванки или Привоза не поддался бы, а он… – хмыкнул Сангре. – Хотя дело еще и в другом. В сущности этому Фраку Смокинговичу глубоко наплевать на проблемы Тевтонского ордена. Ну-у, не совсем, а где-то как Европе на Украину в том нашем времени, то есть сочувствие выразить можно, но когда речь про бабло заходит, да еще в невообразимом количестве… Правда, у тевтонов это перемирие должна еще ихняя капитуляция подписать…

– Капитул, – поправил Улан.

– Ну да, – беззаботно согласился Петр. – Он самый. Но я думаю, при столь широких полномочиях нашего Зипуна Армяковича за этим дело не станет. Короче, Гедимин до сих пор пребывает в незабвенном кайфе. Он, между прочим, тоже у меня допытывался, как я ухитрился одновременно соблюсти и его, и свои интересы. Пришлось намекнуть на свое умение наносить дистанционный гипнотический удар по человеческому подсознанию и, умело отрегулировав отток трансгенерирующей энергии в нижнюю чакру…

– Чего?! – вытаращился на друга Улан.

– Не понял что ли? Вот и он не врубился. Но кивал охотно. Кстати, я даже чуток перестарался и он снова загорелся увидеть нас на своей службе. Я, конечно, упирался, как мог, но под конец пришлось пообещать, что едва тверской князь перестанет нуждаться в наших услугах, как я непременно вернусь в Литву и мы с ним еще разок покалякаем за то, как бы посмачнее попортить жисть шлимазлам-тевтонам.

Петр припомнил хитрый взгляд криве-кривайтиса и его вкрадчивый совет не противиться пожеланию Гедимина оставить у себя обоих пленников: Дитриха и кузена Изабеллы. Мол, они станут своеобразным залогом доверия кунигасу со стороны Сангре.

Попутно всплыл в памяти и туманный намек верховного жреца. Дескать, ему дано видеть будущее людей и если у Петра не найдется времени для приезда в Литву в течение ближайших двух лет, то он об этом горько пожалеет. Их боги – не христианские, и нарушений клятв не прощают, так что спустя два года может весьма резко ухудшиться как здоровье оставленных рыцарей-крестоносцев, так и его собственное, вплоть до…

Лиздейка не договорил, но и без того было понятно. Как жрец дотянется до Твери, Сангре не понимал, но глядя в голубовато-водянистые и холодные как лед глаза верховного жреца поверил: дотянется, и здоровье ухудшится вплоть до…

Получалось, и впрямь придется приехать.

Однако ничего из этого рассказывать другу он не стал, решив, что у того хватает собственных проблем, и похвастался выданной ему Гедимином своеобразной кредитной карточкой в виде золотого перстня с крупным синим сапфиром.

– Это тот, что…

– Да, да, тот, что нам вручили перед поездкой в Берестье. Я ж его вернул, когда мы приехали обратно, а Гедимин за день до нашего отъезда снова мне его отдал. Сказал, он и на Руси может помочь, ибо в Твери литовских купцов хватает. Если кому из них покажешь, непременно помогут.

– А как ты ухитрился выжать из фра Пруденте согласие отдать тебе Изабеллу?

Петр улыбнулся, припомнив, как он старательно игнорировал испанку, делая вид, что судьба доньи его совершенно не интересует. Особенно в самом начале второго тайма матча-реванша.…

…Инквизитор уложился в трехдневный срок. На сей раз он не пытался сжульничать, и представители тевтонского ордена, при посредничестве двух главных бояр галицко-волынского

посольства, назанимали у купцов, торговавших в Троках, необходимую сумму, кою на третий день доставили в комнату друзей. В основном это было серебро, но хватало и золота.

– Совсем иное дело, – удовлетворенно кивнул Сангре, после того как казначей Гедимина закончил проверку, сообщив, что все в порядке.

Оставшись наедине, монах, терпеливо дожидавшийся результатов проверки, впервые за последние два часа разжал рот и, протянув руку к Сангре, властно потребовал:

– Подлинник.

– А может, тебе еще и ключ от квартиры, где девки визжат? – ехидно поинтересовался тот, напомнив: – Я же говорил, что это, – и он небрежно пнул ногой по сундукам, – всего-навсего выкуп, не выплаченный тобой месяц назад. А теперь, рассчитавшись с прежними долгами, я дозволяю тебе продолжить наш нервный разговор. Но вот какая штука получается. Подлинник я тебе вручу, после чего ты будешь счастлив до самого конца жизни. А шо я сам буду иметь на долгую и светлую память за наши бурные страстные свидания?

Фра Пруденте озадаченно воззрился на Петра, не собирающегося умолкать, а тот, подметив удивление на лице своего собеседника, патетически воздел руки кверху и завопил:

– Господи, и этого бестолкового биндюжника ихний Ваня хочет назначить смотрящим, то бишь епископом. Вай ме! Ну ладно, я нынче добрый, а посему специально для олигофренов из католического Евросоюза напоминаю, что мы успели вторично пленить кузена Изабеллы. А помимо него у Кейстута в качестве нашей доли за взятие Христмемеля томится в плену одна большая жирная и наглая немецкая свинья по кличке Дитрих. И за этого кабана мы тоже хотим поиметь нехилую кучу флоринов, но…

– Я его не покупать, – перебил инквизитор.

– Вот те раз! – огорчился Петр. – А как насчет Бони?

Монах весьма категорично мотнул головой.

– Не, ну а какого я тогда Христмемель брал, надрывался, кровь проливал, в ведре вашем ржавом чуть не задохнулся и копье свое ночное едва уберег?! – возмутился Сангре. Фра Пруденте равнодушно пожал плечами. – То есть ты хочешь сказать, что все это исключительно мои проблемы? – догадался Петр. – Ах ты ж, эгоист задрипанный! А я-то перед тобой душу нараспашку и тельник наизнанку, – он возмущенно посопел, но, переведя свой взгляд на два сундука с деньгами, ласково погладил крышку ближайшего, и умиленно заулыбался. – Ну ладно, я нынче покладистый. Не хочешь выкупать, и не надо.

Кати в свою Шамбалу, и скатертью тебе дорожка, – и, глядя на опешившего инквизитора, нахально поинтересовался: – Я тебе чего-то должен? Ну, если много должен, твой бог простит.

– А подлинник заемный письмо Овадьи? – удивленно выдавил монах.

– А вот это твои проблемы, – обиженно заявил Сангре и развел руками. – Извини, но при твоем безобразном отношении к моим заботам каждый остается при своем бубновом интересе, крестовенький ты наш.

– Но ты сказать, что не собираться получать флорин по письмо. Тогда почему ты не отдать подлинник, если… – начал инквизитор.

– А из принципа, – весело перебил его Петр. – Ежели ты со мной по-человечески, то и я к тебе по-людски, а коль ты по-свински, то… – он с улыбкой развел руками и осведомился: – Ну шо, будем дальше друг на друга хрюкать или побазарим за жизнь более плодотворно?

– Тебе все равно придется отдать подлинник, – после недолгого молчания произнес монах и сурово уставился на Петра.

– Ты опять за угрозы, старый козел?! – возмутился Сангре, успевший получить от Улана подробную информацию про ассасинов и сейчас решивший её использовать к собственной выгоде. – Не угомонился еще?! Так ты поимей ввиду, ратники из СССР вообще ничего не боятся, а «Витязи из Хрен-Каиды» даже смерть свою встречают с улыбкой, поскольку всех нас, погибших за веру, царя и отечество, в райских садах возле винных фонтанов будут встречать полногрудые гурии. А вот кое-кого в наказание за загубленное поручение ждут нехилые штрафные санкции папашки Вани. И это только на этом свете, а на том тебя встретят даже не фурии с гарпиями, а наглотавшиеся виагры черные рогатые парни с вилами в волосатых руках. Короче, в ближайшую вечность тебе предстоит весьма бурная и насыщенная сексуальная жизнь.

Инквизитор призадумался. Увы, но ассасины действительно, как ему доводилось читать у тех, кто с ними сталкивался, встречали муки и даже саму смерть с блаженной улыбкой на лице. А после того как римский папа получит обгорелый клочок долгового обязательства, да еще с комментариями, до проклятья и впрямь недалеко. До проклятья и… Ему припомнился указующий на костёр перст Иоанна, и он мрачно осведомился:

– Сколько ты хотеть?

– О! – возликовал Петр. – Ну наконец-то! Уважаю понятливых, брателло! Значит так, за бывшего тамплиера прежняя цена удваивается, и тут ты сам виноват. Он же теперь битый,

следовательно за него положено двух небитых, то бишь червончик. Но ежели Боня у нас идет за порося, то хряк Дитрих будет как минимум в пять раз тяжелее. Соображаешь, к чему я клоню? Итак, цену за Боню множим на…

Договорить Сангре не успел. Фра Пруденте горячо запротестовал, что оценивать людей полагается не по весу, но исключительно по уму и общественному положению.

– Пес с тобой, уговорил, – равнодушно отмахнулся Петр. – Так и быть, зайдем с другой стороны, более сподручной для европейских извращенцев. Но тогда, учитывая, что сей комтур занимал пост примерно раз в десять повыше, чем наш Боня…

– В пять, – заупрямился инквизитор, горько жалея, что отверг первый оценочный критерий.

– Ишь какой! – возмутился Сангре. – И то не по нраву, и это не годится. Не там сидишь, не так свистишь. Ну ладно, барыга, я нынче покладистый, посему будь по твоему, в пять. Итак, множим сей пятачок на новую стоимость кузена и получаем полсотни тысяч золотых флоринов. Итого…

– Шестьдесят тысяч, – скорбно констатировал фра Пруденте.

– Молодец, бухгалтер, – похвалил Петр. – А теперь будь ласка, гроши на бочку и я мигом вручаю тебе обоих пленных, завернутых в подлинник долгового обязательства старого хитрого жида Овадьи, и мы расходимся, как в море корабли. Понимаю, ты будешь по мне скучать, но не горюй, мир тесен, глядишь и встретимся где-нибудь в Андалусии, Париже или близ Кенигсберга. Прикинь, святоша, варьете «Дойчланд золдатен», юные эсэсовки в янтарных бусах и красных галстуках пикируют, шо мессершмиты на наши колени, а на столе чего только нет. И шнапс с копченым салом, и ёрш из русского самогона с баварским пивом под пиццу с мацой, – он застонал от удовольствия. – Короче, сплошная кошерная пища, проверенная семью раввинами и пятью брахманами в спецлаборатории НКВД…

– У нас нет столько флорин, – перебил доминиканец, зло глядя на Сангре.

Ох, с каким бы наслаждением он сунул ногу этого наглого негодяя, смеющего перечить святой инквизиции, в испанский сапожок и, не доверяя никому, собственноручно принялся бы закручивать винты. Медленно. Очень медленно. Фра Пруденте чуть не застонал от наслаждения, почти слыша, как хрустят косточки на фалангах пальцев его наглого собеседника, как лопается кожа и начинает сочиться кровь…

Увы, в реальности все обстояло иначе, и он уточнил:

– У нас нет ни половина, ни четверть, ни даже десятый часть.

– А каким местом ты раньше думал?! – возмутился Петр. –

Сам виноват! Где это видано, затевать такое большое дело и без начального оборотного капитала. Ты ж, зараза, получаешь дикую прибыль, на каждый флорин цельных двадцать! Да у нас за такой навар любой олигарх без раздумий и маму в публичный дом сдаст, и родину продаст, и сам в гомосяку или трансвестита переквалифицируется! Короче, ищи, где хочешь. Встретимся, когда найдешь, не раньше, – он решительно поднялся со своего стула, но тут же, досадливо хлопнув себя по лбу, спохватился и обратился к монаху. – Ах да! Мы ж еще не порешали с тобой за Изабеллу!

«Вот оно! Выкупить захотел! Похоть обуяла! Ну-ну! Теперь у нас с тобой иной разговор пойдет, куда веселее!» – мелькнуло в голове фра Пруденте. Он с наслаждением откинулся на своем стуле с высоким подголовником и надменно уставился на Сангре даже не пытаясь скрыть злорадной ухмылки…

Молчал инквизитор недолго – уж очень хотелось поскорее отыграться за пережитые унижения. Недолго думая, он заявил, что цена сей злокозненной еретичке не меньше ста тысяч флоринов. Да и за слугу ведьмы, с учетом ста тридцати загубленных им детских христианских душ, надо уплатить по крайней мере тринадцать тысяч флоринов, а меньше никак. Без того получается очень дешево: всего по сотне золотых за каждое умерщвленное им христианское дитя.

Выдав столь непомерное требование, он пристально уставился на Сангре, ожидая увидеть смятение на его лице, но как ни удивительно, кабальеро радостно улыбался.

– Заметь, не я это сказал, а ты, – торжествующе произнес он.

Внутри у фра Пруденте что-то тревожно ёкнуло, а чуть погодя ему и вовсе поплохело не на шутку. Оказалось, дон Педро подразумевает, что Изабелла со своим слугой – точно такие же пленники. Правда, касаемо погубителя детей инквизитор припозднился, ибо зловредного колдуна в горячности прямо там, в Берестье, запытали до смерти. И Сангре принялся увлеченно рассказывать, как его люди «работали» над ним и когда именно приключилась осечка – в смысле перебор с пытками.

Равнодушно слушая подробности, от которых у простого мирянина, живущего не столь святой жизнью как фра Пруденте, кровь застыла бы в жилах, монах непроизвольно и с некоторым удивлением отметил про себя, что ряд пыток ему вовсе неизвестны. Даже названий таких – Снегурочка Нигерии, Клёвый червяк, Озимый кабан и Печальный домкрат – ему ранее слышать не доводилось. А Сангре продолжал увлеченно живописать, как Чарльз, оказавшийся на удивление хлипким, выдержал лишь Петлю Каа, хотя при этом неприлично громко хрипел, но едва ему

влили через воронку три ведра Абсолюта, как он отдал концы…

Закончив рассказ о слуге-колдуне, Петр вновь вернулся к Изабелле. Мол, девица чересчур хрупка, весьма болезненна и вдобавок чрезмерно капризна, а потому ему чертовски не хотелось бы везти ее с собой на Русь. Поначалу-то он хотел поступить с нею точно так же, как и с ее слугой, но призадумался и переиначил – куда выгоднее продать ее святым отцам. Жалко, конечно, выпускать ее живой, но авось ненадолго – те ж ее все равно скоро замучают, а он зато прибарахлится. Короче, нехай фра Пруденте выкладывает сто тысяч флоринов и забирает мерзавку хоть сегодня. В крайнем случае завтра. Словом, поскорее.

– С кого иного за столь злобную и знатную бьёз хексе я содрал бы полтораста тысяч, не меньше, но мы ж с тобой немножечко коллеги, верно? А потому радуйся, отче, ибо я, не торгуясь, соглашаюсь на ту цену, что ты назвал. А лучше, если ты сразу выложишь сто шестьдесят тысяч и заберешь всю троицу. Само собой, вместе с подлинником заемного письма Овадьи. Но чур выкуп за донью, – Сангре строго погрозил пальцем, – в первую очередь, а то у меня от ее бесконечного плача, визга, крика и стонов голова раскалывается.

Инквизитор, тупо уставившись на Петра, пытался вникнуть в сказанное им и никак не мог этого сделать. Наконец он взял себя в руки и попытался поторговаться, но на сей раз у него ничего не получилось – Сангре категорически отказывался уступить хотя бы тысячу. В подтверждение своей непреклонности он даже шарахнул кулаком по столу, тем самым давая сигнал стоящему за дверью Яцко. И тут же толмач затащил в комнату немецкого купца со шкатулкой, наполненной большими кусками необработанного янтаря.

Петр моментально оживился и объявил небольшой перерыв. Сунув в руки монаху кубок с медом, он радостно всплеснул руками при виде содержимого ларца и приступил к торгу, длившемуся не менее получаса. Наконец они ударили по рукам. Сангре оплатил весь янтарь и принялся расспрашивать купца насчет растворимого кофе, цейлонского чая, подсолнечного масла, соленой кукурузы и табачка с Ямайки. Перечень экзотических товаров длился долго и закончил его Петр детальными расспросами насчет пороха, на всякий случай названного им на всех языках, чтобы монах точно понял, о чем идет речь. Горестно посетовав на его отсутствие, а ведь он бы взял не меньше нескольких сотен бочонков и задорого, Петр наконец-то отпустил торгаша восвояси.

Фра Пруденте дураком не был и соображал быстро. Потому,

едва купчина вышел, инквизитор принялся уговаривать Петра срезать стоимость выкупа, обязуясь в случае согласия поставить ему на всю сумму кой-какой товар из перечня, только что услышанного из уст Сангре. Услышав про порох, Петр, поупиравшись пару минут ради приличия, махнул рукой:

– Ай, так и быть, можешь утереть сопли. Счастье твое, что связался именно со мной, а не с каким-нибудь великим укром. Вот он бы ободрал тебя с ног до головы, не побрезговав даже твоими занюханными подштанниками прошлогодней стирки, которые в срочном порядке напялил бы на себя, как законный трофей. Я же и рясы с тебя снимать не стану.

И они приступили ко второй части торга, обсуждая цену пороха. Но вначале фра Пруденте попытался уговорить Сангре позволить выкупить каждого пленника отдельно, причем от отчаяния раскрыл свои карты, честно назвав причину этой просьбы. Мол, у него самого нет ни монеты и надежда только на Тевтонский орден. Однако его руководство деньги считать умеет и дважды за одно, то есть за Бонифация, платить навряд ли согласится. А то, что они откажутся выкупать еретичку Изабеллу, и вовсе само собой разумеется.

Получалось, фра Пруденте остается рассчитывать лишь на их согласие выкупить Дитриха, да и то за иную цену. Мол, всего восемь лет назад орден за десять тысяч серебряных марок приобрел у Бранденбургского маркграфа Вальдемара Великого восточную Померанию[36]. Пятьдесят тысяч флоринов – сумма чуть меньшая, но именно что чуть, и они навряд ли согласятся выплатить столь огромный выкуп за одного-единственного человека, пускай и комтура замка. Но если кабальеро согласится срезать цену за Дитриха и отдать долговое обязательство после привезенного за него в качестве выкупа товара, фра Пруденте, получив у Овадьи весь долг, с легкостью выплатит всё до последнего денье за двух остальных.

И он умоляюще уставился на Петра. Тому на миг даже стало немного жалко инквизитора. Ну да, сволочь, но если вдуматься, не на себя человек работает – на чужого дядю, в смысле римского папашку. И как работает – залюбуешься. Пашет не за страх, а за совесть. Тут тебе и энтузиазм, и инициатива, и усердие. Что ж, можно и… помочь. Тем паче, это входило в планы самого Сангре.

– Ладно, пономарь хренов, быть по твоему, – сделал он вид, что готов уступить. – Люблю упрямых. Посему пускай мухи отдельно, котлеты отдельно, то бишь дозволяю поочередный выкуп этой троицы. И после того, как ты выложишь мне в качестве награды за уступку еще тысячу гривен и привезешь весь оговоренный товар за Дитриха, я отдам тебе долговое

обязательство Овадьи. Но перед этим ты поклянешься всеми святыми и муками Христовыми, что в течение года выкупишь Изабеллу с Бонифацием. Уразумел?

Фра Пруденте вытер пот со лба и торопливо закивал, на радостях даже не задумавшись о том, с чего бы вдруг кабальеро, выказавший себя несколько дней назад столь хитроумным, изобретательным и предусмотрительным, вдруг стал безмерно доверчивым. Он знал другое – теперь ему удастся заполучить подлинник.

– И цену бы снизить… – промямлил он.

– Перебьешься, – отрезал Петр. – Я и так плачу за порох достаточно дорого. Ну как, по рукам, далай-лама мусульманского разлива? – он дружелюбно хлопнул инквизитора по плечу.

– А если орден захотеть сам договориться с тобой?

– А ты им передай, что я, дескать, заявил, будто вести со мной дела придется одному тебе, поскольку они, как сборище жуликов, у меня из доверия вышел, – невозмутимо пояснил Сангре. – И вообще у меня с детства ко всем фрицам лютое отвращение и брезгливость, как к грязным вонючим свиньям.

Фра Пруденте покосился на Сангре. Чувствовалось, что ему хочется о чем-то спросить, но не решается.

– Ты – другое дело, – предугадал Сангре щекотливый вопрос и заговорщически подмигнул монаху. – Понимаешь, с одной стороны вера у вас всех одна, со злющими-презлющими глазками, так и хочется их повыковыривать. То есть в идеале надо бы всеми вами заняться, бо научить сявок из Европы правильному пониманию жизни – каждому одесситу в кайф забубённый! Но твоя контора далеко и на Руси вашим святым кострам все равно не полыхать. А эти уроды из НАТО, то есть из ордена, – торопливо поправился он, – уже вплотную к ее границам подошли. Посему приходится решать задачи в порядке очередности. Из-за чего я и заключаю с тобой временное перемирие. Так что можешь ликовать – наши длинные руки пока не тянутся к твоей цыплячьей шее и широкое русское гостеприимство в виде увесистой оглобли тебя не коснется. Живи и радуйся, падла.

Однако в обмен на свою уступку Сангре заявил, что ожидать доставку выкупа станет не здесь, а в Твери, следовательно, и меры должны быть русскими, дабы в случае разногласий местный князь смог бы их рассудить. А в связи с тем, что он понятия не имеет, насколько тяжел порох, его количество лучше определять не весом, а объемом, так надежнее…

Доминиканец призадумался, попросив сутки на раздумье. В результате он выклянчил в качестве подстраховки два

дополнительных обязательства со стороны Сангре. Во первых растянул сроки доставки. В случае, если по каким-либо причинам он не сможет привезти порох в полном объеме в первый год, Петр обязан ждать остальное еще столько же. А помимо письменного договора, Петр в особой бумаге поклянется в два ближайших года ничего не получать у Овадьи и никому не передавать подлинника долгового обязательства. Получив все положенное за Дитриха Сангре отдает крестоносца вместе с подлинником, а инквизитор приносит в главном храме Твери торжественную клятву на следующий год привезти оговоренное серебро за Изабеллу и Бонифация. Ссылка на тверской храм особо порадовала инквизитора, ведь он православный, а значит в нем что ни сотвори, вплоть до совокупления – ничего грехом не будет.

Выслушав инквизитора, Петр кивнул, соглашаясь.

– Слушай, и шо я в тебя такой влюбленный?! – подивился он. – Податливый стал, как пластилин, что ни попросишь – все уступаю. Пиши, контора.

– И помни, – на всякий случай предупредил монах. – Даже если ты приехать в Гамбург, ты не получить у Овадьи ни один гульден, ибо мы раньше показать ему твой обязательство и договор и предупредить его…

– Ой, ну шо ты за меня так плохо думаешь?! – обиженно перебил его Петр. – Когда я даю слово, то всегда его держу и готов поклясться в том одновременно на Библии, Талмуде, Ведах и Коране, разом возложив все свои конечности на эти святые книги! Но и ты поимей ввиду, шайтан-раввин: второй год – окончательный, бо я ждать всю жизнь не намерен.…

…Но рассказывать Улану подробности, могущие ранить его влюбленное сердце, Сангре благоразумно не стал. Правда, похвастаться не преминул:

– Это не я его уговаривал, а он меня.

– Правда?! – вытаращил глаза Улан, и простонал: – Эх, жаль меня там не было! Вот бы поглядеть!

– Если бы ты там был, уговаривать пришлось бы мне, – вздохнул Сангре. – И не факт, что удалось бы, – он кивнул в сторону Изабеллы и добавил: – А я как в пьесе Шиллера: «Мавр сделал свое дело, мавр может уйти», – и почему-то грустно вздохнул.

Улан внимательно посмотрел на друга и проницательно осведомился:

– Жалко было расставаться?

С кем – он не спрашивал, да оно и так было понятно. Петр пожал плечами и сознался:

– Знаешь, и впрямь немного взгрустнулось. В сущности, она ж хорошая и… несчастная. Представь, никаких перспектив впереди: ни мужа, ни детей, ни семьи. Одна богиня любви в святилище, да и та деревянная, то бишь мертвая. А что проку от мертвой любви?

– А ты изменился, – констатировал его побратим.

– Все мы меняемся и даже само время не стоит на месте, так что уж говорить о людях, – философски выдал в ответ Петр. – А ты это к чему?

– Как-то лиричнее стал что ли. Во всяком случае раньше ты со своими дамами куда спокойнее расставался, а сейчас переживаешь.

– Видел бы ты, как она смотрела мне вслед, – хмыкнул Сангре.

– Вот, вот, и я о том же, – усмехнулся Буланов. – Между прочим, вслед тебе и раньше смотрели, причем точно также.

– Странно, а почему я раньше этого никогда не замечал? – усомнился Петр.

– Потому что не оглядывался.

Сангре крякнул, не зная что ответить, но привычка оставлять последнее слово за собой сказалась и он нашелся, заодно резко сменив щекотливую тему, поинтересовавшись:

– Лучше скажи мне, дружище, есть ли у тебя какие-то соображения насчет того, зачем мы спешно понадобились в Твери, причем именно в роли дознатчиков? И шо за солидный дядя там недавно скончался, притом неизвестно от чего?

Улан покачал головой, сознавшись:

– Понятия не имею. Вертится на уме какое-то смутное воспоминание, но… Да и зачем попусту гадать? Михаил Ярославич сам скажет, когда мы до него доберемся.

– Скажет, – согласился Петр, – но, судя по старательно хранимой всеми тайне, дельце-то серьезное, не из рядовых. Не дай бог, княжеский сынок. А если имеется подозрение на яд, то дело еще и припахивает безнадегой, поскольку у них в Твери нет ни химлаборатории, ни спецов, да и об эксгумации никто не слыхал. Вот я и гадаю: что князь с нами сделает, когда мы разведем руками? А уж если он вдобавок припомнит нам и старые грехи…

Глава 21. Почти по Гоголю, или Кобельерская честность

Возле границы со Смоленским княжеством Ольгерд, лично провожавший их вместе с тремя сотнями воинов, распростился с побратимами. Таким образом, по землям Руси Улана с Петром и Изабеллу со служанками сопровождали присоединившиеся к ним в Витебске сыновья Сугарда, Локис с Вилкасом, Яцко в качестве толмача, да еще два десятка воинов. Из них чуть меньше

половины были старые знакомые побратимов, проверенные в деле под Христмемелем, а оставшиеся некогда входили в число дружинников Давида. По национальности все эти двадцать пять человек были кто кем – эдакая сборная солянка, состоящая из кучи аукшайтов, жмудин, ятвягов и пруссов, причем последние в свою очередь состояли из натангов, бартов, а также одного самба и одного скальва. А среди славян-русичей помимо дреговичей Яцко и Кастуся имелись бужане, волыняне и один кривич.

В Тверь эта интернациональная компания прибыла впритык. Еще день-два и реки вскрылись бы, как некогда предупреждал Кирилла Силыч. Они уже и так покрылись опасными полыньями, куда дважды проваливались лошади. Первый раз обошлось, благополучно выбрались, но, как оказалось, это было предупреждение судьбы, в другой раз их не пощадившей.

Нет, нет, никто не утонул, но попытка вытащить сани с дорожными припасами, закончилась безуспешно. Единственное, что удалось извлечь литвину Свитрусу после неоднократного ныряния в ледяную воду, так это ларец с изрядно вымокшей грамоткой Гедимина, адресованной Михаилу Ярославичу.

– Почти по Гоголю, – уныло прокомментировал Сангре, держа на вытянутой руке свиток.

– Что ты имеешь ввиду? – спросил стоявший рядом Улан.

– Пропавшую грамоту, – отозвался Петр, кивая на медленно подползающие к бумажным краям и одна за другой срывающиеся вниз подозрительно темные капли. – И самое обидное, почти перед финишем – мы ж завтра к вечеру точно до Твери доберемся.

– Что делать, лед тонкий. И так погоде спасибо, что морозцами побаловала, а то бы вообще застряли посреди пути.

– Да-а, – задумчиво протянул Сангре. – А тебе не кажется, что вся наша жизнь здесь напоминает блуждания по тонкому льду. А он, гад, все не крепнет и не крепнет.

– Времена такие, – философски откликнулся Улан. – Советую смириться с мыслью, что и завтра если и будет лучше, чем вчера, то не намного. И так всю жизнь.

– Ну уж дудки!– возмутился Петр. –Насчет завтра еще куда ни шло, перетерплю, но касаемо всей жизни такое глобальное потепление меня никак не устраивает. И вообще, пора завязывать с приключениями. Признаться, они мне порядком поднадоели.

– А деньги в Гамбурге?

– Я ж письменное обязательство дал в ближайшие два года ни-ни, – напомнил Петр. – Да и ни к чему они мне сейчас. Да и потом тоже. Я ж человек скромный. Все, что мне надо от жизни, – это увитый лозами трехэтажный особнячок, маленький садик до горизонта, несколько слуг – два-три взвода, не больше, и

маленький гардероб с платьями на любой случай, на любой день недели, на любой сезон и…

– Погоди, погоди, – остановил его Улан. – Я-то думал, ты решился пойти на обман, потому что ситуация требовала, иначе никак нельзя, а ты на самом деле собрался честно выполнить все условия договора?

– А как же, – развел руками Сангре. – Как только он все привезет, я и Дитриха верну, и подлинник долгового обязательства инквизиторам вручу. Нам, идальгам, без того никак, честь кобельерская обязывает.

– А… выполнить свое обещание вернуть долговое обязательство Изабелле тебя честь не обязывает?

– Обязывает, – кивнул Петр. – Дама опять же. Конечно, выполню.

– Но ты же знаешь, что инквизитор в договоре написал. Он ведь исхитрился вставить в него, что твоя русская мера объема приравнивается к испанской фанеге. По словам Изабеллы, те небольшие бочонки с медовухой, даденные нам в дорогу Гедимином, размерами точь-в-точь схожи с барселонской фанегой, а она одна из самых больших. Изабелла тебе об этом говорила, но ты отмахнулся. Думаю, фра Пруденте в лепешку расшибется, но уже в первый год привезет тебе все две сотни этих маломерных бочонков с порохом.

– И я тоже на это надеюсь, – невозмутимо согласился Сангре и, покосившись на обескураженного друга, спохватился: – Ах да, ты ведь ездил к бывшему святилищу Римгайлы за карабином, и самого договора не видел. Так вот, он написан на двух языках – на русском и на латыни, а наш будущий эксперт-криминалист Кибрит проверяла лишь латинский вариант, дабы этот жулик не забыл упомянуть, что в случае разночтения приоритет имеет текст, составленный на русском языке. Кстати, Фрак Сюртукович поначалу и впрямь якобы забыл вставить это предложение. Ну ничего, переписал текст как миленький. А знаешь, для чего я включил это условие?

– Нет.

– Да потому что в русском варианте указана только одна мера объема, никаких пояснений, чему она равна, нет. Кстати, угадай какая?

– Неужто самая большая, вроде бочки, кади или окова[37], – неуверенно предположил Улан.

– Отпадает, – хмыкнул Петр. – Не надо считать врага за дурака. Он бы сразу выяснил их габариты, перевел в свои бушели, фанеги и прочее, ужаснулся и не согласился. Поэтому я придумал собственную меру – *кащей*. И я действительно отдам ему и

Дитриха, и подлинник долгового обязательства, если Пиджак Смокингович привезет мне в течение года или двух лет порох в объеме двухсот кащеев.

– А чему он равен?

– Помнится, ты мне говорил, что на Руси восьмеричная система, посему в моем кащее восемь кадей, – невозмутимо ответил Сангре. – Правда, монаху я за этот маленький нюанс ничего не пояснял. Пускай это станет для него небольшим сюрпризом, когда тот привезет мне порох.

– Ничего себе! – восхитился Улан, прикинув объем. – И он ничего не заподозрил, сразу согласился?!

– Как бы не так, – хмыкнул Петр. – Вначале этот жучила вместе с представителями Тевтонского ордена полдня опрашивали народ из галицко-волынского посольства, но те в ответ лишь разводили руками. И тогда сработала моя пятая колонна в виде Люсьена-заде, обмолвившегося, что пока сидел взаперти, из его подклети как раз говорили про кащей, а потом вроде бы именно его и выкатывали. И показал ему примерную высоту, – Сангре опустил руку, показывая примерно метр. – Кстати, имей ввиду, нужный диаметр рассчитывать придется тебе. И когда мы приедем в Тверь, контроль над изготовлением тары тоже ляжет на твои плечи. Сам понимаешь, надо чтоб в моего кащеюшку вместилось не десять и не пять, а ровно восемь кадей, – и он проникновенно произнес: – Понимаешь, дружище, очень хочется, чтоб хоть теперь наконец все было чинно и благородно, то бишь по-честному, без обмана.

– Как ты сказал? – вытаращил глаза Улан. – По-честному, без обмана? – и он, не выдержав, захохотал. Сидевшие у костра воины удивленно уставились на него, а он все продолжал хохотать, держась за живот и то и дело сгибаясь в три погибели. – Мда-а, столько ему ни за два года, ни за пять лет не раздобыть, как ни старайся, – выдавил наконец он, слегка подуспокоившись.

– Точно, пупок развяжется, – подтвердил Петр. – Потому я и надеюсь, что он доставит все двести бочонков пороха зараз, ибо когда мы пересыплем привезенное им в пару кащеев, на третий, думаю, уже не хватит, он вмиг поймёт, как красиво мы его обули и ждать от него второй партии не имеет смысла. Нет, нет, Тевтонский орден свою свинью все равно получит обратно, чтоб у них не было повода похерить договор с Гедимином, так что в прогаре останется один инквизитор, – Сангре довольно хмыкнул. – Я же обещал отлить на его хитрое монашеское седалище уникальный болт с левосторонней резьбой. Правда, узнает он о нем аж через год, но ничего страшного. Зато все это время мне достаточно представить его лицо при виде кащеюшки

и гарантированный кайф обеспечен. Будет, гад, помнить фальшивые гривны, – и он весело процитировал:

Скачет на одной ноге довольный торговец рисом –
Обманул неумного человека
На четыре кулака.

Остаток путешествия приключений не подарил и ближе к вечеру следующего дня побратимы действительно подкатили к Твери. Постоялых дворов в пригородных посадах хватало, и располагались они на всех торных дорогах. В одном из дворов друзья и разместились, даже не успев добраться до городских ворот, благо, в нем оказалось целых пять свободных комнат, больше похожих на скромные клетушки где-то три на четыре метра. Правда из воинов удалось впихнуть туда только Локиса с Вилкасом и сыновей Сугарда вместе с Яцко. Размещением остальных занялся жутко довольный прибывшими в столь неурочное время жильцами хозяин постоялого двора Гюрята. Он отвел их на ночлег в пустовавшую избу, притом совсем неподалеку.

Поужинав в просторной трапезной на первом этаже в чисто мужской компании (усталая Изабелла спускаться вниз отказалась, и еду ей служанка принесла прямо к комнату), Улан с Петром отправились к себе наверх, где наскоро обсудили дальнейший план действий. Сошлись в одном: если они нужны князю именно как дознатчики, то надо как можно быстрее с ним встретиться, ибо раскрывать преступление по горячим следам куда сподручнее. Впрочем, насчет «горячих» они особых иллюзий не питали – учитывая, что произошло всё, когда они пребывали в Литве, ныне след и теплым не назовешь. Тем не менее оттягивать все равно не стоило, и первым делом они с самого утра направились к городским воротам.

Правда, сначала побратимы разобрались с воинами, сопровождавшими их. Точнее, попытались разобраться, поскольку намеревались оставить лишь Локиса с Вилкасом и сыновей Сударга вместе с Яцко. Остальных же предполагалось отпустить обратно, поскольку они Улан с Петром дознатчики, а не командиры военных отрядов.

Однако все пошло неправильно. Трудно сказать, что именно понарассказывал остальным русичам о своих хозяевах Яцко, а бравшие Христмемель тем, кого дал побратимам Давыд, но все двадцать принялись в один голос просить, да что там – умолять оставить их. Пояснения, что ныне они начинают мирную жизнь и воины им вообще не нужны, смутили тех ненадолго. Почему-то

они не поверили, решив, что Улан с Петром ими попросту недовольны или разневаны за что-то.

Компромисс отыскал Улан.

– Так им ближайший месяц по-любому придется в Твери проторчать, – обратился он к Петру, пояснив: – Ледоход же вот-вот начнется. Да и сорок гривен (по две каждому) невелик убыток. А через месяц либо у них желание пропадет, либо… Словом, там видно будет.

– И то верно, – согласился Сангре и одобрительно заметил: – Я так смотрю, ты уже потихоньку снова стал дружить с головой. Недалек тот день, когда ты вспомнишь, сколько будет дважды два и сможешь мне ответить, куда впадает Волга. А там, глядишь, твой гений окончательно воспрянет ото сна и ты снова станешь вполне пригоден для работы со свидетелями…

Но с собой в город воинов-литвинов они порешили не брать – ни к чему привлекать к себе излишнее внимание. А вот грамотку прихватили. Пускай и попорчена, но, может, не до конца, вдруг да получится у княжьих писарей прочесть текст, по общему смыслу догадавшись, что литовский кунигас подразумевал в размытых местах.

Приезд двух иноземных купцов из Литвы, как друзья представились стражникам у городских ворот, ажиотажа не вызвал. Иностранцев, желающих вести торг в стремительно богатеющей столице Тверского княжества, хватало, и на побратимов никто не обратил внимания, благо они были без возов с товарами и торговых пошлин поиметь с них было нельзя.

Увы, Михаила Ярославича застать не удалось. Он двумя часами раньше укатил с каким-то татарином Кавгадыем на охоту, пользуясь последними днями перед весенней распутицей. Правда, стоящий у ворот его терема ратник с носом-бульбочкой уверенно посулил, что князь «на днях» непременно должен возвернуться. Правда, выяснить, сколько именно пройдет дней до возвращения, не вышло. Может, один-два, но не исключено, что и все пять.

– А вы к нему на кой? Да и сами кто будете? – с ленцой поинтересовался он, пояснив: – Я к тому, что можа кого иного позвать из его ближних.

Друзья постояли в нерешительности, гадая, что ответить. Вообще-то Гедимин посоветовал в пути не больно-то распространяться о том, кто они такие. Вот доберутся до Твери, предстанут перед самим князем, тогда пускай он сам решит, а пока молчок. До города они вроде бы добрались, но Михаилу Ярославичу не представились, а потому…

– Поклон передать хотели от литовского князя, – нейтрально ответил Петр. – Ну а коль кланяться некому, мы вдругорядь

заглянем.

– Как знаете, – пожал плечами ратник и посоветовал. – Ежели что, княжич Димитрий к вечеру возвернется, можно к нему. А коль чего спешное, могу боярам набольшим про вас сообщить. Они ж туточки все.

– И Кирилла Силыч здесь? – загорелся Сангре.

– Не-е, он вместях с князем укатимши. Зато иных прочих в тереме с лихвой. Ежели считать – перстов не хватит. Из на́больших Ляксандра Маркович, Викула Гюрятич, Онтип Лукинич…

– Ладно, пускай сидят, – перебил Петр. – Потерпим. А ты подскажи, где бы нам разместиться?

Ратник хмыкнул.

– Постоялый двор что ли?

– Нет, старина. С этим у нас порядок, и с ночлегом в ближайшие дни проблем нет, – пояснил Сангре. – Но мы собираемся зависнуть здесь всерьез и надолго, поэтому хотели прикупить домик.

– Но попросторнее, – встрял Улан.

Вислоносый угрюмо покосился на его скуластое лицо, посопел и съязвил:

– Да у нас тут любой поболе чем твоя юрта.

Сангре мгновенно оттеснил плечом зло вспыхнувшего друга и миролюбиво произнес, поучительно заметив ратнику:

– Земелька черная, а белый хлеб родит. Это я к тому, что ты своей выгоды не видишь, а ведь мог бы серебра, а то и золота срубить по-легкому.

– А сколь дашь? – оживился тот.

– Внакладе не останешься, – и Петр для наглядности извлек из кармана золотой флорин, продемонстрировав его вислоносому. Но, подметив по жадному блеску в глазах собеседника, что пообещал слишком щедрую плату за посреднические услуги, торопливо уточнил: – Это в случае, если хоромы нам подойдут. Ну и если хозяева нам их продадут.

– О том мог бы и не сказывать, – чуть разочарованно проворчал ратник и, попросив чуть подождать, пока он подыщет себе подмену, исчез в глубине двора.

Через десять минут уже три всадника, вернувшись обратно через городские ворота, неторопливо ехали по одному из посадов и вислоносый, назвавшийся Пушатой, на все лады расхваливал стоящие чуть ли не у самой Тверцы серые двухэтажные дома. Однако вид их пришелся друзьям не по нраву.

Вот оно, счастье блеклое,

Вот она, радость хилая.
Мир разгорожен окнами,
В серости жизнь унылая…[38]

выразительно прокомментировал Петр, презрительно глядя на третий по счету домик, предложенный Пушатой. – У нас в Одессе такие хлабудой называют, – подвел он итог.

– И Тверца совсем рядом, – добавил Улан, кивая на реку. – При бурной весне да после снежной зимы того и гляди снесет.

– Так вам хоромины нужны, – догадался ратник. – Тады в саму Тверь надобно. Есть там один терем на примете. Боярыня тамошняя в монастырь засобиралась, вот и продает. Место хошь и не баское, угловое, но все одно за стенами, потому потребует изрядно, десятка два-три гривен, не менее. А то и все полста, – подумав, поправился он.

Увы, им не повезло. Домик оказался самое то: в два этажа, если не считать разные подклети, просторный двор, крепкий забор вокруг, даже сад позади имелся с тремя флигельками для дворовых людей, а что подле самой городской стены, так какая разница. Но вдова-боярыня, потерявшая в победной декабрьской битве тверичей единственного сына, едва глянув на Улана, продавать свое жилье отказалась напрочь. Петр попытался накинуть цену, но она и слушать его не захотела.

– Мало того, что косоглазые меня Васюка лишили, еще и терем им подавай! Да мой Лукич в домовине перевернется, ежели узнает, кто здесь поселился, – отрезала она.

Провожатый разочарованно крякнул, а приунывшие друзья переглянулись.

– Скоро темнеть начнет, да и Изабелла нас заждалась, – заметил Петр и предложил Улану. – Давай-ка мы вернемся обратно на постоялый двор, а завтра начнем искать заново. Жаль, конечно, а что делать. Ну-ка, загни для успокоения моей расстроенной души, что говорят по этому поводу твои Будды.

– Они говорят, что лучше окунуть голову в чан расплавленного железа, чем радоваться хорошему жилищу, – невозмутимо ответил Улан.

– О как! – удивился Сангре. – А почему?

– Потому что пережив первое ты просто умрешь, а вот если станешь радоваться чувственным объектам, то после смерти тебя будет ожидать несоизмеримо более сильное и долгое страдание в аду. Правда, это сказано для монахов.

– Как хорошо, что мы не нашли ничего подходящего, – задумчиво протянул Петр. – А еще лучше, что я не буддийский монах.

Пушата, недоуменно поглядывавший на обоих, не выдержав, вмешался в загадочный разговор:

– А-а… поутру-то как? Я к тому, что подходить мне, али…? Тока имейте ввиду, кто иной вам вовсе дрянь покажет, а я сведу куда надобно, потому как всё про всех ведаю. Просто ныне мы не повсюду поспели. – И он с надеждой уставился на Сангре.

– А как же, – подтвердил Петр. – Раз всё про всех, куда мы без тебя. Да и сейчас парой кружек пива угостим, искал ведь, старался. Заодно и подскажешь, есть ли постоялые дворы получше, чем тот, на котором мы остановились.

– Это беспременно, – заверил повеселевший ратник и вскоре, сидя за низеньким старательно выскобленным до янтарной желтизны липовым столом, делился мнением, какой из дворов самый наилучший и почему.

Впрочем, судя по его рассказу, выбрали друзья именно то, что надо. У Гюряты свет Микулича и мед с пивом завсегда что надо, да и на закусь все свеженькое и вкусное, ибо его стряпуха Кудята из наипервейших во всей Твери. Хоть в княжий терем ее бери, она и там не осрамится.

Похвалу Пушаты воочию подтверждало и обилие людей, собравшихся в просторной зале. Все десять больших столов были полностью заняты. Очевидно, привлеченные талантами стряпухи, сюда захаживали потрапезничать многие тверичи из числа зажиточных, невзирая на свои дома.

После дальней дороги тянуло слегка расслабиться, и друзья не обратили ни малейшего внимания на то, как пристально присматривается к ним русоволосый ратник, сидящий аж через три стола от них. А напрасно, ибо был он одним из того самого десятка воинов, не так давно конвоировавшего их под началом боярина Ивана Акинфича.

Не заметили они, и как ратник незаметно исчез.

Глава 22. Капкан на крупного зверя

Наутро, во время завтрака, к друзьям подсел вислоносый Пушата, и сообщил, что Михайла Ярославич покамест не приехамши, но зато сыскались хоромины у другой боярыни. Только надо поторопиться. На днях боярыня заболела и решила перед смертью успеть принять иноческий сан, вот и продает дом буквально за бесценок, всего-то за сорок гривен, лишь бы поскорее.

Петр перед уходом с постоялого двора хотел было досыпать серебра в свою суму, но, подумав, не стал – уж больно велика тяжесть. В конце концов для выплаты задатка двух десятков за глаза хватит, а за остальными – если договорятся – недолго и сгонять.

Встретили их радушно. Правда холоп на воротах пояснил, что хозяйке нем**о**жется, выйти не в силах, но распоряжения соответствующие она дала, велев показать хоромы сверху донизу, а также подклети, амбары и прочее.

Полюбовавшись здоровенным теремом с причудливыми наличниками на крошечных волоковых оконцах и резным коньком на крыше, друзья вошли вовнутрь, бегло оглядев мужскую половину. Бегло, поскольку и без того было видно: повсюду полный порядок, все крепко и прочно. Вон, даже двор боярский весь покрыт средневековым русским асфальтом, то бишь замощен крепкими дубовыми плахами, что уж говорить об остальном. Петр, правда, приличия ради, пару раз подпрыгнул кое-где, проверяя крепость досок, но провожатый, назвавшийся Митрофаном, его урезонил, заявив, что пол застелен исключительно дубом, и ежели понадобится поменять пару половиц, то их внукам, не ранее. Или правнукам.

Оглядев конюшню, осматривать остальные подсобные помещения друзья поначалу вообще не пожелали, но Митрофан оказался настойчив, заявив, что повеление боярыни должон выполнить в точности, а посему… Пришлось дойти вначале до бани, затем до летней поварни, до конюшни, и заглянуть во все прочие закутки, каковых оказалась тьма-тьмущая. Правда, внутрь они не заходили – еще чего, и без того время к обеду.

Оставалось прикинуть лишь объем хмельных медов, хранимых в огромных бочках в каменном погребе. За них боярыня требовала отдельную плату в десяток гривен – больно их много. Петр направился было вместе с Уланом к погребу, но Митрофан на полпути остановил его, придержав за рукав, и молча указал на гостеприимно распахнутые двери крохотной церквушки.

– А туда-то зачем? – удивился Сангре. – Или твоя боярыня и за нее хочет лишнюю гривну срубить?

– Не кощунствуй, грех, – строго предупредил Митрофан. – Отдельно токмо меды, но их твой приятель и сам оценит, покамест мы с тобой помолимся.

– Он один не сможет, – вяло запротестовал Петр. – Нужен опытный знаток. А в церковь потом зайдем.

– Дак чичас обедня. Али ты в Исуса не веруешь? – построжел Митрофан. – Ну тады купля отменяется, потому как мне боярыня наказывала беспременно вас проверить и ежели вы оба нехристи, то ей никаких гривен не надобно. Иных купцов на свое добро сыщет.

– Ну как же, – заторопился с опровержением Сангре. – Конечно, верую. Пошли, помолимся.

У входа Митрофан притормозил его вторично, укоризненно

напомнив, что в божий храм с оружием заходить тяжкий грех. Пришлось отдать какому-то холопу перевязь с саблей, а заодно и пояс вместе с ножом.

Войдя вовнутрь, Петр невольно поморщился. Густой удушливый запах ладана и сгоревших восковых свеч облепил его со всех сторон словно пеленой. Вдобавок маленькое помещение было битком набито народом.

– Я вперед не полезу, – предупредил Сангре, едва Митрофан начал протискиваться поближе к алтарю. Тот остановился, укоризненно покачал головой:

– Негоже, мил человек. Рази лепо тебе, яко набольшему, стояти позади всех холопьев?

– А локтями пихаться в божьем храме не грешно? – усомнился Петр.

– Ништо, подвинутся, не сумневайся, – заверил его Митрофан.

И действительно, стоило Петру сделать шаг вперед, как стоящие поблизости мгновенно расступились. Ненамного, но для прохода вполне хватало. Впрочем, пропустив его, их ряды вновь плотно смыкались, и пробиться назад, как с сожалением констатировал Петр, не было никакой возможности. Оставалось стоять до упора, то есть до конца.

Поначалу он попытался вслушаться, о чем говорит священник, но тот вел службу на церковнославянском языке, да еще скороговоркой, и Сангре удалось понять немного: одно слово из десяти, не более. Окончательно заскучав, он поневоле позавидовал другу, осматривающего каменный погреб. Может, в нем и холодно, зато не душно, да и подсогреться невелика проблема – достаточно со всем старанием продегустировать медок.

От нечего делать Петр принялся поглядывать по сторонам, благо, рост позволял – прочие были или ниже или существенно ниже. Увиденное его насторожило. Например, возраст. По его мнению, контингент в церкви должен был преобладать как минимум пожилой, а здесь сплошь крепкие парни или мужики. Да и женщины отсутствовали – исключительно мужской пол. Понятно, у баб на Руси куда больше повседневных забот и хлопот даже в воскресный день, но чтоб ни одной…

Опять же и взгляды, устремленные в сторону Сангре, дружелюбием не светились. Скорее напротив, враждебностью. А с чего бы? Вдобавок пара-тройка лиц ему показалась знакомыми. Не больно-то, но где-то ему с ними разок, а то и два встречаться доводилось. А где? Всего неделю назад он находился в Литве, а будучи в Тверском княжестве неотлучно пребывал в Липневке.

Странно.

Поначалу старания вспомнить ни к чему не приводили, но кто-то сзади обратился к соседу Петра, назвав того Ольхой. Едва было произнесено имя, как в голове Сангре словно сработал тумблер, мгновенно переключив память на воспроизведение: небольшая полянка, в середине ее яркий костер, окруженный со всех сторон белым снегом и черными соснами, и они с Уланом, выбивающиеся из сил, но упорно держащиеся против десятка ратников тверского боярина Ивана Акинфича. «Нет, против девяти, – поправил он себя. – Ольха, как десятник, стоял подле боярина и в драку не встревал».

Стараясь не вертеть головой, он попытался, насколько возможно, посмотреть вправо и влево. Так и есть. Вон там, почти у стены, застыл ратник, которому Петр нечаянно разбил нос, а по соседству другой, получивший хороший пинок по заднице от Улана. И, скорее всего, будь посветлее, он смог бы опознать еще двоих или троих…

И что получалось? То ли Иван Акинфич за эти пару-тройку месяцев действительно успел окочуриться, а свежеиспеченная вдова и впрямь решила продать терем мужа, то ли это – самая настоящая западня, подстроенная мстительным боярином. Сангре многое бы отдал, чтобы оказалось верным первое из предположений, но сердцем чувствовал – на самом деле подлинно второе. Не зря они разделили их с побратимом, а потом и разоружили его самого.

Да и Пушата, как ему сейчас припомнилось, выглядел сегодняшним утром не ахти веселым. Скорее смущенным. Не возрадовался он, и когда Петр пообещал за выгоревшее с покупкой дельце увеличить вознаграждение вдвое. Вчера-то у него от возможности получить гривну глаза горели, а сегодня, услышав о второй, даже не улыбнулся. И во время осмотра терема старался держаться не рядом, а где-то в метре от них. Не иначе опасался, что и ему достанется, когда начнется заварушка.

Оставалась надежда, что Улан вовремя сообразит про ловушку. К тому же у него при себе остались и сабля, и нож. Впрочем, и у Петра кое-что имелось. Эти пентюхи слишком рано успокоились, посчитав, что тесак на поясе и есть засапожник. На самом деле помимо него у Сангре за каждым голенищем хранилось по метательному ножу.

«Жалко, сюрикэны с собой не захватили, – мимоходом подумал он, но отогнал от себя эту мысль. – Надо драться тем, что есть, а плакаться на то, чего нет, будем позже», – и он принялся прикидывать, что делать дальше.

Вариантов снова было два. Один – если снаружи раздастся

голос Улана, призывающий на помощь. Следовательно, надо готовиться к попытке прорваться к выходу из церкви в любой момент. Второй, если до конца службы ничего не произойдет. Но лучше все-таки выйти заранее, не дожидаясь конца. Заодно получится отличная проверка. Попрутся следом остальные – железно западня, а нет, появится время для розыска друга. О том, что Улана вполне могли успеть убить, он старался не думать.

Итак, первоочередная задача – выйти из церквушки самым первым или одним из. Петр, уже не таясь, оглянулся и, сообщив Митрофану, что хотел бы особо помолиться перед своим покровителем, принялся решительно протискиваться назад, но не к самому выходу, а чуть наискось, к стене, где перед какой-то темной мрачной иконой с ликом неведомого святого горела пара свечей. Пропускали его неохотно, но продраться удалось.

Итак, первый шаг сделан. Далее последовала актерская игра: после пары минут молитвы он, демонстрируя, как ему жарко, старательно вытер пот со лба и неспешно расстегнул полушубок. Выждав минуту, он внезапно пошатнулся, облокотился на первого попавшегося и слабым голосом попросил его вывести из церкви на воздух. Тот чуть замешкался, вопросительно оглянулся на Митрофана, еле заметно кивнувшего в ответ, и повел навалившегося на его плечо всем своим телом раба божьего Петра к двери. Откуда ни возьмись, взялся и второй помощник, крепко ухвативший Сангре за локоть с другой стороны.

Выйдя, Петр жадно сделал пяток глубоких вдохов и выдохов, не столько притворяясь, сколько на самом деле наслаждаясь чистой холодной свежестью. Правда, при этом он не забыл просканировать глазами боярский двор, отыскивая Улана. Увы, друга обнаружить не удалось.

Бежать Сангре не торопился, хотя момент был самый подходящий – всего двое сопровождающих и больше никого, а освободиться от их хватки – пустячное дело. Но на него вновь нахлынули сомнения. А вдруг Улан на самом деле в погребе и продолжает дегустировать местные запасы алкоголя или его зазвали обратно в терем? Хорош же будет он сам, устроив потасовку.

Появление на высоком крыльце Ивана Акинфича в сопровождении пяти вооруженных ратников Петр воспринял почти с облегчением. Теперь точно известно, какой из вариантов истинный. Правда, и возле него самого народу поприбавилось: не дожидаясь окончания службы наружу вслед за Сангре и его провожатыми высыпала чуть ли не половина молившихся. Однако это его не пугало. Стало окончательно ясно, что делать.

Приветственно махнув рукой боярину, начавшему неспешно

спускаться по крутой лестнице, Петр завопил:

– Ба-а-а, какие люди! Салют героям Шипки и Бородина от освободителей Христмемеля, – и он, с радостной улыбкой сам неторопливо шагнул к Ивану Акинфичу. – Неплохо выглядишь, старина, только извилину поправь, а то перекосилась. А мне видеть тебя такое счастье, что не приведи господь. Одного не пойму: чего ты в боярыни записался? Вроде на Руси трансвеститы и прочие уроды не приветствуются. Или ты к гей-параду готовишься? Так день десантника не скоро, – продолжал он молоть что ни попадя, одновременно с этим постепенно продвигаясь поближе к крыльцу.

Вторично использовать трюк Улана с захватом боярина в заложники он не собирался – достать из голенища сапога нож ему не успеть, да и пятерка воинов за спиной Ивана Акинфича выглядела слишком серьезным препятствием. Зато он таким образом выигрывал свободу для будущего маневра, поскольку ратники, высыпавшие вместе с Петром из церквушки, не видели особого смысла удерживать загадочного иноземца (не к воротам же идет, а направляется вглубь двора, к терему), и слегка отстали. Да и те двое, что выводили Сангре на свежий воздух, отпустили его руки, терпеливо дожидаясь боярских распоряжений. Иван Акинфич молчал, оторопев от столь неслыханного по своей наглости обращения к нему.

– А это, стало быть, твои хунвейбины, – широким жестом указал Петр на оставшихся за его спиной ратников и попутно прикинул, насколько далеко он от них отошел. Получалось, шага на четыре. Вблизи оставались лишь двое, поддерживавшие его на выходе из церквушки. – То-то гляжу, кое-какие рожи мне знакомы. Да и как иначе, когда мне их чистить довелось. Или недостаточно? Так это мы мигом. Ты свистни и любой каприз за ваши гроши на нашем морозе…

– Ты, собака, чтой-то разговорился не по чину, – недовольно проворчал боярин. – А что веселишься, так оно хорошо. Дозволяю, – благодушно махнул он рукой. – Чай, в останний раз. – Приятелю твоему уже не до веселья, а ты поблажи, покамест, – он на мгновение призадумался, – покамест колокола не затрезвонят, – и он многозначительно усмехнулся.

– И на том спасибо. А какая собака? – бодро поинтересовался Петр, делая новый шажок навстречу. – Если кобель, то не возражаю и спорить не стану. А вот на суку не согласен. Ты ее себе забери, благо, ею и представился, то бишь боярыней.

Иван Акинфич побагровел.

– Да я тебя… – задохнулся он от злости.

– И я о том же, – кивнул Сангре. – А слабо лично побазарить

со мной за жизнь? Или есть опасения за больничные последствия и ты зажал гроши на инвалидную коляску?

Но тут грянули колокола. Раскатисто, басовито, степенно. С первым же ударом Петр торопливо сорвал с себя шапку и, подмигнув, предложил боярину.

– Помолиться-то не желаешь? Или ты еще и нехристь?

Тот не ответил, но по многозначительному взгляду было ясно – будущему пленнику и это зачтется, не забудется, но попозже, а пока… И Иван Акинфич, неспешно сняв высокую черную, с легкой проседью, бобровую шапку, поднес два перста ко лбу. Его примеру торопливо последовали и прочие ратники, вдобавок повернувшись к Петру спиной, поскольку и церквушка, и белокаменный Спасо-Преображенский собор находились позади.

«Пора», – решил Петр, прикинув, что лучшего времени ему не найти. Он тоже развернулся, как и все прочие, в сторону соборной громадины, возвышавшейся над церквушкой, перекрестился. Но, во второй раз поднеся щепоть к левому плечу, в следующий миг стремительно выбросил руку в сторону ближайшего ратника справа, рубя ребром ладони его по горлу и заваливая на остальных.

Получилось удачно – сработал эффект неожиданности. Когда буквально на твоих глазах ягненок внезапно превращается в волка, нужно хотя бы несколько секунд, чтобы осознать это чудесное преображение и перестроиться на решительные действия. А пока народец перенастраивал свои соображалки, Сангре устремился прочь.

Правда, кто-то позади из числа наиболее сообразительных успел уцепиться за рукав полушубка, но Петр ужом выскользнул из него. Еще один попытался ухватить его за левый рукав кафтана. Сангре рванулся, но не помогло. Обернувшись, он увидел, что держит его никто иной, как сам боярин. И рожа его была буквально рядом. Настолько рядом, что Петр не смог стерпеть такого соблазна и, расточительно позволив себе потратить лишнюю секунду, смачно влепил по этой роже, проведя прямой хук. Иван Акинфич хрюкнув, как-то нелепо, по-бабьи, взмахнул руками и начал крениться наземь. Все немного опешили, а Сангре кинулся к забору.

Небольшая сумка из вишневого бархата, где лежало два десятка гривен, приготовленных для выплаты боярыне аванса, тяжело била его по боку, но Петр исхитрился на бегу сорвать ее с плеча, чтоб не мешала. Выкидывать не стал – все-таки четыре кило серебра, считай, готовый кистень, если отмахнуться, мало никому не покажется.

Бежал он не к воротам – успел углядеть, что они не просто

закрыты, но и заблокированы увесистыми запорами, засовами и амбарным замком. Аналогичная ситуация и с калиткой сбоку. Зато совсем неподалеку от них, буквально метрах в пяти, прямо подле частокола стояла какая-то небольшая бочка, притом с крышкой сверху.

Одно оказалось плохо: отсутствие берцев. Их рифленая подошва пришлась бы как нельзя кстати на скользком, начавшем таять на мартовском солнышке снеге. Увы, но средневековые сапожники оставляли подошвы гладкими и абсолютно неприспособленными к хождению по льду. Разве подковки иногда прибивали, но на его каблуках их не имелось. Словом на полпути к заветной цели Петр, начавший разгон для последующего прыжка через высокий, метра в два, частокол, банально поскользнулся и растянулся во весь свой немалый рост…

Глава 23. Повезло

Нет, он все-таки успел вскочить на ноги, прежде чем подоспел первый из преследователей: бежавший со стороны ворот маленький колченогий караульный, или, как тут их называли, вра́тарь.

– И-и-и, – визжал он на ходу, очевидно подбадривая самого себя этим воплем.

– Пшел! – зло рявкнул на него Петр. – Убью!

Вратарю хватило одного окрика. Опешив, он отпрянул, поскользнулся и шмякнулся в небольшой сугроб. Однако еще секунда оказалась потеряна, и возглавлявший погоню за Сангре ратник успел уцепиться за рукав его кафтана. Высвободиться получилось, но следом за ним летели остальные.

Помогла сумка. С помощью нее удалось отмахнуться от второго и третьего. А далее была бочка. Запрыгнув на ее крышку, Петр с высоты отвесил пару ударов острым носком сапога и, описав прощальный полукруг сумкой, приступил к завершающей части своего побега.

Высокий двухметровый частокол представлял собой ряд вертикально установленных небольших бревнышек. Верхние их концы были заострены. На такой вот кол Петр и напоролся бедром во время попытки перемахнуть забор. Нет, он бы одолел его вчистую, но один из ратников вцепился мертвой хваткой в сумку. Лягнуть его, чтоб отпустил, времени не оставалось. Пришлось распрощаться с нею и двадцатью гривнами – свобода дороже.

Оттолкнувшись от кольев, Сангре услышал треск рвущейся ткани. Приземлившись, он мельком оценил ущерб – прореха тянулась от бедра почти до колена, но кровоточащая царапина неглубока – и рванул вдоль по улице. Расслабляться было нельзя

– это он хорошо понимал, ибо погоня будет конная, убежать на своих двоих нечего думать. Следовательно, для начала было необходимо запутать следы, и он легкой рысцой направился в сторону городских ворот, противоположных и литовскому тракту и постоялому двору, где они остановились.

Увы, но обедня едва закончилась, народ только-только начал расходиться из церквей и чуть ли не каждый из идущих мимо считал своим долгом посмотреть на Петра и прокомментировать увиденное. Переход на быстрый шаг не помог – все равно оглядывались, таращились и отпускали нелестные замечания.

Впрочем, понять горожан и посадских людишек было можно: не каждый день встречается на улице человек с разодранной штаниной и окровавленной рукой (разбил он таки костяшки пальцев о крепкие желтые зубы Ивана Акинфича). Ну и плюс отсутствие верхней одежды и шапки, а последнюю носит любой нищий, не говоря про остальной народ. С рукой просто: вытереть кровь хватило двух-трёх жменей снега. Но как быть со всем остальным? Да и укрытие хотя бы на пару-тройку часов найти желательно.

Мелькнула мысль поискать торжище, а на нем литовских купцов. Авось если показать перстень Гедимина, помогут. Но стоило ему обратиться с вопросом о местонахождении рынка к первой попавшейся женщине средних лет, как она испуганно шарахнулась от него. Шедший навстречу мужик вместо ответа принялся в открытую разглядывать его, не скрывая своего любопытства, после чего посоветовал обратиться к какому-то швецу.

А погоня все слышнее. Не иначе боярин смекнул, что его обидчик попробует найти обходной путь, не рванет напрямик, и послал своих людей в разные стороны. Петр огляделся и шмыгнул в какой-то тесный проулок. Имелся риск, что он заканчивается тупиком, но зато больше шансов, что в него вообще не заглянут. Оставалось пройти по нему подальше вглубь и…

Стоп! Сангре остановился как вкопанный и уставился на карнизик над воротами. Резьба на нем отчего-то показалась ему чертовски знакомой. Видел он этих стремительных змеек, и не далее как вчера, когда… Ну точно, именно здесь они побывали накануне с Уланом и Пушатой в тщетной попытке купить терем у некой боярыни, собравшейся в монастырь.

Он громко постучал в калитку, и едва та открылась, как он торопливо скользнул вовнутрь. Вратарь тоже сразу признал одного из вчерашних посетителей и недоуменно уставился на него.

– Вот, решил попробовать снова поговорить с твоей боярыней

насчет терема. Вдруг она сегодня подобрела, – начал Петр и, припомнив, как он вчера, после намека Пушаты, сунул караульному в руку крохотный огрызок гривны, чуть виновато добавил: – Я нынче без серебра, но чуть попозже…

Вратарь с чудным именем Алякиш обиженно крякнул, сообщив:

– А мне боярыня за твоего товарища вечор всю плешь проела. Сказывала, де, вовсе выгонит, ежели я впредь хошь одного басурманина впущу.

– Но я-то не басурманин, – резонно возразил Сангре. – А больше со мной никого нет.

Тот выглянул на улицу и удивленно констатировал:

– И впрямь никого. А лошадь твоя игде?

– А я ее… у другого продавца оставил, – небрежно отмахнулся Петр.

– И… шапку?

– Точно. Да от него идти-то до вашего терема всего ничего, вот и решил не одеваться.

Вратарь настороженно уставился на его руку, вновь оказавшуюся в крови. Сангре торопливо убрал ее за спину, посетовав в уме, что надо было повторно пройтись по ней снежком перед тем как войти.

Алякиш угрюмо поинтересовался:

– Дак а ныне-то чего тебе надобно?

– Сказал же, решил попробовать еще раз поговорить, – устало вздохнул Петр.

– Ты попробуешь, а с меня за твою пробу… – и Алякиш выразительно постучал себя кулаком по шее. Намек был ясен и Сангре пообещал:

– Не обижу, поверь. Дельце выгорит, гривну подарю. Хотя… – он на мгновенье призадумался, – могу и так подарить, если мою просьбу выполнишь.

– А велика ли просьба?

– Да пустяк. Надо слетать на постоялый двор, что на Литовском тракте, – и Петр торопливо пояснил, что ему нужно от караульного. – А чтоб боярыня Изабелла тебе поверила, передай ей перстень, – и он, сняв с шеи цепочку с подарком Гедимина надел ее на Алякиша. – Когда приведешь сюда моих людей, я с тобой рассчитаюсь. Все, топай, да побыстрее.

О том, что литвины могут проигнорировать испанку, Сангре не думал. Точнее, старался не думать. Да и не должно было такого случиться. Помнится, он по пути в Тверь, на последнем из привалов тщательно проинструктировал и ее, и воинов. Инструктаж был кратким и ясным. Мол, всякое случается в

жизни, в том числе и такое, что они окажутся не в состоянии приказать самолично. И если Михаил Ярославич примет их не ахти, а то и вообще велит посадить в кутузку, яму, острог или чего там у него имеется из мест заключения, они поступают под начало Изабеллы.

Пока шел к терему, прикидывал, с чего начать, чтоб не сразу получить от ворот поворот. Сегодня ему удалось зайти в дом – уже достижение, учитывая, что вчера боярыня стояла у крыльца и моментально отшила их. Ныне встреча с нею состоялась в жилой горнице. Едва Петр вошел, как она, прищурившись, опознала его и недовольно проворчала:

– Что, сызнова торговать мои хоромы прикатил?

Сангре мягко улыбнулся. На успех он не рассчитывал, но следовало по возможности улестить старушку, чтоб позволила отсидеться.

– Сызнова, Матрена Тимофеевна, – покаялся он. – Больно они у тебя нарядные. Одни наличники на окнах чего стоят. Да и внутри прямо-таки веет уютом, теплом домашним. Вот зашел и будто в своем детстве босоногом оказался. На все твоя воля, и коль опять откажешь, стерплю. Но не гони Христа ради, дозволь побыть немного, чтоб хоть недолго мальцом голоштанным себя ощутить. А про басурман не сомневайся – один я нынче.

– Ишь ты, – крякнула боярыня. – Ох и хитер. Опосля таковского и взаправду длань не поднимется на порог указать. Да и без нехристя пришел, потому чего ж, сиди. Чай лавку не протрешь. Счас девкам повелю, чтоб взвару[39] тебе принесли. Он нынче у меня славный получился.

А уж когда Матрена Тимофеевна заприметила окровавленную руку Сангре (у самого крыльца он протер ее снежком, но кровь продолжала сочиться), она и вовсе засуетилась, захлопотала подле. Мол, у нее как раз сидит знахарка, коя вот уже с месяц лечит ее, изгоняя своими травяными настоями камчук.[40] Правда, лечение движется туговато, камни из брюха выходить никак не хотят, зато ворочаются, периодически вызывая сильные боли, на что она не преминула пожаловаться. Дескать, ныне вроде как утихло, а вчерась цельный день страдала и ежели дальше так продолжится, она не токмо не отдаст неумехе обещанную вторую гривну, но и потребует вернуть первую, выданную вперед.

Петр глазам своим не поверил, когда на пороге появилась… Заряница. Та тоже остановилась как вкопанная, не понимая, как он тут оказался.

– Ну и чего застыла-то? – набросилась Матрена Тимофеевна на девушку. – Мое-то снадобье и подождать могет, опосля заваришь, а у него вишь раскровенилось. Не ровен час, антонов

огонь приключится, яко у моего Васюка. Эй, Басена, где ты там? – окликнула она одну из дворовых девок и едва та появилась в дверях, принялась деловито распоряжаться. – Тряпиц чистых сыщи, но первым делом воды сюда принеси. И чтоб мигом, одна нога здесь, а другая… – девица, торопливо закивав, улетела.

– Она у меня шустрая, – успокоительно заметила боярыня. – Чичас все спроворит. А гдей-то ты так, милок? – Сангре замялся, не зная что сказать, но она понимающе махнула рукой. – Да ладно, можешь не сказывать. Сама зрю, на кулачках с кем-то бился. Я ить таковское, когда Васюк мой жив был, сколь раз видывала-перевидывала, не ошибусь. Но его лечбу я девкам не доверяла – завсегда сама перевязывала. Он у меня тож бедовый был, ершистый, страсть. Чуть чего не по ндраву, враз в кулачки.

– И красивый поди, в матушку свою, – с улыбкой предположил Петр. – Наверное, все девки в Твери по нему сохли.

– Да не без того, – гордо подбоченилась она, но тут же горестно посетовала: – Все самую достойную для него выбирала, что б и нравом тихая, и ликом пригожая, и телом сдобная, крупитчатая, да чтоб из роду древнего, дабы чести не уронить. Вот и довыбиралась, без внуков осталась… – она пригорюнилась.

– Кто ж знал, что он так скоро этот мир покинет, – попытался утешить ее Сангре. – А с другой стороны как иначе-то поступить. Приглядеться-то к невестке будущей непременно нужно, а то введет сынок в дом овечку, а через месячишко-другой глядь, а у нее волчьи клыки показались. И стал бы он всю жизнь с такой мыкаться.

– Истинно, истинно! – обрадовалась старуха и всплеснула руками. – Надо же, такой молодой, а речешь как есть правильно, – и она спохватилась. – Ой, да что же я! Нешто окромя взвару мне и попотчевать гостя нечем. Счас, милай, повелю, чтоб и стол накрыли, и вишнячок заветный достали. Осталось у меня чуток от покойного Лукича. Все одно: не тащить же его с собой в монастырь. А вишняк славный, стоялый. У меня таковских новин, чтоб мед варить, не принято. Правда, хмелем приправлен, каюсь, но годков десять, не мене, в леднике пролежал, не стыдно и самого Михайлу Ярославича угостить. Да и к медку всего в достатке имеется, не хуже чем у прочих. Счас и поснедаем, чем бог послал, – и спохватилась. – Да что ж Басены-то до сих пор нет. Вот и хвали окаянную. Ну-ка, пойду, потороплю.

Оставшись наедине с Заряницей, робко присевшей на лавку, Петр, дождавшись, чтобы утих доносившийся до них из сеней громкий голос боярыни, и, улыбнувшись, произнес:

– Ну, здравствуй, красавица. Тебя-то каким ветром в Тверь надуло?

– И тебе поздорову, Петр Михайлович, – смущенно улыбнулась девушка. – А я туточки покамест проживаю.

– У боярыни?

– Да нет, – поправила Заряница. – Чуток подале, у боярина Кириллы Силыча. Спаси его господь, приютил нас с братцем. Меня в услужение взял, в стряпках я у него ныне. И домишко выделил, не побрезговал.

– Сменила, стало быть, место жительства, – кивнул Сангре. – Ну что ж, дело хорошее. Почти горожанкой стала. Теперь гляди не загордись. Хотя… выглядишь ты не сказать, чтоб ах. Впрочем, оно и понятно. Судя по твоим заработкам, – припомнились ему слова Матрены Тимофеевны насчет гривны, – ты в золоте не купаешься. А чего ж тогда обратно не возвращаетесь?

– Да я бы и рада, но братец мой, Горынюшка милый… – и она не договорив, осеклась, помрачнела, но, взяв себя в руки, продолжила: – На сече его подранили тяжко. Саблей по хребту угодили. Нельзя было шевелить. А ныне куда, ледополье на носу. Да ништо, проживем как-нито.

– А сейчас брат-то на ноги встал? – уточнил Сангре.

– Когда хребет задет, тута один господь на ноги поднять в силах, – тяжко вздохнула девушка. – Хорошо хоть руки ожили. А с постели ему один токмо путь, в домовину. Я ить чего тута. С прокормом-то у нас, слава богу. Боярин милостив, не голодаем. Но мне серебрецо надобно, чтоб травок прикупить, да боли у Горыни хошь чуток утишить. Силов нету на его страдания глядеть. Он, конечно, терпит, виду не подает, токмо ночью стонет, когда мыслит, будто я сплю, да и то тихохонько, чтоб не разбудить. А я лежу и тоже плач в себе давлю, чтоб не услыхал. Так и лежим с ним, полеживаем кажную ночь до самого утра. А к Кирилле Силычу с просьбишкой о гривенках идти стыдоба. Он и без того нам добра излиха сделал. Еще помыслит, чего доброго, де, дали курочке гряду, а она норовит весь огород охапить.

– А зачем покупать-то? Ты ж сама травница.

– Имелись у меня таковские, да все вышли. Была б весна, сызнова насобирала, а зимой я что могу?

Вошедшая Басена прервала их разговор, принеся ушат с водой и ворох тряпок. Заряница принялась промывать и бинтовать руку. Едва холопка вышла, как Петр, прикинув все, решительно сказал:

– Как я погляжу, со сбором средств в благотворительный фонд раненым у тебя дела движутся не ахти. Сдается от тебя ныне осталась половина, а ведь в Липневке ты имела приятные округлости во всех местах. Давай сделаем так. Сейчас времени нет, боярыня вот-вот зайдет, к тому же у меня…

Он поморщился. Загружать Заряницу своими проблемами, когда у нее и без того хлопот полон рот, не хотелось, но и пояснить, почему не может с нею встретиться ни сегодня, ни завтра, надо, а то подумает чего доброго, что зазнался и всякое такое.

– Понимаешь, – промямлил он, – неотложные дела имеются… Надо вначале друга из беды выручить.

– Улана Тимофеевича?! – испуганно охнула девушка. – А что с ним?!

– Да ничего страшного, – отмахнулся Петр. – В гостях он пока… у того боярина, что нас в Тверь вез.

– У Ивана Акинфича? – уточнила Заряница и, дождавшись утвердительного кивка, всплеснула руками. – Так ты, выходит, длань-то свою тамо зашиб, об его холопей, – догадалась она.

– Вот еще! – самодовольно фыркнул Сангре. – Бери выше: к самому Акинфичу приложился.

– Ох и бедовый, – покачала головой девушка и было непонятно, чего в этих словах больше: то ли восторга, то ли упрека. – А ведь его хоромы по соседству с теремом Кириллы Силыча, – сообщила она. – А домишко, кой нам боярин выделил, и вовсе подле частокола, кой боярские дворы друг от дружки отделяет. Так его собаки, не поверишь, столь брехучие, что…

– Погоди, погоди, – остановил ее Сангре, заслышав голоса в сенях. – Об остальном потом. У тебя, как я понимаю, пока не горит и пару дней терпит, а послезавтра я тебя ближе к обеду буду ждать на постоялом дворе у литовского тракта. Хозяином там Гюрята Микулич, запомни. И когда ты туда придешь, мы спокойно и без спешки обо всем потолкуем. Но обязательно приходи. К тому же со мной одна лекарка из иноземок приехала, вдруг у нее получится как-нибудь помочь твоему брату. Придешь?

Заряница торопливо закивала.

Больше они ни о чем поговорить не успели, поскольку вошла раскрасневшаяся боярыня, торжествующе держа на вытянутых руках обернутый рушником кувшин с обещанным взваром.

– Покамест их дождесся, – чуть виновато пояснила она. – А вкус не тот будет, когда остынет. Ну-ка, милок, отведай, – и она принялась самолично ухаживать за гостем…

За последующие пару часов Сангре, оставшись наедине с Матреной Тимофеевной (Заряницу боярыня выпроводила, велев приходить завтра), успел узнать всю ее биографию, начиная с бабушек и дедушек. Подробно изложив, сколь именит ее древний род, верой и правдой служивший еще князю Всеволоду Большое Гнездо и побывавший вместе с ним полтора века назад в самом Царьграде, она спустя час наконец-то добралась до своей

персоны.

Правда, начала сразу с описания собственной свадебки, собравшей за столами чуть ли не всю Тверь. Похвасталась и тем, как жадно пялился на нее покойный братец нынешнего князя Святослав Ярославич, удостоивший оную свадебку своим визитом. Затем, кратко упомянув о детях, потерянных ею во младенчестве, она наконец-то довела повествование до Васюка.

Далее пошли воспоминания о сынишке: чем болел в детстве, как часто падал с лошади, осваивая верховую езду, как лихо научился обращаться с мечом да луком. Хватало и слез (всплакнула боярыня, притом не раз и не два), но и улыбок: забавных приключений у Васюка было предостаточно.

Словом, когда вратарь, добросовестно выполнив поручение, появился во дворе Матрены Тимофеевны, той, как прикинул изрядно притомившийся Петр, оставалось никак не меньше часа, а то и двух, чтоб дорасказать о буйной разгульной жизни своего сына.

Едва завидев в оконце въехавшую во двор пятерку литвинов, Сангре бодро вскочил с лавки и, торопливо заверив приунывшую боярыню, что на днях непременно вернется и дослушает остальное, заторопился к выходу.

С Алякишем Петр честно рассчитался, заверив, что если ему все-таки удастся склонить боярыню к продаже хором, то вратарь все равно свою службу сохранит до старости, заодно обеспечив себе и пенсию и, подмигнув, громко пропел: «Эй, вратарь, готовься к бою. Часовым ты поставлен у ворот», чем ввел того в изумление и раздумье, что за бои ему предстоят при новом хозяине терема.

А то, что он им станет, сомневаться не приходилось. Эвон как расчувствовалась боярыня. Аж самолично, чего давненько не случалось, вышла проводить гостя, и не до крыльца, но спустилась вниз, дойдя до середины двора. «Беспременно продаст», – решил Алякиш, глядя, как она машет вслед платочком.

…Как назло, в голове у Петра за то время, пока он добирался до постоялого двора, не возникло ни единой стоящей идеи касаемо освобождения друга. Точнее, одна малюсенькая появилась – прибегнуть к помощи князя, но, подъехав к его хоромам, он выяснил, что Михаил Ярославич по-прежнему на охоте.

К тому же ему припомнилось кое-что весьма неприятное, так сказать, в довесок к остальному. Он даже застонал от досады, мысленно обругав себя на все лады за то, что со вчерашнего дня так и не удосужился вынуть из сумки грамотку Гедимина,

попавшую в руки ратников Ивана Акинфича.

Однако стоять и расстраиваться времени не было. Следовало подумать, как выручить Улана, а для этого вначале требовалось вернуться на постоялый двор, где, как выяснилось, его поджидали люди боярина во главе с Ольхой…

Глава 24. Вопреки судьбе

Судя по тому, что ратников Ивана Акинфича в просторной трапезной сидело не меньше десятка, побег Сангре произвел на них впечатление. Правда, они ожидали застать его одного, а потому едва Петр, сопровождаемый Локисом, Вилкасом, сынами Сударга и Яцко, вошел вовнутрь, они разом повскакивали со своих мест и… принялись растерянно переглядываться, не решаясь напасть. Ольха команду атаковать тоже не дал. Кто бы ни одолел, но в трапезной сидит уйма случайных посетителей, и те позже при опросе непременно расскажут, кто стал зачинщиком драки. Однако подойти к Сангре он не осмелился и, кивнув ему, чтоб вышел потолковать, направился к выходу.

– Как говорят у нас в Одессе, мои намеренья прекрасны, пойдемте, тут недалеко, – прокомментировал Петр и, бросив Локису, чтоб никого не выпускал из трапезной, пока он не вернется обратно, подался следом.

Ольха ждал подле крыльца. Едва Сангре спустился к нему и встал напротив, тот примирительно заметил:

– Боярин сказывал, лучше бы ты к нему с повинной пришел. Тогда, глядишь, и татарин твой в живых останется. Подумай о том… до утра.

– Если с моим побратимом что-то случится, – мрачно заявил Сангре, – я с каждого из твоих людей спрошу, но с тебя самого пятикратно, запомни. А Ивану Акинфичу передай мой совет выпустить Улана подобру-поздорову. Словом, это я ему даю срок до утра, а дальше… – и он грозно нахмурился, давая понять, что шутить не намерен.

– Лиса в капкан угодила и во всю глотку орет: «Ежели всю курицу не отдадите, то я от ножки отказываюсь», – прокомментировал Ольха. – Не излиха ли грозен, гусляр? Пойди Иван Акинфич к князю и тебе куда хужее достанется, а так может и полюбовно столкуетесь. Ну-у, виру за обиду заплатишь, не без того, зато целы оба останетесь.

– К князю, говоришь, – задумчиво протянул Петр и, мгновенно сообразив, как можно обратить свой досадный промах с посланием Гедимина себе на пользу, более уверенно продолжил: – К князю – это хорошо, правильно. Пускай обращается. А коль не осмелится, я сам к Михаилу Ярославичу загляну, когда он вернется. Я ведь не зря во дворе сумку оставил.

В ней помимо гривен свиток имелся. А коли ты, поц, ни разу неграмотный, то спроси у боярина от кого он и кому, и тогда сам поймешь, что с нами лучше не связываться. Поверь, я об твоего хозяина рук марать не стану, ему сам Михаил Ярославич веселье устроит, – и он, не обращая на него больше ни малейшего внимания, направился обратно.

Поднявшись по лестнице на крыльцо он напоследок бросил взгляд вниз. Ольха продолжал стоять и, задрав голову, задумчиво глядел на свою ускользнувшую добычу.

– До утра, – напомнил ему Сангре.

Не заходя к себе, он заглянул к Изабелле и наскоро объяснил ей в самых общих чертах ситуацию, подав ее так, будто ничего страшного не случилось, обычное недоразумение. Затем Петр поплелся в свою комнату. Устало плюхнувшись на кровать, он начал прикидывать, что делать дальше.

На самом деле на грамоту он особо не рассчитывал. Если б текст остался в целости и сохранности – одно, но… Сангре вспомнил цвет воды, стекавшей из нее, и поморщился. Да, скорее всего там сплошные черные разводы.

Он встал и неспешно прошелся по комнате. После получаса бесцельных блужданий нарисовались два варианта, но оба, мягко говоря, не ахти.

Первый заключался в штурме боярского терема. Звучало неплохо, но Петр понятия не имел, где содержат Улана. Как ни крути, для начала следовало провести разведку, а заодно выяснить, с каким количеством народа ему придется столкнуться. Для всего этого требовалось время и не меньше двух-трёх дней, но их у него не имелось.

Второй вариант – пойти на поклон к княжичу Дмитрию. Однако, во-первых, неизвестно, в Твери ли он. Во-вторых Петр хоть и не знал, что успел наговорить ему Иван Акинфич об их побеге, но догадывался, что ничего хорошего. Но это полбеды. Куда хуже, что княжич вернулся в Тверь несолоно хлебавши, не догнав московского князя. Об этом Сангре узнал еще в Литве от ничего не подозревавшего Кириллы Силыча. Получалось, он, Петр, одним своим видом напомнит Дмитрию о досадной неудаче. Спрашивается, чью сторону княжич после этого займет?

Однако больше вариантов не имелось и оставалось сделать непростой выбор. Да и время поджимало: через пару часов, от силы через три городские ворота закроют и к княжичу ему не попасть.

Теряясь в догадках, он залез в сундук и извлек оттуда одну из золотых монет с барашком на аверсе, намереваясь бросить жребий – пусть подскажет судьба. Перевернув ее, он озадаченно

нахмурился. Внимание привлек не крест в середине, окруженный лилиями, а надпись на ободке. Почему-то в ней через каждое слово шло XP, словно на компьютере. Правда, с добавкой буквы С.

– Ишь ты, – проворчал он. – Можно подумать, французский король рекламирует новую операционную систему.

Гадать, что означают буквы, не стал – не до того. Решил, что если выпадет бараном вверх, то он, как эта рогатая скотина, попробует пободаться с боярином, рискнув со штурмом, ну а коль ЭксПи, пойдет на поклон к княжичу. Петр подкинул монету. Та, звонко тренькнув о низкий потолок, полетела обратно, а упав и еще раз мелодично звякнув, покатилась в сторону кровати Улана и улеглась подле нее на одну из половиц.

«Итак, жребий брошен, – сказал себе Сангре. – Осталось узнать, какой именно». Он неспешно направился к монете, но тут дверь приоткрылась и в образовавшемся проеме показалась знакомая рожа. То был караульный у ворот Ивана Акинфича, столь неудачно пытавшийся задержать Петра.

– Дозволь, батюшка боярин? – тихо попросил он.

Сангре, озадаченно воззрившийся на него, вышел из оцепенения и нехотя кивнул.

– Входи, раз пришел.

– А ты… драться не станешь? – боязливо осведомился вратарь, бочком протиснувшись в полуоткрытую дверь и одновременно сдернув с головы шапку.

– Солдат ребенка не обидит, – буркнул Сангре и насмешливо усмехнулся. – К тому же тебе и без меня досталось.

Вид у робко зашедшего в комнату корявого мужичка в замызганной одежонке и грязных лаптях действительно был плачевный: под обоими глазами изрядные синяки, нос припух, правое ухо выглядело куда больше левого. Кто его отделал, Петр не спрашивал, сам знал. Перемахнув частокол, он отлично слышал его истошный визг и ругань остальных ратников, по всей видимости вымещавших на несчастном караульном свою досаду от неудачи.

Поняв, что «боярин» бить его не собирается, тот, чуть осмелев, пожаловался:

– Вишь как меня отметелили. Ажно дыхнуть больно – не иначе ребра поломаты. А все чрез тебя пострадал.

– Ну и поделом, – невозмутимо ответил Сангре. – Не надо было ввязываться не в свое дело. Чего полез, спрашивается? Коль ты врата́рь, так нечего менять амплуа и лезть в нападающие.

Тот простодушно пояснил:

– Так ить думал, как лучшее, а вышло… – он беспомощно развел руками и уныло вздохнул. – Да господь с ними, ребрами. Авось срастутся. Иное худо. Иван Акинфич сказывал, ежели ты по утру к нему с повинной не явишься, он меня самолично задавит. Так и поведал: «Моли бога, Балабка, чтоб он к тебе милость явил и злодей, коего ты упустил, по доброй воле ко мне пришел. А иначе жить тебе до конца заутрени, в том я тебе перед честными крестами роту[41] даю». А ежели он слово дал, у него длань не дрогнет, задавит, ей-ей, задавит.

– И ты пришел просить, чтоб я ради тебя сам к нему поутру явился? – хмыкнул Петр.

– И не удумай, – замахал руками вратарь. – Я упредить, чтоб ты, упаси господь, Ольхе не доверялся. То десятник про виру сказывал, чтоб тебя заманить. А ежели заявишься к боярину, обратно не вырвешься. Сгинешь и все. Бечь тебе надобно из Твери в сей же час. Авось постоялый двор стенами не окружен, никого упрашивать не надо врата открыть, вот нынче в ночь и беги. Об одном молю: яви божескую милость, да меня с собой прихвати. Зла-то я тебе не сотворил. Хошь и пошел на тебя с ножом, ты все одно: убег. А ныне и остерег вдобавок. Так как, возьмешь ли? Меня, будь покоен, не хватятся. Я на врата токмо в полночь встать должон, а и не приду, нешто станут меня об эту пору искать? Скажут, побрел пес раны свои зализывать, и все на том, найдут подмену. Поутру да, примутся искать, да мы с тобой к тому часу ужо далече будем, поди сыщи в какую сторону погоню высылать.

– Ну-у, за предупреждение спасибо, но бежать отсюда я без своего побратима не собираюсь. Придется тебе одному. – Балабка мгновенно приуныл. – Хочешь, могу гривну в дорогу дать, –

предложил Петр. – Или две.

– Проку с них, – отмахнулся вратарь и грустно пояснил: – А чего далее? Гривны твои вскорости кончатся, а кому я такой сдался? С голоду да холоду подыхать? Да притом от страха кажный божий день трястись – у боярина-то нашего длани долгие, повсюду сыщет. Проще назавтра свою смертушку принять, – он сокрушенно вздохнул и, низко потупив голову, направился к двери, однако не ушел. Чуть постояв подле нее, он повернулся к Петру. – Но напоследок я тебе вот чего поведаю. Тебе все едино одному отсель бежать придется. Слыхал я, яко Иван Акинфич Зиновнику сказывал, чтоб тот рано поутру, еще до свету, твоего побратима задавил.

– Как это задавил?! – опешил Сангре. – Насмерть?! Без суда?!

– Знамо, насмерть. У Зиновника ентого силищи на десятерых хватит, потому он у боярина заместо ката.[42] А суд Зиновнику ни к чему. Ему и слова хозяйского довольно.

– А боярин твой не боится, что ему за убийство ответ держать придется?

– Пред кем? – хмыкнул Балабка. – Иван Акинфич у князя в набольших. Ольха, правда, егда возвернулся от тебя, прямо подле ворот про грамотку какую-то пытался боярина упредить, но тот токмо отмахнулся. Мол, заглянул в нее, а там все буквицы размыты. Видать они, то бишь ты с приятелем своим, ее с утопленника взяли, чтоб при случае похвалиться. А может, и того хуже. Кто ведает, как оно там на самом деле приключилось. Могли и напасть на гонца Гедиминова. Ограбили его дочиста, а самого гонца того…

Петр досадливо поморщился. Хоть он и не больно-то рассчитывал на послание литовского князя, но надежда в нем теплилась.

– Все равно, убить просто так… – неуверенно протянул он.

– Чтоб в убийстве овиноватить, надобно поначалу покойника найти, – поучительно напомнил Балабка. – Ты что ж, и впрямь мыслишь, будто тело свово побратима сыщешь? – и он подвел итог. – Вот и выходит, что выбор у тебя небогат: либо бежать не мешкая, либо поутру с повинной к нему идти, а чего иного тебе не выдумать, как ни тщись. Но ежели придешь, так и ведай, Зиновник и тебя задавит. Не простит тебе Иван Акинфич поношения, кое ты ему при всех учинил. Он ить доселе словцо-другое молвит и морщится от боли, да персты к устам своим бесперечь прикладает, – вратарь весело хихикнул. – А я, веришь ли, полжизни остатней отдал бы, чтоб сызнова полюбоваться, как ты его того, – он посерьезнел и вновь напомнил. – Бежать, беспременно бежать тебе опосля таковского надобно. И про

побратима забудь. Хотя…, – Балабка поскреб заскорузлой пятерней в своих нечесаных лохмах и задумчиво протянул. – Можно было б попробовать сей же ночью дружка твоего сердешного ослобонить, но… – он покачал головой. – Собачки-то ладно. Они хошь и лютые, но меня ведают. Накормить как следует, да запереть подале, чтоб чужака не учуяли. Но больно замки в том амбаре, куда его сунули, крепкие. Да и сторожить дружка твоего боярин повелел самому могутному из холопей. Его даром, что Векшей кличут, а поглядишь на него – чистый ломыга[43].

– Ломыга? – недоуменно нахмурился Сангре.

– Ну-у, мохнач, топтыгин, косолапый, – пояснил вратарь. – Умишком он не больно-то, да в таком деле ум и ни к чему. Зато силен, одному Зиновнику уступит, а боле никому. Его когда в сторожу ставят, он и сабли с копьецом с собой не берет. Сказывает, ни к чему, и без них с любым татем управлюсь. Правда, выпить не дурак, медку поднесешь, нипочем не откажется, но кто ж ему перед сторожей плеснет? – и Балабка подвел итог. – Не-ет, тебе с ним тверезым нипочем не управиться. Опять же запоры на дверях крепкие. Стало быть, осталось бежать.

– А у нас на ломыгу мамонт сыщется, – медленно протянул Петр. – И с медком удачно. Ты как, возьмешься подпоить этого Векшу?

– Да он ведро выдует, не мене, а то и полтора.

– Будет ведро, – пообещал Сангре. – Даже два, чтоб точно хватило. И с запорами что-нибудь придумаю.

– Погоди, погоди, – встрепенулся Балабка. – А ежели у тебя ничего не выйдет? Али шум подымется? Тогда и мне головы не сносить.

– Тебе ее и так не сносить, сам говорил, – напомнил Петр.

– Одно дело, когда попросту задавят, а тута без мук не обойтись. Иван Акинфич он таковский: на чепь прикует и кажный день терзать учнет. За таковское надо бы тебе… – он замолчал, помялся, но чуть погодя насмелился и спросил:

– Сколь же ты мне дашь, ежели завтра за ентим столом твой побратим сидеть будет?

Петр крякнул и отвернулся, старательно сдерживая подступивший смех. Вроде и момент не подходящий, но уж очень точно процитировал вратарь Шарапова. Балабка воспринял молчание собеседника иначе и обиженно заныл:

– Ну а чего? За что мне, ежели ты промашку дашь, страдать-то? Задарма?

«Ну а где Шарапов, там и Горбатый должен быть», – подумалось Сангре, и он, припомнив названную главарем банды

сумму, предложил:

– Двадцать золотых монет дам.

– Э-э, за таковское добро и всего двадцать?! – возмутился Балабка. – Тута полста надо положить, не мене.

Торговаться Петр не стал, согласившись сразу. Однако ассоциации с фильмом «Место встречи…» продолжались, поскольку вратарь смущенно попросил проавансировать его заранее хотя бы пятой частью. О том, что гривны ему душу греть будут, не говорил, но по смыслу сказал созвучное: они ему смелости придадут, когда он Векшу подпаивать станет. А, получив просимое, помявшись, заметил, что это, конечно, не его ума дело, но слишком много ратников для тайного проникновения ни к чему. Тут и одного человека за глаза, остальные же мешаться станут, да шум лишний поднимут. Совет был разумен и Сангре с ним согласился – и впрямь, больше одного человека брать с собой не стоило.

Теперь требовалось в срочном порядке загрузить Балабку хмельным зельем, спешно прикупленноым Петром у Гюряты, и собраться самому. Памятуя о крепких запорах, он не забыл заглянуть к кузнецу, располагавшемуся поблизости от постоялого двора и тот, немало подивившись, предложил иноземцу что-то вроде ломика. Был он длинным, метра в полтора, но кузнец пообещал разрубить его напополам. Не забыл Сангре и потолковать с Изабеллой – следовало подстраховаться. Мол, в случае неудачи ей надо поутру идти в сопровождении воинов-литвинов к княжичу Дмитрию жаловаться на насилие, учиненное ее спутникам.

«Кажется, все», – вздохнул он, вернувшись к себе в комнату, и, присев на дорожку, с грустью посмотрел на пустующую постель Улана.

– Ничего, верну я тебе завтра твоего хозяина, – уверенно пообещал Петр, обращаясь к подушке, и нахмурился, заприметив блеснувшую на миг золотую монету, по-прежнему лежащую на полу.

Ради интереса он подошел и, нагнувшись, увидев крест в окружении лилий и буковки ХР. Сангре поморщился. Получалось, судьба не подтвердила правильность его выбора.

– Ну извини, – развел он руками, обращаясь к монете. – Не подходит мне твоя операционная система. Да и вообще, баран я в компьютерах. Мне проще рогами вперед и в атаку.

Подумав, он извлек из сундучка карточную колоду и, наугад достав из нее карту, вновь скривился. Помнится, валет пик в перевернутом положении означал лицемера, не заслуживающего ни малейшего доверия. Получалось, все против его выбора.

Мелькнула мысль отказаться и пойти к княжичу, но припомнились слова Балабки.

– А ведь он и впрямь может Улана задавить, гад, – пожаловался он валету.

И вышел.

Глава 25. Плен вместо свободы

Петр успел впритык. Еще немного, как предупредил его стражник у ворот, и они бы его нипочем не пропустили. Но лишь проехав метров пятьдесят, Сангре спохватился, что понятия не имеет где ему остановиться в ожидании условленного с Балабкой часа. Да и после успешного завершения операции неизвестно, куда податься до рассвета. Развернувшись, он направился обратно к стражникам, закрывавшим ворота, и поинтересовался, как насчет постоялого двора. Те в один голос пояснили, что в самом граде их нет вовсе, надо возвращаться в посад.

Петр вздохнул. Получалось не ахти. Он уже настроился, что ему придется полночи мерзнуть (как назло, вновь ощутимо похолодало) и с тоской подумал про горячий взвар Матрены Тимофеевны. Увы, но отправиться в такую пору в гости к боярыне нечего было и думать. Но тут ему припомнилась Заряница, и он весело присвистнул.

– Нет, все-таки ворожит мне судьба, – весело подмигнул он взятому с собой Локису, и скомандовал: – За мной, к деве юной.

Вратарь Кириллы Силыча только поначалу был недоволен поздним визитом графа Калиостро и его слуги Квазимодо. Однако узнав о том, что иноземец (по такому случаю Петр обрядился в камуфляж и берцы) прибыл по важному делу: посмотреть и подлечить раненого кузнеца, коему вся дворня горячо сочувствовала, смягчился. Он даже вызвался самолично отвести их лошадок на конюшню, благо места там хватало – боярин не вернулся, продолжая охотиться где-то вместе с князем. Но услыхав, что лечение Горыни может занять очень много времени, а прерываться нельзя, он вновь посуровел и хотел возмутиться, однако неожиданно ощутил в своей руке приятно увесистый продолговатый брусочек.

Сжав его покрепче в ладони, вратарь сконфуженно забормотал, что хошь боярина и нетути, ан все одно – непорядок, потому как негоже на ночь, а коль надобно надолго, чего проще – приходи поутру да лечи весь день.

– Ты про заговоры слыхал? – осведомился Сангре и, дождавшись утвердительного кивка вратаря, пояснил. – Так вот, мой заговор надо читать только при луне.

– А может тогда в иную ночку, когда боярин возвернется? – промямлил сторож.

– Беда в том, что ночь подходит не каждая, а именно та, когда косинус Марса смотрит в дом Венеры, а катангенс Юпитера под углом в два синуса проходит через созвездие Волопаса, вовсю испуская метеоры… Короче, следующая такая ночь наступит аж через семь лет, не раньше.

Вратарь слушал, кивая, но ничего не понимая, и продолжал страдать, не зная, как быть. С одной стороны, получался явный непорядок, но с другой – приличные люди, беды нет, если и на всю ночь, не ждать же еще семь лет, опять-таки в случае отказа придется возвращать полученную гривну.

Внезапно обнаруженный им в руке второй продолговатый брусочек разрешил сомнения: вернуть обратно две гривны было выше сил вратаря и он, степенно кивнув, пробормотал:

– Дак а чего ж, нешто не понимаем. Лечба не до конца, что молитва без аминя. Опять же Марс в дом к ентой, как там ее, не кажную ночь заглядывает. Токмо ты того, не выглядывай из ее избенки без нужды, дабы никто тебя не узрел.

…Увиденное в крохотной, четыре на четыре, не больше, избушке, настроения Сангре не прибавило. Пускай он и разбирался в медицине, как биндюжник с Молдаванки в синхрофазотронах, но и без глубинных познаний было видно, что дела у кузнеца не ахти. Вон, и руку поднимает еле-еле, морщась при этом.

«Но все-таки поднимает, значит, шанс на выздоровление имеется, – возразил он сам себе. – А боли рано или поздно должны пройти», – и Петр, припомнив, что прихватил с собой для найма комнаты на постоялом дворе в самой Твери с десяток гривен, отозвав Заряницу в сени и вручил их ей.

– Это на травки, – пояснил он. – Маловато, конечно, восемь всего осталось, но на первое время хватит, а там, можешь не сомневаться, приволоку сколько нужно.

Заряница ахнула и порывисто сунула тяжелый кошель обратно ему в руки.

– Ты чего? – удивился Сангре.

Девушка, прижав руки к запылавшим ярким румянцем щекам, отчаянно затрясла головой.

– Не могу я таковского от тебя принять, – пролепетала она. – Кабы родичом был, иное, а ты…

– Но мы ж с тобой бок о бок несколько месяцев по соседству жили. Считай, сроднились.

– Все одно, не родич.

– Ну, тогда… считай их как плату. Помнишь, как ты Улана на ноги осенью поставила.

– Да нешто можно. То я от души…

– Ну и я от души, – пожал плечами Сангре. – Ты ж моему побратиму чем могла помогала, верно? Вот и я чем могу.

Девушка вновь помотала головой, правда, не столь энергично, как поначалу.

– Как знаешь, – вздохнул Петр и, понизив голос, выложил последний козырь. – Но прежде чем отказываться, вначале загляни обратно в избу и посмотри на брата. Мучается ведь. И потом, я их тебе не просто так даю, а взаймы, – нашелся он и шутливо погрозил ей пальцем. – Смотри у меня, через сто лет я у тебя их назад потребую, причем втрое больше. Видишь, какой я жадный.

– Вижу, – сквозь выступившие слезы улыбнулась Заряница. – Поболе бы таких скупердяев.

Вернувшись обратно, Сангре уселся возле изголовья кузнеца и бодрым голосом потребовал:

– Ну, давай, брат, хвались, как бился с ворогами тверскими. Я хоть и не вояка, но интересно послушать.

– Да я чего, – замялся Горыня. – Я как прочие. А песня твоя пригодилась, – припомнилось ему. – Когда сеча началась, нам не до того стало, но до битвы мы ее успели разок спеть и она нам и впрямь силушки придала. Может, ежели бы не она, и не устояли мы перед конной ратью.

Петр засмущался. И хотя он прекрасно понимал, что коль Улан заранее предсказал результат сражения, значит, песня ни при чем, все равно стало приятно.

Рассказывал кузнец хорошо. Скупыми, но красноречивыми мазками он столь ярко нарисовал картину произошедшего в памятный для всех тверичей день 22 декабря 1317 года, что Петр словно воочию увидел и то, как конный московский полк, натолкнувшись на железный строй тверичей, начал, рассыпаясь, откатывать назад, и как Юрий Данилович бросил на приступ запасную рать, и она тоже, напоровшись на пещцев, отпрянула, теряя людей. И тогда князь в неистовой жажде сломить стойкость тверских ратников, собрав всех конных, что у него были, сам повел их в последнюю отчаянную атаку.

Затаившему дыхание Сангре слышались крики атакующих, стоны раненых, ржание коней, треск и лязг железа. Словно воочию он видел перед собой конские пасти с клочьями пены на удилах, распяленные в неистовом крике рты московлян и вставшую насмерть на их пути тверскую пешую рать. В отличие от своих врагов, они не кричали попусту. Дрались сцепив зубы, молча, и так же молча умирали, падая в снег. А в первом ряду, вон там, справа, вместе с остальными сражается и сам Горыня, здоровый и полный сил. Пока здоровый…

Обидно, что к моменту ранения кузнеца дело-то свое пещцы практически сделали, и медленно, но уверенно подались вперед, тяжело ступая по свежевыпавшему снегу с выставленными вперед копьями, рогатинами, а зачастую и обычными косами, крепко примотанными на тяжелое, чтоб не срубили, древко. Да и удар-то по Горыне пришелся со спины. Кто-то из конных вражеских ратников, забравшись по неопытности и молодецкой удали в самую гущу тверичей, спохватился, что рядом никого, повернул коня и ринулся обратно, норовя спастись бегством. Он-то и махнул сабелькой по хребту кузнеца, не смотревшему, что творится позади него.

Дальше же было беспамятство…

Об остальном дорассказала Заряница: и как она отыскала брата, и как мыкалась в поисках пристанища, и как все вокруг говорили ей, что Горыня не жилец, ан поди ж ты, и длани поднять силушка появилась, а бог даст, и остальное заработает. А что не сразу, так и господь землицу не вдруг сотворил, не час малый, а день-деньской над нею трудился, а ить он всевышний, всемогущий. Братец же ее из человеков, вот и понимай, сколь месяцев ему прождать надобно…

Тон ее был бодрый, оптимистичный, но в глазах, таимая в самой глуби зрачков, отсвечивала усталость пополам с тяжкими сомнениями – а сбудется ли? Правда, видел это лишь Петр. Он и сам старался не подавать виду, что испытывает точно такие же сомнения, и в свою очередь бодрым тоном начал рассказывать, какую великую искусницу привез с собой в Тверь специально для Горыни.

Помня, что вера больного во всесилие лечащего врача сама по себе способна творить чудеса, он вдохновенно описывал необыкновенные таланты Изабеллы, уверяя, что ни Авиценна, ни Гиппократ, ни Эскулап не идут ни в какое сравнение с нею. Еще немного, и он в порыве вдохновения договорился бы до того, что перед испанкой склонил бы голову сам Исус, но вовремя взял себя в руки, сумев избежать богохульства. Впрочем, и того, что он поведал, хватало с избытком, вон как загорелись глаза у Горыни, как молитвенно прижала к груди руки Заряница. Того и гляди, кинется в ноги и станет умолять, чтобы несмотря на поздний час привел ее сюда.

«Кстати, о часе», – спохватился он и опять отправил Локиса поглядеть на луну. Как сказал Балабка, она должна была зависнуть над крестом на Спасо-Преображенском соборе – знак, что пора. Вернувшись, литвин молча кивнул, давая понять, что время пришло.

– Ну а теперь, хозяева дорогие, – весело сказал Петр, – мне

пора в путь-дорожку.

– Ночью?! – не понял Горыня.

– Да я ненадолго, – пояснил Сангре. – За Уланом и обратно. Он тоже поди рад повидать вас будет.

Заряница понимающе кивнула и, положив ладонь на руку брата, успокаивающе сказала:

– Я тебе опосля поведаю, – и пошла провожать. Оставшись стоять на крылечке, она торопливо перекрестила их и робко предложила: – А может, и впрямь погодил бы до утра, а там к княжичу в ноги упал. Чай, поклон не сабелька, спина не переломилась бы.

– Мне сказали, что Улана до света задавят, – пояснил Петр.

– А чего ж ты вечером-то думал?

Сангре поморщился, припомнив подброшенную монету и пикового валета. Может и впрямь надо было иначе… Но к чему сейчас гадать, что лучше, а что хуже. Всё, поезд ушел и впереди одна-единственная дорога.

Остановившись подле забора, он прислушался. Тихо. Немного поколебавшись, стоит ли брать арбалеты, раз собак не слышно, он все-таки решил прихватить оружие с собой. Так сказать, на всякий случай.

– Ну, пора, – весело подмигнул он литвину. – Полный вперёд, дорогой Квазимодо! Давай, с вещами на выход.

Перемахнули они через частокол достаточно легко. Неуклюжего Локиса Петр подсадил первым, а затем, перекинув ему спрятанные в мешке арбалеты, и сам перебрался на ту сторону. Оглядевшись по сторонам, он велел литвину оставаться на месте, когда понадобится – свистнет, а сам, крадучись, направился вдоль частокола к воротам, узнать, как и что. Пока вроде порядок, в смысле собаки помалкивают – Балабка держал слово, но мало ли. Проще для начала выяснить обстановку, а тогда действовать дальше.

Вратаря он увидел издали. Тот возился с чем-то, стоя у калитки. Петра он не заметил и вздрогнул от неожиданности, услышав его негромкий голос. Испуганно повернувшись в его сторону, Балабка прищурился, вглядываясь (луну к тому времени закрыло небольшое облачко), облегченно вздохнул и торопливо выпалил:

– Псов я запер в подклети, да накормил их досыта – ежели и почуют чужака через двери, все одно, не тявкнут. Ну и Векшу тож упоить успел. Еле-еле твово меду хватило. Зато таперича дрыхнет без задних ног прямо там, подле во-он того амбарчика, куда твоего побратима сунули. Таперь твое осталось, – он огляделся и, не увидев никого, поинтересовался: – Управишься сам с

запорами-то, али подсобить?

– Управлюсь, – кивнул Сангре и, не таясь, направился к указанному Балабкой амбарчику. Близ его угла на снегу и впрямь чернело какое-то пятно. Подойдя ближе, он увидел лежащего человека. По всей видимости, это был мирно дрыхнувший сторож. Оставалось порадоваться, что спит Векша тихо, значит, никто из дворни, выскочившей по нужде во двор, не услышит заливистого храпа и не заподозрит неладного.

Он подошел к амбарной двери и, приглядевшись, чуть не присвистнул от разочарования. Замки действительно были массивными.

– Такой простым инструментом не поднять, – пробормотал он. – Хорошо, что я догадался автоген прихватить. А, кстати, где он? – и Петр оглянулся, выглядывая Локиса.

Не увидев его, он тихонько свистнул. В ответ молчание. Выждав немного, свистнул вторично и облегченно вздохнул, услышав скрип сапог на свежевыпавшем снегу. Правда, вроде бы заскрипело не с той стороны, где оставался Локис. Сангре нахмурился, оглянулся, успев подметить и черную тень, вынырнувшую из-за угла амбарчика, и дубинку в руке. Следом из-за того же угла на нее прыгнула вторая тень, сбивая с ног, а попутно чувствительно задев и самого Сангре. Некоторое время Петр молча барахтался под тяжестью навалившегося на него чьих-то тел, наконец выбрался и недоуменно уставился на тяжело дышащего литвина.

– Ты чего, Бармалей?! – ошарашенно спросил он его.

Тот молча указал на лежавшего рядом человека. Петр присмотрелся, по-прежнему недоумевая. Гадал недолго, решив, что это кто-то из дворни. Скорее всего, ему приспичило выйти по нужде а, увидев крадущегося к амбару Петра он заподозрил неладное и решил разобраться. «Хорошо хоть, голоса подать не успел», – подумалось ему и он добродушно поинтересовался у Локиса:

– Ты его часом совсем не прибил?

Литвин замотал головой. Да и человек, словно услышав, что речь идет о нем, еле слышно застонал.

– Нормально! – удовлетворенно кивнул Сангре. – Вон, уже лыбиться начал за привалившее счастье от знакомства с тобою.

Русский язык Локис знал мало, а когда Петр выдавал очередной лихо закрученный перл, и вовсе не понимал своего обожаемого господина. Но раз тот говорит, значит, что-то приказывает, и в этих случаях Локис старался угадать, действуя по наитию. Вот и сейчас, восприняв слова Сангре как сигнал к действию, литвин стукнул лежащего по лбу. Тот послушно умолк.

– Правильно, – одобрил Петр. – Насилие, конечно, не наш метод воспитания, но в особых случаях, когда времени для убеждения в чистоте наших святых помыслов в обрез, самое то. Осталось его связать для надежности.…

Откуда у Локиса взялась веревка, Сангре понятия не имел: нашлась, и хорошо. С кляпом тоже проблем не возникло – вполне годилась рукоять дубинки самого нападавшего.

– И нечего тут ныть, – назидательно заметил Петр очнувшемуся и жалобно замычавшему мужику. – Мы ж не садисты, и в рот тебе пихаем не отраву, вроде носков тевтонов, а экологически чистое дерево. А ты давай побыстрее, – поторопил он Локиса. – Нам за замки приниматься пора, а то еще час и светать начнет. Подведем нашего вратаря.

С замками, вопреки опасениям Сангре, литвин возился недолго – всего несколько секунд, удовлетворенно продемонстрировав господину оба. Тот озадаченно посмотрел на них и недоуменно осведомился:

– Я понимаю, что у тебя чудо инструмент имелся, но ведь ломик, а не набор отмычек. Как ты их открыл-то?

Локис пожал плечами и прорычал:

– До меня.

– Никак рождественский подарок от нашего голкипера, – нахмурился Сангре. – Ох и не люблю я сюрпризов. И вообще, все это перестает мне нравиться.

Однако замки так или иначе были сняты, и соблазн открыть дверь оказался слишком силен, чтобы Петр устоял перед ним. Но, толкнув ее, он удивился еще больше – та не открылась. Навалился сильнее – с тем же результатом. Что за чертовщина? Сангре провел рукой по косяку. Да нет, все в порядке, никаких внутренних замков, никаких дополнительных щеколд и засовов не имелось. Получалось, кто-то… закрылся изнутри.

– Улан! – громким шепотом позвал он и, прислушавшись, вскоре услышал долгожданный голос друга:

– Капитан Блад?

– Он самый, – довольно улыбнувшись, подтвердил Петр. – А еще дон Жуан Одесский. А еще кабальеро де ла Бленд-а-Мед. Давай, открывай быстрее, чумазый гусар. Тебя того, свобода ждет радостно у входа, и побратим тебе отдаст свой арбалет.

– Побыстрее не получится, – отозвался Улан. – Погоди, я баррикаду разберу, – и вслед за этим до Сангре донеслось какое-то шуршание.

– Эй, ну ты чего голос-то не подаешь? – вдруг послышалось сзади. Оглянувшись, Петр увидел за спиной Балабку.

– Еще чуть-чуть и мы свалим, – нетерпеливо отмахнулся он.

Но вратарь повел себя странно. Завидя Сангре, он вздрогнул и торопливо попятился, а пройдя шагов пять, развернулся и бросился бежать к калитке с воплем:

– Стор**о**жа! Где вы?! Тати во дворе! Эй, сюда, сюда!…

– Идиот! – зло сплюнул Петр, решив, что тот перестраховывается.

Оставалось надеяться, что Улан успеет выйти раньше, чем разбуженные криками Балабки ратники оденутся и выскочат наружу. Тогда шанс благополучно добраться до частокола имелся. Улан и впрямь не заставил себя ждать, вынырнул из амбара чуть ли не в следующий миг.

– Идем быстрее, – поторопил Сангре, но его друг, сделав пару шагов, замер, уставившись себе под ноги:

– Это же… кровь, – медленно произнес он. – Ты что, убил его?

– Какая кровь?! – возмутился тот. – Локис разок отвесил от души, но голым кула… – и осекся, уставившись на темную лужицу, натекшую из-под лежащего тела.

Вот только принадлежало оно не тому, кто пытался напасть на Сангре, а лежащему в метре от него сторожу, со слов Балабки якобы мертвецки пьяному. Мало того, вновь показавшаяся из-за облачка луна осветила и то, что прежде ускользнуло от взгляда Петра: из груди караульного торчала рукоять хорошо знакомого ножа. Знакомого, поскольку совсем недавно, не далее как вчера, перед посещением церкви, он висел на поясе у… самого Сангре.

А меж тем один за другим загорались факела и в их свете стало отчетливо видно, что двор густо заполнили люди. Две арбалетные стрелы, с глухим чпоканьем впившиеся в амбарную дверь, окончательно подтвердили, что теперь спасение для всей троицы, как ни печально, можно отыскать только за нею…

Глава 26. Это есть наш последний, или Еще раз о Шарапове

Они успели нырнуть обратно. Правда, литвин слегка задержался и, прорычав нечто нечленораздельное, сунулся было в мешок за арбалетом, но торопливо вынырнувший Петр ловко ухватил Локиса за шиворот и втащил в амбар.

– Блин, ни черта не вижу, – пожаловался он, оказавшись внутри.

– Главное, пусть Локис дверь придержит, чтоб не ворвались, а я сейчас, – откликнулся откуда-то из темноты Улан. – И сам давай сюда. Тут одна хреновина неподъемная, а нам надо ее обратно к двери подтащить.

Кто знает, сумел бы кто иной на месте литвина удержать дверь, пока друзья подтаскивали ко входу какое-то загадочное сооружение, на ощупь напоминавшее спортивное бревно. Чуть позже, когда первая опасность миновала, Улан пояснил, что это,

как ему кажется, козлы, на которых пороли провинившихся холопов. Во всяком случае от бревна явно припахивало кровью. Приставив козлы одним концом вплотную к двери и навалившись всем весом на второй конец, друзья некоторое время вместе с Локисом сдерживали напор боярских ратников, выжидая, пока он не ослабнет.

Передохнуть не вышло – пришлось подтаскивать бревна. Их Улан еще вечером, уперев концы в противоположную стену, приспособил в качестве дополнительного держателя. Работали на ощупь, и если побратим Сангре, просидевший здесь со вчерашнего дня, хотя бы немного ориентировался, то Петр успел раза три споткнуться и раза два звонко треснуться обо что-то головой.

Но ругался он, не умолкая ни на секунду, не от полученных ушибов – ему было до слез обидно, что не распознал надувательства Балабки. И, судя по тому, как русские ругательства чередовались с украинскими и даже испанскими, раздосадован Петр был до предела:

– От же сволóта, от же лярва! Каброн[44] вонючий! Гад! Мьерда![45] Щоб его срака по шву розийшлася. Ихо де пута[46]… И я хорош! Как я его сразу не раскусил, что он брешет, как сивый мерин! А ведь печенкой контуженной чуял неладное!

– Ты о чем? – осведомился тяжело пыхтевший Улан.

– Да о вратаре этом, – пояснил Петр. – Мне ж еще на постоялом дворе что-то неправильным показалось, но дошло только сейчас. Он же, зараза, в точности как Шарапов сработал. Сам тему задал и сам меня подвел к нужному решению. В смысле, нужному для него. И ведь обставил так, чтоб у меня времени на раздумье не осталось: именно этой ночью тебя вытаскивать надо, поскольку к утру убьют. Вот я и пошел… на святое дело: друга из беды вызволять. Ну и результат налицо: добро пожаловать к Жеглову на кукан.

– Историю отечественного права надо было как следует изучать, – попенял ему Улан. – В том числе и «Русскую правду». Тогда бы понял, что это может оказаться ловушкой. Здесь хозяин, застукавший ночью грабителя, имеет полное право его убить и не понести никакого наказания, при условии, что никто не видел бандюгу связанным или живым после рассвета.

– Значит, нам надо продержаться до восхода солнца и тогда появится шанс, – сделал оптимистичный вывод Сангре, и, в очередной раз треснувшись обо что-то головой, взвыл от боли.

– Трудно сказать появится ли, – после недолгой паузы откликнулся Улан. – С одной стороны, боярин ничем не рискует, сдав нас на княжеский суд. Он же не знает, что у нас имеется

грамота от Гедимина к Михаилу Ярославичу.

– А… если бы знал? – насторожился Петр.

– Откуда? Мы вроде никому о ней не говорили, даже Пушате.

– Ну-у, к примеру.

– Плохой у тебя пример, – хмыкнул Улан. – Или сам не понимаешь, что в этом случае Ивану Акинфичу нужно в срочном порядке замести следы, а как проще всего это сделать? Да ликвидировав нас.

– А, допустим, он в этой грамотке толком ничего не смог прочесть, поскольку весь текст размыт? – не унимался Петр.

– Логически рассуждая, ему все равно лучше нас пристукнуть. Мало ли что мы наговорим князю, так зачем рисковать? Погоди, погоди. Не хочешь ли ты сказать…

Однако тут в дверь вновь принялись ломиться, и на сей раз с удвоенной силой. Локис, удерживая ее, уже не рычал – ревел от натуги, как подраненный зубр. Друзья дружно навалились на бревна-распорки, старательно удерживая с их помощью козлы.

– Кажется, рухнет скоро твоя баррикада под напором неустрашимых гладиаторов, – выдохнул Сангре. – Пора браться за арбалеты.

– А ты их прихватил? – обрадовался Улан.

– На всякий случай, – буркнул Петр. – Человека можно подкупить, а собак… Потому и взял, как чувствовал. Правда, со стрелами не ахти, но…

– Их нет, – прорычал Локис.

– Ты что?! – возмущенно повернулся к невидимому в темноте литвину Сангре. – Забыл взять с собой стрелы?! Я ж тебе говорил…

– Мешок нет, – перебил Локис. – Он там, за дверь.

– Ну елки зеленые! – простонал Петр. – Что ж ты натворил, Голиаф недоделанный?! – но тут же осекся, поскольку припомнилось, как он резко ухватил литвина за шиворот, втаскивая вовнутрь.

Скорее всего, именно тогда Локис и выронил мешок. Получалось, виноваты в его потере оба и он сам как бы не побольше.

Литвин виновато посопел и предложил:

– Я взять?

– Сиди уж, горюшко ты мое непутевое! – буркнул Сангре и, вздохнув, бодро заметил Улану: – Вообще-то в такой темноте арбалеты нам ни к чему. Опасны слишком. Того и гляди при передаче из рук в руки кто-то чего-то нажмет – будет обидно ощутить собственную стрелу в родной заднице, а я… – он резко умолк и, прислушавшись к происходящему за дверью, озадаченно

протянул: – Кажись, затихло. Явно не к добру.

– Стой! – раздался громкий бас, явно принадлежащий боярину. – Убиенного не замай и трогать не моги. Пущай лежит как лежит… до показа княжичу.

– А как же… Ежели они ему поведают, что…

– Ничего не поведают, – пояснил боярин, понизив голос. – Мы ж его опосля покажем, когда с ентими покончим. Потому и сказываю, чтоб побыстрее. А вы чего застыли, яко пеньки?!

– Оп-паньки, какой знакомый бас, – зло протянул Сангре. – Ишь, нарисовался, хрен сотрешь.

– А ты точно не убивал того, кто там лежит? – шепотом уточнил Улан.

– Точно, точно, – торопливо заверил Петр. – Погоди-ка, дай мне с этим козлом языком почесать, глядишь, и получится время потянуть. – И он громко закричал: – Здоровеньки булы, почтеннейший Иван Акинфич! Як зараз ваша життя? Сладко ли спалось? Птеродактили ночью не кусали, муха це-це не залетала?

Боярин ответил не сразу, осмысливал услышанное.

– Залетела парочка, – наконец откликнулся он. – Назойливые, страсть. Да я так мыслю, скоро отжужжатся, тогда и досыпать пойду. Потому им лучше самим бы отсель упорхнуть подобру-поздорову, покамест я добрый.

– Ага, мы вылетим, а тут твои орлы с мухобойками.

– Слово даю, пальцем никто не тронет, ежели согласен убытки мои возместить. А иначе гляди, хужее будет.

– Как говаривал мой знакомый гуру, не пугай махатму чакрой, – откликнулся Сангре. – А что до грошей, то ты их из моей сумки отсчитай.

– Так их я за бесчестье взял, а за ночную татьбу с тебя на особицу причитается и вдвое больше. Потому и сказываю, что не тронут вас мои людишки. С покойников-то я ничего не возьму. Давай, выходь без опаски.

– Интересная мысль. Подумать надо, с политбюро посоветоваться, с центральным революционным комитетом.

– А что за бесчестье? – вполголоса поинтересовался Улан.

– Да так, пустячок, вчера зубы ему пересчитал, когда тебя повязали, – отмахнулся Петр.

– При всех? – ахнул Улан.

– Ну да. Времени не было отводить его в сторону.

– Ну сколь можно? – донесся до них приторно-ласковый голос Ивана Акинфича. – Али меня напужался столь сильно? Так ты не боись. Вот глякась, пред храмом крещусь, что не трону.

– Ай, перестаньте, я вас умоляю! – крикнул в ответ Петр. – Это у слоника уши большие, вот ему лапшу на них и вешай. А

меня нечего за хобот водить, в смысле, за нос. То, что ты иногда честный человек – за это знает вся Дерибасовская. Но любой биндюжник на Привозе подтвердит, что эта честность содержится в тебе, боярин, в таких гомеопатических дозах, что ее надо разглядывать в микроскоп. Нет, если ты готов поклясться за нашу неприкосновенность в синагоге, преклонив колена перед далай-ламой и возложив лапу на Коран, таки мы рассмотрим твое предложение повнимательнее.

– Слыхали, яко сей басурман меня от нашей православной веры отвращает? – после недолгой паузы заметил Иван Акинфич своим людям и громко крикнул: – Так что, не желают вылетать мухи?

– Спутал ты немного, – невозмутимо поправил Сангре. – Мы больше на шмелей похожи, и жала у нас при себе, имей ввиду. Первого же поца, попытающегося сюда войти, тяпнем так, что мало ему не покажется. И пока шершень не прилетит, мы отсюда ни ногой.

– Это какой же шершень вам нужон?

– Князь! – И Петр заорал во всю глотку, желая, чтоб его услышал не только боярин, но и ратники. – Пускай Михаил Ярославич знает, как обходятся разные шлимазлы с посланцами от его будущего родича Гедимина, о чем написано и в той грамоте, что была у меня в сумке.

– А они не того? – вполголоса опасливо спросил кто-то у боярина. – Вдруг их взаправду литовский князь прислал. Тады…

– Сказываю же, выкрали они оную грамотку у истинного гонца, – сердито оборвал Иван Акинфич и рявкнул. – Ну же! Ломайте дверь, да поживее. Да бревно оставьте, нечего с ним.

– А как нам…

– Да так! Секиры у вас на что?! Да скорее рубите, а то эвон, светать начало.

Через несколько секунд раздался первый удар – острое железо вгрызлось в дерево.

– Как я понимаю, наша грамота попала в руки боярина, – задумчиво протянул Улан.

– Ой, ну я тебя попросю, – взмолился Петр. – Ну, забыл я ее вынуть из сумки, так что, убить меня за это?!

– Мудро сказано, – согласился Улан. – Главное, вопрос с ответом в одном флаконе. И займется этим Иван Акинфич. А после вчерашнего прилюдного бесчестья, будь уверен, экзекуцию над тобой он проделает лично, никому не доверит.

Петр посопел и буркнул:

– Смеяться над чужой глупостью большого ума не требуется, посему будь ласка, закрути извилины своих гениальных мозгов в

иную сторону и срочно что-то придумай, иначе тебе Изабеллы больше никогда не увидеть.

– Как это?!

– А так! – огрызнулся Сангре. – Ты ж сам нашу дальнейшую судьбу предсказал, когда они дверь выломают. А у покойников глазки закрыты. И поверь, что наши гробики они даже поганенькой красно-полосатой тряпкой с кучей звезд не покроют, то бишь закопают безо всякого почету и пиетету, как распоследних босяков с Молдаванки. Да что я тебе говорю, когда ты сам мне перспективу предрек. Ну? Что-то надумалось? – Улан в ответ смущенно промолчал. – Понятно, – вздохнул Петр. – Ладно, тогда я сам, – и выругался. – Ах ты ж, чёрт, ни одна идея в голову не идет. Пройтись бы, да негде.

– Как негде? Здесь кубатура вполне.

– В этой средневековой комнате ужасов? Нашел дурака!

– Почему ужасов?

– Потому что темно и кругом одни грабли, даже сверху. Шишек нахватаю и этим все закончится.

– Ну тогда давай я попробую. Ты, кстати, вчера сколько гривен с собой прихватил?

– Двадцать, а что?

Улан вместо ответа молча отодвинул друга от двери.

– Как там ты любишь выражаться? – спросил он у Петра. – Ага, ну примерно так, – и он громко закричал, прильнув к двери: – Азохен вэй, граждане дружинники! Я шо-то Ивана Акинфича не слышу среди тут?

Сколь ни трагична была ситуация, в которую они угодили, но услышав от друга *такое*, Сангре не выдержал и весело захохотал. Отсмеявшись, он вытер выступившие на глаза слезы и внес небольшое замечание:

– Браво, Уланчик! Но когда ты в очередной раз вздумаешь перейти на одесский язык, то на будущее запомни: грамотнее говорить не среди тут, а между здесь!

– Учту, – пообещал тот. – Вот только не пойму, что ж никто не откликнулся?

– Может, не поняли, – предположил Петр и посоветовал: – Будь проще и люди к тебе потянутся.

– Ладно, – согласился Улан, – обратимся иначе, – и, вновь припав к щели, громко крикнул, обращаясь к ратникам. – Ребята! Там у моего побратима в сумке, что он оставил, полсотни новгородских гривен было. Два десятка, так и быть, вашему боярину за бесчестие, а остальное мы с моим другом вам жертвуем. Там и на свечки хватит за упокой наших душ, и на жбанчик медовухи каждому. Хоть помянете добрым словом, и на

том спасибо. Только сразу свою долю у него заберите, пока мы тут, а то помрем и он делиться с вами передумает.

Удары топоров мгновенно утихли. О чем принялись переговариваться меж собой ратники, было не слышно, но рубить дверь никто не пытался. А вскоре где-то вдали послышалась неистовая ругань Ивана Акинфича. Очевидно, к нему подошла депутация прояснить щекотливый вопрос будущей дележки гривен.

– Ты гений, – благоговейно прошептал Петр.

– Это не я, а римляне, – пояснил Улан. – Они же придумали: «Разделяй и властвуй».

– А ты, значит, их наследник. Бли-ин, а я-то, дурень, твою родословную от Чингисхана хотел тянуть. Промашка вышла, извини. Теперь я Изабелле скажу, что ты этот, Хаим Юлий, и трошки Цицеронович.

– До Изабеллы добраться надо, – грустно откликнулся Улан. – Думаешь, эти разборки у них надолго? От силы десяток минут выгадаем, а то и меньше.

– Надо было про сотню говорить, – посоветовал Петр. – Тогда все полчаса выгадали.

– Наоборот, – возразил Улан. – Не забудь, что каждый десяток – это два кило. Одно дело вес сумки на шесть килограмм увеличить, а другое – на шестнадцать. Скорее всего вообще бы не поверили.

Меж тем негодующий боярин решил опровергнуть слова одного из пленников, направившись к амбару, поскольку его голос с каждой секундой становился слышнее.

– Ты чего там городишь?! – отчетливо услышали друзья. – У твоего приятеля в сумке всего два десятка было, на что хотишь побожусь.

– Все, разрабатывай следующую тему для дискуссий, раз поперло, а тут я сам, – шепнул другу Сангре и громко закричал: – Брешешь! Зажал, зараза! А ведь это с нашей стороны, можно сказать, святая воля умирающих. Такой смертный грех тебе ни один мулла не отпустит, хоть ты себе весь лоб в костеле расшибешь. Народ! Вы его не слушайте. Сказано полсотни гривен, значит, полсотни. Я их сам считал, перед тем как в сумку сунуть. А если отнять двадцать боярских, вам причитается столько, что каждому хватит на две добрые попойки и одну белую горячку.

Увы, на сей раз препирательства длились недолго. Иван Акинфич, смекнув, что для споров не время, довольно-таки быстро пошел на уступки, торжественно пообещав рассчитаться без обмана. Петр попробовал остеречь вновь принявшихся за свой тяжкий труд ратников, призывая их потребовать серебро прямо

сейчас, однако многого добиться ему не удалось. Удары топоров чуть стихли, но ненадолго, ибо Иван Акинфич, озверев от очередной задержки, в запале посулил вообще отдать ратникам все, не оставив себе ни единой ногаты. Но потом. И попытки Сангре убедить их, что когда боярин покончит со своими пленниками, они и половинки рваной онучи от него не получат, ни к чему не привели. В ответ тот поклялся выдать тому, кто первый доберется до татей, помимо его доли ровно столько же из своей казны.

Тяжелые секиры продолжали безжалостно вгрызаться в крепкую древесину. Выяснив, что у Улана больше никаких идей нет, Петр затих, поневоле вслушиваясь в частые удары. Внезапно он сорвался с места и, подбежав к двери, громко крикнул, что хотел бы переговорить с Иваном Акинфичем. Ратники поначалу отказались позвать боярина, но он настаивал и те согласились, вновь прервав свой труд. Боярин очевидно находился у себя в тереме, поскольку подал голос минут через пять, не раньше.

– Тебе чего? – бесцеремонно поинтересовался он.

– Спросить хотел, – пояснил Сангре. – Ты зачем у Володьки усы сбрил, дурик?

Ответа он не понял – слишком нечленоразделен оказался яростный рев за дверью, после чего секиры застучали часто-часто.

– Ну и зачем? – осведомился Улан.

– Ты ж сам говорил про экзекуцию. Так чего зря страдать? А потом, чем он злее, тем больше глупостей натворит, а нам любой его промах кстати.

Дуб – дерево крепкое, но против железа и ему устоять не дано, и в скором времени вся троица увидела, как одно из бревнышек, жалобно хрустнув, подалось. В амбаре сразу стало заметно светлее. Через несколько секунд хрустнуло и другое, рядом. Затем третье. И четвертое. А вскоре в образовавшемся проеме показалась чья-то нетерпеливая голова. Но, как известно, спешка до добра не доводит и в следующее мгновение, получив увесистый удар от Локиса, голова с воем исчезла.

– Вот как поступают с любопытными на Руси, – поучительно заметил Сангре. – И не с одними Варв**а**рами. Уланчик, ты как там? Не надумал чего-нибудь новенького?

– Теперь не думать, драться пора, – откликнулся тот. – Минут пять-десять еще поживем.

– Звучит тоскливо, – прокомментировал Петр и громко крикнул, обращаясь к ратникам. – Эй, севалдуи, ну кто первый? Давайте быстрее, а то мы заждались.

– Вы бы лучше подыскали себе чего поувесистее, – посоветовал Улан напарникам.

Сангре хотел огрызнуться, но не нашел, что сказать и пошел искать, заодно указав Локису на весьма внушительных размеров бревнышко.

– Как раз для тебя.

Тот утвердительно кивнул, легко подхватил его с земляного пола, приноравливаясь, и удовлетворенно рыкнул, расплывшись в довольной улыбке.

– Как мало надо человеку для счастья, – позавидовал Петр, пробуя в свою очередь жердину пальца в два толщиной и, заметив устремленный на нее презрительный взгляд литвина, проворчал в свое оправдание. – Ну не всем же Ильями Муромцами литовскими быть, надо кому-то и Алешу Поповича заменить. Зато у нас с тобой, друже, отличный тандем выйдет. Будешь глушить, а ежели какой ловкий попадется, и ускользнет, я за тобой подчищать стану, чтоб ты по пустякам не отвлекался. Вот только… – он озадаченно нахмурился, – почему-то нет никого до сих пор. С чего бы? Ладно, подождем.

Ждать пришлось недолго. Через минуту в проломе возникла чья-то рука, и зажатый в ней пук горящей соломы в следующее мгновение полетел вовнутрь. Друзья бросились тушить, но не успели они погасить первый пучок, как рядом с ним плюхнулся второй, третий…

Поначалу пришлось тяжко, но вскоре троица распределила имеющиеся силы: тушили двое, а Улан, взяв у Сангре жердину, встал сбоку и принялся, точно шпагой, старательно орудовать ею в проломе, защищая амбар от новых порций огня. Ратники снаружи пытались перехватить ее, но им никак не удавалось: слишком виртуозно работал с нею Улан, успевая быстро ткнуть и мгновенно убрать обратно. Благодаря ему с локальными очагами пожара удалось покончить быстро, благо, ни один из пуков не долетел до кучи соломы, сваленной в дальнем углу.

Внезапно галдеж ратников словно по команде стих и где-то вдали друзья услышали чей-то молодой, но властный голос.

– Ну и что тут у тебя такое, боярин?

– Да вот, княже, тати ночью ворвались в мою скотницу, хотели разграбить, да вишь, вратарь тревогу поднять успел, и тогда они… – зачастил в ответ Иван Акинфич.

– А меня почему не известил? – перебил его голос.

– Мыслил, изловлю, а уж тогда…

– Слушай, а это часом не княжич ли? – удивленно прошептал Петр и, невзирая на опасность получить прямо в лоб арбалетную стрелу, осторожно выглянул в пролом. – Точно, – протянул он изумленно. – Странно, в такую рань. У него что, армейская привычка каждый день с обхода территории, то бишь Твери,

начинать?

– Если и так, то это очень хорошая привычка, – невозмутимо прокомментировал Улан, предупредив друга. – Но ты не больно-то радуйся. Получается лишь отсрочка, поскольку в «Русской правде» на наш счет ясно указано…

Договорить он не успел, ибо в следующий миг в проломе показалось озабоченное лицо Заряницы.

– Живы! – просияла девушка, увидев их. – Ну слава богу. А я боялась, что запоздаю. Меня ж поначалу к княжичу вовсе не пускали. Хорошо он сам во дворе был, да меня услыхал, а то б запоздала.

Глава 27. Суд княжича

Вскоре Петр и сам понял, о чем хотел предупредить его Улан.

Трудно сказать, на что рассчитывал Иван Акинфич, упросивший Дмитрия провести суд немедленно, причем прямо у него во дворе. То ли он знал, о чем говорится в «Русской правде» по поводу ограбления и убийства, то ли возлагал чересчур большие надежды на то, что княжич припомнит предыдущие события с участием этих иноземцев, особенно обстоятельства их побега из-под стражи.

Однако с этим у него получилась осечка. Дмитрий не забыл не только об ускользнувшем из-под носа Юрии Даниловиче, но и о том, кто написал полюбившуюся ему песню. Это подтвердило и его обращение к Сангре:

– Чего молчишь, гусляр? Или правда все, что Иван Акинфич про вас сказывает?

И всякий раз, сумрачно покосившись на Улана, Петр неохотно бурчал:

– Зачем человека перебивать. Пускай боярин до конца выговорится, а тогда и мы на все разом ответ дадим.

На самом-то деле Сангре, слушая складно сплетенное боярское вранье, кипел от негодования, но Улан еще перед началом суда, улучив момент, взял с него слово, что тот будет молчать. Мол, во-первых, его одесские изыски и прочие словесные перлы никто не поймёт и они могут изрядно повредить делу, а во-вторых, он не знает всех положений «Русской правды», не говоря про «Мерило праведное» и «Кормчую книгу». Меж тем этот процесс им надо выиграть во что бы то ни стало, притом вчистую, поскольку в противном случае в дознатчиках им не бывать, не возьмет их князь. А кроме того, проигрыш означает, что за содеянное их приговорят на поток и разграбление, то бишь к конфискации всего имущества. Петр поначалу хотел возмутиться, но затем, справедливо рассудив, что лучше не пытаться обойти закон, если не знаешь, где он тебя может подстеречь, согласился с

другом.

И вот теперь ему поневоле приходилось терпеть боярскую ахинею. Терпеть и молчать. Время от времени, когда было совсем невмоготу, он тихо шипел другу, чтобы тот хоть в чем-то опроверг Ивана Акинфича, давно пора. В конце концов, у них есть перстень от Гедимина. Если его продемонстрировать княжичу, то, может, и объяснять ничего не понадобится.

Но Улан всякий раз отмахивался, давая понять, что лучше знает, когда начинать выкладывать свои аргументы. Правда, услышав про перстень, потребовал отдать ему, мол, целее будет. Восприняв концовку фразы как явный намек-упрек на бездарно провороненную грамоту, Петр обиделся и, отдав подарок Гедимина, больше ничего говорить ему не стал.

Одно хорошо. Еще в самом начале разбирательств Улан вывел из-под обвинения Локиса, заявив, что он – ратный холоп, а потому вины на нем за вторжение на чужой двор нет, ибо он действовал по повелению его хозяина.

Петр промолчал даже тогда, когда боярин, нимало не смущаясь, заявил, тыча в Сангре толстым пальцем-сосиской, что тот и вратаря успел избить, а в качестве доказательства ткнул пальцем на его перевязанную руку.

– Эвон, ажно длань себе расшиб.

Сангре вновь покосился в сторону Улана, но тот продолжал помалкивать. Правда, с этим обвинением у Ивана Акинфича получился небольшой казус. Не выдержав столь явной несправедливости, Заряница, стоящая в толпе зрителей, выкрикнула:

– Что ж ты напраслину на него наговариваешь, боярин?! Я ж ему оную длань вчерась перевязывала и ведаю, что костяшки свои он об твои зубы разбил, когда по роже тебе треснул.

Раздался дружный хохот. Впрочем, дворня мгновенно стихла под злобным взглядом Ивана Акинфича и лишь дружинники княжича продолжали покатываться. Да и сам Дмитрий не сумел сдержаться и улыбнулся.

А Улан мало того, что не поддержал Заряницу, но… расстроился, пробурчав себе под нос что-то укоризненное. Мол, не вовремя она его обличила, чуть погодить бы, чтобы Балабка успел подтвердить это обвинение и тогда можно было бы уличить его во лжесвидетельстве.

Мало-помалу у Петра складывалось впечатление, что мысли побратима вообще заняты совершенно иным – уж очень рассеянный был у его друга взгляд. Да и устремлен он был не на боярина, а куда-то в сторону амбара, где лежало не убранное тело Векши, причем не убранное по просьбе Улана, с которой он еще

до суда обратился к княжичу. Мол, невинно пролитая кровь вопиет к отмщению, и пока оно не свершится, пускай труп остается на месте и нож из него тоже не надо вынимать.

Дмитрий недоуменно поглядел вначале на него, затем на Петра, и, не выдержав, осведомился:

– Мыслишь, гусляр не виновен?

– Он же сам об этом сказал, – пожал плечами Улан.

– Мало ли что, – скептически хмыкнул княжич.

– Если ты повелишь не убирать тела и приставишь к нему дружинников, чтобы никто и близко к покойнику не подходил, я найду убийцу, – твердо заверил Улан.

– Ну-ну, – неопределенно протянул Дмитрий, но просьбу выполнил, поставив подле лежащего Векши одного из своих воинов.

Увы, но Петру, на его вопрос как именно Буланов собирается искать убийцу, побратим ничего конкретного не ответил, хмуро заявив, что сейчас его черед банковать, а потому пускай стоит и не вмешивается. К тому же и ему самому надо кое-что прикинуть.

А Иван Акинфич меж тем разливался соловьем, обвиняя подлых татей, пробравшихся ночью на его двор и убивших ни в чем не повинного сторожа. Мол, о том, что убийство именно их рук дело, наглядно свидетельствует нож, по причине спешки оставленный в теле покойного. Кстати, и сам тать насчет ножа не спорит, подтверждает, что он его. Правда, иноземцы уверяют, что все происходило совершенно иначе, но к чему их слушать, когда остальное говорит против них.

– Да и не сходится что-то. Сам посуди, Дмитрий Михайлович, – и боярин выдал свой расклад.

Звучало он логично. Не далее как на рождество Христово оба еще пребывали в деревне Липневка, где также вредили Твери, чем могли. С их помощью в самый последний миг ушел от погони московский князь, которому уже некуда было деваться. Более того, понимая, какая кара им грозит, они сбежали по дороге.

Тут, конечно, отчасти вина и на самом Иване Акинфиче. Благодушен оказался, поверил, что ненароком они московлянину подсобили, но кто ж знал, что они его доверчивость себе на корысть обернут? Ишь, подлые, изловчились, повязали всех ночью, а его и вовсе с собой увезли, да бросили невесть где. Видать, рассчитывали, что волки по пути съедят, ан не вышло.

Далее боярин позволил себе роскошь сказать правду. Мол, он действительно, узнав, что они в Твери, велел заманить их в нему во двор якобы для покупки хором. Но кто осмелится обвинить его в приказе задержать обоих? Надо ж было ему исправиться и выполнить, пускай и с огромным запозданием, повеление

княжича, так и не отмененное им, и предоставить обоих на суд Михайлы Ярославича.

Но в дальнейшей речи Ивана Акинфича правдой и не пахло. Дескать, идея вломиться ночью к нему целиком и полностью принадлежит иноземцу. Причем, освободить своего друга он собирался лишь для того, чтобы вместе с ним сподручнее ограбить самого Ивана Акинфича. Для того он и пытался подговорить вратаря, пригласив Балабку к себе на постоялый двор, а когда тот отказался, иноземец стал действовать самостоятельно, взяв себе в помощь холопа, на чью рожу только глянуть —сразу ясно, тать. И кто ведает – возможно, на самом деле он умышлял не просто ограбить, но и вовсе убить боярина, иначе зачем ему брать с собой самострелы. Хорошо, Балабка вовремя всех разбудил.

Что касается попавшей вчера в его руки сумки с гривнами и изрядно подмокшей грамотки Гедимина, то нешто такую можно прочесть? Да пусть княжич сам поглядит, какова она. И он незамедлительно протянул свиток Дмитрию. Морщась, тот развернул его, но почти сразу свернул, нехотя подтвердив, что и впрямь прочесть навряд ли получится.

– Вот! – радостно завопил боярин. – И я о том же. Ну кто ж поверит, что они везли ее в Тверь, да по пути намочили?!

И опять звучало логично. Дескать, навряд ли Гедимин не далее как за три месяца успел настолько довериться оным подлым людишкам, что решил сделать их своими посланцами и отправил с важным поручением. А главное, куда. Да опять-таки в Тверь, где им нельзя появляться ни под каким видом. Сдается, реши литовский князь учинить таковское, они бы сами постарались под любым предлогом отказаться от этой поездки…

Улан же вновь отмахнулся от предложения Петра подсказать Дмитрию, что касаемо грамотки у них имеются свидетели, могущие доказать, что они ее не выкрали.

– Молчи, – прошипел он раздраженно. – Литвины из-за своего статуса ратных холопов не могут быть послухами в суде.

– А Изабелла?

– Она тоже. Женщин-свидетельниц на Руси не бывает. И вообще, не мешай слушать.

«Ну и ладно, – гордо решил Петр. – Коль тебе до друга дела нет, и я ни слова не скажу, как обещал».

Лишь когда Иван Акинфич наконец-то умолк, Улан с дозволения княжича (не принято было на Руси, чтоб за обвиняемого оправдывался кто-то иной, а не он сам, но Дмитрий пошел на уступку, разрешил) приступил к своей речи.

– Боярин оболгал нас, – сразу начал он с самой сути, – но я

докажу, что он – лжец, а мы не ночные тати и уж тем паче не убийцы. А вот наша подлинная история…

Его слова лились легко. Насыщенные информацией скупые фразы звучали безразлично, но от этой безразличности им верилось еще сильнее. Сангре и помыслить не мог, что его друг умеет говорить так гладко. И чем дольше он слушал, тем больше приходил к убеждению, что Улан не зря попросил его помалкивать. Одесские перлы – а без них Петр навряд ли сумел обойтись – и впрямь повредили бы делу, а Улан говорил четко, по делу, и притом умело цитируя положения из Русской правды и каких-то вовсе загадочных для Петра кормчих и мерил.

И в другом Сангре признал правоту Улана. Правильно он поступил, отказываясь говорить раньше и позволив боярину выложить все полностью. Зато теперь их оправдания звучали не обрывочно, как ответы на предъявленные обвинения, а складывались в цельную картину. Их и оправданиями трудно было назвать – обычный рассказ о мирных людях. И все чернее становилась фигура боярина, постоянно пытающегося отомстить им за свой позор в Липневке и вторичный позор на глазах собственных холопов. Когда же Иван Акинфич пытался встрять, его обрывал не кто иной, как Дмитрий, все более мрачневший.

– Погодь, – строго хмуря черные густые брови, всякий раз бесцеремонно осаживал он боярина. – Тебе не мешали сказывать, вот и ты не лезь. А ежели вспомнил, что добавить, опосля нам поведаешь.

Несмотря на размытый текст грамотки, Улану и без дополнительных свидетелей удалось доказать, что сам Гедимин вручил ее друзьям, отправив их в Тверь. Правда, полностью опровергнуть обвинения не удалось. Осталось основное, оно же самое тяжкое – убийство, о чем напомнил нимало не смутившийся Иван Акинфич.

– А это мне чем грозит? – вполголоса поинтересовался Сангре у друга.

– Все то же: поток и разграбление, – коротко пояснил тот и… неожиданно попросил позволения переговорить наедине с княжичем. Мол, сообщение тайное и помимо Дмитрия слышать его никто не должен…

Тот, чуть поколебавшись, согласно кивнул и махнул рукой, чтобы все отошли, распорядившись очистить круг подле него пошире.

Глава 28. Да здравствует криминалистика XX века!

– О том, Дмитрий Михайлович, мы должны были поведать только твоему батюшке и больше ни единой душе, – начал свою речь Улан. – Но ты плоть от плоти княжеской, первенец и

наследник его, а потому тебе можно…

И далее последовал рассказ, что таились они, поскольку были присланы к Михаилу Ярославичу не как гонцы Гедимина, но с секретной миссией сослужить некую службу тверскому князю. Именно потому он и не стал просить княжича выслушать послухов, имеющихся у них, чтоб никто не ведал, с каким почетом провожал их Гедимин, ибо они на самом деле… дознатчики. Финальной точкой сообщения послужил золотой перстень литовского князя с вырезанным на синем камне трезубцем, продемонстрированный Уланом.

Поначалу Дмитрий, выяснив, чем они занимаются, лишь иронически улыбнулся.

– И у нас такие имеются, токмо кличут их по другому.

Улан покачал головой:

– Не-ет, княже. Твои люди могут лишь след гнать, выясняя, куда вор краденое подевал. Удастся при этом до самого ворюги добраться – хорошо, а на нет и суда нет. Мы же и зовемся по-другому, и след гоним иначе, а в первую очередь виновного ищем, причем в любой татьбе, чего бы она ни касалась: кражи, разбоя или… убийства.

– Вот как? – недоверчиво усмехнулся Дмитрий, но, вспомнив что-то, медленно протянул: – Тогда я понимаю, для чего вас Гедимин моему батюшке прислал. И отчего ты столь твердо мне сказывал, что убийцу сыщешь. Токмо как-то оно не того…

Княжич замялся. Понять его было можно. Получалось и впрямь как-то не того: обвиняемый, пусть не сам, а его побратим, но в любом случае лицо заинтересованное, сам начинает гнать след. Видя его колебания, Улан торопливо предложил приемлемый выход: он работает нелегально, то есть вполголоса подсказывает, что надо делать, а княжич, громогласно распоряжаясь, продолжает командовать процессом.

– Ну-у, ежели так, тогда приступай, – кивнул Дмитрий. – Да и меня охота разбирает поглядеть, сколь велико твое художество.

– Первым делом надо бы послать кого-нибудь из дружинников на торжище прикупить бумагу, – предложил Улан. – Потом вычтешь ее стоимость… с убийцы.

Дмитрий распорядился и, повернувшись к Улану, потребовал:

– Далее.

– А пока все, – развел руками Улан. – Думаю, горшок печной сажи в такое время года и в боярском тереме сыщется.

– И больше тебе для сыска ничего не надобно? – недоуменно поинтересовался Дмитрий. – А людишек поспрошать?

– Зачем? Убийца сам себя выкажет. Но вначале повели, дабы боярин во всеуслышание, чтоб отвертеться не смог, подтвердил,

что ни к убитому, ни к ножу в его теле никто не прикасался.

– Не смог отвертеться… – задумчиво повторил княжич. – Мыслишь, кто-то из его холопов…

– И по его прямому наущению. Впрочем, об этом сам убийца скажет, когда мы его уличим и он поймёт, что деваться некуда.

– Одначе ты бы обсказал мне, что мыслишь делать. Мне ж понимать надобно. Да и негоже, – поморщился он, – всякий миг свое ухо близ твоих уст держать.

– И то верно, – охотно согласился Улан. – Значит так. Векша и впрямь здоровенный бугай, а потому убийце пришлось ударить его ножом несколько раз. Когда он нанес первый удар, из Векши пошла кровь, попавшая на рукоять. Ночью подморозило, поэтому кровь почти сразу застыла, успев сохранить отпечатки пальцев преступника.

Дмитрий недоуменно нахмурился. Пришлось Улану вкраце просветить его насчет дактилоскопии, продемонстрировав в качестве наглядного примера капиллярные узоры вначале на своих пальцах, затем на пальцах Петра и самого княжича. Не упустил он случая и польстить юному судье, заметив, что рисунок его отпечатков явно напоминает узор будущей княжеской короны. Закончив с лекцией, Улан продолжил:

– Если ты помнишь, княже, я, когда мы выходили из амбара, споткнувшись, ненадолго задержался подле покойника, – Дмитрий согласно кивнул. – Вот тогда я их и подметил. Потому и упросил тебя выставить у тела охрану, чтоб ножа никто не касался. Сейчас принесут бумагу и мы, вымазав сажей пальцы на руках каждого из холопов Ивана Акинфича, сделаем на каждом листе по оттиску, а затем осторожно извлечем из убитого нож и станем сличать.

– А у своего побратима ты оттиск делать будешь?

– У него в первую очередь, чтоб ты сам убедился: они не совпадают.

– А промашки быть не может? Вдруг эти узоры у двоих, али троих похожими окажутся.

Улан поморщился, досадуя, что плохо объяснил.

– Еще раз говорю, они неповторимы. Хоть всю Тверь обойди, да что там, всю Русь, весь мир, но двух одинаковых не сыщешь.

Незаметно подошедший поближе Петр – интересно же – уловив, о чем идет речь, мгновенно сообразил, как поддержать друга и поучительно заметил:

– Об этом еще в Библии говорится, в книге Иова. Точно, точно, – и он процитировал: – И налагает Господь печать на руку каждого человека, чтобы все люди знали дело его.

Дмитрий крякнул и дальше спорить не стал.

– Ладноть, пущай. Но гляди, Улан, – впервые назвал его по имени княжич, выказывая тем самым уважение. – Коль не управишься до обедни, придется твоего побратима-гусляра, ежели он своего добра лишиться не желает, железом испытывать. Так наша «Правда» велит, – и он подозвал к себе Ивана Акинфича.

Как Улан и просил, княжич не просто добился от боярина утвердительного ответа, но и, отрезая все пути к отступлению, заставил прилюдно поклясться, что ни к Векше, ни к ножу ни он сам, ни его люди не прикасались. Дмитрий и дальше действовал строго согласно указаниям Улана, велев Ивану Акинфичу распорядиться насчет печной сажи, да сыскать стол и чернильницу с перьями, про которые в последний момент вспомнил Улан.

Едва принесли все требуемое из боярского терема, а расторопный дружинник, вернувшийся с торжища, выложил на стол здоровенную пачку бумажных листов, как Дмитрий, огладив их, заглянул в чугунок с сажей и, поморщившись, громко заявил:

– Не княжеское дело в грязи копошиться, – он посмотрел в сторону хмурого Ивана Акинфича и с сомнением покачал головой. – Да и не боярское, пожалуй, – и указал Улану. – Ну-ка, давай, займись. Тебе оное не зазорно.

Первым процедуру проходил Сангре. Окунув свои руки в горшок с сажей, он поочередно приложил каждую пятерню к бумажным листам. Улан, написав единичку и имя Петра на каждом из листов, властным жестом отвел его в сторону.

Следом по приказу княжича к столу потянулась дворня. С ними, в отличие от Сангре, хорошо понимавшего, что от него требуется, пришлось повозиться, но через полчаса все закончилось. Управившись со снятием отпечатков у последнего из холопов Улан, заявил:

– Теперь осталось осторожно, не касаясь рукояти, извлечь нож из тела, и сверить узоры с теми, что на листах.

Он вопросительно посмотрел на княжича и, дождавшись согласной отмашки, со всеми предосторожностями извлек из покойника орудие убийства. Положив нож на стол, он принялся старательно сверять узор на крови с отпечатками пальцев на бумажных листах. Дмитрий стоял рядом, внимательно наблюдая за его действиями.

– Кажется, все, – устало вздохнул Улан и, пододвинув один из листов поближе к княжичу, предложил: – Сам погляди. Явное сходство во всех завитушках, но главное вот: и там и здесь маленькая черточка на большом пальце. Это шрамик. Он почти незаметен, но если приглядеться, то… – и, посмотрев на номер, выписанный на листе, тихонько шепнул Дмитрию. – Повели

вызвать вон того, плечистого, что в сторону отвернулся. Да скажи дружинникам, чтоб бдили в оба – может попытаться бежать.

Подозреваемого, назвавшегося Гараською Сверчком, подвели к княжичу.

– Твоя длань нож держала, – утвердительным тоном произнес Дмитрий, – потому не спрашиваю, ты ли убил, но вопрошаю иное: за что?

– Не убивал! – рухнул тот на колени. – Ей-ей, не убивал! А про нож не отпираюсь. Но токмо я за него опосля ухватил. Вынуть хотел, да боярин воспретил, вот и оставил.

– Врет, – склонившись к уху княжича, прошептал Улан. – Не мог он взять его в руки после смерти Векши. Мороз к утру крепчал, а кровь застывает слишком быстро и продавить ее аж до рукояти – сам посмотри, вот здесь и здесь совсем чисто – у него бы никак не получилось, – и он недовольно покосился на Ивана Акинфича, успевшего подойти к ним и, скорее всего, услышавшего его слова.

Дмитрий молча кивнул и строго произнес, выставив палец в сторону Гараськи:

– Брешешь, пес! По очам зрю, что брешешь!

– Да меня и боярин видал, когда я нож ухватил, – отчаянно завопил Сверчок.

Дмитрий повернул голову в сторону побледневшего Ивана Акинфича и с деланным равнодушием осведомился:

– Что скажешь? Подтверждаешь словеса своего холопа али как?

Тот продолжал молчать, явно колеблясь и не зная, как поступить.

– Боярин, ты чего молчишь-то?! – возмущенно осведомился Гараська. – Али задумал без заступы меня оставить?!

– Так ты подтверждаешь, Иван Акинфич, или…? – грозно нахмурился Дмитрий.

А дальше все произошло столь быстро, что никто не успел вмешаться. Боярин все так же молча сделал пару шагов вперед, направляясь к Дмитрию, но затем неожиданно выхватил из ножен саблю и резко полоснул ею по шее Гараськи. Удар был мастерский, чуть вкось, с оттягом, и перерубленная хищным острием голова Сверчка нехотя свалилась с шеи. Пару секунд сам холоп еще стоял, представляя собой фантасмагоричное зрелище, после чего колени его подогнулись и он рухнул, как подкошенный, обильно заливая кровью дубовые плашки. Иван Акинфич тем временем упал перед княжичем на колени и, склонив в знак покорности голову, протянул ему окровавленный клинок.

– Хошь казни, хошь милуй, ан не смог я сдержаться. Уж больно сердце вскипело, глядючи, яко он тут небылицы плетет. Никому я не велел до ножа того касаться, и запрет мой ни одна жива душа не порушила. Стало быть, Гараська убивец и есть. А я ить из-за него иного овиноватил, грех на душу взял.

Дмитрий поморщился, упрекнув:

– Больно скор ты на расправу, боярин.

– Говорю ж, сердце вскипело, – виновато повторил Иван Акинфич…

Спустя несколько минут Дмитрий, во всеуслышание объявив свое решение и сняв с Петра последнее обвинение, собрался выезжать со двора. Вместе с ним и его дружинниками должны были уехать и друзья, приглашенные княжичем в отцовский терем. Петр уже стоял возле лошади, когда к нему подошел Иван Акинфич и, со словами: «Ну, коль Дмитрий Михалыч порешил, что нет на тебе вины, давай забудем старое», протянул ему руку.

Сангре посмотрел на него и понял, что на самом деле тот ничего забывать не собирается. Да и предлагает не мир, а перемирие, причем на время, необходимое самому боярину для зализывания ран и придумывания новой пакости. Ну, а раз так… Петр демонстративно спрятал руки за спину, зло пояснив:

– Сказано в писании: «Не давай руки твоей нечестивому…». А

кроме того, у меня вялотекущая, но быстро возбудимая аллергия лично на тебя. Могу продемонстрировать, если не боишься увечий средней степени тяжести. К тому же ты перед богом клятвопреступник. Помнишь, как ты на привале обещал впредь не чинить нам зла?

Тот замялся, нехотя выдавив:

– Кто старое помянет…

– Ишь какой, – усмехнулся Сангре. – Забыл, значит. Зато у меня память хорошая.

Иван Акинфич кисло улыбнулся и укоризненно произнес:

– Христос иной наказ давал: возлюбить ближнего своего яко самого себя.

Сангре пожал плечами:

– А что, и возлюблю. И столь пламенно, чтоб у тебя всякий раз от воспоминаний моей любви слезы на глазах появлялись. От умиления. Но здесь и сейчас я тебя любить не стану. Народу слишком много, и каждый второй потенциальным послухом станет, когда ты опять на меня жаловаться побежишь. А по-мужски ответ дать ты слабак.

Слова Петра прозвучали достаточно громко и его услышали практически все, кто находился на боярском дворе. Побагровев от злости, Иван Акинфич оглянулся на смеющихся, но одернуть не посмел. Дружинники Дмитрия были ему не по зубам, а кроме них никто не рискнул улыбнуться.

Он качнулся к Сангре, положив руку на рукоять сабли, но сумел сдержаться и угрожающе прошипел:

– Вдругорядь поглядим, кто первый восплачет.

– А то как же, – чуть разочарованно (ожидания, что боярин, не выдержав, кинется драться, не оправдались) согласился Петр, усаживаясь в седло. – Непременно поглядим. Только вдругорядь, дядя, я очень хочу увидеть тебя на одной ноге и шоб ты, падла боярская, взирал на меня одним глазом. А пока… вытри слюни с кафтана, замерзнут – порежешься, – и он, довольный, что оставил за собой последнее слово, надменно вскинул подбородок и выехал со столь негостеприимного двора…

Глава 29. Следствие поручается Знатокам

– Ну, теперь за то, чтоб у вас таковского не повторялось, – провозгласил тост Дмитрий.

– За это стоит выпить, – согласился Петр.

По примеру княжича он аккуратно пригубил медок из своего кубка и, еще раз окинув беглым взглядом горницу, подумал, что и дотошный Улан при всем своем старании навряд ли сумел бы отыскать здесь какую-нибудь безделушку, могущую дать представление о вкусах и увлечениях хозяина. Не было их. Ни

одной. Строгая спартанская обстановка. Ну разве мечи, сабли и щиты, в изобилии висящие на стенах. Но здесь такое чуть ли не в каждом тереме – времена-то суровые.

Да и с мебелью не густо – тоже ничего лишнего. Стол, четыре лавки (две длинные вдоль стен и две покороче, подле стола) с вишневого цвета мягкими полавочниками на них, да пара сундуков по углам – вот и все, что находилось в покоях старшего сына Михаила Ярославича.

Зато на столе царило изобилие, и был он накрыт пренарядной скатертью, впору какой-нибудь боярыне на сарафан или на платье.

– А Ивану Акинфичу ты напрасно отказался на прощание длань пожать, – попенял Дмитрий. – Оно ведь как на Руси: кто старое помянет, тому око вон. И в Евангелии Христос тако же заповедал, что врага прощать надобно. А ты чего учинил напоследок?

Вспомнив сцену прощания с боярином, Петр невольно улыбнулся, но, спохватившись, изобразил смущение, поскольку на самом деле его не испытывал, будучи убежден, что поступил правильно.

– Да я и не прочь, – кивнул Петр, – но только после того, как его повесят. Или распнут. Или отрубят голову. Словом, согласен простить его грешную душу, но после того, как она покинет его грешное тело, – и он, повернувшись к сидевшему рядом другу, упрекнул его. – Зря ты не позволил мне обвинение ему предъявить. Печенкой контуженной чую, что это он приказал Гараське убить Векшу, дабы свалить его смерть на меня.

Тот усмехнулся и кивнул на княжича.

– Я не сам, а по совету Дмитрия Михайловича. Лучше порадуйся, что он меня вовремя предупредил. Иван Акинфич из ума не выжил, чтоб в таком сознаваться, а разговор у них с убийцей был тайный, послухов нет. Значит, пришлось бы судье тебя вместе с боярином железом испытывать.

Петр нахмурился.

– А что это такое? – и охнул, услышав деловитые пояснения княжича.

Оказывается, оба испытуемых должны пронести раскаленный докрасна железный брусок определенного веса, причем не просто ухватив его голой рукой, но сжав в кулаке. При обычном воровстве его несут три сажени, а при обвинении в убийстве все десять.

Сангре, присвистнув, передернулся.

– Какие там сажени? Я бы его сразу уронил.

– А вот Иван Акинфич одну или две смог бы пройти, а то и

поболе, – заверил Дмитрий. – Так как, гусляр, будешь радоваться, что все столь славно закончилось для тебя, али и далее о мести станешь мечтать?

– Радоваться, – махнул рукой Сангре.

– И меня тогда заодно порадуй, – попросил княжич. – Поведай-ка еще разок про… невесту мою, – и он смущенно покраснел.

«Совсем пацан, – невольно подумалось Петру, глядя на густой румянец, густо заливший щеки, покрытые юношеским пушком. – Хотя сегодня он меня и впрямь здорово выручил. Раскаленное железо… Бр-р-р!» – и он невольно передернулся.

– Неужто изьян какой припомнил? – встревожился Дмитрий, неверно поняв реакцию Сангре.

Тот спохватился и принялся торопливо разуверять княжича. На сей раз пришел черед помалкивать Улану, посчитавшему, что тут велеречивость друга и его высокопарные выражения придутся как нельзя кстати. Встрял он всего однажды, когда Дмитрий озабоченно посетовал насчет ее странного имени: Дайна.

– С литовского «дайна» переводится как песня, – пояснил Буланов.

– Точно, песня, – подхватил Сангре. – И это имя как нельзя ей подходит. Жаль, при крещении ее нарекут иначе. А впрочем, тебе, княже, никто не помешает, оставшись с нею наедине, называть ее по-прежнему, поскольку она…

И далее последовали многочисленные сравнения девушки с Афродитой, Данаей и прочими греческими и римскими богинями… Словом, разбрелись они по комнатам ближе к полуночи.

– А ты говорил, что нам не надо в Тверь, – с удовольствием проведя рукой по гладкому атласу своего одеяла, горделиво заявил Сангре. – Смотри, какой радушный прием. То ли еще будет, когда мы поможем самому князю. Хотя… – он помрачнел, припомнив рассказ Дмитрия.

Нет, княжич не выболтал тайны по пьяному делу. В сущности, он и пил-то совсем немного. Просто… тайна таковой уже не являлась.

Оказывается, в числе добычи, взятой после удачной битвы под Бортеневым, Михаилу Ярославичу досталась жена московского и великого владимирского князя Юрия Даниловича Агафья. Помня о том, что она не простая татарская девка Кончака, но сестра ордынского хана Узбека, держал ее тверской князь в почете и великом бережении. Можно сказать, чуть ли не пылинки с нее сдувал. Однако ничего не помогло – занемогла она. Местные лекари уверяли Михаила Ярославича, что хворь ее

от непривычной русской пищи, а потому ничего страшного, пройдет. Но к пище она так и не успела привыкнуть, ибо… умерла.

Тогда-то тверской князь и послал к своим сватам, пребывавшим в Литве, нарочного гонца, привезшего известие о ее смерти и наказ переговорить с Гедимином, дабы отложить свадьбу по меньшей мере до следующей зимы. Недоброжелателей-то на Руси у Михаила Ярославича хватает и кто-нибудь, не говоря уж о Юрии Даниловиче, непременно донесет Узбеку о веселом гулянии как пиршестве по случаю смерти его сестры. Да и самому князю не миновать поездки в Орду, и насколько она затянется, одному богу известно, а это тоже не дело, если Михаил Ярославович сам не сможет побывать на свадьбе сына.

Остальное друзья додумали сами. Вот, оказывается, почему Кирилла Силыч, узнав, кто такие Петр с Уланом, предложил им поехать в Тверь. Видно сообразил боярин, что *такие* девки ни с того, ни с сего не умирают. Конечно, всякое случается, но больно на руку ее смерть московскому князю. Смекнул боярин и другое: было б куда как хорошо, если б Михаил Ярославич, приехав в Орду, смог швырнуть к ханским сапогам подлинных убийц его сестры.

Понятно и то, что Гедимин, когда боярин обратился к нему с просьбой отпустить Петра с Уланом, особо не возражал. Понимал князь, насколько важно для его будущего родича развеять недобрый слух о причастности к смерти Агафьи.

Впрочем, умному человеку и без того было ясно, что Михаил Ярославич ни при чем. Как гласит в таких случаях древняя римская мудрость: «Ищи кому выгодно». И касается оно практически любого преступления. Ну, кроме тех, что совершены случайно, по неосторожности. А тверскому князю убивать находящуюся у него в полоне Кончаку-Агафью не просто невыгодно – смертельно опасно. Зато Юрию Даниловичу, пускай и ее мужу, смерть юной супруги оказывалась на руку, ибо позволяла обвинить в ней заклятого врага.

– Одно плохо, – хмыкнул Петр. – Слишком далеко во время ее болезни и смерти находился московский князь. От Великого Новгорода, где он сейчас сидит, даже его тезка и предок Юрий Длиннорукий навряд ли до Твери дотянулся бы.

– Значит, надо искать людей в княжеском тереме, связанных с ним и в силу специфики своей профессии могущих подсунуть ей яд, – предположил Улан, посетовав: – По настоящему плохо иное. Агафью-то давно похоронили, и я не представляю, какие аргументы надо привести, дабы Михаил Ярославич разрешил нам

провести тайную эксгумацию тела. А без нее выяснить был ли вообще яд, у Изабеллы навряд ли получится.

– Да толку с этой эксгумации, – отмахнулся Петр, раздевшись и с наслаждением вытянувшись на чистой льняной простыни. – Когда она умерла? Почти месяц назад? Вот и считай, как говорил дед Митька. За это время и само тело давно сгнило, и яд улетучился. Нет, будь здесь приличная лаборатория двадцать первого века и квалифицированные эксперты, тогда как знать, а в нынешних условиях… Кстати, – оживился он. – Помнится, наша виноградная донья наизусть выучила некую книженцию. Может, сумеет, исходя из симптомов, определить, заболевание у нее было или отравление. Но если последнее… Знаешь, я бы от этого дела по возможности постарался отмазаться. Тухлое оно. Чистый глухарь с полным отсутствием перспектив на раскрытие. Осрамимся и все. Ну и отношение князя к нам после сокрушительного фиаско тоже ухудшится, а нам его доверие кровь из носу необходимо, причем ради него самого. А посему давай надеяться, что Михаил Ярославич нам вообще ничего не поручит.

– После сегодняшнего-то, – невесело усмехнулся Улан, тоже юркая под одеяло. – Ты вспомни, как сегодня на нас Дмитрий глядел. Он своему отцу такого понарассказывает, что тот за нас руками и ногами ухватится. Да и некуда ему деваться. Мы для него последний шанс.

И он как в воду глядел. Михаил Ярославич действительно за них ухватился. Правда, об отравлении речь не шла – предстояло выяснить истинные причины смерти Агафьи. Но само собой подразумевалось, что в случае, если виной тому не обычная болезнь, следует найти убийц.

Деваться было некуда. Для выяснения друзья собрали всех поваров, старательно уточнив меню сестры Узбека, после чего усадили перед Изабеллой трёх лекарей по очереди, велев каждому рассказать о симптомах болезни.

Так прошло три дня. К тому времени они, включая и литвинов, успели перебраться с постоялого двора в терем Матрены Тимофеевны. Кстати, о его покупке договорился с боярыней сам Михаил Ярославич. Сюда же перевезли и Горыню с Заряницей, назначив последнюю ключницей.

Увы, но ее брату испанка мало чем могла помочь. Правда, в корсет его затянули в первый же день, чтоб намертво зафиксировать позвоночник. А вот приготовленные Изабеллой лекарства, как объяснила Петру с Уланом она сама, были в основном общеукрепляющего действия. Главное же, как она заявила, собственные силы Горыни. Хватит их – хорошо, а нет… И

она беспомощно развела руками.

Зато определить причину смерти жены московского князя Изабелла сумела и на исходе третьего дня, спустившись вечером в общую трапезную, выдала короткий итог своих умозаключений:

– Яд.

Петр, скривившись, простонал:

– Бли-ин! Благородная донья, вы не представляете, как меня огорчили! Все шло так удачно: и за порох договорились, и домишко прикупили со сверчком, и тут на тебе. Такое ощущение, словно я сам недавно проглотил кило цианистого калия, запив его литром синильной кислоты.

– Ошибка исключена? – осведомился Улан.

Изабелла медленно покачала головой.

– Лекари и сами подозревали, что с нею происходит нечто странное. Но они не учились в Салерно и у них не было таких наставников, как у меня, поэтому они сомневались, а я… Словом, про яд мне стало понятно еще вчера, а сегодня я могу даже назвать его. Может быть, это поможет в поисках злодея, ибо этот яд редок и на Руси его изготовить никак не могли.

– Уже кое-что, – кивнул Улан. – Значит, привез его купец из…

– Заморских земель, – подхватила Изабелла. – Скорее всего, из Вавилонии[47], – и, подметив недоуменные взгляды обоих, принялась пояснять, что за страну она имела ввиду. Друзьям хватило упоминания о крокодилах и большой реке, чтобы понять: речь идет о Египте.

– Гениально, – проворчал Сангре. – Это настолько сильно поможет, что нам теперь вполне хватит пары часов на поиски негодяя, – он чуть помедлил, испытующе глядя на Изабеллу, и осторожно попросил: – Прелестная донья, а вы не могли бы чуточку, самую малость, покривить душой и сказать, что у дамочки-татарочки приключился банальный заворот кишок, дабы не взваливать на наши хрупкие плечи откровенный глухарь. Ну что вам стоит: Аллах дал, Саваоф взял… Дело-то житейское, как говорил один толстяк с пропеллером на спине.

Изабелла в негодовании вскочила со своего места.

– Лгать?! – гневно осведомилась она. – И после этого вы смеете и далее именовать себя благородным кабальеро?!

– Взамен маленького перитонита я согласен вообще отказаться от своих титулов и навсегда остаться в биндюжниках, – торопливо заверил ее Петр и в поисках поддержки повернулся к другу. – Уланчик, ну хоть ты ей скажи, что ничего хорошего у нас не выйдет, поскольку ежели мы убийство не раскроем, князь нам обоим намылит шеи аж до костей и вдобавок нарисует подарок во всю морду. Сам знаешь

какой.

– Какой подарок? – поинтересовалась Изабелла.

– Любопытная больно, – проворчал Сангре, но испанка продолжала на него вопросительно смотреть и он, почесав в затылке, выдал экспромт. – Хреново упакованный йогурт.

Что такое йогурт, Изабелла вопреки обыкновению, спрашивать не стала. Она тяжко вздохнула, села на свое место и грустно произнесла:

– А ведь я так мечтала об этом, дон Педро, и теперь все прахом.

– Мечтала о чем?! – изумленно уставился на нее Петр. – О… карьере эксперта-криминалиста?!

– О том, чтобы выполнить завещание великого магистра ордена тамплиеров, каковое является и последней волей моего брата.

Глаза ее наполнились слезами. Она порывисто вскочила со своего места и выбежала прочь, на свою половину, где проживала она и Заряница.

Друзья переглянулись и Сангре поинтересовался у Улана:

– Она что, с глузду зъихала? Все ж в точности, как и просили покойники – козлам ни копейки.

– Завтра утром спросим. – буркнул тот.

Глава 30. Наполеоновские планы, или Самое тяжкое обвинение

Наутро вид у испанки был не ахти. Судя по покрасневшим глазам и темным кругам под ними, минимум полночи она плакала, а там как знать – возможно что и всю.

– Мы, честно говоря, так и не поняли, из-за чего вы расстроились, благородная донья, – осторожно сказал Улан. – Завещание же будет выполнено и серебро не достанется ни римскому папе, ни французскому королю. Да и прочим монархам, допустившим гонения на рыцарей ордена, тоже.

– Это второй из заветов Жака де Моле, – безучастно возразила испанка. Голос ее был тих. – Первый же гласил: найти для оставшихся в живых братьев-тамплиеров такую землю, где они окажутся в полной безопасности. И я была намерена сделать для этого все, что в моих силах. Или вы оба решили, будто я приехала во Владимир-Волынский с одной-единственной целью – спасти себя и кузена? Напрасно.

– Вы всерьез?! – оторопело уставился на нее Петр. – Насколько мне известно, пустующих земель в Европе нет. Следовательно, вам понадобится целое войско, чтоб отвоевать пару клочков.…

– И даже если получится их захватить, это ничего не даст, –

мягко продолжил Улан. – Они все равно останутся подвластными римскому папе, поскольку…

– Войско не нужно, – перебила Изабелла. – Все гораздо проще. Мудрый Аль-Фараби сказал: «Человек – животное, способное к совершению купли и продажи». Зачем что-то отвоевывать, когда можно… купить.

– Купить? – переспросил Сангре, решив, что ослышался.

– Да.

Он скептически хмыкнул.

– Любопытно у кого?

Изабелла вяло улыбнулась.

– Мало ли… Или вам и впрямь любопытен мой замысел?

– Еще бы! – чуть ли не в один голос воскликнули оба.

Им действительно хотелось узнать, что задумала испанка, а кроме того, оба чувствовали себя виноватыми за вчерашнее и искали возможность хоть как-то искупить вину. Впрочем, Петр, в отличие от Улана, сомневался в реальности ее идеи, но по ходу рассказа Изабеллы скептическая усмешка постепенно стала сползать с его губ.

Оказывается, будучи еще в Арагоне, она как-то совершенно случайно услышала от одного из купцов, гостивших в ее доме, что герцог Австрии Фридрих III Красивый, унаследовав от своего умершего брата Рудольфа престол Чешского королевства, продал его за сорок пять тысяч серебряных марок другому претенденту, некоему тирольскому графу Генриху.

Спустя годы, когда стало ясно, что выполнять завещание великого магистра придется именно ей, она вспомнила об этом случае и призадумалась. Коль короли имеют право торговать своими титулами, они тем более могут продать свои земли. Разумеется, приобрети их обычный человек, пускай и благородного происхождения, они останутся в составе королевства. Но в случае покупки их другим правителем они непременно войдут в состав владений покупателя. Есть тому и свежий пример: восточная Померения. Восемь лет назад Тевтонский орден купил у Бранденбургского…

– Я знаю это, – перебил Сангре и буркнул в ответ на недоуменный взгляд друга: – Инквизитор, когда плакался на жизнь, отказываясь платить, ссылался на тяжелую международную обстановку, ну и осветил. – Он повернулся к Изабелле и заметил: – Но тут есть одна закавыка: любой европейский правитель подчиняется римскому папе.

– Следовательно, покупатель должен быть православным, – с улыбкой подхватила Изабелла. – Именно потому я и избрала для своего проживания страну, правители коей не подвластны

апостолику, – пояснила она. – Правда, ошиблась. Увы, хотя Андрей Юрьевич и именует себя божьей милостью князем Владимирии и господарем Руси, – процитировала она и ее тонкие губы скривились в презрительной усмешке, – однако он чересчур раболепствует перед римским папой. Впрочем, как и его братец Лев Юрьевич, правящий в Галиче. В этом я доподлинно убедилась. Думаю, недалек тот час, когда они оба и вовсе признают себя покорными слугами Авиньона. Поэтому даже не появись там инквизиторы, я бы все равно вскоре уехала из Владимира-Волынского на Русь. На подлинную Русь, – подчеркнула она, – где князья правят без оглядки на папство.

– Как я понимаю, прекрасная донья решила осуществить задуманное с помощью князя Михаила Ярославича? – уточнил Улан.

Та кивнула, подтверждая правильность его догадки, и напомнила, что за эти годы много слышала о нем как о великом Владимирском князе. И то, что ей удалось о нем узнать, позволяет считать, что с ним можно иметь дело.

– А как насчет продавца и самих земель? – с легкой иронией поинтересовался Петр. – Это тоже вам известно или…?

Улан засопел и с упреком покосился на друга, укоризненно покачав головой. Мол, нехорошо вот так грубо припирать к стенке. Каково же было изумление обоих, когда Изабелла утвердительно кивнула в ответ.

Оказывается, когда она получала деньги у Овадьи, он успел пожаловаться ей, что и рад бы выплатить больше, но, к сожалению, польстившись на высокий процент, занял уйму денег королю Дании Эрику VI по прозвищу Менвед. Бен Иегуда рассчитывал, что монарх, взявший золото на очередную затеянную им войну, честно расплатится после победы. Увы, но тот неожиданно проиграл. А учитывая, что Эрик задолжал не одному Овадье, но и весьма многим благородным графам и герцогам, заложив и перезаложив им свои земли, о чем купец-еврей узнал слишком поздно, оставалось лишь мечтать о возвращении денег.

Изабелла, мгновенно припомнив о покупке Померании, принялась расспрашивать Овадью и успела кое-что разузнать о воинственном монархе. Оказывается, Эрик за тридцать лет своего правления настолько увяз в долгах, что давно перестал интересоваться подданством своих заимодавцев. Как результат: сейчас обширные территории королевства в основном находятся в руках немецких князей, подчиняющихся отнюдь не Эрику, но императору Священной Римской империи Людвигу IV Вительсбаху, причем все они горячо жаждут заполучить свои

денежки обратно, но не тут-то было.

Правда, между немецким князем, исповедующим католичество, и независимым правителем чужой страны, строго придерживающимся православия – огромная разница. И равнять заклад с окончательной продажей нельзя – это совершенно разные вещи. Но Изабелла успела тщательно продумать все этапы операции по приобретению земель, а потому сбоя произойти было не должно. И по мере того, как она рассказывала, Улан с Петром несколько раз восхищенно переглядывались – донья предусмотрела практически все. Изабелла с улыбкой заметила, что если как следует продумать, то и проклятое золото можно заставить послужить доброму делу.

Единственное, чего ей недоставало, это нужного человека – католика, посвященного в ее замысел, и полностью согласного с ним. Именно потому она и медлила с переездом в Тверь, справедливо полагая, что шансов найти его, проживая во Владимире-Волынском, гораздо больше.

Что же касается самой продажи, то, учитывая, что выкупаемые земли находятся не где-то в Дании или хотя бы поблизости от нее, но в далекой, а потому не особо нужной… Эстляндии, скорее всего, король согласился бы. И тогда, оформив все бумаги, дон Педро вместе с землями попросился бы в подданство к тверскому князю. А в ответ на возмущенные вопли датчан и самого короля заявил бы, что готов растогнуть сделку при условии получения обратно выплаченного за них серебра.

Закончив, Изабелла вопросительно посмотрела на друзей, ожидая их оценки.

– Однако, вы и закрутили сюжет, благородная донья, – уважительно протянул Петр. – Учись, Уланчик. Это смелость города берет, причем рискуя жизнью, как в нашем случае под Христмемелем, а хитрость их попросту приватизирует и так ловко, что даже Чубайс с Абрамовичем отдыхают. Экая вы… Маргарет Тэтчер. Или Индира Ганди. Нет, Голда Меир, это самое подходящее. Даже моя баба Фая непременно восхитилась бы вашим замыслом, оценив его на…

– Проку в нем сейчас, – перебив его, грустно усмехнулась Изабелла. – Если тверской князь сообщит в Орде, что Агафья умерла естественной смертью, ему несдобровать. Пускай он ее не отравил, но получится, что смерть произошла по недосмотру, каковой приключился по причине невнимания и небрежения, выказанного ей в Твери. Разве этого мало для Узбека? Следовательно, Михаилу Ярославичу не стать великим Владимирским князем и ему будет не до покупок – свои бы земли… – не договорив, она обреченно махнула рукой и глухо

произнесла: – Впрочем, я помню и то, что вы спасли от инквизиторов моего кузена и дважды меня, а потому обещаю подтвердить все, что вы поведаете князю. И… прошу прощения, что я вчера вечером так вспылила. Просто стало обидно – как раз тогда, когда я нашла помощника, все оказалось под угрозой краха. Ну разве не обидно?

– А с чего вы взяли, что нашли его? – возразил Петр. – Я ведь не католик, значит…

– Ну и что, – перебила Изабелла. – Даже еще лучше, что не католик и вообще равнодушны к христианству. Ведь для того, чтобы войти в доверие к Михаилу Ярославичу, вам придется пообещать ему принять православие. И не просто пообещать, но и на самом деле пройти обряд крещениия. Ну а до того… Главное, чтоб все прочие считали дона Педро католиком, а самому кабальеро сыграть такое вполне по силам.

– Уверены? – проворчал покрасневший от смущения Сангре.

– Я убедилась в этом с полмесяца назад, когда мы гостили у князя Гедимина. Думаю, обмануть подозрительного фра Пруденте, знающего, что перед ним сидит враг, было весьма непросто. И уж во всяком случае куда тяжелее, чем заглянуть в костел, поставить свечу, перекреститься всей рукой, а не двумя перстами, поцеловать святого на иконе в губы, а не руку, и приняв просвирку, не ждать ложечку вина, ибо мирянам оно не положено.

– А молитвы? Я ж ни одной не знаю.

– Согласившись принять к себе рыцаря, любой орден устанавливает для него испытательный срок. Как правило, он составляет несколько месяцев, а то и полгода. Ответьте мне, мои благородные спасители, – и слабая улыбка озарила ее лицо, – чем занят рыцарь это время в первую очередь.

Минуты две она со все той же улыбкой то и дело отрицательно покачивала головой, отметая одну догадку друзей за другой, и, наконец, сжалившись, ответила сама:

– Больших знаний от рыцаря никто не требует, но во время церемонии принятия в орден он должен прочесть Символ веры, а после обязан ежедневно определенное количество раз читать «Отче наш». Не так уж это и много, правда? Но поверьте, рыцари не знают и этого. Потому и существует якобы испытательный срок. На самом деле это время дается для того, чтобы они выучили все необходимое. Про Эксемена не скажу, не знаю, а вот моему кузену Бонифацию понадобилось почти пять месяцев. Впрочем, я отвлекла вас. Итак, что именно я должна поведать Михаилу Ярославичу?

Голос ее на последних фразах стал прерывистым, на глазах

выступили слезы, но она сдерживалась из последних сил. В знак безусловной готовности принять любое их решение она даже покорно склонила голову.

Петр покосился на Улана. Тот, опустив глаза, молчал и сосредоточенно лепил что-то из хлебного мякиша. Но первым тягостную тишину прервал именно он. Задумчиво крутя в руках темно-серую фигурку какой-то сказочной зверушки, большими ушами напоминавшей Чебурашку, он негромко произнес:

– Причин увильнуть от расследования у нас и впрямь хоть отбавляй. Но что мы ответим своей совести, когда князя Михаила… убьют в Орде?

– Как убьют?! – ахнула Изабелла и, повернувшись к Улану, недоверчиво осведомилась. – А-а… откуда тебе это известно?

Тот, растерявшись, молчал. Видя, что друга надо срочно выручать, Сангре торопливо встрял и деланно удивился:

– А что, ты до сих пор ни разу не похвастался нашей донье, что иногда тебя посещают вещие сны?

– Вещие сны?! – изумилась та. – И они действительно всегда-всегда сбываются?!

– Ну-у, почти всегда, – промямлил Буланов.

– Не скромничай, – вмешался Сангре. – Поверь, что не было еще такого случая, когда они не сбылись. Жаль только, что видит он их крайне редко.

– Но если ты видел в своем вещем сне смерть князя, получается, он и впрямь умрет! Значит, моя задумка…, – и глаза Изабеллы наполнились слезами.

Улан досадливо крякнул и умоляюще уставился на Петра. Взгляд не говорил, вопил: «Выручай!»

«Подумаешь», – безмятежно усмехнулся тот и принялся пояснять любознательной испанке, что сны его побратима бывают двух видов. К примеру, за месяц до сражения под Бортневом он уже «видел» эту битву, причем так четко, словно находился где-то поблизости. Это означало, что данное событие неизбежно произойдет и результат его останется неизменным, хоть ты тресни.

Но есть и другой сорт вещих снов. В них картины грядущего предстают неясно, будто сквозь туман. Следовательно, в него можно вмешаться и что-то изменить. И чем гуще туман, тем больше шансов, что при удачном вмешательстве получится все предотвратить. Так вот смерть тверского князя его побратим тоже видел в плотной дымчатой пелене, то есть шансы на удачу имеются и немалые.

А в заключение он напомнил Изабелле, что не стоит без крайней необходимости упоминать при посторонних о столь

чудесном даре Улана. Ни к чему хорошему это не приведет. Конечно Русь – это не варварская Европа, где можно угодить на костер за куда более мелкий пустяк, но все равно не стоит понапрасну дразнить гусей.

Моментально припомнив собственные «прегрешения», Изабелла молча кивнула.

Разложив все по полочкам, Петр, спохватившись, сам обратился к другу:

– А-а… причем тут его смерть и мы? Ты ж мне в Липневке говорил, что его за неуплату дани… того.

Улан вновь взял фигурку из мякиша и рассеянно повертел ее в руках.

– Это одно из обвинений. Но недавно, – он покосился на Изабеллу, смущенно кашлянул и продолжил, – я увидел, что ему было предъявлено и другое, причем по сути самое главное. Его обвинят в том, что он уморил сестру Узбека. И смерти сестры хан ему не простит, – он небрежно оторвал у вылепленного ушастика головку и бросил ее на стол.

– Самое главное, значит, – машинально повторил Сангре, растерянно уставившись на валявшуюся на столе головку зверушки.

– Ну да, – подтвердил Улан. – И если мы сможем найти подлинного убийцу, в смысле исполнителя, то…

Петр понимающе кивнул. Правда, если найти не выйдет, им, возможно, достанется от князя, но…

– Авось не впервой выговорешники от начальства огребать, – хмыкнул он и, повернувшись к Изабелле, небрежно спросил: – Да, кстати, как называется та неудобоваримая штука, подсунутая кем-то нехорошим донье Агафье? А то нам сейчас идти в присутственное место, куда непременно заглянет за ответом князь, и хочется знать, что конкретно про нее трындеть…

Глава 30. Тройственный союз

– С чего начнем? – бодро поинтересовался Улан, заходя в комнату и усаживаясь за грубо сколоченный стол.

– Погоди пока, – рассеянно отозвался Петр, напряженно размышляя о чем-то.

Он поднялся с лавки и задумчиво прошелся по комнате. Выглядела она убого – какая-то серая, а потому смотрелась мрачновато. Да и с мебелью не ахти – меньше, чем у Дмитрия. Впрочем, сетовать было не на что. Они сами выбрали этот тесноватый флигелек, обладавший одним, но весьма существенным преимуществом по сравнению с комнатами княжеских покоев: он располагался хоть в том же дворе, где и сам терем, но отдельно от него, причем вплотную к бревенчатому

тыну, огораживающему княжескую усадьбу.

Петр прислонил руки к теплой печи и задумчиво протянул:

– Я вот о чем хотел спросить…

Договорить не успел – вошел Михаил Ярославич, рослый, кряжистый, с богатырским размахом плеч и крутыми взбегами намечающихся пролысин по сторонам лба. Темные, слегка вьющиеся волосы заметно тронула седина, но было заметно, что телом князь еще крепок. Да и рассказы ратников о недавней охоте вместе с темником Кавгадыем это подтверждали: двух медведей он самолично вздел на рогатину. Но это телом, а вот духом иное… Во всяком случае в широко расставленных глазах, как подметил Улан, таилась еле заметная усталость.

Кивнув уважительно склонившим в знак приветствия головы друзьям, Михаил Ярославич тяжело уселся на лавку напротив Улана и красноречивым жестом пригласил Петра занять место рядом с побратимом.

Но хотя было видно, что князю не терпится узнать результат расследования, он сдержался и, окинув взглядом комнату, деловито заговорил совсем об ином. Мол, он велел дворскому сыскать добрых мастеров, кои незамедлительно сколотят шкапчики и прочее. Словом, что пожелается хозяевам. Да и насчет остального распорядился, и нынче же сюда принесут и полавочники, и приличную скатерть, и отдельный поставец с посудой, чтоб было из чего хлебнуть горячего взвару. Ну и холопа приставит у входа, дабы без нужды никто их не тревожил. Он же будет и на посылках, ежели чего занадобится. И лишь в самом конце Михаил Ярославич якобы спохватился:

– Да что я? Может, смерть Агафьи по божьему попущению приключилась, а тогда и вам тут нет никакой нужды порты по лавкам протирать?

Тон был нарочито-небрежный, но выдавали глаза, где застыло тревожное ожидание ответа. Друзья переглянулись и Петр сказал:

– Скорее по дьявольскому наущению.

– Вот оно как, – кивнул Михаил Ярославич, не подавая виду, насколько доволен ответом. Но не удержался, чтобы не прокомментировать. – Стало быть, нет моего небрежения, ежели злой умысел. Одно невдомек: чей? Нет в моих покоях таковских, чтоб смертушки ей возжелали. Оно, конечно, девка нос кверху драла излиха, но и сказать, что зла была, язык не повернется. Скорее по младости лет чудила. К тому ж мои людишки и с народцем из поварни, и с лекарями потолковать успели, не говоря про девок ее дворовых. А коль они ни при чем, на кого помыслить ума не приложу.

– Если они и при чем, то лишь косвенно, – пояснил Сангре.

Михаил Ярославич недоуменно уставился на него.

– Мой друг имеет ввиду, что яд больно редкий, – пояснил Улан, с упреком покосившись на друга. – Его не на Руси изготовили, а за тридевять земель.

– Купчишки, стало быть, – задумчиво протянул князь. – Их поспрошать я и не подумал.

– И хорошо, что не подумал, – кивнул Улан. – Они ж все равно бы не признались. К тому ж хоть и неизвестно, в каком городе они его передали убийце, но я уверен, что не в Твери.

– Да и вообще, рано пока что-либо говорить, – встрял Петр. – Мы же в самом начале пути. Надо прикинуть, взвесить, обсудить, а уж потом…

– И сколь долго?

– А кто ж ответит, – фыркнул Сангре. – В таком деле предсказать сроки расследования невозможно.

– Я не ради праздного любопытства вопрошаю, – пояснил князь. – Ледоход на реках не боле седмицы продлится, ну и земле просохнуть тоже сколь-нибудь дней потребно. А далее мне надобно в путь сбираться, в Орду, к хану. И ежели вы до моего отъезда не сумеете выведать, что и как, то… – Не договорив, он грустно улыбнулся и пояснил: – Меня Юрий Данилович и без того со всех сторон оговорами обложил. Хотелось бы пущай хошь один из них со своих плеч свалить. Потому не тороплю, но прошу: не мешкайте Христа ради.

– Сделаем все, что в наших силах, – заверил Петр, – но есть одна просьба. Не надо никому сообщать, от чего скончалась Агафья. Иначе убийца насторожится, а если он еще в Твери, то может попробовать сбежать. Тем же, кто станет спрашивать о нас, лучше всего отвечать, что тобой, княже, создана особая служба по наведению порядка в городе и защите людей в своем княжестве от татей и прочих разбойников, а то чересчур много их развелось.

На том и договорились.

– А что за остальные обвинения, которыми его москвич обложил?– поинтересовался Петр, когда они остались одни. – И, кстати, освети подробности за неуплату дани. Ярославич ее действительно зажимал?

– Учитывая, насколько растянется суд над ним, навряд ли. Скорее всего, обычный оговор со стороны московского князя. А помимо неуплаты дани и смерти ханской сестры ему поставят в вину, что он сражался против татарского посла, приехавшего на Русь сажать Юрия на великокняжеский престол и принявшего участие в битве под Бортеневым на стороне москвичей. И тут Ярославичу крыть будет нечем.

– Какого посла?

– Да ты его видел позавчера во дворе.

– Это та жирная образина с бабьим лицом и тремя волосками на подбородке, стоявшая возле князя? – нахмурился Петр.

– Точно. Зовут Кавгадыем. Он темник. Михаил Ярославич вместе с ним и ездил на охоту.

– Что-то он мало похож на пленника.

– Верно, князь его в почете держит и надеется, что он против него голоса не поднимет. Но на самом деле это не поможет. Тот все равно обвинит тверского князя, когда вернется в Орду, хотя задача Кавгадыя заключалась лишь в том, чтобы дождаться венчания Юрия на великое княжение, и сразу возвращаться обратно. Остальное же – местные разборки, и этот козел, будучи послом, встревать в них не имел права. Словом, по сути, он станет отмазывать самого себя.

– Получается, третье обвинение тоже несправедливо, – констатировал Петр. – Но все равно Михаила Ярославича осудят. Блин, не Орда, а похабщина сплошная, – озлился он. – Гаагский трибунал какой-то, прости господи за срамное слово! Бомбят одни, а судят других. Выходит, если мы и найдем отравителя, нашему Ярославичу в любом случае кранты?!

– Вина вине рознь. Стоит ликвидировать наиболее тяжкое обвинение, как его шансы оправдаться намного увеличатся. А уж если убийца окажется из числа ближних некоего москвича…

Петр понимающе кивнул. Действительно, тогда Михаил не только оставался в живых но и мог запросто сменить Юрия на посту великого князя.

– А тогда чего ты встал как вкопанный?! – проворчал он. – Время к обеду, а у тебя и конь не валялся! Мне что ли за тебя план оперативно-розыскных мероприятий составлять?! Между прочим, он не начальству, а нам самим нужен, – и он недовольно пожаловался. – Слушай, с виду приличное средневековье, но стоит копнуть поглубже и сплошные ассоциации с двадцать первым веком: опять начальство со сроками давит. Все как всегда, словно мы и не увольнялись из МВД…

План пришлось составлять в своем тереме – во флигелек пришли плотники выполнять заказ друзей насчет установки шкафчиков, стеллажей и прочего. Словом, о работе не могло быть и речи. Как сказал Петр: «Стук топора – полбеды, но мне ж прогуляться по комнате никакой возможности, а это из рук вон».

Впрочем, друзья не расстроились, ибо в хоромах было куда уютнее: и взвар горячий под рукой, спасибо Зарянице, и пробежаться есть где, вон какая здоровенная трапезная, пять на пять, не меньше, хоть на велосипеде катайся.

К обеду они успели наметить первоочередные мероприятия, но когда к ним спустилась Изабелла и рассказала, что ей надумалось, стало ясно, что план надо переделывать. Впрочем, оба были этому лишь рады, поскольку ее сообщение оказалось чрезвычайно важным.

Оказывается, в точности совпадали лишь симптомы отравления, но… Яд, именовавшийся «Укусом аспида», не зря был назван по имени змеи, по преданию ужалившей в руку знаменитую Клеопатру. Он и действовал соответственно, то есть убивал в считанные минуты. Агафья же мучилась не час и не день, а две недели.

Как Изабелла ни пыталась объяснить эту загадку – симптомы точь-в-точь, а время ни в какие ворота – ничего не получалось. А вот час назад у нее возникло одно предположение. Если подмешать этот яд не в пищу, а, скажем, в мази или притирания, тогда он будет проникать через кожу и его смертоносное действие окажется куда медленнее. Конечно, это лишь догадка, да и проверить ее на практике она не может. Для изготовления яда отсутствуют нужные ингредиенты.

Друзья переглянулись.

– Если мази, значит… – начал Петр.

– …лекари, – подхватил Улан. – Хотя… – он ненадолго задумался. – Что-то тут не так. С технической стороны все нормально, но всех троих уговорить на такое невозможно, значит, работал одиночка. Но тогда есть огромный риск, что отравителя еще до смерти княгини вычислят собственные коллеги. И потом, он прекрасно понимал, что шерстить окружение Агафьи начнут именно с них.

– Мда, и впрямь чего-то не того, – согласился Сангре. – Конечно, тот же москвич мог пообещать уйму деньжищ, но… покойнику деньги ни к чему, а риск влететь и впрямь зашкаливает. А что еще возможно?

– Вариантов, позволяющих обойтись без лекаря, мне видится три, – предположил Улан. – Первый – во время мытья. Смочить холопке мочалку или как оно тут у них называется, и потереть спинку. Но есть риск отравить и холопку. Проверить легко: узнать, не прихворнула ли одна из дворовых девок. Второй: одежда. Пропитать изнанку и пусть себе носит… до самой смерти. Но все это несерьезно, ибо предполагает умышленное убийство, а оно навряд ли имело место. Скорее всего кого-то из окружения княгини хоть и использовали, но втемную. И тогда наиболее перспективен третий вариант. Насколько мне помнится, мази с притираниями бывают не только лечебными, но и косметическими…

– Точно. И как это я сам о том не подумал, – посетовал Петр. – Значит, считаем этот вариант наиболее перспективным и отрабатываем в первую очередь.

Улан согласно кивнул, добавив:

– И, вдобавок, наиболее удобным для самого убийцы… Достаточно один раз убедить Агафью в полезности какого-либо притирания, и можно исчезать из города, а дальше она сама себя начнет изводить. К тому же косметика – тема сугубо женская и девки должны быть в курсе, что и откуда появилось у московской княгини. Сам опрос замаскируем под обычный интерес доньи Изабеллы к новым косметическим средствам, дабы не спугнуть убийцу.

– Нет, чтобы железно все отдали и ничего не утаили, лучше привлечем князя. Пускай Михаил Ярославич повелит сдать весь парфюм покойной московской княгини. Мол, Узбек решил получить обратно личные вещи безвременно почившей сестры. Ну-у, на память о ней.

Друзья разговаривали настолько увлеченно, разрабатывая перспективную, на их взгляд, версию, что Изабелла, усевшаяся вместе с ними за трапезу, поневоле заразилась их азартом. И если первое время она предпочитала помалкивать, то затем мало-помалу настолько увлеклась, что начала выдвигать собственные предложения, дополняя своих собеседников, а порою даже поправляя.

И когда Петр с Уланом спохватились, что не знают, как проверить мазь на наличие яда, первой нашлась именно испанка, предложив заказать кузнецам несколько небольших железных ящичков и посадить в них по мышке. Ежели изо дня в день наносить на шерстку каждой одну и ту же мазь, та, что содержит яд, весьма скоро выкажет себя.

– Токмо искать надлежит не одно притирание, – предупредила она. – Яд могли смешать и с благовониями…

И под конец обсуждения Петр, удивленно оглядев сидящих напротив него Улана с Изабеллой, словно впервые их увидел, протянул:

– Слушайте, да у нас получился настоящий мозговой штурм и, сдается, прелестная донья выступала в нем на равных правах как полноценный участник. Браво, сударыня! Полное ощущение, что мы с вами и впрямь некогда хорошо поработали в неком европейском захолустье, прозываемом Парижем, при расследовании убийства короля Филиппа Красивого. – И он, взяв со стола свой кубок с медовухой, торжественно провозгласил: – Ну, за наш тройственный союз.

Изабелла смущенно потупилась, а Улан ревниво покосился на

развеселившегося Сангре, но ничего не сказал. Однако выпили все, и даже донья ополовинила свою небольшую серебряную чарку.

…Холопок у Агафьи было пятеро. Две татарки, Фатима и Зухра, приехали вместе с бывшей Кончакой из Орды. Еще двух, выказывая тем самым уважение к знатному происхождению пленницы, выделил Агафье после ее пленения Михаил Ярославич. Но первой на очереди у Улана, возглавившего работу со свидетелями, была пятая, по имени Матрена. Выбрал он ее потому, что хоть она и была русской, но в Сарае прожила дольше, чем в своей деревушке на рязанщине. Угодив в татарскую неволю аж десять лет назад она за проведенные в неволе годы научилась хорошо говорить по-ихнему, не забыв и свой родной язык, благо, русичей в Сарае хватало.

Впрочем, благодаря своей врожденной способности к языкам и тому, что калмыцкий был если не родным, то, как минимум, двоюродным братом татарскому, Улан уже через считанные дни вполне мог говорить с Зухрой и Фатимой наедине и без толмача.

Довольная обещанием Улана похлопотать, чтоб ее не отправили обратно в Орду, а оставили здесь, да не просто, но в прислугах у княгини, Матрена была весьма говорлива. Да и нечего ей было таить, поскольку до косметики ее не допускали и она, если что и видела, то лишь издали.

Но опасаясь, что из-за недостатка сведений этот улыбчивый татарин с симпатичными ямочками на щеках не станет за нее просить князя, она не только старательно рассказывала о своей многострадальной жизни в Орде и о своенравной сестре хана, но попутно выкладывала и все последние новости женской половины терема. И когда Улан заикнулся, что завтра хотел бы потолковать с Фатимой, именно Матрена его отговорила, посоветовав обождать до ее выздоровления. Дескать, та последнее время стала не на шутку прихварывать, а ныне вовсе не смогла встать с постели. Ну и куда с нею ныне толковать?

– Простыла что ли? – поинтересовался Улан и опешил, услыхав пояснения простодушной девушки.

– Да нет, брюхом страдает.

Улан насторожился, а Матрена, не обращая на него внимания, продолжала простодушно трещать:

– Хлипкие они, бабы татарские. То свет Агафьюшка слегла, еда здешняя, ей вишь, не по ндраву пришлась, теперича и ента. Но та хошь в княгинях, ей можно, а ента куда лезет? Холопка простая, а туда же, болесть себе выбрала точь-в-точь яко у княгини.

– А ну-ка отведи меня к ней прямо сейчас! – рявкнул Улан,

позабыв про свое обычное хладнокровие и торопливо устремился вслед за Матреной к хворой Фатиме, но на полпути остановился и, ринувшись во двор, к своему флигелю, отправил дежурившего у входа в него ратника за Изабеллой.

Спешно прибывшая донья после тщательного осмотра больной служанки сделала неутешительный вывод, что помочь несчастной она уже не может – слишком поздно. Яд успел разъесть ей все внутренности и единственное, что в ее силах – облегчить последние часы девушки на этом свете, дав ей обезболивающий настой. Но был и второй вывод: все симптомы действительно совпадали с отравлением «Укусом аспида».

– И что делать? – повернулся Улан к Петру.

Тот почесал в затылке и предложил попробовать взять с нее показания, причем в присутствии нескольких свидетелей, желательно из числа мусульман. Лучше всего подошел бы мулла, но где ж его взять.

– А успеем?

Сангре пожал плечами и предложил поступить следующим образом. Он сейчас летит к князю, чтобы тот подсказал, где взять муллу или хотя бы простых мусульман, а Улану лучше всего остаться с Фатимой и попробовать начать ее раскручивать.

Спустя всего пять минут Изабелла предупредила Улана, чтобы он поторапливался. Те лекарства, что она дала ей, плохо помогают, так что спустя полчаса, от силы час, она потеряет сознание и в себя уже не придет до самой смерти. Получалось, Петр скорее всего не успеет привести свидетелей. И Улан ринулся к изголовью больной, велев спешно доставить ему сюда двух воинов из стана Кавгадыя.

Когда запыхавшийся Сангре, не сумев разыскать князя в тереме – вновь укатил куда-то с Кавгадыем – вернулся с торжища, ведя с собой двух купцов-мусульман, все уже закончилось. Нет, Фатима не умерла, но пребывала в агонии, никого не узнавая и поминутно зовя в бреду какого-то Азамата.

– Отпусти их, – мрачно кивнул на купцов Улан, вышедший на крыльцо терема.

– Ты ничего не успел из нее выжать? – осведомился Сангре, отправивший удивленных купцов восвояси.

– Успел, – кивнул тот, – а проку? Слышал это я один, и получается мое слово против слова… – он вздохнул, – татарского сотника.

– Ты кого имеешь ввиду?

– Есть у Кавгадыя такой. Азаматом зовут. Он-то и организовал встречу княгини с тайным гонцом.

– Погоди, погоди, – остановил его Сангре. – Давай по

порядку.

– Да особо и рассказывать-то нечего, – грустно усмехнулся Улан. – Короче, дело было так…

Случилось это, по словам Фатимы, спустя месяц после их пленения. Один из сотников по имени Азамат, возглавлявший стражу у покоев княгини Агафьи и, по словам девушки, неровно к ней дышавший, улучив миг, передал ей для госпожи тайное слово. Мол, прибыл из Новгорода некий купец, желающий встретиться с княгиней. Для чего? А у него с собой целый набор подарков якобы от Юрия Даниловича и слово тайное от него же.

Встреча состоялась. Произошла она на местном торжище. Разумеется, помимо Фатимы были и сопровождающие княгиню воины, но Азамат исхитрился взять с собой тех, кто по русски ни бум-бум, так что те ни слова из их короткого разговора не поняли. Служанка тоже, но Агафья позже сама с нею радостью поделилась. Мол, не забывает ее алтын князь.

– Кто? – не понял Петр.

– Золотой князь, – проворчал Улан. – Она так своего рыжего мужа называла, Юрия Даниловича. Вот, дескать, и подарки ей переслал, а на словах велел передать, что ждать недолго и совсем скоро она окажется на свободе, уж он расстарается.

В числе переданной купцом косметики была и небольшая серебряная коробочка с особой индийской мазью, способствующей отбеливанию кожи лица. На словах тайный посланец сообщил, что князь считает дни до их долгожданной встречи, и надеется увидеть лик своей ненаглядной светлее чем русский снег и нежнее чем бархат. А это непременно произойдет, если она станет регулярно пользоваться присланной ей мазью. С тех самых пор Агафья по нескольку раз на дню наносила ее себе на лицо и старательно втирала, чтобы долгожданный результат наступил как можно быстрее. Кожа ее и впрямь побелела, хотя не сильно. Но это из-за того, что княгиня через пару недель умерла.

– Я не понял, а Фатима каким боком дозу схватила? – нахмурился Петр. – Мазаться помогала?

– Любовь ее сгубила, – пояснил Улан. – В последнее время ей стало казаться, что тот самый Азамат начал как-то со значением поглядывать в сторону подлой Матрены. А как-то раз Фатима их даже застукала. Правда, тот сумел оправдание найти. Ему, якобы, предложил перейти к себе на службу тверской князь. Пока он ответа не дал, в колебаниях, но на всякий случай возжелал изучить русский язык, вот и тренируется.

– Ага, только вместо парты сеновал, а вместо ручки двадцать шестая буква нынешнего алфавита, – не удержался от ехидного комментария Сангре.

– Фатима сказала, что он и правда стал довольно-таки сносно говорить по-русски.

– Я после уроков Римгайлы на литовском тоже ничего шпрехаю. И что, поверила дуреха?

– Сделала вид. А сама, рассудив, что Матрена могла взять верх только белизной своей кожи, вспомнила про коробочку с чудодейственной мазью, после смерти княгини прикарманенной ею. Ну и попользовалась. Результат налицо.

– Значит, посредником был сотник Азамат, – протянул Петр. – Кстати, имя у него какое-то кавказское, не находишь. Помнится, у Лермонтова…

– Ты вспомни, сколько веков татарские орды по Кавказу бродили и горянок топтали, – хмуро перебил Улан. – Вот те и переняли в числе прочих это имя для своих детишек нагулянных. А что, красиво звучит и означает рыцаря, героя. И вообще, не о том ты сейчас.

– Хорошо, давай о том, – согласился Петр. – Что она тебе про купца рассказала?

– Очень мало. Усы, борода – стандартный славянский набор, шикарно маскирующий любого человека.

– И никаких особенностей?

– Во внешности – нет. А вот шапка из белого меха с длинным ворсом ей запомнилась. И что странно – шерсть не баранья.

– Это точно?

– Абсолютно. Степнячки в таких вещах вообще промахнуться не могут. Да и княгиня наутро посетовала, что не спросила, чей это мех. Тогда Фатима к своему ухажеру – мол, как бы узнать. Ну и тот за несколько поцелуев в качестве оплаты поделился. Дескать, далеко-далеко на севере, где полгода день, а полгода ночь, живут огромные медведи и все как один белого цвета. Вот из него-то и пошил себе купец шапку.

– Неплохая зацепочка, – заметил Сангре.

– Жаль, единственная, – проворчал Улан. – Но искать все равно легче, если только эта примета не придумана специально.

– То есть?

– Ну-у, шапка же к голове не прибита. Мы ищем ее владельца. Нам подсказывают, когда и в какой город он подался. Мы его находим, а он ни сном ни духом, потому как недавно купил ее у случайного собутыльника во время дружеского застолья. Как тебе?

– Не очень.

– Мне тоже. Есть и альтернатива. Это я насчет использования втемную. Чтобы ничего не подозревающий купец впоследствии не раскололся, его труп на днях всплывет в какой-нибудь тихой

речной заводи. А если учесть, что единственной зацепки – белой шапки – на нем к тому времени не будет, мы его и опознать не сможем. Как тебе второй вариант?

– Тебе бы трагедии писать – Шекспир бы повесился от зависти, – скривился Петр. – Получается, в любом случае надо брать Азамата за холку и…

В это время на крыльцо вышла Изабелла. Друзья вопросительно уставились на нее, но та в ответ лишь развела руками.

– Лекари тоже подчас бессильны, – горько посетовала она. – Все как я и сказывала.

– Умерла? – уточнил Улан.

– Нет, но ждать недолго. Пока она в забытьи, но в себя уже не придет. И до утра ей не дожить…

Глава 31. Красота – страшная сила

Итог они подводили у себя. Все думали и гадали, как развести сотника на откровенный разговор. Конечно, о том, что купец на самом деле был пособником отравителя княгини, Азамат не знал, но все равно сознаваться в организации встречи княгини с каким-то торгашом было для него чревато. За такое и Кавгадый спасибо не скажет, и хан Узбек по головке не погладит. Значит, станет отпираться, благо, свидетелей больше не осталось. Припереть к стенке показаниями остальных воинов, сопровождавших княгиню на торжище? Так они могут подтвердить лишь получение ею косметики от купца, а уж за деньги ли, в подарок ли – аллах его знает. И от кого – тоже неизвестно. Что при этом говорил Агафье купец? Товар свой, наверное, хвалил, что же еще.

Устав блуждать из угла в угол, Сангре устало плюхнулся на лавку и заявил, что видит единственное средство. Это… купеческая шапка. Заикнуться о ней, дескать, вот бы достать такую редкость, никаких денег бы не пожалел. А чтоб можно было поговорить с сотником не спеша, исподволь раскручивая мужика, надо толковать с ним не во флигеле, но где-нибудь подальше от Твери. Предположим, в Липневке. Опять же путь туда неблизкий, тем более по весне, значит пара привалов, что тоже недурственно.

Кстати, тогда имеется шанс убить двух зайцев. В случае, если Азамата удастся раскрутить, можно на обратном пути изобразить налет разбойников и выкрасть его, дабы впоследствии организовать официальный допрос в присутствии парочки мусульманских купцов и муллы.

Но начали они с того, что вышли на… Михаила Ярославича. По счастью, князь расспросами их не терзал, удовольствовавшись туманными заверениями, что кое-что вырисовывается и процесс

пошел. Конечно, всякое возможно, но если дело и дальше станет развиваться с такой скоростью, через месяц, от силы через два они его благополучно завершат. А пока нужно вот что…

Уже через час Михаил Ярославич вместе с Уланом отправился к размещенным за городом воинам Кавгыдая. Было их не так много, от силы пара тысяч. Проехав по стану и натужно улыбаясь наглым пожеланиям привезти им сюда «русский баба карош», тверской князь заметил темнику:

– Зажрались они у тебя. Ишь, баб им подавай. Это от безделья. Давай-ка проветрим кое-кого. Пущай вот этот, – кивнул он на сидевшего у костра молодого приятной наружности татарина, – подберет десяток из своей сотни и проводит моих молодцов до одной деревеньки, а то у них своих ратников маловато, а на дорогах тати шалят.

Кавгадый охотно закивал, льстиво заверив:

– Для тебя, коняз, хоть что отдам. Душу бери, не жалко. Так принимаешь, брат так не принимал. И зачем мало просишь? Какой-такой десяток – вся его сотня бери.

– Их же кормить надо, а в деревне с этим по весне худо, – возразил Михаил Ярославич. – Хватит десятка.

На следующий день побратимы, сопровождаемые Локисом с Вилкасом, сынами Сударга, еще пятью своими воинами и десятком из сотни Азамата, возглавляемым им самим, направились в Липневку. Ехали не торопясь, ссылаясь на то, что могут растрясти кой-какой хрупкий товар на телегах. Да и почва после недавнего речного разлива была еще мягкая – при всем желании не шибко разгонишься.

Каким начальником был сотник, прояснить удалось быстро, уже на первом вечернем привале, когда Улан уселся ужинать с рядовыми воинами, а Сангре пригласил к своему отдельному костру Азамата. Тот окинул высокомерным взглядом свою рваную шелупонь, надменно кивнул им и важно потопал к Петру.

Русский язык он действительно знал неплохо, хотя и безбожно ломал каждое второе слово. Однако со временем Сангре приноровился и неплохо понимал, что тот рассказывает. А поведать Азамату было что. Правда, не о себе, но о своем славном роде. Мол, еще его прадед ходил с самим Бату-ханом на Русь, жег Рязань, а позже Коломну с Москвой. Доводилось ему позже рубать и ляхов, и угров, и немцев. Дед и отец тоже не раз бывали на Руси с ратями, присланными на помощь то одному, то другому князю. У самого Азамата мечта – вернуться обратно в степи с тремя русскими невольницами: уж больно завлекательно рассказывал о них дед.

– Я тоже хочу сладкий белый баба, – мечтательно

приговаривал он. – Дед говорил, они…

От сальных подробностей Петра изрядно коробило, но деваться было некуда, и он продолжал методично кивать, подливать медовуху и задавать наводящие вопросы.

Разговор о шапке Сангре затеял не сразу, на второй вечер. Когда он сказал, что не пожалеет никаких денег, чтобы раздобыть такую – уж очень хочется похвастаться любимой девушке, что сам добыл диковинного зверя, – глаза Азамата алчно блеснули и он уточнил цифру. Петр, не мелочась, ляпнул про тридцать гривен.

– А ты что, можешь достать? – небрежно поинтересовался он.

Сотник неопределенно пожал плечами и глубокомысленно заметил:

– Такой шапк дороже цена.

Цепкие его глаза впились в Сангре, но тот, прикинув, что даже шапка Мономаха, а на деле обыкновенная татарская тюбетейка, подаренная, кстати, именно Узбеком в награду за преданную службу Ивану Калите, скорее всего в своем первоначальном виде стоила куда дешевле, мотнул головой. И потом, ему надо, чтоб этот гад дал ему наколку, где искать купца, а не дожидался, пока тайный гонец Юрия Даниловича вернется в Тверь, дабы перекупить у него шапчонку и перепродать Петру. Следовательно, разница между ценой за подсказку и стоимостью самой шапки должна быть не очень большой. Это Петр и озвучил в своем следующем предложении. Мол, помог бы кто в поисках, посоветовал, куда обратиться, а уж он не поскупился, десятью гривнами отблагодарил, не меньше.

Сотник призадумался, но ничего не ответил. Видно решал, как лучше поступить: предпочесть синицу в руках или подождать возвращения купца. Сангре, понимая это, торопить не стал, но дабы придать мыслям Азамата нужное направление, небрежным тоном завел разговор об особенностях купеческого дела. Мол, купцы даже свои торговые маршруты всегда меняют. Скажем, едет из Москвы в Сарай через Рязань, а а обратно возвращается уже через Нижний Новгород, ибо ни к чему ему проезжать через город, где он уже купил все необходимое.

И сработало. Отказался Азамат от журавлика, решив хапнуть синичку. Дескать, знаком он с одним купчишкой, щеголявшим в Твери как раз в такой шапке. Правда, его давно в городе нет, уехал, но если Петр раскошелится, он может подсказать, где его ныне искать.

Согласился Сангре не сразу, но благодаря долгой торговле доверие Азамата к нему только возросло. Едва они ударили по рукам и Петр выдал ему два серебряных брусочка авансом, десятник все добросовестно рассказал. Разумеется, о секретном

поручении обладателя диковинной шапки, да и о его тайном свидании с московской княгиней он не упомянул, но Петру этого и не требовалось.

Пока не требовалось.

Получалось следующее. Купец, назвавшийся Черногузом, прикатил из Новгорода. Из Твери он собирался обратно, но ненадолго – были у него какие-то договоренности в Пскове с тамошними купцами. А уж какие договоренности и с какими купцами – он, Азамат, сказать не может, забыл, хотя тот вроде бы что-то упоминал.

– Ничего страшного, – отмахнулся Улан, когда Петр выказал сожаление, что сотник практически не запомнил ни одной подробности за исключением маршрута. – Касаемо товаров и прочих торговых дел могут литовские купцы помочь. Я перед нашим отъездом успел на торжище побывать, потолковать с ними, авось что-нибудь и припомнят. А сотника пора брать за жабры. В такой обстановке он больше ничего не расскажет – нужен соответствующий антураж и, как ты любишь говорить, третья стадия устрашения. Плохо, что Кавгыдай может упереться и откажется его выдавать.

– А мы его… выкрадем! – выпалил Сангре. – Организуем ночное нападение разбойников и выкрадем. И касаемо третьей стадии тоже можешь не волноваться, все продумано. Операцию назовем: «Красота – страшная сила».

– Ты о чем? – нахмурился Улан.

– Да он, зараза, чуть ли не в каждой луже своим отражением любуется. Вот мы и устроим для его очей кое-какое очарование. Лишь бы Изабелла с Заряницей не подвели. Значит так, ты в Липневке жди моего приезда, а я обратно в Тверь на консультацию с нашими девчатами, а заодно бандитское нападение подготовлю.

…Азамата разбудили крики и вопли, раздававшиеся повсюду. Вскочить на ноги не успел – что-то тяжелое обрушилось ему на затылок и он рухнул как подкошенный. Очнулся сотник в какой-то избушке. Лицо его стягивали две тугие повязки. Одна закрывала нос, а вторая поддерживала подбородок. Мало того, тело наполовину было каким-то непослушным, а кроме того казалось ужасно громоздким и чужим, особенно левая нога. Он попытался поднять ее и с ужасом ощутил, что не может. Скосил глаза вниз и обомлел – вместо ноги у него торчал из туловища какой-то твердый белый обрубок. Он в ужасе потянулся к нему и обнаружил, что в обрубок превратилась и правая рука. Глядя на нее, Азамат дико вскрикнул. На крик прибежали люди и тут все прояснилось.

Оказывается, все это – последствия разбойного нападения. Лихие ночные тати налетели на спящий лагерь, часовые, по обыкновению, тоже безмятежно дрыхли. Словом, итог печальный: четверо погибших татар, вдвое больше раненых считая воинов Петра, а что до самого сотника, то…

– Рука-то сломанная заживет, – заверил сидящий у изголовья Петр, – нога тоже, но рожу твою восстановить… – он сокрушенно вздохнул и развел руками.

Позже, спустя сутки, когда сняли повязки, Азамат увидел, что стало с его лицом. Оно превратилось в сплошной шрам, где толще, где тоньше, и переливалось разными цветами: от иссиня-багрового до светло-розового.

– Есть у меня знакомый купец, – услышал сотник голос Петра. – Так он мазями чудодейственными торгует. Раз, два, три и все как рукой. Буквально на глазах рассасывается, но стоит она… Тебе столько серебра за всю жизнь не заработать. Нет, если б ты был моим верным и преданным другом – одно. Тогда бы я тебе конечно помог, а так…

Азамат незамедлительно принялся уверять, что он ему такой друг, которого у Сангре не будет до конца жизни, но в ответ услыхал попрек, что между настоящими друзьями тайн не бывает, а вот у сотника таковые имеются. Взять, к примеру, обладателя белой шапки купчину Черногуза. Торговец чудодейственными мазями, оказывается, хорошо знаком с ним, и Черногуз похвалился, что приезжал в Тверь по кое-какой секретной надобности. Мол, доверили ему некое тайное дельце и он, во исполнение его, сумел уговорить одного татарского сотника помочь ему встретиться с московской княгиней Агафьей, пребывающей в плену у тверского князя. И ему, Петру, было очень обидно слушать такое, поскольку сам Азамат ему про то ни полсловечка. И о какой дружбе после этого говорить?!

Сотник принялся оправдываться и незаметно для себя рассказал все подробности об этих встречах. Впрочем, подробностей этих, к превеликому сожалению побратимов, оказалось немного. Да, встречался пару раз. Да, договорились, что он подведет ее на торжище к палатке Черногуза, причем организует все так, что ни одного человека, понимающего русский, поблизости не будет. Ну и получил несколько гривен за это, не без того.

Выслушав его, Сангре скривился и иронично заметил:

– Почем мне знать, может, ты и сейчас мне не все сказал, скрыл половину, – а в ответ на горячие уверения Азамата, что он все выложил как на духу, предложил это доказать. Мол, как он слыхал, у них, мусульман, самое святое – клятва на Коране. Вот

если Азамат согласится повторить все сказанное в присутствии муллы и еще двух мусульман-свидетелей, тогда да, он ему поверит и займется покупкой лекарств для лечения его лица, а коли нет…

– А зачем тебе? – насупился сотник.

– Затем, что не желаю во второй раз в дураках оказываться, – отрезал Сангре. – Ныне тверской князь бывшие вещи покойной княгини собирает, чтоб мужу передать, а собрать не получается – их служанки между собой разобрали и в один голос уверяют, что это ихнее. А он, Азамат, прекрасно видевший, что именно передал от Юрия Даниловича тайный гонец, молчит, не желая помочь и продиктовать весь перечень подарков. Словом, пускай решает: или – или.

Сотник колебался недолго. На служанок ему было, по большому счету, наплевать, главное – он сам, дорогой и любимый, и оставаться уродом ему никак не хотелось. Более того, рассказывая в присутствии свидетелей и муллы о своих встречах с тайным гонцом, он превзошел все ожидания Петра, вспомнив еще одну немаловажную примету во внешности купца. Оказывается, есть у Черногуза крохотный шрамик, идущий вниз от левой брови. Шрамик невелик, с полвершка, не больше, и припомнился сотнику исключительно по той причине, что торговец имел привычку во время беседы иногда его почесывать, особенно когда затруднялся с ответом.

Показания были оформлены как положено, в присутствии трех свидетелей, включая муллу, но и Сангре не подвел – тем же вечером началось лечение лица сотника. Густая и холодная белая мазь приятно остужала кожу, практически сразу переставшую зудеть. А на следующий день при снятии повязок Азамат и сам заметил серьезные улучшения: половина шрамов практически рассосались, а прочие заметно уменьшились – еще разок нанести мазь, и ничего не останется.

– Вот уж никогда бы раньше не подумал, что холодная манная каша рассасывает рубцы, – заметил Петр, оставшись наедине с другом.

– Но при обязательном условии, что они фальшивые и состряпаны при помощи краски и клея, – уточнил тот. – Кстати, князю, как мне кажется, докладывать результаты пока не надо. Вот сгоняем во Псков, найдем этого Черногуза, привезем его в Тверь, учиним очную ставку, а уж тогда… Ты как, не возражаешь против такого плана?

– Ни боже мой! – жизнерадостно откликнулся Сангре. – Кстати, помнишь, я тебе несколько месяцев назад говорил, что Уголовный кодекс близко с «Русской правдой» не лежал, да и

других преимуществ в этом времени по сравнению с двадцать первым веком навалом, включая отсутствие УПК, адвокатов, ну и разной дряни, вроде толерантности и любви к бородатым женщинам? Таки ныне я лишний раз убедился, что был прав, когда говорил это. Это ж подумать дико: мы почти раскрыли второе по счету убийство, а если не считать рабочих записей, накатали всего один-единственный протокол допроса. Нет, минусы, конечно, имеются, но если брать в целом, то… Конечно, работы впереди немерено, в том числе и срочной, зато и жить здесь куда интереснее.

– А что за срочная работа? – недоуменно нахмурился Улан. – Ты имеешь ввиду нашу поездку во Псков?

– Нет, я про работу над остальными обвинениями тверского князя, – пояснил Петр. – Надо ж с гарантией его обезопасить, а гарантии предстоит продумать как следует. И самое лучшее, как мне видится, смешать с дерьмом всех обвинителей, начиная с московского князя, чтоб даже тупому Узбеку стало понятно: таким козлам верить – себя не уважать.

– Идея отменная, – одобрил Улан. – Но прежде надо бы нам с тобой еще до отъезда во Псков продумать кое-что по убийству Агафьи.

– То есть?

– Не нравятся мне столь яркие приметы Черногуза. По ним не одни мы – любой дурак его вычислит. А он на некоторые еще и сам внимание обращает.

– Мужика работали в темную, – предположил Сангре. – Тогда все сходится.

– Ни черта не сходится! – отрезал Улан. – А о чем думали те, кто подбирал его кандидатуру? Они-то прекрасно знали, что люди Михаила Ярославича землю рыть будут после смерти Агафьи, и все равно словно специально человека подставляют, чтоб его в случае чего легко было и опознать, и найти. Полное впечатление, что нам его специально подсовывают. Вместе с Юрием, разумеется.

– Но тогда, по логике, сам Юрий ни при чем.

– Точно, – согласился Улан. – А если исключить его из подозреваемых, кто останется?

– Не понял, – протянул Сангре. – Ты на кого сейчас намекнул, а? На Ярославича?

– А есть еще кто-то на примете? – невозмутимо откликнулся Улан и успокоительно махнул другу. – Да расслабься ты. Конечно, рассматривая все версии и логически рассуждая, смерть Агафьи ему выгодна. Москвич вмиг превращается из шурина великого хана в обычного князька, притом не сумевшего уберечь

свою супругу. Но ты прав – не соответствует поведение тверского князя психологическому портрету убийцы, в смысле заказчика. И намекнул я на другое – надо искать неведомого третьего – хитроумного, осторожного, расчетливого и потому жутко опасного…

– А… Черногуз?

– Съездим во Псков, съездим, – кивнул Улан. – А вот успеем или нет застать его в живых – не знаю.

Эпилог. Неведомый третий…

Он шагал, не глядя, куда ступает, позабыв про свою обычную аккуратность, и зачастую его ноги в синих сафьяновых сапогах уходили чуть ли не по щиколотку в жирную грязь. Однако человеку, одетому в простое добротное платье, было не до того. Уж больно страшное поручение он собирался возложить на плечи того, к кому он сейчас шел. Настолько тяжкое, что немалая часть неизбежно возляжет на него самого. Не сейчас, нет, но когда придется держать ответ перед творцом. А от его справедливого суда, когда придет время, не скрыться, как ни тщись. Более того, даже покаяться в этом перед священником, чтобы хоть как-то облегчить свой тяжкий грех, нечего и думать. Конечно, тайна исповеди и всякое такое, но тогда хранителем тайны окажется обыкновенный священник и доверять ему свое омерзительное и кроваво-сокровенное нельзя ни в коем случае.

Однако, хотя на душе было тяжко, шел он на тайное свидание без колебаний. Сейчас ему отступать было уже некуда. Вот тремя месяцами ранее, когда он только-только придумал свой хитроумный план, можно было отказаться. Ныне же давным-давно закрученное колесо требовалось остановить, завершив хитроумный замысел. И кто ж тому виной, что цена остановки – еще одна человеческая жизнь.

Но об этом он себе думать не позволял. И вслух о том упоминать не собирался, ухитрившись и в разговоре с хозяином небольшой избушки подыскать более пристойные нейтральные слова. Даже когда прожженный тать с весьма подходящим к его роду деятельности именем Домовина[48], насмешливо улыбаясь, открыто спросил, что именно надлежит учинить с купцом Черногузом, его собеседник нашелся как обойти и заменить короткое слово «убить». Выразительно задрав вверх голову и устремив взгляд светло-голубых водянистых зрачков к потолку, поскольку икон в избушке не имелось, он тихонько пропел: «Со святыми упокой». Правда, даже эту единственную строку он одолел с неимоверным трудом – голос неимоверно дрожал, вибрировал, грозя вот-вот сорваться, а ведь в церкви он за последний год, подпевая певчим, ни разу не сфальшивил.

– Понятно, – кивнул Домовина. – Сделаю, не впервой, – он оценивающе посмотрев на суму, многозначительно поставленную пришедшим гостем в самом начале разговора на середину стола, взвесил ее в руке и иронично осведомился: – Не маловато гривенок отсыпал? Ведь на смертный грех за ради тебя иду. Мог бы и…

– Здесь не гривны, – перебил гость. – Злато, – и, подметив удовлетворенный кивок хозяина избушки, он веско добавил: – И не всё – половина. Остатнее, когда вернешься. А про грехи помолчал бы, – не удержался он, чтоб не попенять. – У тебя ентих смертных столько, что за всю остатнюю жизнь не отмолить, как ни трудись.

Домовина недовольно посопел, хотел огрызнуться, но сдержал себя, молча склонив голову, тем самым давая понять, что спорить не собирается и вообще весь в его воле. Однако не удержался и еще раз приподнял суму, взвешивая ее в руке. Да, плата на сей раз была щедрой, а учитывая, что тут всего половина – тем паче.

«Я замолю, – твердил обладатель нарядных сафьяновых сапог, уже возвращаясь обратно в свой терем. – Обет даю, что каменный храм в граде воздвигну, если все удачно пройдет. А наперед к этому душегубцу ни ногой. Этот раз последний. Ей-ей, последний!».

В эту минуту он и впрямь искренне так считал. Впрочем, когда он впервые делал заказ Домовине, он зарекался точно также.

Перед самим собой оправдание неблаговидным делам найти легко. Вот и человек в добротном неброском одеянии тоже его давным-давно отыскал. Всему виной… судьба. Ведь не просто так господь при рождении наделил его многими качествами, включая светлую голову, рассудительность, умение просчитывать на несколько ходов вперед и так далее. Значит, всевышний готовил его именно для нелегкой княжьей доли. Судьба же, не иначе как по наущению дьявола, не сделала его первенцем в семье. Поначалу родился глупец Юрий, а он оказался… Да что считать – главное, не первым. А ежели так разбираться, именно ему более всех прочих ли́чит княжеский венец. Следовательно, сейчас он всего-навсего пытается исправить сатанинские происки, действуя тем самым в угоду творцу-вседержителю.

Правда, на следующий день, стоя на службе в церкви и старательно крестясь в надежде вымолить у господа прощение за очередной тяжкий грех, заказчик убийства с горечью осознал, что навряд ли тот примет такое оправдание. Однако постарался над этим не задумываться – без того на душе тошнехонько. Ведь даже

если пройдет все удачно, в живых останется человек, который знает очень много. Чересчур много. А это не дело.

И горько попрекнул себя за лукавство. Ведь знал об этом, еще вчера знал, потому и сказал про половину, чтоб тот непременно вернулся за второй. Получалось и этому вчерашнему разу как ни крути, не стать последним, ибо придется…

Но тут же отогнал от себя эту мысль, прозвучавшую в его голове настолько ясно, отчетливо и громко, что он даже оглянулся по сторонам – не услыхал ли кто помимо него. И непроизвольно с облегчением вздохнул, убедившись в очевидном – мысли слышать не в человеческих силах.

И вновь последовал печальный вздох. Как и вчера, его чуть ли не сильнее всего удручало, что покаяться в своем тяжком грехе ему невозможно. Но и тут удалось сыскать утешительный довод. В конце концов, главное – это искреннее раскаяние. Чтоб от всей души. А с ним-то у него полный порядок, хоть отбавляй – аж сердце щемит. Так щемит, что впору отменять заказ.

Одна беда – поздно. Уж больно шустёр этот Домовина – наверняка успел укатить из града рано поутру, а значит, наивная душа купца Черногуза вскорости вылетит из грешного тела, устремившись к горним высям.

«А я за нее помолюсь, – подумал он и поправил себя. – Нет, даже не так: службы заупокойные по нему закажу. Сорок, не меньше, чтоб душа сего мученика точно в раю оказалась»…

От автора

И вновь огромное спасибо Геннадию Бею. Без него речь Петра Сангре звучала бы далеко не столь образно и красноречиво, и не изобиловала бы одесскими перлами. Чтоб б ты так жил, старина, как я тебе благодарен!

Мои повторные и столь же горячие слова признательности Леониду Каганову за его шуточную переделку известных детских стихотворений на японский лад.

Также я искренне благодарен Владимиру Елманову, любезно разрешившему моему герою цитировать отрывки из его поэтических произведений.